

СОЦИОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

1

2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Заказ №484.

Подписано в печать 28.02.2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко
Заведующая редакцией:
А.А. Ведерникова

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

Ю.П. Аверин, А.И. Антонов,
С.А. Барков, В.П. Васильев,
Ю.Г. Волков, В.И. Гараджа,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
А.Г. Дугин, Г.В. Дыльников,
Л.Я. Дятченко, С.Г. Ивченков,
Н.Р. Исправникова, П.Ф. Кравчук,
В.А. Кудрявцев, В.Н. Кузнецов,
А.И. Куропятник, А.К. Мамедов,
А.Л. Маршак, И.К. Масалков,
Ф.И. Минюшев, А.П. Михайлов,
Л.Н. Панкова, В.Н. Петров,
Н.Я. Полякова, М.В. Романенко,
В.В. Серебрянников, Г.Г. Силласте,
Н.Г. Скворцов, Н.Л. Смакотина,
И.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин,
М.С. Халиков,
В.А. Шаповалов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Горбунова И.Ю., Кравченко Т.П., Щербина А.А.</i> Нанозтика и современный социум	4
<i>Кравченко А.И.</i> От Homo Neanderthalensis к Homo Existentialis	11
<i>Ермакова Э.В.</i> КОВИД-19: бельгийский штамм	22
<i>Муха В.Н., Литовка В.А.</i> Общероссийская идентичность: дискурс элит и массовые представления	32
<i>Орлова В.В., Перин А.С., Александрова Ю.К., Петров Е.Ю., Гойко В.Л.</i> Особенности исследования процесса формирования сообществ социальных сетей в сети ВКонтакте	38
<i>Филясова Ю.А.</i> Перфекционизм как тип социального поведения личности	46
<i>Шелопаева А.М.</i> Сравнительный анализ вещания традиционных средств радиовещания и современных онлайн-платформ	56

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Сушко В.А.</i> Ощущаемое качество жизни и ценностная структура российского населения	61
<i>Ардашев Р.Г.</i> Особенности восприятия имиджа муниципальных служащих	75
<i>Иванов Р.В.</i> Региональная молодежная политика: экспертный анализ	93
<i>Журавлева И.А.</i> Особенности развития дополнительного образования детей и взрослых в России	103
<i>Мехришвили Л.Л., Ткачева Н.А.</i> Социальное благополучие семей в пространственном измерении региона	115
<i>Пружинин А.Н.</i> Влияние корпоративного университета на развитие человеческого капитала компаний	128

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Балахнина А.Г.</i> Государственные формы социологического обеспечения развития сельского хозяйства	141
---	-----

<i>Березовская И.П., Кедич С.И.</i> Факторы самоуправления в поведении современной молодежи	148
<i>Мальшев М.А.</i> Становление систем управления социальной сферой в современной России	155
<i>Равочкин Н.Н.</i> Трансформации повседневности в реалиях COVID-19	162

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Рязанцев А.А., Орлова И.А., Орлова В.А.</i> Увеличение населения страны – залог будущего	171
<i>Тимофеева И.Ю., Лаврова Е.В., Комиссарова Е.А., Федоскин Н.Н., Ягнешко М.В.</i> Коррупция как следствие приватизации государственной власти	181

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Грунт Е.В., Беляева Е.А., Лебединка Е.Г.</i> Деконструкция образовательных практик преподавателей и студентов российских вузов в условиях вынужденного перехода на дистанционное образование	191
<i>Матюшко А.В.</i> К некоторым аспектам иерархических систем	202

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Козлова Е.А.</i> Эротика как доступ к непрерывности бытия в философии Жоржа Батая и Маркиза де Сада	207
--	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Вихман В.В.</i> Технология формирования источниковой базы исследования образования как социального феномена	213
<i>Суховская Д.Н., Ермакова Л.И.</i> Концепции «пространства» и «места» в урбанистической философии	220

Нанозтика и современный социум

Горбунова Ирина Юрьевна,

доктор химических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии переработки пластмасс РХТУ им. Д.И. Менделеева
E-mail: gjy161@yandex.ru

Кравченко Татьяна Петровна,

кандидат технических наук, главный специалист кафедры технологии переработки пластмасс РХТУ им. Д.И. Менделеева
E-mail: kravchenkopolimer@gmail.com

Щербина Анна Анатольевна,

доктор химических наук, доцент, проректор по научной работе РХТУ им. Д.И. Менделеева
E-mail: asherbina@muctr.ru

Обзор представляет собой попытку эмпирически связать исследования в области инновационных технологий с этическими нормами их развития. Учитывая неопределенность и риски, связанные с нанонаукой и нанотехнологиями, вопросы, обсуждаемые в статье, могут стать важным направлением для более глубокого воззрения на дискуссии, происходящие среди учёных, об этике нанотехнологий. Высокий потенциал для совершенствования новых взглядов на этические проблемы позволяет с оптимизмом смотреть в будущее развитие новых технологий, включая нанотехнологию. Разработка новых концепций в нанотехнических проблемах является актуальной задачей для развития современного социума.

Ключевые слова: нанозтика, нанотехнология, риски, социальная ответственность, знания, инновации, наука, дискуссия.

Учёные считают, что социальная ответственность особенно актуальна для новых технологий. Поскольку нанотехнологии пронизывают нашу повседневную жизнь, становится все более важным понимать этические соображения этих нововведений и в какой степени учёные участвуют в них. Руководствуясь теорией обоснованных действий и расширенной версией этих взглядов, которые включает в себя предварительные знания, чувство ответственности и участие в этике, необходимо сделать информацию об этике более доступной для учёных, чтобы искать и делиться информацией об этике, что может помочь сократить разрыв между этикой и практикой, существующий сегодня.

Анализ публикаций в области нанотехнологий (по изучению восприятия в отношении социальной и этической ответственности ученых за свои исследования) показывает, что ведущие учёные в этой области выражают социальную ответственность за свои исследования. Тем не менее, у них есть чувство этического обязательства защищать работников лабораторий (как в университетах, так и в промышленных предприятиях) от негативного воздействия при разработке новых наноматериалов. Необходимо иметь в виду, что существуют значительные различия в понимании учеными социальной и этической ответственности в зависимости от демографических характеристик, сферы деятельности, восприятия существующих рисков и отношения к медиаконтенту.

Параллельно с общественным обсуждением преимуществ и рисков нанотехнологий началась дискуссия по этике нанотехнологий. В этой дискуссии на первый план выходят позитивные, а также негативные – фантастические и спекулятивные инновации, которые связаны с развитием нанотехнологий. В этой области предпринимается попытка обнаружить новые эти-

ческие аспекты нанотехнологий более систематическим образом, чем имеет место в действительности. Оказываясь, вряд ли есть совершенно новые этические аспекты, вызванные нанотехнологиями. Скорее всего, это не что иное, как случай постепенных сдвигов акцента и актуальности в вопросах, которые в принципе уже известны и которые дают основание для этических дискуссий по нанотехнологиям. В определённой степени структурно новые этические аспекты возникают благодаря важной роли, которую играют публичные дискуссии. Формулирование независимой наноэтики, однако, кажется преувеличенным.

Наноэтика является спорным полем по нескольким причинам. Некоторые авторы считают, что её не следует признавать необходимой областью исследования, поскольку сама нанотехнология не является настоящей категорией, а скорее объединением других научных областей, таких как химия, физика, механика и др. Критики также утверждают, что наноэтика не поднимает никаких новых проблем, а скорее пересматривает уже знакомые, например, конфиденциальность.

Погоня за очередной инновационной технологией всегда сопровождается неким азартом. Но инновации всегда включают опасность неизвестных рисков. Как и в предыдущих эпохах человеческих открытий, азарт направляется туда, где никогда не ступала нога человека, туда, где не было похожих прецедентов. Но так ли? Этические вопросы, связанные с нанотехнологиями, только начинают решаться [1].

Наноструктуры подчиняются квантовым законам и обнаруживают свойства, радикально отличающиеся от характеристик, описанных в общих учебниках по физике, химии, механике, биологии. Отсюда произошли нанонаука (нанофизика, нанохимия, нанобиология), наноиндустрия (наномашиностроение, наноэнергетика, наноматериаловедение, наноэлектроника, наноэлектромеханика и т.д.), наноэтика (экология и устойчивость глобализированного

мира, междисциплинарное системное образование, его гуманизация) [2].

Нанотехнология, возникающая как способность людей наблюдать и организовывать материю на атомном уровне, привлекла внимание научных и инженерных сообществ и широкой общественности. Некоторые сторонники ссылаются на нанотехнологию как на «следующую технологическую революцию». Приложения, спроектированные для этой новой революции в области новых технологий, охватывают широкий диапазон: от проектирования и изготовления новых мембран, до улучшенных топливных элементов, до сложных методов медицинского протезирования, до крошечных интеллектуальных машин, воздействие которых на человека вряд ли познаваемо. Как и при освоении технологических инноваций в целом, нанотехнология, вероятно, в конечном итоге приведёт к драматическим и непредсказуемым новым возможностям для существования человечества наряду с вытекающими из этого этическими проблемами и социальными изменениями, которые должны быть согласованы между собой. Социокультурные перспективы развития нанотехнологии открываются в становлении нового образа жизни, так называемом феномене бессмертия и радикальном изменении смысла человеческой жизни [1, 3–5].

Быстрое расширение науки может привести к её насущным социальным проблемам, одной из которых является озабоченность этическим воздействием науки и технологий на общество. Одним из таких примеров является нанотехнология. Это относительно молодая наука, ей немного более 35 лет. Любое новое научное или технологическое развитие имеет обычные сопутствующие этические проблемы, особенно в отношении сдерживания и регулирования этого развития.

До рубежа XIX–XX веков наука изучала лишь объекты, который человек может увидеть (невооружённым глазом или с помощью оптических приборов), т.е. такие объекты, размер кото-

рых больше, чем длина световой волны (400–700 нм). Затем в сферу внимания науки попали и объекты микромира: сначала атомы, потом элементарные частицы, размер которых менее одного нм. Диапазон от 1 до приблизительно 500 нм долго оставался обойден вниманием исследователей.

В настоящее время на мировом рынке [6] более 720 продуктов, содержат наноматериалы. К ним относятся прозрачные солнцезащитные средства и косметика, запах-отталкивающая одежда, краски длительной эксплуатации, электронное и спортивное оборудование, топливные катализаторы, строительное оборудование, небольшое количество лекарств и даже некоторые продукты питания. Предполагается, что в ближайшие годы и десятилетия «нанотехнология следующего поколения» приведёт к созданию более сложных наноустройств, наносистем, наномашин и нанобиотехнологий [7], которые будут трансформировать производство, сельское хозяйство, здравоохранение, военную промышленность, связь и получение энергии.

Разделение мирового рынка «нано» среди разных стран: 40–46% приходится на США, 15–20% – на Евросоюз, на Японию приходится 25–30%, на Россию – до 5%, еще 5–10% – на другие страны Азии.

Пропорция применения нанотехнологий в мире следующая: биотехнологии – 9%, устройства хранения данных – 15%, полупроводники – 18%, новые материалы – 30%, оптика – 2%, электрохимия – 3%, полимеры – 8%, другие применения – 15%.

Известный учёный Джей Сторрс Холл (США), автор научно-популярной книги «Нанобудущее»: *What's Next For Nanotechnology* [8], утверждает, что нанотехнологии кардинальным образом изменят все сферы жизни человека. На их основе могут быть созданы товары и продукты, применение которых позволит революционизировать целые отрасли экономики. К их числу относятся наносенсоры для идентификации токсичных отходов химической и биотех-

нологической промышленности, наркотиков, боевых отравляющих веществ, взрывчатки и патогенных микроорганизмов, а также наночастицы и прочие очистные устройства, предназначенные для удаления или нейтрализации вредных веществ. Другой пример перспективных наносистем близкого будущего – электрические магистральные кабели на углеродных нанотрубках. Они будут проводить ток высокого напряжения лучше медных проводов и при этом весить в 5–6 раз меньше. Наноматериалы позволят многократно снизить стоимость автомобильных каталитических конверторов, очищающих выхлопы от вредных примесей, поскольку с их помощью можно в 15–20 раз снизить расход платины и других ценных металлов, которые применяются в этих приборах. Есть все основания считать, что наноматериалы найдут широкое применение в нефтеперерабатывающей промышленности и в новейших областях биоиндустрии [9].

Манипуляция материалами в наномасштабе означает, что материалы могут быть улучшены множеством способов, в том числе усилены, сделаны более гибкими или объединены с микроскопическими машинами, которые могут быть запрограммированы для реагирования на окружающую среду (например, человеческий организм) очень специфическими способами (например, удаление бляшек в артериях).

Социальные и этические проблемы вокруг нанотехнологий всё больше получают внимание со стороны заинтересованных сторон. Среди проблем, которые возникли, является потенциал для наночастиц, вводимых в организм человека или в окружающую среду, чтобы вызвать токсические или другие неожиданные реакции. Например, в 2015 г. Омлор, Нгуен, Балс и Дин (Германия) [10] опубликовали следующую характеристику наночастиц в области респираторной медицины: как и две стороны одной и той же монеты, нанотехнология может быть и благом, и проклятием для респираторной медицины. Наноматериалы открывают новые пути диагностики и лече-

ния заболеваний легких. Тем не менее, риски нанотехнологий также должны быть приняты во внимание, так как инженерные наноматериалы напоминают природную мелкую пыль и волокна, которые во многих случаях, как известно, вредны для дыхательной системы.

Недавние исследования показали, что наночастицы в дыхательных путях могут влиять на иммунную систему, могут создавать окислительный стресс и даже вызывать генотоксичность. Потенциал нанотехнологии как средства разработки, например, новых форм производства солнечной энергии или дешевых способов фильтрации питьевой воды для предотвращения передающихся через воду болезней, которые убивают стольких людей в развивающихся странах, может расти в коммерческом плане гораздо медленнее, чем в интеллектуальном.

Тем не менее, существует постоянный разрыв между исследователями, изучающими этику нанотехнологий и учёными, которые работают на наномасштаб [11]. Учёные, по большей части, не участвуют в дискуссиях о социальных и этических последствиях нанотехнологий [12], и среди них есть мнение, что этика не имеет отношения к чистой науке.

Независимо от причин, достижения в области нанотехнологий появляются быстрее, чем исследование их эффектов [13]. Таким образом, существует вероятность того, что сохранение разделения между учёными и этиками может препятствовать развитию нанотехнологий. Это препятствие может возникнуть из-за отсутствия поддержки со стороны общества, которое воспринимает науку как продвигающуюся без учета того, будет ли это продвижение благоприятным для общества в долгосрочной перспективе. Однако на данный момент во многих странах существует относительно слабая общественная оппозиция в области развития нанотехнологий, при этом большинство общественности понимает, что преимущества нанотехнологии перевешивают риски ее применения.

В результате возникли опасения по поводу того, следует ли изучать этику через достижения науки или как самостоятельную область. С одной стороны, учёные утверждают, что нанотехнология вводит новые и уникальные моральные проблемы (например, улучшение качества жизни человека и одновременное вторжение в его частную жизнь), наличие которых гарантирует, что этические аспекты нанотехнологий будут рассматриваться как самостоятельная дисциплина.

Напротив, другие учёные утверждают, что этику следует считать неотъемлемой частью современной науки и что этические проблемы, связанные с нанотехнологией, представляют собой те проблемы, которые обычно тормозят всё новые научные области исследований.

Один из ключевых результатов, который следует извлечь из научных исследований, состоит в том, что по сравнению с широкой общественностью учёные, работающие в области новых нанотехнологий, с оптимизмом смотрят на их потенциал, но всё же большинство обеспокоено рисками для общества в целом. Другие исследования показывают, что учёные знают о существовании и о необходимости решения важных этических проблем, связанных с полем нанотехнологий. Макгин (США) [14], например, обнаружил, что более 40% из почти 1000 учёных из университетов, которых он опросил, сообщили, что в области нанотехнологий этика так же важна, как и наука. Более того, почти 10% из опрошенных считают этику даже более важной, чем сама наука о «нано».

В другой недавней работе были сделаны несколько более неоднозначные выводы. Например, Визеу и Маргайр (Нидерланды) [15] обнаружили, что, хотя некоторые исследователи и государственные служащие, работающие с нанотехнологиями, стремились учитывать в своей работе социальные и этические соображения, большинство из них считало, что такие соображения должны быть вне их должностных инструкций.

Эти люди рассматривали этику как ответственность других специалистов, таких как социологи и филологи, которые фокусируют свои исследования в основном на социальных и этических вопросах. Несмотря на то, что вышеупомянутые исследования дали представление об общих перспективах учёных в отношении этических проблем нанотехнологий, до конца ещё не изучено, как и в какой мере исследования в этой области влияют на информацию об этике нанонауки.

Выводы

1. Многие учёные считают этику нанотехнологий излишней своей повседневной работой и, таким образом, до сих пор не интегрировали её в свою общую научную программу и практику. Данная статья представляет собой одну из первых попыток эмпирически исследовать взаимодействие учёных, занятых проблемами нанотехнологий, с наноэтикой. Учитывая неопределённость и риски, связанные с нанонаукой, наш обзор может стать одним из первых шагов к пониманию дискуссий среди учёных об этике нанотехнологий. Данное исследование необходимо для лабораторий и центров нанотехнологий, государственных учреждений и преподавателей учебных заведений, поскольку оно способствует обсуждениям этики нанотехнологий в обществе.

2. Как показывают недавние дебаты в различных странах [16], события в области науки и техники не происходят в социальном и этическом вакууме. Широкомасштабное обсуждение таких вопросов, как ядерная энергия, сельскохозяйственная биотехнология и эмбриональные стволовые клетки и другое, иллюстрирует этот факт достаточно четко.

3. Учитывая сказанное выше, представляется весьма вероятным, что некоторые разработки в области нанотехнологий вызовут серьёзные социальные и этические проблемы, которые, по-видимому, наиболее вероятны для событий, предусмотренных для средних (5–15 лет) и гораздо более продол-

жительных (более 20 лет) временных периодов. Однако такие вопросы редко становятся предметом озабоченности лишь в результате развития фундаментальной науки или техники. Как правило, они связаны с конкретными применениями в области технологий. Термин «нанотехнология» охватывает широкий круг фундаментальных наук, методов и инженерных подходов, и поэтому, вероятно, приведет к созданию весьма разнообразного набора потенциальных приложений нанотехнологий в самых разных временных масштабах. Некоторые в настоящее время предполагаемые приложения нанотехнологий, которые рассматриваются как технически осуществимые, никогда не могут быть реализованы в значительных масштабах, а непредвиденные научные прорывы могут привести к быстрым приложениям нанотехнологий, которые в настоящее время пока ещё не осуществимы.

Воздействие наноматериалов на окружающую среду, вероятно, будет возрастать по мере расширения этой отрасли. Отходы от домашних хозяйств и промышленности, содержащие наноматериалы, будут выбрасываться в окружающую среду, а продукты, содержащие наноматериалы, будут утилизироваться на свалках. Результаты исследований показывают, что широкая общественность не достигла понимания нанотехнологий в достаточной мере и, вероятно, будет в равной степени удовлетворена достоверной научной информацией, а также часто вымышленными отчётами о нанотехнологиях.

4. Большинство социальных и этических вопросов, возникающих в результате применения нанотехнологий, не будут новыми или уникальными для общества. Нанотехнологии, будь они самостоятельными или в сочетании с другими технологиями, скорее всего, будут иметь ряд положительных и (хотя и непреднамеренных) отрицательных результатов.

5. Широкое признание и использование нанотехнологий будет зависеть от ряда социальных факторов, включая: конкретные технические и инве-

стиционные факторы; политические и макроэкономические решения, способствующие разработке основных технологий и результатов, которые считаются необходимыми. Точно также, как база знаний, лежащая в основе науки и техники, может быстро и непредсказуемо измениться, соответственно, трудно с уверенностью предсказать, как нанотехнологии будут развиваться в будущем, во взаимодействии с обществом и с его меняющимися социальными и этическими проблемами.

6. То, какие социальные и этические вопросы становятся предметом озабоченности, будет зависеть от реальных изменений в конкретных нанотехнологиях. По мнению авторов [17], большинство текущих комментариев по социальным, экономическим и этическим воздействиям на сознание социума варьируются от весьма оптимистических до почти апокалиптических. Нанотехнологии, вероятно, будут играть важную роль при сближении с другими новыми быстро развивающимися технологиями. Этические вопросы, связанные с нанотехнологиями, только начинают решаться. Нанозтика является новой областью человеческих знаний, где ставятся вопросы о правильности применения и развития нанотехнологий.

Литература

- Allhoff F., Lin P. Nanotechnology and Society: Current and Emerging Ethical Issues // Springer. 2008. pp. 207–223.
- Cabrera Trujillo, L.Y. What is Nanotechnology and why Does it Matter: from Science to Ethics // Nanoethics. 2014. № 8. pp. 211–213. <https://doi.org/10.1007/s11569-014-0196-8>.
- Алексенко А.Г. Нанотехнология как основа новой научно-технической революции // Наука и технологии в промышленности. 2004. № 3–4. С. 56.
- Сунгатуллина Л.Р. Философско-культурологический анализ сущности нанотехнологии: автореф. на соиск. ученой степ. канд. фило-соф. наук. Казань, 2012. 20 с.
- Сунгатуллина Л.Р. Нанориски в ракурсе философско-культурологического анализа // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2012. № 8(63). С. 148–150.
- Hochella Jr., M.F., Spencer, M.G. and Jones, K.L. Nanotechnology: nature's gift or scientists' brainchild? // Environmental Science Nano. 2015. № 2. pp.114–119.
- Фельдблюм В.Ш. «Нано» на стыке наук: нанообъекты, нанотехнологии, нанобудущее [Электронный ресурс]: Ярославль, 2013. 269 с. URL: <https://narfu.ru/university/library/books/0706.pdf>
- Nanofuture: What's Next For Nanotechnology, by J. Storrs Hall, Ph.D. Amherst. – NY: Prometheus Books, 2005. 333 pp.
- Фролова Н.В., Завалинская И.С. Роль нанокатализаторов и нанотехнологий в решении экологических проблем в нефтеперерабатывающей промышленности // Чрезвычайные ситуации: промышленная и экологическая безопасность. 2010. Вып. 1–2. С. 3–40.
- Omlor, A.J., Nguyen, J., Bals, R. et al. Nanotechnology in respiratory medicine // Respir Res. 2015.16. № 64. <https://doi.org/10.1186/s12931-015-0223-5>
- David W. Johnson, Roger T. Johnson. An Educational Psychology Success Story: Social Interdependence Theory and Cooperative Learning // Educational Researcher. 2009. Volume 38. Issue 5. pp. 365–379.
- Aida Maria Ponce Del Castillo. The European and Member States' Approaches to Regulating Nanomaterials: Two Levels of Governance Pages// NanoEthics. 2013. Volume 7. Issue 3. pp. 189–199.
- H. David Robison, Rudy Santore. Managerial Incentives, Fraud, and Monitoring // Journal of Hospital Medicine. 2011. Volume 46. Issue 2. pp. 281–311.
- Thomas McGinn MD, MPH. Helping hospitalists achieve academic stature // Journal of Hospital Medicine. 2008. Volume 3. Issue 4. pp. 285–287.

15. Viseu, A. & Maguire, H. Integrating and Enacting 'Social and Ethical Issues' in Nanotechnology Practices// *Nanoethics*. 2012. № 6 (3). pp. 195–209.
16. Christopher Nathan. Current Debates About the Ethics of New Technology // *NanoEthics*. 2020. Volume 1. Issue 3. pp. 241–243.
17. Stephan Lingner, John Weckert. Nanoscale-Technologies as Subjects of Responsible Research and Innovation// *NanoEthics*. 2016. Volume 10. Issue 2. pp. 173–176.
5. Sungatullina L.R. Nanorice from the perspective of the philosophical and cultural analysis // *Almanac of Modern Science and Education*. – Tambov: Gramota, 2012. № 8(63). P. 148–150.
6. Hochella Jr., M.F., Spencer, M.G. and Jones, K.L. Nanotechnology: nature's gift or scientists' brainchild? // *Environmental Science Nano*. 2015. № 2. pp.114–119.
7. Feldblum V. Sh. "Nano" at the intersection of science: nano-objects, nano-technology, nano-future [Electronic resource]: Yaroslavl, 2013. 269 p. URL: <https://narfu.ru/university/library/books/0706.pdf>
8. Nanofuture: What's Next For Nanotechnology, by J. Storrs Hall, Ph.D. Amherest. – NY: Prometheus Books, 2005. 333 pp.
9. Frolova N.V., Zavalinskaya I.S. The role of nanocatalysts and nanotechnologies in solving environmental problems in the oil refining industry // *Emergency situations: industrial and environmental safety*. 2010. Vol. 1–2. pp. 3–40.
10. Omlor, A.J., Nguyen, J., Bals, R. et al. Nanotechnology in respiratory medicine // *Respir Res*. 2015. 16. № 64. <https://doi.org/10.1186/s12931-015-0223-5>
11. David W. Johnson, Roger T. Johnson. An Educational Psychology Success Story: Social Interdependence Theory and Cooperative Learning // *Educational Researcher*. 2009. Volume 38. Issue 5. pp. 365–379.
12. Aida Maria Ponce Del Castillo. The European and Member States' Approaches to Regulating Nanomaterials: Two Levels of Governance Pages// *NanoEthics*. 2013. Volume 7. Issue 3. pp. 189–199.
13. H. David Robison, Rudy Santore. Managerial Incentives, Fraud, and Monitoring // *Journal of Hospital Medicine*. 2011. Volume 46. Issue 2. pp. 281–311.
14. Thomas McGinn MD, MPH. Helping hospitalists achieve academic stature // *Journal of Hospital Medicine*. 2008. Volume 3. Issue 4. pp. 285–287.

NANOETHICS AND MODERN SOCIETY

Горбунова И. Ю., Кравченко Т. П., Шчербина А. А.

RKhTU them. D.I. Mendeleeva

The review is an attempt to empirically link research in the field of innovation technologies with the ethical norms of their development. Given the uncertainty and risks associated with nanoscience and nanotechnology, the issues discussed in the article may be an important direction for a deeper look at the discussions taking place among scientists about the ethics of nanotechnology. The high potential for improving new views on ethical issues allows us to be optimistic about the future development of new technologies, including nanotechnology. The development of new concepts in nanoethical problems is a relevant task for the development of modern society.

Keywords: nanoethics, nanotechnology, risks, social responsibility, knowledge, innovations, science, discussion.

References

1. Allhoff F., Lin P. Nanotechnology and Society: Current and Emerging Ethical Issues // Springer. 2008. pp. 207–223.
2. Cabrera Trujillo, L.Y. What is Nanotechnology and why Does it Matter: from Science to Ethics // *Nanoethics*. 2014. № 8. pp. 211–213. <https://doi.org/10.1007/s11569-014-0196-8>.
3. Alexenko A.G. Nanotechnology as the basis of a new scientific and technological revolution // *Science and technology in industry*. 2004. № 3–4. P. 56.
4. Sungatullina L.R. Philosophical and cultural analysis of the essence of nanotechnology: author. dis. ... Cand. phil. Sciences. Kazan, 2012. 20 p.

От Homo Neanderthalensis к Homo Existentialis

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Цель статьи – систематизировать разрозненные употребления термина Homo как научного термина и социокультурной метафоры в отечественной и зарубежной литературе, включая археологические, философские, социологические, исторические, лингвистические и прочие источники. Выяснилось, что обозначение социокультурных типов людей через родовидовую атрибуцию Homo чрезвычайно разнообразно и с трудом поддается систематизации. Между разными случаями отсутствует логико-методологическая связь и преемственность. Скорее это напоминает разрозненные креативные перформансы.

Ключевые слова: Homo sapiens, Homo Neanderthalensis, Homo Zapiens, Homo Sofá, Homo microbis.

В философских и культурологических концепциях неоднократно предпринимались попытки смоделировать целостный облик человека через его атрибутивные свойства. Наиболее распространенным приемом надо считать употребление общеродового для людей термина *Homo*¹ с теми или иными дополнениями, характеризующими пристрастия, характер деятельности, сферу существования, исторический период, принадлежность к социальному слою или социокультурному типу.

«Homo» имеет два основных значения: «человек» (например, *homo sapiens*) и «однородный», «то же самое» (например, гомология, гомогенный, гомогенизация, гомосексуальный в отличие от *гетеро*-). История у них разная. «Homo sapiens» происходит от латинского *homo*, означающего «человек»², а «гомосексуальный» – от греческого ὁμο- в смысле «такой же», «однородный»³.

Доисторическое развитие человечества представлено антропосоциогенезом – исторически длительным процессом становления человека из биологического существа в социальное и культурное. Он представляет собой единство двух параллельно протекающих процессов: *антропогенеза* (формирование человека) и *социогенеза* (развитие общества). Классическая модель антропогенеза, т.е. биологической эволюции человека выглядит как линейная последовательность видов: *Homo Spelaeus* – человек пещерный, *Homo habilis* (человек умелый) – *Homo Erectus* (человек прямоходящий) – *Homo Neanderthalensis* (человек неандерталь-

¹ Homo – род приматов, включая современных людей; род двуногих приматов, который включает современных людей и несколько вымерших форм, отличающихся большим мозгом и зависимостью от инструментов.

² Отсюда тянется цепочка: Homo, Humanus, Humanism.

³ English Language & Usage Stack Exchange: <https://english.stackexchange.com/questions>

ский) *Homo heidelbergensis* (человек гейдельбергский) – *Homo Sapiens* (человек разумный)⁴ – *Homo Sapiens Sapiens* (человек современный) с боковыми ответвлениями: *Homo sapiens grimaldiensis*, *Homo aurignacensis hauseri*, *Homo fossilis proto-aethiopicus*, *Homo wadjakensis*, *Homo sapiens cro-magnonensis*, *Homo sapiens grimaldiensis*, *Homo drennani*, *Homo troglodytes*, *Homo galilensis*, *Homo sapiens rhodesiensis*, *Homo luzonensis*, *Homo tsaichangensis*, *Homo sapiens denisovan* (или *homo altaiensis* – денисовец), *Homo cepranensis*, *Homo sapiens idaltu* и *Homo erectus sensu lato*. *Homo rudolfensis* – вымерший вид рода *Homo*, переходное звено между *Homo habilis* и *Homo erectus*. Помимо доисторических разновидностей *Homo* выделяют региональные: *Homo Aethiopicus*, *Homo Americanus*, *Homo Arabicus*, *Homo Australasicus*, *Homo Cafer*, *Homo Capensis*, *Homo Columbicus*, *Homo Drennani*, *Homo Grimaldii*, *Homo Hottentotus*, *Homo Hyperboreus*, *Homo Indicus*, *Homo Japeticus*, *Homo Melaninus*, *Homo Monstrosus*, *Homo Neptunianus*, *Homo Palestinus*, *Homo Patagonus*, *Homo Priscus*, *Homo Scythicus*, *Homo Sinicus*, *Homo Spelaeus*. *Homo Sapiens* переходит в *Homo Spiritualis*, когда эволюция сменяется инволюцией, т.е. творение тела заменяется творением духа.

Homo Naledi – ископаемый вид людей трибы гоминины⁵. Обобщающим для них термином служит *Homo Antecessor* – нашим предшественником является вымерший род человеческий (или подвид), обитавший с 1,2 млн до 800 тыс. лет назад. Напротив, нашим современником является *Homo Intellectus* – человек ХХ1 века. В отличие от древних людей, живущих до нашей эры, он – продукт не биологической природы, а культуры, социали-

зации, образования и глобальной информационной цивилизации, которые должны изменить смысл и цель жизни в трудной социально-психологической ситуации и огромном потоке гетерогенной информации. Его аналог – *Homo Informaticus* – новый тип «человека информационного», не мыслящего себя без современных компьютерных технологий и гаджетов, человека, активно использующего их во всех сферах повседневной жизни. *Homo Sociologicus* (*Homo soziologikus*) – социологический человек, точнее, идеальная модель человека, поведение которого в значительной степени задается окружающим его обществом в процессе социализации. Человек, мыслящий мир социологически, но не обязательно профессиональный социолог. *Homo Zapiens* – человек с телевизионным пультом в руках – можно перевести еще и как хомо цапинг – человек хватающий, загребуший⁶. Его еще называют La Generación Digital. Это не о жадности, а о всеобщем, тотальном потребительстве того, что человеку сулят корпорации, в том числе СМИ. Но в таком случае хомо цапинг и хомо запиенс – это жители платоновской пещеры, узники потребительского общества. Другая метафора для него – диванодав, диванный эксперт – человек, вечно лежащий на диване и получающий свои знания из телепередач. Своеобразные диванные знания. Заппинг – это новая форма технозависимости, наряду с компьютерной зависимостью. Одно из значений зарп – клац, клац. Так клацают пультом.

Феномен *Homo Zapiens* В. Пелевин описал в своем романе «Поколение П», где он раскрывает идейные ценности, модели поведения и ориентации российской молодежи 1990-х годов. Рубежная эпоха перехода от социализма к капитализму породила специфический тип дезориентированного поколения, когда низы не желали жить по-старо-

⁴ Человек получил название вида *Homo sapiens*, что означает «человек разумный», от Карла Линнея в 1758 г.

⁵ Впервые останки *H. naledi* были найдены в 2013 году в Южно-Африканской Республике, местности «Колыбель человечества» в пещере под названием Восходящая звезда (англ.) русск. командой под руководством палеоантрополога Ли Бергера из Университета Витватерсранда в ЮАР.

⁶ Слово «заппинг» образовано по аналогии с шопингом – другим видом навязчивого времяпрепровождения. Заппинг или зэппинг, (от англ. zapping, channel zapping) – практика переключения каналов телевизора на дистанционном пульте.

му, а верхи не умели руководить по-новому. Эпоха бездумного потребления материальных благ в виде дешевого китайского ширпотреба, раскрепощения дремавшего подсознания, время неумеренной телевизионной рекламы и засилья иностранных фильмов, доверчивого восхищения перед всем западным и подростковой нетерпимости к идеалам советского прошлого и породила первое постсоветское поколение – новых русских. Они пришли на смену другому известному поколенческому феномену – *Homo Sovieticus*. Теперь это *Homo Novus (Homo Noeticus)*.

Иначе человека биологического в литературе оформляют как *Homo Naturalis*, а социального – *Homo Socialis*. Соответственно, духовно-личностную модель именуют *Homo Existentialis*⁷. Помимо того разные авторы и разные социолого-философские школы выделяют такие модели, как *Homo Religiosus*, *Homo Criticus*, *Homo Esteticus*, *Homo Politicus*, *Homo Economicus*, *Homo Magi*, *Homo Humanus*, *Homo Positivus* (О. Конт), *Homo Sociologicus*, *Homo Culturologicus*, *Homo Necans*, *Homo Satanicus*, *Homo Authenticus*, *Homo Essentialis*, *Homo Faber* (человек деятельный), *Homo Insciens* (человек неумелый), *Homo Moralis*, *Homo Normalis*,

Homo Juridicus, *Homo Musicus*, *Homo Paradoksum*, *Homo Bellus*, *Homo Adam*, *Homo Omnibus*, *Homo Prorsus*, *Homo Globalis*, *Homo Digitalis*, *Homo Mobilis*, *Homo Fidelis*, *Homo Gusticus*, *Homo Appiens*, *Homo Zappiens*, *Homo Socioeconomicus*, *Homo Addictus* (человек зависимый), *Homo Parasitus*, *Homo Cromaticus*, *E-Homo*, *Homo Divinus*, *Homo Reversus*, *Homo Dance*, *Homo Retis*, *Homo Erraticus*, *Homo Incognitus*, *Homo Cogitans* (человек познающий), *Homo Credens* (человек верующий), *Homo Altaiensis*, *Homo Liber* (человек свободный), *Homo Amoris*, *Homo Scriptum* (человек написанный), *Homo Agressius*, *Homo Aligus*, *Homo Maximus*, *Homo Economicus Sisyphus*, *Homo Viator*, *Homo Mysterious*, *Homo Cinematicus*, *Homo Ferus* (человек одичавший, феномен «Маугли»), *Homo Confusus* (человек растерянный), *Homo Creator* (человек творящий), *Homo Agens* (человек действующий), *Homo Certandi* (человек конкурирующий), *Homo Vivens* (человек живущий), *Homo Modernis*, *Homo Mercator*, *Homo Stultus*, *Homo Rationales*, *Homo Mathematicus*, *Homo Symbolicus* (человек символический), *Homo Intellectus*, *Homo Islamicus*, *Homo Suspense*, *Homo Postsoveticus*, *Homo Pragmaticus*, *Homo Creans*, *Homo Eroteticus*, *Homo Metaphysics*. *Homo Ensophicus* – человек далекого будущего, воплощающий мистический гносис, эзотерические знания и универсальность вселенной. Это своеобразная метафора из сферы социальной мифологии. *Homo Esoterikos* – существо не отдаленного будущего, а наш современник, свихнувшийся на всякого рода эзотерической литературе, экстрасенсах, НЛО и потусторонних мирах. Потребность в мистическом часто удовлетворяют не традиционные религии, а новые секты и новые религии. New Age – общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера. За этим скрывается широкий спектр в виде эзотерических ярмарок и семинаров, духовных практик, эзоте-

⁷ Google Переводчик переводит homo existentialis почему-то как гомосексуальность.

рических книг, продуктов и услуг, а также собственная философия жизни.

От Пьера Бурдьё в научный лексикон вошел термин *Homo Academicus*. Известный российский социолог Ю.А. Левада проследил особенности и динамику *homo soveticus*, опираясь на данные эмпирических исследований. Этот термин отражает значительный исторический отрезок времени, который мы называем советской эпохой. Кроме того, в литературе встречаются такие термины, как *Homo Numericus*, *Ecce Homo*⁸, *Homo homo sapiens sapiens*, *Homo sapiens sapienti* (человек разумный разумнейший), *Homo Telespectators*, *Homo swinging* (человек свингующий), *homo dancius* (человек танцующий), *Homo Excelsior*, *Homo multifarius*, *Homo Lesbien*, *Homo viator* (человек странствующий), *Homo Reciprocans*, *Homo Peregrinus*, *Homo Dei*, *Homo Absolventus*, *Homo Ergaster*, *Homo Ecuemenicus*, *Homo-electronicus*, *Homo Vulgaris* (человек обыкновенный, заурядный), *Homo Ambulans* (человек идущий), *Zombie Economicus*, *Homo Academicus*, *Homo floresiensis*, *Homo Aestheticus*, *Homo soziologikus*, *Homo aethiopicus*, *Homo americanus*, *Homo arabicus*, *Homo Clausus* (человек замкнутый), *Homo Aequalis*, *Homo Civicus*, *Homo australasicus*, *Homo safer*, *Homo capensis*, *Homo columbicus*, *Homo drennani*, *Homo grimaldii*, *Homo*

⁸ Ecce Homo – изображение Христа в терновом венце; Се человек!

hottentotus, *Homo totus*, *Homo loquens*, *Homo hyperboreus*, *Homo indicus*, *Homo japeticus*, *Homo helmei*, *Homo sapientissimus*, *Homo Futurus*, *Homo commodum*, *Homo melaninus*, *Homo monstrosus*, *Homo Reflectus*, *Homo neptunianus*, *Homo palestinus*, *Homo Curiosum* (человек любознательный), *Homo Loquax* (человек говорящий), *Homo georgicus*, *Homo Sedens*, *Homo Deus*, *Homo patagonus*, *Homo priscus*, *Homo scythicus*, *Homo sinicus*, *Homo spelaeus*, *Homo troglodytes*, *Homo wadjakensis*, *Homo sapiens vulgaris* (гопник обыкновенный), *Homo sapiens cro-magnonensis*, *Homo sapiens grimaldiensis*, *Homo zwischens* (человек колеблющийся), *Homo significans* (человек, создающий значения), *Homo fossilis proto-aethiopicus*, *Homo fossilis protoaethiopicus*, *Homo sapiens cromagnonensis*, *Homo Gay*, *Homo Etaticus*, *Homo insipiens* (человек неразумный), *Homo unus*, *Homo amphibolos* (человек двусмысленный), *Homo nonstopus*, *Homo Hardcoreus*, *Homo Adapticus*, *Homo Transformaticus*, *Homo Superior*, *Homo Zwischens* (человек колеблющийся), *Homo Docilis*, *Homo Laborans*, *Homo Medius*, «*Homo-nuclear*» и т.д. *Homo Magicus* – другое название для эльфов. *Magicus Extremos* – название для коллективного колдовства нескольких магов, призванного усиливать действие заклинаний. Следуя данным мировой мифологии, «первых» людей, живших до космической катастрофы, относят к *Homo Magicus*. Другие значения: *Homo Magicus* – человек, верящий в магическое и/или обладающий донанучным мышлением, его аналог, *Homo Credulus* – легковерный человек.

Homo Eventus (человек событийный) олицетворяет индивидуальную последовательность «собранных воедино событий», которая полностью определяет личность и индивидуальное бытие человека. *Homo Tenetur* – человек обязанный, противоположность человеку событийному, как подвижное противоположно статичному. С самого рождения человек кому-то должен и чем-то обязан – своим рождением, воспитани-

ем, образованием, деньгами, карьерой, работой, жизнью, Богу, судьбе и счастливому случаю. Так он и живет в вечном долгу. **Обязанный человек** – это тот, кого недобровольно заставили что-либо делать, что ему не очень или совсем не нравится, поэтому он стремится избавиться от неприятной ноши. У него нет сильной внутренней мотивации, чтобы он исполнял свои обязанности, например, воинскую службу или тяжелую работу, нужны внешние стимулы – зарплата, выслуга лет, льготы, награды. Совесть здесь ни при чем. Обязанность – часть его социального статуса.

Специалисты отмечают необычайную пластичность биологической организации человека, особое анатомическое строение, отличающее его от животных: прямая походка, размеры черепной коробки, полушарий мозга, строение рук и т.д., способность человека производить орудия труда, добывать огонь. Действительно, только человек обладает традицией и языком, высшими эмоциями, способностью думать, отрицать, считать, планировать, рисовать, фантазировать. Только он может знать о своей смертности, любить в самом широком смысле слова, лгать, обещать, удивляться, молиться, грустить, презирать, быть надменным, зазнаваться, плакать и смеяться, обладать юмором, познавать, опредмечивать свои замыслы и идеи, воспроизводить существующее и создавать новое, не существовавшее ранее. *Homo sportivus eroticus* – сексуальной революции в конце 1960-х годов подняла на щит физическую привлекательность профессиональных спортсменов. И вот совсем недавнее лингвистическое изобретение – *Homo Sofá*, человек диванный, диванодав, любитель пассивного досуга.

Сегодня смоделированное спортивное тело приобрело самостоятельную терминологию. Г.В. Горнова предложила ввести в научный обиход новое атрибутивное определение *Homo Urbanus* (человек городской) – «животное городское», естественной средой обитания

которого является антропогенный ландшафт города, скученность и спешка которого порождает у этого «животного» страх, тошноту, агрессию и торможение [1–4]. Черты человека городского Цицерон и Квинтиллиан в свое время связывали со словом «urbanitas», от которого Цицерон образовал неологизм «humanitas». Отличительной чертой горожанина античные риторы считали воспитанную способность к иронии, само понятие иронии связывалось ими непосредственно с образом столичного города [5]. Удивительно, но и сегодня термин употребляется не только в научном, но и ироничном смысле: *Homo Urbanus* – это примат, обитающий в искусственных высотных пещерогнездах, у которого доля времени, проведенная на почве и под открытым небом ничтожно мала; *Homo Urbanus* как новый вид гоминид; *Homo Urbanus* – горожане, особенно жители мегаполисов, дети 21 века (Д. Шарко).

Homo Sacer (лат. homo sacer – священный человек) – понятие римского права; человек, получивший статус преступника, изгнанника: его может убить любой человек, но его нельзя принести в жертву в религиозном ритуале, дабы не обесценить священнодействие. Это человек, исключенный из всех гражданских прав, в то время как его жизнь считается «святой» в негативном смысле. После долгих лет забвения к этому образу обратился в своем творчестве Джорджо Агамбен – видный итальянский философ, последователь идей Мартина Хайдеггера, Вальтера Беньямина, Жака Деррида, Мишеля Фуко, Ханны Арендт, Карла Шмитта. В его произведениях [6–8] *Homo sacer* – теоретическая модель или метафора человека, низведенного до предельно низкого статуса биополитического существа, лишенного всех прав, в том числе права требовать справедливости по отношению к себе. Нечто вроде представителя касты неприкасаемых в Индии.

Начиная с 2005 г. В.А. Плешаков разрабатывает теорию киберсоциализации человека с позиции социальной педагогики и психологии, в рамках ин-

тегративной концепции педагогики и психологии жизненного пути личности (психовозрастной онтологии). В книге «Киберсоциализация Человека: От Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a» [9] киберсоциализация рассматривается им как особый вид социализации человека. Для того чтобы стать Homo Cyberus, надо, не зависимо от возраста, быть зарегистрированным пользователем хотя бы одной социальной сети, иметь электронную почту и сотовый (мобильный) телефон, свой персональный сайт и вести свой блог, а еще лучше – уметь зарабатывать в интернете. Проект киберсоциализации получил государственную поддержку и активно позиционируется в Интернете⁹.

В книге «Homo Hierarchicus» [10] Луи Дюмон рассматривает основные понятия кастовой системы, историю индийских варново-кастовых институтов, исследует вопросы касты и разделения труда, кастовой регламентации брака, контактов и отношения к пище, проблем управления в касте, отношения неприкасаемости, отречения и многие другие вопросы истории и становления и современного своеобразия кастовой системы. В другой своей работе «Homo Equalis» [11], парной антитезе первой книге, Луи Дюмон продолжает проблему равенства и неравенства в обществе, полагая, что *Homo Hierarchicus* и *Homo Equalis* существуют не только в каждом обществе, но и в каждом человеке, поскольку у слуг есть своя иерархия, которая воспроизводит иерархию хозяев [12]. Французский антрополог рассматривает ценностный контраст между Индией и Западом, в котором первый представляет *Homo Hierarchicus*, а последний – *Homo Equalis*.

А.П. Андруник, В.П. Черданцев и М.В. Тронина [13] проследили историческую эволюцию моделей человека от *Homo Naturalis* до *Homo Ludens*. Антропосоциогенез можно представить как процесс высвобождения

Homo Sapiens, с которого и начинается собственно говоря общественно-производственная деятельность современного человека, из природного царства *Homo Naturalis*. Античное общество дало нам *Homo politicus* Аристотеля. Появление монотеистических религий, духовная опора на великие Книги Бытия – Библию и Коран – послужило культурной и идеологической платформой становления *Homo Moralis*. Эпоха Возрождения подняла его на уровень *Homo Esteticus*. «Обращение к античному наследию и расцвет живописи, архитектуры, скульптуры, литературы, театра, музыки, бурное развитие науки и великие географические открытия, постепенное ослабление религиозного фактора и разделение светской и церковной сфер влияния в обществе – таковы основные черты ренессансной культуры. В XVI в. она достигла пика и превратилась в общеевропейское явление, создав условия для обновления христианства и развития капитализма.

Рождение «человека экономического» (*Homo Economicus*) и эпохи Нового времени (1640–1870) состоялось во многом благодаря Реформации, идейными вдохновителями которой были М. Лютер (1483–1546), Ж. Кальвин (1509–1564), У. Цвингли (1484–1531), Т. Мюнцер (ок. 1490–1525)» [13]. Завершение эпохи индустриального общества в XX веке и переход в конце XX века к постиндустриальному обществу принесло человечеству удовлетворение от материальных благ и неудовлетворение обострением духовных проблем. Появляется *Homo existentialis*, который «испытывает одиночество, страх, неудовлетворенность или становится объектом зависти, лицемерия, насилия и лжи... Сумеет ли человек XXI в. сохранить и приумножить в себе доброе начало, стать подлинным гуманистом (*Homo humanus*), стремящимся к разрешению противоречий ненасильственными средствами и уважающим права окружающих? Какой из двух ипостасей (*Homo amoris* или *Homo agressivus*) – отдаст предпочтение «человек играющий» (*Homo ludens*)?» [13].

⁹ Официальная страничка Киберсоциализация «ВКонтакте», посвященная феномену киберсоциализации человека. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vk.com/cybersocialization>

В экономической теории *Homo Economicus* изображает людей как последовательно рациональных и узко корыстных агентов, которые обычно преследуют свои субъективно определенные цели оптимально. Как правило, *Homo Economicus* пытается максимизировать полезность как потребитель и прибыль как производитель. На смену модели *Homo Economicus*, наиболее обстоятельное обоснование которой дано в работах А. Смита и Д. Рикардо, приходит *Homo Symbolicus*, определяемый как социальный актер, сформированный культурой. Термин *Homo Symbolicus* впервые прозвучал у Э. Кассирера – представителя неокантианской школы философии. Кассирер утверждал, что все сферы человеческого существования символичны. К. Маркс предложил свой подход при создании модели поведения человека – *Homo Faber*. Он исходил из того, что капитализм, основанный на частной собственности, отчуждает человека от средств производства и его труд превращается в источник средств для существования [14]. В современной постиндустриальной экономике центральной фигурой становится креативный человек, а в качестве модели поведения выступает новая модель творческого человека – «*homo creativus*», которую содержательно определил английский экономист Дж. Фостер в работе «Эволюционная макроэкономика» [15]. В последние годы наряду с человеком экономическим предполагается также существование *Homo Reciprocans* (человек обменивающийся), склонного скорее к кооперации, нежели к конкуренции, *Zombie Economicus* – метафора, изображающая экономическую систему как немислимого монстра, а также *Homo Transformativus*, который является носителем некроэкономики. По мнению В. Папавы, глобальный финансовый кризис опасен превращением *Homo Transformativus* в *Zombie Economicus* [16].

Современная антропология квалифицирует человека как *Homo Sapiens*. После чего западноевропейские фи-

лософы, акцентируя свое внимание на том или ином аспекте человека и считая его главным, предпринимают дальнейшее дробление. Возникают новые наименования человека: *Homo Ludens* (человек играющий), *Homo Negans* (человек отрицающий), *Homo Esperans* (человек надеющийся), *Homo Paciens* (человек страдающий). Р. Дарендорф, используя термин Аристотеля “человек политический”, разработал следующую типологию личности: *Homo Faber* – в традиционном обществе “человек трудящийся”, *Homo Consumer* – потребитель, сформированный современным массовым обществом, *Homo Universalis* – человек, способный заниматься разными видами деятельности, *Homo Soveticus* – человек, зависящий от государства. Советская эпоха подарила социально-философской мысли две знаменитые модели – *Homo Soveticus* и *Homo Socialisticus*.

В форме *Homo Socialisticus* термин был впервые употреблён в 1918 г. православным философом и социологом С.Н. Булгаковым в книге «На пиру богов» в отношении революционных солдат и матросов. Термин берёт своё начало с попыток большевиков создать «нового человека». Основатели советской системы неоднократно указывали, что для построения коммунизма требуется создание «нового человека». В европейской советологии латинизированный вариант «советского человека» фигурировал в работах Клауса Менерта (1958) и Йозефа Новака, когда словосочетание («*Homo Sowjeticus*») попало в название книги (1962) [17]. Выражение *Homo Sovieticus* было популяризировано писателем и социологом А. Зиновьевым в книге «Гомо советикус» (1982) [18]. По мнению российского учёного-педагога Н.Д. Никандрова, выражение *Homo Soveticus* есть придуманное критиками советской власти оскорбительное название «нового человека», упоминавшегося классиками марксизма-ленинизма в качестве составляющей новой исторической общности, построение которой было декларировано в СССР («советский народ»)

[19]. По мнению российских философов А. Архангельского и А. Магуна, разочарование группы отечественных интеллектуалов, включая Зиновьева и Леваду, в советском проекте привело в 1970-е годы к крайне негативным последствиям: появлению элитизма у советской интеллигенции, возникновению антинароднического и антипопулистского пафоса («мы небожители, мы мыслим, а вокруг мрак и какие-то антропологические вырожденцы»). Несмотря на мыслимое отождествление себя с народом, позиция советских диссидентов являла собой притворство. Прикрываемая враждебность интеллигенции по отношению к народу послужила причиной последующего (в 1990-е годы) предательства [20].

В результате выражение «советский человек» официально использовалось советскими властями для подчёркивания положительных качеств, присущих гражданам СССР, превратилось у их идейных противников в негативный лейбл, олицетворявшей все самое плохое, что есть в человеке вообще и не только советском: безразличие к труду, воровство на работе, отсутствие инициативы и уклонение от ответственности, заниженные амбиции, беспотное подчинение властям, приспособленчество, готовность выполнять любые, даже безнравственные распоряжения, склонность к пьянству, подозрительность, лукавство. «Когда в 1989 году группа социологов во главе с Юрием Левадой начала изучать то, что они называли «советским человеком», искусственной конструкцией двойного мышления, патернализма, подозрительности и изоляционизма, они думали, что он исчезает. В течение следующих 20 лет они поняли, что *Homo sovieticus* мутировал и воспроизводил себя, приобретая по пути все новые характеристики, такие как цинизм и агрессия. Это не какое-то генетическое наследие, а результат институциональных ограничений и перекошенных экономических и моральных стимулов, распространяемых Кремлем» [21].

Таким образом, культурно-историческую эволюцию человечества можно проследить через смену базовых моделей рода *Homo*. Поначалу антропологическая смена парадигм постепенно приобрела смысл социокультурный, а позже – политико-идеологический. В обиходе употреблялось также близкое по смыслу *Homo Sovieticus* слово «совок» – пейоративное жаргонное название советского человека, а также советской действительности в целом. Этот термин, появившийся в 1970-е годы среди фарцовщиков и в богемно диссидентствующей и артистической среде, стал затем прозвищем, даваемым приверженцам советского образа жизни, коммунистам, вообще людям, демонстрирующим признаки советского менталитета, предрасудков, выступающим тормозом на пути демократического транзита [22]. В конечном счете исследование концепций «советский человек», «новый советский человек» и *Homo Sovieticus* стало трендом в постсоветской гуманитаристике (Е. Чхаидзе).

По существу же произошло вот что. После октябрьской революции 1917 г. большевики хотели искоренить в народе те социальные язвы, патологии и духовные извращения, которые достались ему от царизма и русского капитализма. Первый служил олицетворением безудержного самодержавия, авторитаризма и косности, второй – погони за деньгами, коррупции, неприкрытого компрадорства русской буржуазии, продажности властей. Идеал нового советского человека рисовался в романтически-героических красках. Ни одно десятилетие он привлекал на стройки коммунизма и героический труд миллионы молодых сердец. Об этом и, к сожалению, только об этом писала официальная советская пресса. А в закоулках коммунальных квартир, в бараках и подворотнях таился совсем другой тип людей, с которыми боролась милиция, дружинники и общественность, кого считали «наследием буржуазного прошлого». Побороть их не удалось, они успешно сохранились до конца XX века, мимикрировав

в достаточно благополучных пролетариев и так называемый плебс, которых чурался нормальный, по западному воспитанный средний класс и с которым почти перестала бороться, видя безуспешность своих попыток, советская власть. Именно эту часть подняли на щит борцы за права человека, составившие костяк диссидентского движения, а позже эстафету подхватила либеральная российская интеллигенция, создав и раздув миф о *Homo Sovieticus*. Своей компрадорской сущности – преданности идеалам и политике западных стран – она не изменила с 1917 г. Только новое поколение пятой колонны воспитывалось не за собственный счет, а благодаря безвозмездной помощи советского государства.

В процессе распространения либерализма и ценностей постмодернизма термин *Homo* пополнил репертуар сленга и начал употребляться в пренебрежительно-оскорбительном смысле, например «гомосексуал» (*homosexual*)¹⁰, «гомик». Однако 26 июня 2015 года, когда Верховный суд страны вынес решение по делу «Обергефелл против Ходжеса», однополые браки были легализованы по всей территории США. ЛГБТ-сообщества стали не только равноправной со всеми прочими социокультурными группа. Возможность заключать гей-союз считается конституционным правом каждого гражданина во многих западных странах. Покровительство гомосексуализма является универсальной стратегией западных властей и приравнено к ведущим либеральным ценностям, которые обязаны защищать все западные правительства. Какая-либо дискредитация гомосексуализма законодательно запрещается и теперь жестко наказывается. Моральное и культурное отклонение превратилось в социальную норму, в своеобразный символ свободного общества. Быть гомосексуалистом стало также престижно, как быть героем или нобелевским лауреатом. Гомосексуалиста заменили на «геев» и «лесбийские

¹⁰ Первое известное использование гомосексуализма отмечено в 1891 г.

пары», которые описывают сексуально-романтическое влечение или активность только между мужчинами или только между женщинами, а также сокращением LGBT («лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры»). Гомофобия – иррациональный страх перед гомосексуализмом – в европейских официальных документах рассматривается в одном ряду с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и сексизмом.

Homo microbis – человек как контейнер для микробов и биоты. Недавно Роберт Р. Данн из Университета штата Северная Каролина установил сложное эволюционное взаимодействие между развитием микробиомов и социальными структурами человека. Известно, какое огромное значение оказало изменение климата на человеческую цивилизацию еще в первобытные времена. Точно также эволюция микробиоты внутри и снаружи человека влияло не только на его здоровье, образ жизни, поведение и взаимодействие, но даже на социальную структуру общества. Оказалось, что микробиомные сообщества (кожные, кишечные, вагинальные, оральные) имеют очень сложную организацию, благодаря чему оказались более жизнестойкими, чем человеческие сообщества. Совместное использование бактерий внутри совместно проживающих лиц может влиять на социальную структуру общества. Пандемия COVID-19, охватившая в 2020 г. более 50 млн человек, доказала это с ужасающей яркостью: во многих странах прекращена работа школ и учебных заведений, отменены общественные мероприятия, закрыты на карантин целые города, границы и развлекательные учреждения. Как выяснилось, сегмент ДНК современных людей, повинный в тяжёлом течении CoVID-19, очень похож на аналогичный участок в геноме *Homo neanderthalensis*. Впору говорить о новом цивилизационном типе людей – *Homo covidus*.

Литература

1. Горнова Г.В. Антиномии города: Монография. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011.

2. Горнова Г.В. «Человек городской» как объект изучения urban studies // Человек: философская рефлексия. Границы философских дискурсов: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Вып. 2. /отв. Ред. О.Л. Сытых. – Барнаул: ООО «Полиграф-Сервис», 2008. – с. 44–45.
3. Горнова Г.В. Переживание города как форма его культурного освоения // Социальное и культурное пространство Санкт-Петербурга. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 32–33.
4. Горнова Г.В. HOMO URBANUS: Социобиологический аспект // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2010. – № 3 – С. 17–19.
5. Мажуга В.И. Культурные идеалы античности в средневековой Европе. Город как их символ // Городская культура: средневековье и начало нового времени. Л., 1986, с. 242.
6. Агамбен, Джорджо. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: «Европа», 2011.
7. Агамбен, Джорджо. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011.
8. Агамбен, Джорджо. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Изд-во «Европа», 2012.
9. Плешаков В.А. Киберсоциализация Человека: От Homo Sapiens'a До Homo Cyberus'a. М.: Прометей, 2012.
10. Дюмон Л. Homo hierarchicus. Опыт описания системы каст. М.: Евразия, 2001.
11. Дюмон Л. Homo equalis: Генезис и расцвет экономической идеологии: Пер. с фр. М., 2000.
12. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.
13. Андруник А. П., Черданцев В.П., Тронина М.В. Современные пути повышения эффективности управления персоналом. Монография. – М., 2014.
14. Попов А.И. Создание новой модели развития: модернизация и условия перехода к инновационной экономике // Известия СПбУЭФ. – 2012. – № 4.
15. Foster J. Evolutionary macroeconomics. – London, 1987.
16. Papava, V. The Human Factor in the Modern Financial Crisis (December 2, 2012) // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences, Vol. 3, No. 3, 2009.
17. Homo soveticus // Википедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Homo_Soveticus (доступ 2017–07–11)
18. Гомо советикус // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. М.: Локид-Пресс, 2005. с. 186.
19. Nikolai D. Nikandrov. Education and Citizenship in Post-Soviet Russia. // David Bridges (ed.), Education, Autonomy, and Democratic Citizenship: Philosophy in a Changing World. Routledge. 2–215 (1997).
20. Архангельский А., Магун А. Советская философская школа: опыт свободы URL: <http://open-lib.ru/dialogues/arkhangelskymagun> (доступ 2017–07–11)
21. The long life of Homo soveticus // The Economist, Dec 10th 2011
22. Капа-Мурза С.Г. «Совок» вспоминает. – М.: Эксмо, 2002.

FROM HOMO NEANDERTHALENSIS TO HOMO EXISTENTIALIS

Kravchenko A.I.
MSU

The purpose of the article is to systematize the scattered uses of the term Homo as a scientific term and sociocultural metaphor in domestic and foreign literature, including archaeological, philosophical, sociological, historical, linguistic and other sources. It turned out that the designation of sociocultural types of people through the generic attribution of Homo is extremely diverse and difficult to systematize. There is no logical and methodological connection and continuity between different cases. Rather, it resembles scattered creative performances.

Keywords: Homo sapiens, Homo Neanderthalensis, Homo Zapiens, Homo Sofá, Homo microbis.

References

1. Gornova G.V. Antinomies of the City: Monograph. – Omsk: Publishing house of OmGPU, 2011.
2. Gornova G.V. "Urban man" as an object of urban studies // *Man: philosophical reflection. The boundaries of philosophical discourses: materials of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference. Issue 2. / holes Ed. O.L. Well-fed. – Barnaul: LLC "Polygraph-Service", 2008. – p. 44–45.*
3. Gornova G.V. Experience of the city as a form of its cultural development // *Social and cultural space of St. Petersburg. – SPb.: Publishing house of SPbSU, 2006. – S. 32–33.*
4. Gornova G.V. HOMO URBANUS: Sociobiological Aspect // *Theory and Practice of Social Development. – Krasnodar, 2010. – No. 3 – P. 17–19.*
5. Mazhuga VI Cultural ideals of antiquity in medieval Europe. City as their symbol // *Urban culture: the Middle Ages and the beginning of modern times. L., 1986, p. 242.*
6. Agamben, Giorgio. Homo sacer. Sovereign power and naked life. – M.: "Europe", 2011.
7. Agamben, Giorgio. Homo sacer. State of emergency. M.: Publishing house "Europe", 2011.
8. Agamben, Giorgio. Homo sacer. What remains after Auschwitz: archive and witness. M.: Publishing house "Europe", 2012.
9. Pleshakov V.A. Cybersocialization of Man: From Homo Sapiens to Homo Cyberus. M.: Prometheus, 2012.
10. Dumont L. Homo hierarchicus. Experience in describing the caste system. M.: Eurasia, 2001.
11. Dumont L. Homo equalis: Genesis and flourishing of economic ideology: Per. with fr. M., 2000.
12. Karasik V.I. The language of social status. Moscow: Institute of Linguistics RAS; Volgogr. state ped. Institute, 1992.
13. Andrunik AP, Cherdantsev VP, Tronina MV Modern ways to improve the efficiency of personnel management. Monograph. – M., 2014.
14. Popov A.I. Creation of a new development model: modernization and conditions for the transition to an innovative economy // *Izvestia SPbUEF. – 2012. – No. 4.*
15. Foster J. Evolutionary macroeconomics. – London, 1987.
16. Papava, V. The Human Factor in the Modern Financial Crisis (December 2, 2012) // *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences, Vol. 3, No. 3, 2009.*
17. Homo soveticus // Wikipedia URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Homo_Soveticus (accessed 2017–07–11)
18. Homo Sovieticus // *Encyclopedic Dictionary of winged words and expressions / Avt.-comp. V. Serov. 2nd ed. M.: Lokid-Press, 2005. p. 186.*
19. Nikolai D. Nikandrov. Education and Citizenship in Post-Soviet Russia. // David Bridges (ed.), *Education, Autonomy, and Democratic Citizenship: Philosophy in a Changing World. Routledge. 2–215 (1997).*
20. Arkhangel'sky A., Magun A. Soviet philosophical school: the experience of freedom URL: <http://open-lib.ru/dialogues/arkhangel'skymagun> (accessed 2017–07–11)
21. The long life of Homo soveticus // *The Economist, Dec 10th 2011*
22. Kara-Murza S.G. "Scoop" recalls. – M.: Eksmo, 2002.

КОВИД-19: бельгийский штамм

Ермакова Элла Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра французского языка, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

E-mail: ella_ermakov@mail.ru

Бельгия оказалась среди западноевропейских стран с самым высоким уровнем заболеваемости коронавирусом COVID-19. Экономические проблемы, наслаивающиеся на неопределённость и противоречивость мер по борьбе с санитарной эпидемией, вызывают проблемы психологического и социального плана. Ситуация в Бельгии осложняется ещё и внутривнутриполитическими проблемами, связанными с бесконечными сменами состава кабинета министров и правительственными кризисами, которые ещё больше обостряют и без того непростую ситуацию в стране. На смену временному антикризисному правительству Софи Вильмес, которое запомнилось бельгийцам локдаунами и постоянными ограничениями, пришла новая команда во главе с фламандским либералом Александром де Кроо, с которым связывают надежды не только на более эффективные методы борьбы с пандемией, но и на возможное окончание длинной цепочки правительственных кризисов, которые разбалансировали политическую и экономическую жизнь страны.

Ключевые слова: Бельгия, коронавирус, COVID-19, Софи Вильмес, Александр де Кроо, Фландрия, «НФА», «Фламандский интерес», Валлония.

Бельгия относится к тем европейским странам, которые серьёзно пострадали от коварного коронавируса. 577 тысяч случаев заражения и более 16 тысяч летальных исходов при населении в более чем 11 млн человек [Рывок или фальстарт?, 2020, 201=205]. Первый случай заболевания COVID-19 в Бельгии был подтверждён 4 февраля 2020 года у 54-летнего бельгийца, приехавшего из китайского Уханя. Эта дата стала исторической, поскольку с неё официально начинается новый период в жизни бельгийцев, который вскоре с подачи Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) получит звучное название «пандемия» [One repatriated, www].

Новое состояние общества, как во всём мире, так и в Бельгии, предлагает гражданам некий суррогат того, что принято называть жизнью: Графики кривых заболевания, жонглирование цифрами заболевших, умерших и выздоровевших, нескончаемые ток-шоу, ультимативные предписания санитарных органов по предотвращению эпидемии, безапелляционные обращения к населению не выходить из дома и т.д. – всё по схеме ВОЗ. Сегодня анализирувать последствия глобального бедствия, получившего хлёсткое название Covid-19 (CoronaVirus Disease 2019 – коронавирусная инфекция), достаточно сложно, поскольку точность выводов прямо пропорциональна тому времени, которое проходит после окончания того или иного события. Однако, учитывая разрушительную силу нынешнего санитарно-эпидемиологического кризиса, который сравнивают с последствиями войн, и его непоправимые последствия во всех областях жизни, в первую очередь, в экономике, представляется необходимым уже сейчас сделать некоторые выводы, которые в дальнейшем могли бы послужить базой для более фундаментальных исследований.

Бельгийский вариант противодействия пандемии коронавируса, не силь-

но отличаясь от мер в других странах (социальная дистанция, маски, работа и учёба удалённо и т.п.), имеет некоторые черты, которые отличают её от других западноевропейских стран [Трубин, 2020, 5–8]. Бельгия стала единственным европейским государством, которое даже перед лицом самого загадочного кризиса нашего времени не смогло расстаться с внутривластными сложностями, которые только усугубляют и без того сложную ситуацию. Речь идёт о постоянных правительственных кризисах, которые приучили страну жить в условиях быстро сменяющихся кабинетов министров. Эта проблема стала своеобразной визитной карточкой Королевства Бельгия на современном этапе. Однако коронавирусная пандемия всё же смогла внести некоторое разнообразие в перманентные распри многочисленных бельгийских политических партий, поставив их представителей перед необходимостью прийти хотя бы на время к хрупкому консенсусу и сосредоточиться на создании единого фронта борьбы с коварным заболеванием, учитывая национальные особенности Бельгии. В этой связи представляет интерес исследование ведущего специалиста кафедры политических, социальных и коммуникативных наук Университета в Намюре Джереми Доденя [Dodeigne, 2020, www].

Роль и ответственность СМИ во время коронавируса, нагнетание напряжённости и манипулирование общественным мнением на фоне глобального естественного страха за своё здоровье и жизнь подробно рассматривается в статье юриста Валери Флоимон, которая также ведёт курс лекций в Намюрском университете [Flohimont, 2020, www]. Этот важный аспект вызывает много жарких споров, поскольку СМИ традиционно используются как удобный инструмент в политической борьбе.

Всплеск развития высоких технологий в период пандемии, их роль, как позитивная, так и негативная, в организации работы удалённо подробно рассматриваются в работах бельгийских учёных в Намюрском университе-

те Лорана Шумахера и Элизы Деграв [Dodeigne, Degrave, 2020, www].

Критика в отношении управления кризисом, оценка психических и социальных последствий ограничительных мер, которые даже называют «терапевтической диктатурой», содержится в исследованиях французского философа Абденура Бидара [Bidar, 2020, www] и бельгийского исследователя Изабель Дэнью, которая сравнивает в этой связи французское и бельгийское общества [Dagneaux, 2020, www].

Необходимость противостоять коварному вирусу вынудила бельгийских политиков пойти на формирование временного антикризисного кабинета министров, наделённого так называемыми «специальными полномочиями», которые предусматривают делегирование правительству части полномочий Парламента, чтобы ускорить принятие и выполнение законов. (Напомним, что Бельгия оставалась без полноценного правительства почти два года, с того момента, когда в декабре 2018 года премьер-министр страны Шарль Мишель подал в отставку) [Gijs, 2020, www].

«Специальные полномочия» осуществляются правительством на основе королевских указов, которые одобряются или не одобряются Парламентом. В истории Королевства Бельгии были ситуации, когда Парламент отказывался одобрить королевские указы. Но, 27 марта 2020 г. бельгийские парламентарии всех политических направлений – социалисты, либералы, экологи, социал-христиане и регионалисты единодушно одобрили передачу части своих полномочий временному правительству, члены которого не имели поддержки даже четверти голосов в Парламенте и находились в оппозиции друг к другу по всем вопросам, кроме COVID-19. Естественно, что данная инициатива вызвала опасения в бельгийском обществе, поскольку угрожала основе демократического устройства страны – принципу разделения властей. К исполнительной функции правительства на время прибавилась

ещё и законодательная. Бельгийские руководители оправдывали свои действия следующим образом. Во-первых, «специальные полномочия» вводятся только в чрезвычайных ситуациях, к которым единогласно относится пандемия. Во-вторых, эти меры были рассчитаны только на три месяца, но могут быть продлены при необходимости. И, в-третьих, как уже было сказано выше, «специальные полномочия» на основе королевских указов должны быть одобрены Парламентом.

В этой связи важно отметить определение по закону о передаче части парламентских полномочий правительству от 27 марта 2020 г., данное Государственным советом Бельгии. Госсовет подчёркивает необходимость соблюдения прав и свобод граждан, учитывая риск их ограничения санитарными требованиями. Речь идёт о свободе передвижения, контроле за передвижением граждан во время карантина с помощью дронов, системы GPS, и прочих известных теперь во всём мире ограничений. Бельгийские политологи сравнивают всю эту контрольно-эпидемиологическую систему с эффектом «часовой стрелки», которую, передвинув вперёд, очень трудно вернуть назад. Как пишет Джереми Доден, специалист в области политологии бельгийского университета в Намюре, опасность состоит в том, что нынешняя стратегия на тотальные ограничения во имя всеобщего блага может привести к тому, что будет нанесен удар по основным этическим ценностям, к которым относится свобода личности [Dodeigne, 2020, www].

Политические последствия коронавирусной эпидемии проявились также в новой расстановке сил на партийной арене. Речь, прежде всего, идёт о потере ведущих позиций в стране фламандской националистической партией Новым фламандским альянсом – НФА (*Nieuw-Vlaamse Alliantie*; N-VA). В начале санитарного кризиса и в разгар дискуссий о новом правительстве в марте 2020 г. лидер партии Барт де Вевер не скрывал желания возгла-

вить новый кабинет министров. Однако в результате консенсуса было решено начать формирование нового правительства из представителей четырёх политических партий: Открытые фламандские либералы и демократы (Open VLD), Социалистическая партия Валлонии (PS), Экологическая партия Валлонии (Ecolo), Христианские демократы и фламандцы (CD&V) [Ермакова, 2014]. (В этом альянсе, который окрестили «Вивальди», не оказалось места для НФА [Rankin, 2020, www]). Столь необычное название объясняется четырьмя цветами бельгийских политических партий, которые соответствуют временам года, как и название знаменитого цикла скрипичных концертов великого венецианца Антонио Вивальди. Социалистические партии Валлонии и Фландрии традиционно выступают под красным цветом, «Христианские демократы и фламандцы» – под оранжевым, либеральное валлонское «Реформаторское движение» и «Открытые фламандские либералы и демократы» – под синим, валлонская «Эколо» и фламандские «Зелёные!» – под зелёным [Поплавский, 2020, www].

Кресло премьер-министра Бельгии было второй раз предложено Софи Вильмес, которая вступила в должность 17 марта 2020 г., заручившись поддержкой десяти демократических партий.

В результате НФА (N-VA), самая крупная партия (25 депутатских мест в парламенте), а также крайне левая, не делающая языковых различий, Партия труда Бельгии (PTB-PVDA) и крайне правая партия Фламандский интерес (Vlaams Belang) оказались в изоляции. Её лидеры с самого начала стали минимизировать последствия коронавирусной пандемии, не почувствовав запроса общества на драматизацию опасности и на принятия жёстких мер для защиты самого главного – здоровья и жизни людей. Напротив, лидеры остальных партий, особенно влиятельных, имеющих большой медиа ресурс, почувствовали необходимость принятия, а главное, демонстрации экстрен-

ных мер против пандемии и сумели набрать очки в состязании за управление Covid-19 [Elections, 2019, www].

Более того, эти партии, такие разные по своим политическим взглядам, сумели прийти к долгожданному консенсусу в борьбе с вирусом – то, что казалось невероятным ещё год назад. Итогом политического примирения стало назначение, на первый взгляд весьма неожиданное, на пост премьер-министра страны Софи Вильмес – первой женщины в Бельгии на такой высокой должности. На самом деле политическая фигура Софи Вильмес самым естественным образом вписывалась в контекст нынешней ситуации в стране. Будучи членом либеральной партии «Реформаторское движение» (*Mouvement Réformateur*; MR), которая действует во Франкоязычном и Немецкоязычном сообществах Бельгии, Софи Вильмес могла какое-то время уравнивать самые разные политические силы бельгийского общества благодаря сдержанности и осторожности своих политических взглядов.

Говоря о временном антикризисном правительстве Бельгии необходимо помнить, что оно было сформировано в экстренной ситуации исключительно для претворения в жизнь специальных королевских указов для выхода из санитарного кризиса. Следовательно, речь идёт о «необычном» кабинете министров, состав которого не отражал результаты парламентских выборов 2019 года. Представители политических партий в правительстве располагали в Палате представителей федерального парламента Бельгии только 38 местами из 150.

Очевидно, что политическое согласие, достигнутое в середине марта 2020 года в связи с пандемией, и использование «специальных полномочий», нуждались в новом подтверждении в парламенте, поскольку временный союз различных политических сил в рамках антикризисного правительства был рассчитан только на три месяца. И наконец, чрезвычайные полномочия «необычного» правительства были

ограничены лишь управлением коронавирусным кризисом. По всем остальным вопросам правительство Софи Вильмес действовало в обычном режиме, т.е. выполняло исключительно исполнительные функции.

Политический сценарий для Бельгии мог развиваться по двум направлениям: либо продление режима «специальных полномочий» для антикризисного согласительного правительства Софи Вильмес, либо курс на формирование нового классического правительства, состоящего из представителей партий, имеющих пусть хрупкое, но большинство в Парламенте (по крайней мере 76 мест из 150). В итоге в Бельгии был принят третий вариант, о котором речь пойдёт ниже и который представляет собой некое среднее арифметическое двух предыдущих [Особенности, 2020, www].

Пандемия коронавируса, как и положено инфекционному заболеванию, поражает весь организм. Помимо политических последствий она повлияла на переосмысление роли и ответственности СМИ перед населением за освещение этой загадочной эпидемии. Во всех странах на население буквально обрушился поток самой разнообразной информации, нагнетающей и без того непростую обстановку. Бельгия не стала исключением. Бесконечные кривые графиков летальных исходов, красные зоны всё новых очагов эпидемии, медики в пугающих защитных костюмах... Все эти инструменты психологического давления изначально имели целью укрепить бдительность людей, заставить их самоизолироваться, спасаясь от невидимого врага. Реакция людей, как показало время, во многих случаях оказалось противоположной ожиданиям. Избыточность «страшной» информации способствовало лишь снижению внимания к этой теме. Характерным примером, по мнению Валери Флоимон, бельгийского юриста в части социальных прав, может считаться телевизионная пресс-конференция с ведущими политиками и специалистами других смежных областей в са-

мый разгар пандемии. Встреча онлайн была разрекламирована, бельгийцы её ждали с нетерпением. Из-за технических проблем и прочих проволочек программа началась лишь в 22.00. Все пять часов ожидания журналисты оставались в прямом эфире, пытаясь удержать зрителей у экранов бесконечными подробностями. Результат оказался предсказуемым: избыток однообразной информации на одну тему привёл к сокращению аудитории почти в два раза [Flohimont, 2020, www].

Отдельным пунктом разбираются весьма противоречивые действия и высказывания бельгийского руководства. В пример приводят премьер-министра Софи Вильмес, которая, как считают бельгийские аналитики, запомнилась гражданам взаимоисключающими рекомендациями. Например, призывая бельгийцев соблюдать санитарные меры безопасности и носить только фирменные маски проверенных производителей, она тут же заявляла, что, в принципе, и простой матерчатой повязки вполне достаточно [Flohimont, 2020, www].

Разбирая алогичность действий бельгийского руководства во время пандемии, Валери Флоимон цитирует высказывания премьер-министра Бельгии в момент ослабления изоляции, которые, к сожалению, приходилось слышать от своих руководителей в любой другой стране мира: «Сейчас мы можем работать. Даже теперь следует работать при соблюдении строгих правил. Были остановлены (во время локдауна – Прим. автора) многие виды деятельности, хотя в этом не было особой необходимости» (Перевод автора) [Flohimont, 2020, www].

Противоречивые действия бельгийских властей привели к следующим итогам: снизилось доверие бельгийцев к правительству; осталось непонимание принятых мер во время пандемии; что привело к их волной трактовке; избыток информации по COVID-19 привёл к снижению интереса к этой теме и, соответственно, к стихийному игнорированию рекомендаций и распоряжений сверху.

Ещё один аспект последствий пандемии, который волнует сегодня бельгийцев, как, впрочем, и всех жителей нашей планеты, – это стремительное развитие электронных систем слежения за людьми, которые под видом борьбы с инфекцией, могут нанести сокрушительный удар по демократическим свободам граждан. Речь, в частности, идёт о праве людей на свободное передвижение. Так, в ст. 5 и 6 «специальных полномочий» бельгийского правительства от 27 марта 2020 г. говорится о мерах по «борьбе с распространением коронавируса среди населения, включая меры по поддержке здравоохранения и общественного порядка» [Arrêté royal, 2020, www].

Подобные широкие и неопределённые цели позволяют правительству Бельгии технически, политически и юридически устанавливать слежку за любым гражданином при чрезвычайных обстоятельствах. Более того, контроль за гражданами в целях их же безопасности активно лоббируется научными экспертами, мнение которых принимается властями на веру без всякого общественного или парламентского обсуждения.

К тому же по мере затягивания глобального санитарного кризиса кабинет министров Софи Вильмес стал терять признаки правительства национально-го единства. Его члены, принадлежащие к разным политическим партиям и лишь на время объединённые общей идеей борьбы с пандемией, снова занялись привычной взаимной критикой: Экологическая партия против Реформаторского движения (MR), Социалистическая партия (PS) против своего исторического соперника Нового фламандского альянса (N-VA).

Санитарный кризис не мог не спровоцировать кризис политический временного правительства Софи Вильмес. 18 августа 2020 г. Король бельгийцев Филипп поручил лидерам фламандской либеральной партии Открытые фламандские либералы и демократы (Open VLD) попробовать начать переговоры по формированию полноценного коалиционного правительства.

30 сентября 2020 г. после десяти раундов изнурительных переговоров в Бельгии было сформировано, а 1 октября 2020 г. приведено к присяге новое коалиционное правительство во главе с 44-летним лидером партии «Открытые фламандские либералы и демократы» Александром де Кроо [Gijs, Moens, 2020, www].

Предполагается, что новое правительство, сохранившее название предыдущего кабинета министров «Вивальди» и состоящее из семи фламандских и валлонских партий, будет управлять страной до 2024 г.

Создание нового коалиционного правительства в Бельгии стало возможным только из-за тяжелейшей санитарной и экономической ситуации в стране, которая вынудила сесть за стол переговоров представителей политических партий, которые традиционно находятся в жёсткой оппозиции друг к другу. Многие аналитики считают, что нынешний кабинет министров будет недолговечен, учитывая тот факт, что наиболее многочисленным и влиятельным партиям страны – НФА и «Фламандскому интересу» – не нашлось места в новой структуре. Подобный парадокс объясняется достаточно запутанной политической системой Бельгии, в которой нет общенациональных партий. Политические партии формируются как по идеологическому, так и по территориальному принципам. Поэтому правящая коалиция вне зависимости от популярности должна непременно состоять как из валлонских партий, так и из фламандских. Причём бесспорная победа в нидерландоязычном регионе Фландрии, к примеру, всё равно предполагает поиск союзников во франкоязычной Валлонии [Formation du, 2020, www].

В итоге НФА и «Фламандскому интересу» не удалось найти необходимую поддержку других партий, которые категорически выступали против какого-либо союза с фламандскими радикалами. Поэтому, несмотря на влияние, многочисленность и расстановку сил в парламенте представители этих

партий не вошли в новое коалиционное правительство.

Так нынешний состав бельгийского парламента представлен следующими политическими объединениями: «Новый фламандский альянс – НФА» – 25 мест, валлонские социалисты – 20, правые из «Фламандского интереса» – 18, Реформистское движение – 14, зеленые из «Эколо» – 13, «Христианские демократы и фламандцы», «Открытые фламандские либералы и демократы» и левые из Партии труда Бельгии имеют по 12 мест, фламандские социалисты имеют 9 мест, «Зеленые!» – 8 мест, «Гуманический демократический центр» – 5 мест, социал-либералы из «Вызова» располагают 2 мандатами [Поплавский, 2020, www].

Таким образом, поскольку в нынешнем правительстве Бельгии не представлена самая крупная парламентская партия НФА, новая правительственная коалиция не может получить большинства во фламандском секторе федерального собрания. На практике такая расстановка сил может вызвать затруднения в принятии решений, поскольку обе фламандские партии – НФА и «Фламандский интерес» – в знак протеста способны заблокировать многие инициативы нового правительства, что в свою очередь может спровоцировать распад нового коалиционного кабинета и продолжить цепочку правительственных кризисов, которые истощали Бельгию в последние годы.

При данном положении вещей новому коалиционному правительству необходимо найти способ срочно принять важные решения, связанные с упадком экономики в результате пандемии и пагубно сказавшиеся на социальной сфере. Учитывая настроения бельгийцев, уставших от ограничений и чувствующих на себе моральные и материальные последствия выбранного метода борьбы с пандемией, новому правительству, предстоит в сжатые сроки доказать свою дееспособность. Совершить прорыв в управлении санитарным кризисом в отсутствии повсеместной вакцинации на практике почти невоз-

можно. Об этом говорит весь ход борьбы с COVID-19, который пока повсюду в мире не приносит желаемых плодов. Правда определённые надежды связывают с личностью нового премьер-министра Александра де Кроо, потомственного политика, (его отец, известный бельгийский политик Герман де Кроо до 2019 г. был членом парламента Фландрии), первого фламандца на посту главы правительства за последние десять лет, человека с хорошим юридическим образованием, великолепно говорящего по-французски, что особо важно для бельгийской политической жизни. В бельгийскую политику он пришёл в 2009 г., когда его без всякого политического опыта избрали лидером партии «Открытые фламандские либералы и демократы» [Moens, Gijis, 2020, www].

После столь яркого дебюта в бельгийскую большую политику де Кроо быстро поднялся по карьерной лестнице, занимая такие важные посты как министр по вопросам развития и цифровым технологиям в правительстве Шарля Мишеля в 2014 г., а также министр финансов – должность, с которой он стал премьер-министром.

Однако политические противники де Кроо не снимают с него вины за инициирование затяжного правительственного кризиса в Бельгии, когда в 2010 г. его партия «Открытые фламандские либералы и демократы» приняла решение выйти из правительства и таким образом спровоцировали отставку кабинета министров. Этот шаг положил начало первому этапу эпохи постоянных правительственных кризисов, ставших своеобразной антирекламой политической жизни королевства.

Александр де Кроо возглавил правительство Бельгии в чрезвычайное время санитарного кризиса, когда на нём сфокусировано особое внимание. Назначение нового премьер-министра стало результатом компромисса, нежели политической значимости партии, которую он представляет. «Открытые фламандские либералы и демократы» занимают лишь четвёртое место

по численности и популярности. Поэтому её лидер может столкнуться с мощным противодействием со стороны партий-тяжеловесов (НФА и «Фламандский интерес»), представители которых не вошли в правительство.

К тому же внутри нового коалиционного правительства большим весом и авторитетом обладает партия валлонских социалистов, представленная её лидером Полем Манеттом. Как считают политологи, его кандидатура на пост премьер-министра могла быть более привлекательной, если бы с самого начала против него не выступали валлонские либералы. Поэтому кандидатура де Кроо выглядит скорее вынужденным решением, чем единственно верным.

Де Кроо прекрасно понимает, что сегодня стабильность его правительства напрямую зависит от его успехов в борьбе с эпидемией. Вступая в высочайшую должность он заявил: «За последние несколько месяцев мы многое сделали, чтобы защитить каждого от последствий кризиса. Я уверен, правительство, наделённое широкими компетенциями и планом действий, мы можем достичь большего» [Gijis, Moens, 2020, www].

Новое правительство Бельгии приступило к работе в один из сложнейших периодов истории страны. Методы борьбы с пандемией коронавируса вызывают неоднозначную реакцию в обществе. Вместе с ростом числа заболевших (571 тысяча на 28.11.2020 г.) растёт число бельгийцев, которые ставят под сомнение эффективность локдаунов, агрессивного запугивания населения, постоянных ограничений, которые, как показывает время, пока не привели к желаемым результатам. Экономика западноевропейских стран и Бельгии в частности с большим трудом выдерживает затянувшиеся испытания COVID-19. Всё чаще в западной прессе появляется новый, пока саркастический термин «экономической пандемии», которая по своей разрушительной силе может оказаться гораздо сильнее пандемии вирусной. Помимо этих объективных проблем, с которыми

сегодня сталкиваются практически все страны мира, правительство де Кроо вынуждено вести оборону и на втором фронте – внутрипартийном. Эта своеобразная красная зона его правительства, которое было сформировано без представителей самых многочисленных и влиятельных фламандских правых партий НФА и «Фламандский интерес». В подобной ситуации правительству трудно контролировать парламент, в котором большинство принадлежит политическим оппонентам. Да и внутри правительства партия Александра де Кроо «Открытые фламандские либералы и демократы» не лидирует по популярности. Политические аналитики очень осторожны в отношении перспектив нового кризисного правительства, которое вполне может продолжить печальный список правительственных кризисов.

Литература

1. Ермакова Э.В. Внешние связи регионов Бельгии в системе европейских отношений (1957 г. по н/в): диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Москва, 2014 г. С. 184–186.
2. Особенности законодательной власти Бельгии // Политический атлас современности. URL: <http://www.hyno.ru/tom1/258.html>
3. Поплавский А. Два года без правительства: кто выведет Бельгию из кризиса // Газета.ру, 03.10.2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/02_a_13277035.shtml
4. Рывок или фальстарт? Выход из карантина по коронавирусу весной 2020 года (опыт 30 стран) [Текст]: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / А.Б. Жулин (рук. авт. кол.), А.А. Маслов, Т.В. Бордачев и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 260 с.
5. Трубин В., Николаева Н., Санишвили Т., Тарасова В. Социальная политика в зарубежных странах в условиях пандемии. Социальный бюллетень. 36 с. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/social/social.2020.3.pdf>
6. Arrêté royal n° 23 pris en exécution de l'article 5, § 1, 5°, de la loi du 27 mars 2020 accordant des pouvoirs au Roi afin de prendre des mesures dans la lutte contre la propagation du coronavirus COVID-19 (II) visant le congé parental corona // Portail Wallonie, 13.05.2020. URL: <https://wallex.wallonie.be/de/contents/acts/30/30190/2.html>
7. Bidar Abdennour. Cesser d'exister pour rester en vie? // Liberation, 04.05.2020. URL: https://www.liberation.fr/debats/2020/05/04/cesser-d-exister-pour-rester-en-vie_1787284
8. Dagneaux Isabelle. Carte blanche. Cesser d'exister pour rester en vie? // Université de Namur. 15.06.2020. URL: <https://www.unamur.be/coronavirus/experts/isabelle-dagneaux>
9. Dodeigne Jérémy, Degrave Elise, Schumacher Laurent. Suivi numérique des citoyens: entre respect des droits fondamentaux et efficacité de la lutte contre l'épidémie // Université de Namur. 25.05.2020. URL: <https://www.unamur.be/coronavirus/experts/degrave-dodeigne-schumacher>
10. Dodeigne Jérémy. Crises sanitaire et politique: l'impact du Covid-19 sur la politique Belge // Université de Namur 16.04.2020. URL: <https://www.unamur.be/coronavirus/experts/jeremy-dodeigne>
11. Elections 2019: voici à quoi ressemble le nouveau Parlement fédéral. // La Libre, 26.05.2019. URL: <https://www.lalibre.be/belgique/politique-belge/elections-2019-voici-a-quoi-ressemble-le-nouveau-parlement-federal-5ceaf2619978e223b1f0e9f1>
12. Flohimont Valérie. Chronique 5. L'art de la communication en temps de crise // Université de Namur. 10.06.2020. URL: <https://www.unamur.be/coronavirus/experts/valerie-flohimont-4>
13. Formation du gouvernement. URL: https://www.belgium.be/fr/la_belgique/

- pouvoirs_publics/autorites_federales/gouvernement_federal/formation_gouvernement
14. Gijs Camille, Moens Barbara. Flemish liberal Alexander De Croo to be appointed Belgium's prime minister // Politico.eu, 30.09.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/flemish-liberal-alexander-de-croo-to-be-appointed-belgiums-prime-minister/>
 15. Gijs Camille. Belgian king appoints head of Flemish liberals to lead coalition talks // Politico.eu. 18.08.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/belgian-king-appoints-head-of-flemish-liberals-to-lead-coalition-talks/>
 16. Moens Barbara, Gijs Camille. 5 things to know about Belgium's new Prime Minister Alexander De Croo // Politico.eu, 30.09.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/alexander-de-croo-belgium-new-prime-minister-5-things-to-know/>
 17. One repatriated Belgian has tested positive for the novel coronavirus // Belgian government. URL: <https://www.info-coronavirus.be/en/news/one-repatriated-belgian-has-tested-positive-for-the-novel-coronavirus/>
 18. Rankin Jennifer. Belgium hands powers to caretaker PM to fight Covid-19 after 15-month stalemate // The Guardian. 16.03.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/16/belgium-hands-powers-to-caretaker-pm-sophie-wilmes-to-fight-covid-19>

COVID-19: BELGIAN STRAIN

Ermakova E.V.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Belgium is among the Western European countries with the highest incidence of COVID-19. Economic problems, superimposed on the uncertainty and inconsistency of measures to combat the sanitary epidemic, cause problems of a psychological and social nature. The situation in Belgium is further complicated by internal political problems associated with endless changes in the cabinet of ministers and government crises, which further exacerbate the already difficult situation in the country. The in-

terim anti-crisis government of Sophie Wilmes, which was remembered by the Belgians for its lockdowns and permanent restrictions, was replaced by a new team led by the Flemish liberal Alexander de Croo, with whom they pin hopes not only for more effective methods of combating the pandemic, but also for the possible end of a long chain of government crises that have imbalanced the political and economic life of the country.

Keywords: Belgium, coronavirus, COVID-19, Sophie Vilmes, Alexandre de Croo, Fladndria, NFA, Flemish Interest, Wallonia.

References

1. Ermakova E.V. External relations of the regions of Belgium in the system of European relations (1957 up to the present): dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Moscow, 2014, pp. 184–186.
2. Features of the legislative power of Belgium // Political atlas of the present. URL: <http://www.hyno.ru/tom1/258.html>
3. Poplavsky A. Two years without a government: who will bring Belgium out of the crisis // Gazeta.ru, 03.10.2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/02_a_13277035.shtml
4. Dash or false start? Exit from quarantine for coronavirus in the spring of 2020 (experience of 30 countries) [Text]: reports by XXI Apr. int. scientific. conf. on the problems of development of the economy and society, Moscow, 2020 / A.B. Zhulin (head of the editorial board), A.A. Maslov, T.V. Bordachev and others; Nat. issued. University Higher School of Economics. – M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2020. – 260 p.
5. Trubin V., Nikolaeva N., Sanishvili T., Tarasova V. Social policy in foreign countries in a pandemic. Social bulletin. 36 c. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/social/social.2020.3.pdf>
6. Arrêté royal n° 23 pris en exécution de l'article 5, § 1, 5°, de la loi du 27 mars 2020 accordant des pouvoirs au Roi afin de prendre des mesures dans la lutte contre la propagation du coronavirus COVID-19 (II) visant le congé parental corona // Portail Wallonie, 05/13/2020. URL: <https://wallex.wallonie.be/de/contents/acts/30/30190/2.html>
7. Bidar Abdennour. Cesser d'exister pour rester en vie? // Liberation, 05/04/2020. URL: https://www.liberation.fr/debats/2020/05/04/cesser-d-exister-pour-rester-en-vie_1787284

8. Dagneaux Isabelle. Carte blanche. Cesser d'exister pour rester en vie? // Université de Namur. 06/15/2020. URL: <https://www.unamur.be/coronavirus/experts/isabelle-dagneaux>
9. Dodeigne Jérémy, Degrave Elise, Schumacher Laurent. Suivi numérique des citoyens: entre respect des droits fondamentaux et efficacité de la lutte contre l'épidémie // Université de Namur. 05/25/2020. URL: <https://www.unamur.be/coronavirus/experts/degrave-dodeigne-schumacher>
10. Dodeigne Jérémy. Crises sanitaire et politique: l'impact du Covid-19 sur la politique Belge // Université de Namur 04/16/2020. URL: <https://www.unamur.be/coronavirus/experts/jeremy-dodeigne>
11. Elections 2019: voici à quoi ressemble le nouveau Parlement fédéral. // La Libre, 05/26/2019. URL: <https://www.lalibre.be/belgique/politique-belge/elections-2019-voici-a-quoi-ressemble-le-nouveau-parlement-federal-5ceaf2619978e223b1f0e9f1>
12. Flohimont Valérie. Chronique 5. L'art de la communication en temps de crise // Université de Namur. 10.06.2020. URL: <https://www.unamur.be/coronavirus/experts/valerie-flohimont-4>
13. Formation du gouvernement. URL: https://www.belgium.be/fr/la_belgique/pouvoirs_publics/autorites_federales/gouvernement_federal/formation_gouvernement
14. Gijs Camille, Moens Barbara. Flemish liberal Alexander De Croo to be appointed Belgium's prime minister // Politico.eu, 09/30/2020. URL: <https://www.politico.eu/article/flemish-liberal-alexander-de-croo-to-be-appointed-belgiums-prime-minister/>
15. Gijs Camille. Belgian king appoints head of Flemish liberals to lead coalition talks // Politico.eu. 08/18/2020. URL: <https://www.politico.eu/article/belgian-king-appoints-head-of-flemish-liberals-to-lead-coalition-talks/>
16. Moens Barbara, Gijs Camille. 5 things to know about Belgium's new Prime Minister Alexander De Croo // Politico.eu, 09/30/2020. URL: <https://www.politico.eu/article/alexander-de-croo-belgium-new-prime-minister-5-things-to-know/>
17. One repatriated Belgian has tested positive for the novel coronavirus // Belgian government. URL: <https://www.info-coronavirus.be/en/news/one-repatriated-belgian-has-tested-positive-for-the-novel-coronavirus/>
18. Rankin Jennifer. Belgium hands powers to caretaker PM to fight Covid-19 after 15-month stalemate // The Guardian. 03/16/2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/16/belgium-hands-powers-to-caretaker-pm-sophie-wilmes-to-fight-covid-19>

Общероссийская идентичность: дискурс элит и массовые представления

Муха Виктория Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанский государственный технологический университет
E-mail: v.mukha@bk.ru

Литовка Вера Александровна,

кандидат социологических наук, кафедра социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет
E-mail: veralitovka@yandex.ru;

В статье представлен анализ соотношения ключевых оснований общероссийской идентичности как на уровне политического дискурса, так и на уровне массовых представлений. Обосновано, что социальная идентичность не только отражена в дискурсе, но и конструируется через дискурсивное структурирование социального мира. На основе анализа официальных выступлений Президента на ежегодных пресс-конференциях с 2018 по 2020 гг. определены основные идеологемы, с помощью которых конструируется общероссийская идентичность. Выделен смысловой ряд вокруг которого выстраивается общероссийская идентичность в официальном дискурсе: единение перед лицом угроз на основании общей культуры и преемственности поколений, с учетом полиэтничности страны. Массовые представления о данном виде идентичности анализируются на основе результатов анкетного опроса русского населения Краснодарского края, проведенного в 2019–2020 гг. Определено, что основания, по которым происходит идентификация на уровне идеологии и на повседневном уровне несколько отличаются: совпадая в оценках интегрирующего потенциала общей культуры и необходимости противостоять угрозам, и отличаясь в оценке значения исторического прошлого и преемственности поколений. Также выявлено, что в понимании общероссийской идентичности преобладает государственный компонент.

Ключевые слова: общероссийская идентичность, идеологемы, элитарный дискурс, массовые представления, общегражданская идентичность.

Выполнено в рамках реализации проекта РФФИ № 19–011–00834 «Идентификационные матрицы четырёх поколений русских в современной России»

С позиций социального конструктивизма идентичность конструируется членами сообщества как на уровне коллективных представлений людей, так и на идеологическом уровне – через дискурс элит. Политическая элита реализует так называемую «политику идентичности», определяя социальные представления о сообществе «мы», выработывая политически значимые символы, артикулируя те или иные основания солидарности. Безусловно, не все идеологемы, конструируемые элитой, закрепляются на уровне обывденного сознания и становятся представлениями обычных людей. Именно поэтому актуальным представляет анализ того, как соотносятся между собой представления об общероссийской идентичности на уровне элит и уровне массовых представлений.

Для определения дискурса элит обратимся к анализу официальных выступлений Президента РФ Владимира Путина на ежегодных пресс-конференциях в период с 2018 по 2020 гг. Цель – выявить основные идеологемы, с помощью которых формируется общероссийская идентичность в официальном дискурсе и как находит в нем отражение поколенческая специфика. Был выбран метод интерпретативного дискурс-анализа.

Уточним, что конкретно понимаем под дискурсом, поскольку сталкиваемся с разными способами использования данного концепта. Так в работах М. Фуко дискурс понимается как «сложная совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений о том объекте, который они подразумевают» [1]. В свою очередь Т.А. ван Дейк определяет дискурс в широком смысле как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия, реализуемого в определенном временном и пространственном контекст» [2]. Кроме того, ис-

следователи определяют «дискурс как особый способ общения и понимания окружающего мира, основывающийся на идее того, что язык структурирован в соответствии с паттернами, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни [3, с. 18]. Соответственно, задачей дискурс-анализа является выявление и исследование таких паттернов. Сам по себе дискурс постоянно меняется, также как и наш язык, причиной таких изменений являются сами люди как источники, конструирующие дискурс. Применение дискурс анализа дает возможность понять как политические, социальные, культурные контексты влияют на то, как мы говорим о себе, о других и как на основе этого выстраиваем коммуникацию. Поскольку социальная идентичность не только отражена в дискурсе, но и конструируется через дискурсивное структурирование социального мира для проведения дискурс-анализа был выбран конструктивистский подход. Конструктивизм исходит из того, что действительность создается или «конструируется» социально, а интерпретируется индивидуально, то есть действительность не может существовать вне человеческой восприимчивости и когнитивности, отдельно от них. Не факты, а конструкты формируют знание о внешнем мире. Следовательно, каждый индивид действует исходя из обусловленных контекстом интерпретаций [4, с. 59].

Для проведения дискурс-анализа были отобраны стенограммы ежегодных пресс-конференций Владимира Путина за 2018–2020 гг. Интерпретативный дискурс-анализ предполагает внимание к следующим аспектам: контекстам проблематизации и актуализации идентичности, идеологемам, формирующим социальную идентичность и легитимирующей аргументации [5].

Одно из основных значений контекста – это условия осуществления дискурса, то есть макроконтекст или глобальный контекст. Семиотические структуры дискурса будут определяться культурно-историческими, полити-

ческими, когнитивными и иными контекстами, которые в своем взаимодействии и образуют глобальный контекст [6]. Если обращаться к периоду, который был выбран (2018–2020 гг.), то в мировом геополитическом пространстве произошло достаточно много значимых событий, которые повлияли и на позиционирование России на международной арене, и на внутреннюю политику, что, так или иначе, отразилось на общероссийской идентичности. Отдельно следует отметить неблагоприятную эпидемиологическую обстановку, которая способствовала частичной самоизоляции государств. Внешние угрозы, как правило, способствуют консолидации и сплочению и как следствие актуализации государственной идентичности.

Обратимся теперь к самим идеологемам. В данном случае, под идеологемой понимается «вербально выраженная политическая или политизированная идея» [7, с. 182–183]. Анализ стенограмм ежегодных пресс-конференций Президента за 2018–2020 г. позволил выделить три группы идеологем, вокруг которых конструируется общероссийская идентичность.

Первая – идеологема единения народа перед лицом угрозы: «единение народа при ... угрозе», «состояние всего общества, нацеленного на помощь и поддержку ближнего своего», «помощь и поддержка – вот это общенациональное единение». Так в последней из речей Президент прямо озвучивает это основание общероссийской идентичности: *«В этих достаточно сложных условиях мы ещё раз подтвердили, что лежит в основе российской идентичности, – единение народа при какой бы то ни было угрозе»* [8].

Вторая группа идеологем связана с многонациональным составом страны и состоянием межнациональных отношений: «межнациональных отношений в нашей стране относятся к разряду наиболее важных», «общественное мнение страны не даст нам возможности принимать решения, которые разрушат межнациональное согласие»

[9], «сглаживать... возможные трения на международном уровне». Следует отметить, что в рассматриваемом корпусе текстов понятия «русский народ», «русских этнос» не употребляются, а категория «русский» и его производные звучат в основном в контексте традиционных идентификаторов таких как культура и язык. Затрагивая вопросы межнациональных отношений, Президент говорит о тех ошибках, которые были допущены в разные исторические периоды и о недопущении подобных ситуаций сегодня, а также необходимости будущим российским политикам учитывать данный опыт при построении внутренней межнациональной политики: «Россия складывалась изначально именно как многоконфессиональное государство. И у нас сложилась определённая культура отношений между представителями различных религий и этносов. Это чрезвычайно важное наследие, доставшееся нам от наших предков, переданное нам прежними поколениями» [8]. Внимание к данному вопросу неслучайно, поскольку проблема совместимости общероссийской идентичности с этническими идентичностями народов, населяющих страну, одна из самых дискуссионных. Таким образом, официальном дискурсе учитывается полиэтничность и есть понимание того, что в общероссийскую идентичность должны органично вписываться другие виды идентичности – этническая, конфессиональная, региональная и другие: «мультикультурализм ... у нас он сложился сам по себе на протяжении веков, и мы этим очень дорожим» [8].

Третья группа – это идеологемы, в которых, так или иначе, отражается обращение к общей культуре: «образование, культура, вообще гуманитарные связи... они самый универсальный инструмент сотрудничества в мире», «классическая музыка, балет, театральное искусство... – наше общенациональное достояние» [8]. Затрагивая вопросы культуры, языка и образования Президент говорит о тех государственных программах, которые реализуются на территории стра-

ны и призваны поддерживать и развивать не только общегосударственную культуру, но и культуру отдельных этносов: «мы должны гораздо больше внимания уделять изучению национальных культур, обычаев, языков» [9]. Тематика общей культуры зачастую пересекается с вопросами исторической памяти и преемственности поколений. Как правило, в речи Президента внимание перенесено на вопросы патриотического воспитания и сохранения опыта предыдущих поколений, на поддержку и защиту различных поколений со стороны государства, на демографическую политику в целом.

В целом можно выделить смысловой ряд вокруг которого выстраивается общероссийская идентичность в выступлениях Президента на пресс-конференциях: единение перед лицом угроз на основании общей культуры и преемственности поколений, с учетом полиэтничности страны. Данный послы несколько отличается от понимания общероссийской гражданской идентичности, представленной в Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г., где она трактуется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [10]. В Стратегии акцент перенесен на гражданскую позицию (осознанность, ответственность, соответствие принятым нормам), то есть ощущение себя, как части политического сообщества. Такие вариации в понимании общегражданской идентичности вполне допустимы, как отмечает Л.М. Дробижева: «элитные дискурсивные практики – динамичны, ситуативны» [11, с. 486].

В свою очередь, массовое сознание не всегда может воспринимать идеологемы, которые транслируются на уровне элит, и ориентируется в большей степени на повседневную практику. Для анализа массовых представле-

ний рассмотрим результаты анкетного опроса русского населения Краснодарского края, исследование проводилось в 2019–2020 гг., выборка составила 1200 человек, при формировании выборки учитывались пропорции возраст-

ных групп в общем составе русского населения. Анализ иерархии идентичностей в целом по выборке показывает, что общегражданская идентичность актуализирована и занимает ведущее место (таблица 1).

Таблица 1. Ощущение единства со следующими общностями (сумма «ощущаю в определенной степени» и «ощущаю в полной мере»),%

	В целом по выборке	Поколение ВВ 1943–1963	Поколение X 1963–1983	Поколение Y 1983–2003	Поколение Z 2003+
С жителями России	91,6	94,8	93,1	89,6	89
С людьми моей национальности	87,8	91,6	86	90,5	83
С людьми одного со мной вероисповедания	50,9	81,3	73,7	67,5	54
С людьми моего поколения	91	97,9	90,7	87,3	88
С жителями моего населенного пункта	78,7	80,3	81,4	80,1	73

Актуализированность общегражданской идентичности в поколенческих группах не сильно отличается, только у поколений ВВ и Y отходит на второй план уступая место этнической (для поколения Y) и поколенческой (для поколения ВВ). Общероссийские исследования показывают схожую картину, в частности опрос ФАДН – ВЦИОМ показал, что 91% жителей России идентифицируют себя как граждане России,

при этом 67% ощущают эту общность часто [11, с. 486].

По каким же основаниям идентифицируют себя русские жители Краснодарского края с гражданами России. Данные опроса показывают, что преобладают три основных критерия: формальный – «российское гражданство», патриотический – «готовность защищать Россию», традиционный – «общая культура» (табл. 2).

Таблица 2. Основания общероссийской идентичности (Ответ на вопрос «Кого, в первую очередь можно назвать россиянином?»),%

	В целом по выборке	Поколение ВВ 1943–1962	Поколение X 1963–1983	Поколение Y 1983–2002	Поколение Z 2003+
Того, кто имеет российское гражданство	45,6	39,6	37,5	49,2	57,0
Того, кто готов защищать Россию и отстаивать ее интересы	52,0	56,3	50,0	46,8	57,0
Того, кто исповедует православную веру	10,2	13,5	10,9	11,1	5,0
Того, кто родился в России	35,1	33,3	32,0	29,4	48,0
Того, кто любит Россию	33,8	41,7	38,3	31,7	23,0
Того, кто воспитан на российской культуре и считает ее своей	48,2	46,9	50,8	43,7	52,0
Того, кто говорит на русском языке	7,3	6,3	8,6	6,3	8,0

В поколенческом разрезе можно увидеть некоторые отличия: так для поколений ВВ и Х важен и эмоциональный критерий: «тот, кто любит Россию», тогда как для поколений Y и Z в приоритете формальный критерий – «российское гражданство».

Если сравнивать дискурс элит и массовые представления, то отметить следующее. Во-первых, активная артикуляция в публичной сфере концепта «общероссийская идентичность», отражение его в программных документах выступает одним из факторов актуализации данного типа идентичности в массовом сознании, безусловно, не единственным. Так события на международной арене (напряженность в отношениях с США, Украиной), внутренняя политика (поправки в Конституцию), непредвиденные ситуации (пандемия) воздействуют на содержательное наполнение и масштабы распространения общероссийской идентичности. Во-вторых, основания, по которым происходит идентификация на уровне идеологии и на повседневном уровне несколько отличаются: совпадая в оценках интегрирующего потенциала общей культуры и необходимости противостоять угрозам, и рознясь – в значении исторического прошлого и преемственности поколений. В целом, в понимании общероссийской идентичности преобладает именно государственный компонент, что в условиях полиэтничности страны позволяет интегрировать общество, бесконфликтно совмещать другие виды идентичности.

Литература

1. Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. Киев: «Ника-центр», 1996. 208 с.
2. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса [Электронный ресурс]. –URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения 11.12.2020).
3. Мариани В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр» 2008. 352 с.

4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
5. Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 г.г. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 162–192.
6. Карпов А.О. Дискурс: классификация контекстов // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 74–87.
7. Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культуры // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000. С. 182–189
8. Ежегодная пресс-конференция В. Путина. 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64671> (дата обращения 11.12.2020).
9. Большая пресс-конференция В. Путина. 2019. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/62366 (дата обращения 11.12.2020).
10. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России. 2012. 19 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 14.11.2020).
11. Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498.

RUSSIAN NATIONAL IDENTITY: DISCOURSE OF THE ELITES AND THE MASS

Mukha V.N., Litovka V.A.
Kuban State Technological University

The article presents an analysis of the correlation of the key foundations of the all-Russian

identity both at the level of political discourse and at the level of mass representations. It is proved that social identity is not only reflected in the discourse, but also constructed through the discursive structuring of the social world. Based on the analysis of the President's official speeches at the annual press conferences from 2018 to 2020, the main ideologemes are identified, with the help of which the all-Russian identity is constructed. The author highlights the semantic series around which the all-Russian identity is built in the official discourse: unity in the face of threats on the basis of a common culture and continuity of generations, taking into account the polyethnicity of the country. Mass perceptions of this type of identity are analyzed on the basis of the results of a questionnaire survey of the Russian population of the Krasnodar Territory conducted in 2019–2020. It is determined that the grounds for identification at the level of ideology and at the everyday level are somewhat different: coinciding in the assessment of the integrat- ing potential of a common culture and the need to resist threats, and differing in the assessment of the significance of the historical past and the continuity of generations. It is also revealed that the state component prevails in the understand- ing of the all-Russian identity

Keywords: Russian national identity, ideolo- gemes, elite discourse, mass representations, general civil identity.

References

1. Foucault M. Archeology of knowledge: Per- with fr. Kiev: «Nika-center», 1996.208 p.
2. Van Dyck T.A. To the definition of discourse [Electronic resource]. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (date of access 11.12.2020).
3. Marianne V. Jorgensen, Louise J. Phillips Discourse Analysis. Theory and method. Kharkiv: Publishing house «Humanitarian Center», 2008. 352 p.
4. Makarov M.L. Foundations of the theory of discourse. M.: ITDGK «Gnosis», 2003. 280 p.
5. Karpenko O. Language games with “guests from the south”: «Caucasians» in the Rus- sian democratic press 1997–1999. // Multi- culturalism and the transformation of post- Soviet societies. M.: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2002. S. 162–192.
6. Karpov A.O. Discourse: classification of contexts // Problems of Philosophy. 2008. No. 2. S. 74–87.
7. Bush H.A. Language construction: from the system of ideologemes to the system of cul- ture // Russian language today. M.: Azbuk- ovnik, 2000. S. 182–189
8. Annual press conference of V. Putin. 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64671> (date of access 11.12.2020).
9. Big press conference of V. Putin. 2019. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/62366 (date of access 12/11/2020).
10. Decree of the President of the Russian Fed- eration of December 19, 2012 No. 1666. On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until 2025 // President of Russia. 2012.19 De- cember. URL: [http://www.kremlin.ru/acts/ bank/36512](http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512) (date accessed: 11/14/2020).
11. Drobizheva L.M. The meanings of all- Russian civil identity in the mass conscious- ness of Russians // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2020. No. 4. S. 480–498.

Особенности исследования процесса формирования сообществ социальных сетей в сети ВКонтакте

Орлова Вера Вениаминовна,

доктор социологических наук, наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии (ФиС), Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР)
E-mail: orlova_vv@mail.ru

Перин Антон Сергеевич,

кандидат технических наук, доцент кафедры сверхвысокочастотной и квантовой радиотехники (СВЧКР), Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР)
E-mail: anton.s.perin@tusur.ru

Александрова Юлия Константиновна,

научный сотрудник, центр прикладного анализа больших данных, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ)
E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

Петров Евгений Юрьевич,

техник 2 категории, Центр прикладного анализа больших данных, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ)
E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

Гойко Вячеслав Леонидович,

директор, Центр прикладного анализа больших данных, Национальный исследовательский Томский государственный университет, (НИ ТГУ)
E-mail: goiko@data.tsu.ru

Статья посвящена выявлению особенностей исследования процесса формирования сообществ социальных сетей в ВКонтакте. В процессе исследования установлено, что анализ особенностей создания сообществ социальных сетей связан с проблемой оценки точности и качества выделения кластеров, формализации узлов графов. Характеристики, размещаемые пользователями в своих профилях, формируют массив значимой социологической информации. Благодаря использованию сетевого анализа возможно установить уровень сплоченности, идентифицировать подгруппы, обозначить узлы сети, а также выявить траектории распространения данных в пространстве «искусственной социальности».

Ключевые слова: социальные сети, методы анализа, наборы данных, динамика сетей, сеть ВКонтакте.

«Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ 20-011-3154 олн.»

Введение

Современное виртуальное пространство активно развивается последние 20 лет, поглощая страны и поколения людей. С одной стороны, это связано с техническим прогрессом и является важнейшим достижением человечества, а с другой стороны, со стороны общества, при росте возможностей технической и коммуникационной сферы наблюдаются изменения, которые необходимо оценивать и на их основе учиться предсказывать развитие общества.

В настоящее время единой практико-методологической базы под такими исследованиями нет, они являются многоаспектными и разнонаправленными. Из этого вытекает научная проблема для исследования, которая заключается в формировании теоретических подходов к изучению поведения людей в социальных сетях, понимании условий для образования различных групп, на базе социальных сетей. Важно понимать влияние внешних и внутренних факторов на изменения активности в социальных сетях, что позволит разработать методики диагностики и получения разного рода оценок, необходимых для изучения рисков и направления стратегий.

В качестве объекта изучения, выступают не привязанные к идентификации человека факты, протекающие в социальных сетях, такие как: лайки, селфи, показ фотографий, распространение информации и др. Изучению этих аспектов посвящено большое количество исследований, однако, до сих пор не сформулировано общей практико-методологической основы, согласно которой, с единых позиций возможно трактовать процессы, протекающие в социальных сетях, видеть тенденции и особенности. Личное общение в большей части стало заменяться на общение через посредника -Интернет сер-

вис. Исторически, первой социальной сетью считается портал «Classmates», созданный в 1995 году, который стал не только популярным, но и определил вектор дальнейшего развития медиа-сервисов. В начале 2000-х появились такие мега-сети как Facebook, LinkedIn, др., определившие для себя и имеющие предназначение для деловых контактов, общения и развлечения.

В настоящее время наблюдается период взрывного роста Интернет-сервисов различного назначения (социальные сети (Facebook, Telegram, Twitter, VK и др.), Интернет-магазины (Ali-Express, Amazon и др.), научные сообщества (Researchgate, Linkelnd и др.). Указанные Интернет-сервисы занимают важное место в общении различных групп населения многих стран, но все же не решают каких-то узких задач, под которые создаются узконаправленные сервисы, в том числе и большей части социальных сервисы. С другой стороны, существует привязанность отдельных групп населения к какому-то сервису, что заставляет их использовать несколько профилей в разнообразных сервисах, для того чтобы общаться с разными группами людей. Ориентации каждой группы людей и ее функции в социальных сетях могут значительным образом отличаться друг от друга, поэтому, изучение профилей, которые принадлежат одному человеку, в нескольких сервисах, дает возможность определить направления его общения. Подобная информация очень востребована для решения многих практических задач информационного поиска, разработки телекоммуникационных компаний, создания рекомендательных систем и т.д.

Анализ исследований и публикаций

Использование цифровых технологий становится обычной практикой в повседневной жизни, в связи с этим актуализируется необходимость разработки методов изучения их влияния и последствий их влияния на поведение людей, их ценностные ориентации, поведенческие стратегии. Следует отметить, что иссле-

дованием феномена социальных сетей в электронной среде общения занимались Ф. Фукуяма (1995), П. Бурдьё (2007), Г. Зиммель (2002), Д.К Оулман (2001) и др. Эти авторы проводили анализ архитектуры и специфики социальных сетей, пытались обозначить и найти решения проблемы социального капитала, который является особым ресурсом, влияющим на динамичность социальных сетей.

Из числа прикладных исследований отметим работы С. Кейслера, Л. Спрула (2001), М. Кастельса (2009), которые посвятили свои работы изучению различных аспектов социальных сетей. Значимый вклад в изучение новых возможностей информационных коммуникационных технологий внесли отечественные ученые: Я.Н. Засурский (1999), Д.А. Губанов, Д.А. Новиков (2010, 2014), Лещенко (2011). Социальные медиа представляют собой пространство массовой информации, где обнаруживаются идентификационные маркеры пользователей, такие как интересы, предпочтения, настроения, интеграционные векторы.

При анализе активности в социальных сообществах значимую роль играют большие данные, которые дают возможность исследовать данные о поведении людей в реальной жизни, кто, где, с кем взаимодействует, в том числе изучения социального «заражением». Такие данные позволяют наблюдать за онлайн-активностью, через социальные связи паттернов установок, эмоций (Christakis N.A., Fowler J.H. (2013).

Кроме того, большие данные отличаются от других информационных коммуникационных средств не только значительным объемом, высокой скоростью аккумуляции (они формируются здесь и сейчас, их объем может возрастать каждую секунду), но и согласно Р. Китчену, многообразием форм, высокой дискретностью, гибкостью, что дает возможность добавлять новую информацию и расширять ее объем (Kitchin, 2014).

Для понимания идентификации пользователя в социальных медиа особую роль играют концепты феноме-

нологической философии (М. Шелер, М. Мерло-Понти, Э. Гуссерль). В работах указанных авторов задача идентификации (распознавания) личности решается путем анализа особенностей конструирования жизненного пространства, как личностного проявления социального мира на основании ценностных предпочтений. В социальных науках проблема идентификации и идентичности близкие по значению термины. Специфика первого заключается в отождествлении себя с другими, группой. Второй термин отражает устойчивость и взгляды личности на жизнь. Согласно экзистенциальной философии (С. Кьеркегора, Ж.-П. Сартра, А. Камю) принятие личностью судьбоносного решения приводит к формированию личностной идентичности. Наиболее известной работой, которая посвящена идентификации пользователей социальных сетей является публикация Велдмана (Veldman, I.(2009) *Matching Profiles from Social Network Sites*. Master's thesis, University of Twente.). В своем труде автор представил множество «эвристических приемов», которые используют информацию о профилях, а также данные о связях между ними.

В.С. Ерохин (2012) рассматривает проблему личностной идентификации в ситуации риска, связывая с проблемой соотношения Я и Другой. Возможность поиска оснований для совместного существования социальных субъектов и ситуации некорректного толкования представленных «культурных кодов» в социальной реальности позволяет говорить о том, что к рискованной среде можно отнести и социальные медиа. В рамках нашего исследования существенное значение имеет работа Н. Байма «Личные связи в цифровую эпоху» (Baum, 2010), где автор рассматривает проблему использования опосредованного языка и невербального поведения, которые пользователь применяет для развития и поддержания сообществ в социальных сетях, в том числе представителей разных университетов, поиска новых отношений, а также

для поддержания отношений в повседневной жизни.

Таким образом, большинство исследований цифрового виртуального пространства в различных направлениях и областях знания определяет необходимость их систематизации и объединения в единую научную парадигму. Кроме того, отсутствие научного анализа потенциала (позитивного/деструктивного) потенциала социальных рисков, идентификации, стратегии обуславливает необходимость проведения теоретического и эмпирического исследования в данном направлении на основе междисциплинарности, что существенно дополнит имеющиеся научные знания о исследуемой проблеме.

Основная часть

Электронные социальные сети или как их еще называют социальные медиа в настоящее время приобретают черты координационного центра социальных отношений и связей в глобальном пространстве, который регулирует коммуникативные процессы в рамках социальных систем. Они создают не пространство неограниченного общения в виртуальном мире и привлекают всё большее число россиян. Согласно информации Мирового Интернет Проекта (МИП) [World Internet Project], в 2014 году около 60% россиян использовали социальные сети, 30,2% каждый день размещают свой контент в них (комментарии или фотографии), 34,4% загружают аудио- и видеоконтент из социальных сетей. Одни пользователи социальных сетей используют их для простого времяпровождения (в большей мере общение), другие занимаются зарабатыванием денег (блогеры), а третьи целенаправленно решают определенные задачи разной направленности. Использование ресурсов социальных сетей зависит от возраста, от региона, от обеспеченности пользователя, от его эрудированности и образованности и других факторов.

Современное состояние проблемы в области изучения активности пользователей в социальных сетях позволяет выделить несколько направлений исследований:

1. Обнаружение сообщества различными методами связано с проблемой оценки точности и качества выделения кластеров. Одной из проблем, влияющих на точность выделения сообществ, являются проблемы разделения узлов графа на группы, по каким-то критериям, которые не являются унифицированными, в кластерном анализе количество кластеров часто заранее определяют, однако, на самом деле их число неизвестно.

2. Визуализация результатов кластеризации, выделения узлов графов, статистического анализа требует разработки некоторой специфической системы, для компактного и понятного вида.

3. Изучение структуры сообщества для решения задач безопасности: предотвращение потенциальной уязвимости и угрозы безопасности, повреждение сети и распространение компьютерных вирусов и червей и т.п.

4. Социальные сети активно развиваются и расширяются в пространстве и времени. Это придает их характеристики динамических сетей, для изучения которых необходимо строить не статические, а сложные динамические графы или другие подходы.

5. В социальных сетях обычно много изменений вносится пользователем, которые присоединяются к различным новым сообществам или выходят из других сообществ, используя разные понятия социальных сетей создают перекрестные, многоуровневые знакомства. Это все требует разработки новых математических подходов.

6. Использование социальных сетей для решения задач обучения становится новым, развивающимся направлением работ.

7. Сетевые подходы используются для построения систем онлайн купли-продажи товаров.

8. Изучается и взаимосвязь характеристик личности с активностью пользователей социальных сетей, что позволяет определить критерии их дифференциации согласно принципу их активного присутствия в сети, а также в соответствии с уровнем их направленности.

В основе социальных медиа лежат профили пользователей. Они создают пространство неограниченного общения людей, обеспечивают взаимодействие пользователей в сообществе «искусственной социальности». Характеристики, размещаемые пользователями в своих профилях, являются значимой социологической информацией. Благодаря использованию сетевого анализа возможно установить уровень сплоченности, идентифицировать подгруппы, установить узлы сети, а также обозначить траектории распространения данных в пространстве «искусственной социальности». Существенная доля пользователей не ставит своей целью быть анонимными. Помимо этого, цифровой след, который оставляют посетители сетей дает возможность определять цифровые компетенции, которыми они владеют.

Европейскими исследователями цифровых компетенций была составлена теоретическая модель цифровых компетенций, в состав которой входит информационная грамотность, коммуникация и сотрудничество, кибербезопасность, создание цифрового контента, решение проблем в цифровом пространстве [1].

Первоначально анализ социальных сетей осуществлялся в рамках изучения Интернет-сферы, и только в последние 10 лет эта проблематика выделилась в отдельный исследовательский предмет (Мохначев А.П. Социальные сети как феномен современности, 2011, Безбогова М.С, Ионцева М.В. Социально-психологические аспекты взаимодействия пользователей в соцсети, 2016). Говоря о интернет сообществах, необходимо вспомнить о том, что пользователи, зарегистрированные в социальной сети, объединяются в сообщества, лишь вступая в регулярные взаимодействия, обмениваются ссылками, мнениями, комментариями, контентом. Таким образом, одним из объединяющих факторов выступает темы сообщества. Вторым – люди, состоящие в данном сообществе, поднимающие или снижа-

ющие престиж группы (по классификации Э. Берна).

Эвристический потенциал использования больших данных позволяет расширить методический арсенал и преодолеть ограничение существующих традиционных методов сбора и анализа. Формально можно считать, что активность пользователя в сети является однородной, так как связана с передачей некоторой информации от одного пользователя к другому. Технические усовершенствования сетей позволили помимо текстовой информации передавать голосовую и видео информацию, а также оставлять формализованное мнение об открытой части переписки (лайки), пересылать другим пользователям понравившуюся информацию (репосты), оставлять текстовые комментарии.

Таким образом, в настоящее время, в социальных сетях появилась информация, которая позволяет дифференцировать группы пользователей по их активности в рамках технических возможностей той или иной социальной сети. Нами исключаются сетевые структуры, предназначенные для продажи товара, так как там не содержится информации о активности одного пользователя по отношению к материалам другого пользователя, а лишь выражается мнение о товаре. Это тоже важная информация, но лишь только для маркетинговых служб промышленных предприятий. На основе выбранной из сетей обезличенной информации об разнотипной активности пользователей, нами предлагается выполнить анализ временной последовательности сообщений, разбить на группы, по определенным критериям.

Методология исследования

Сбор данных в социальной сети «ВКонтакте» осуществлялся с помощью API (application programming interface). API упрощает создание кода, поскольку предоставляет набор готовых классов, функций или структур для работы с имеющимися данными. API ВКонтакте – это интерфейс, который позволяет получать

информацию из базы данных vk.com с помощью http-запросов к специальному серверу. Большим преимуществом данного метода является то, что для получения данных не нужно знать в подробностях, как устроена база, из каких таблиц и полей каких типов она состоит – достаточно того, что API-запрос об этом «знает». Синтаксис запросов и тип возвращаемых ими данных строго определены на стороне самого сервиса. Users.get – название метода API ВКонтакте. Методы представляют собой условные команды, которые соответствуют той или иной операции с базой данных – получение информации, запись или удаление. Например, users.get – метод для получения информации о пользователе (имя, фамилию, пол, город, статус, место учебы/работы и т.д.).

С помощью метода getSubscriptions можно получить список идентификаторов сообществ, на которые подписан пользователь, и по этим идентификаторам уже можно запросить информацию о самом сообществе (название, описание, количество участников и т.д.). Помимо этого, API ВКонтакте включает в себя методы для получения данных со стены сообщества или со стены пользователя, фотографий, время, когда пользователь находится онлайн и многое другое.

Обсуждение результатов исследования

В рамках исследования фокус интереса авторов направлен на изучение сообществ социальных сетей в сети ВКонтакте Центрального, Сибирского и Дальневосточного федеральные округа, в том числе политических интересов, миграционных потоков. Общая выборка составила более трех миллионов пользователей от 17 до 35 лет.

В процессе изучения интересов молодежи, репрезентирующих в социальной сети ВКонтакте, мы выделили несколько возрастных групп, определили девять сообществ, отражающих политические взгляды пользователей, состоящих в региональных сообществах (рис. 1).

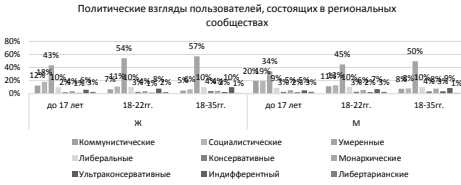

Рис. 1. Политические взгляды пользователей, состоящих в региональных сообществах

Наиболее крупные сообщества (55%) составляют сообщества умеренного типа, девушки от 18 до 35 лет, чуть ниже доля (50%) в данной категории составляют мужчины. На втором месте – сообщества коммунистического и социалистического типа в возрасте до 17 лет (12%, 18% девушки, и 20% юноши). Обратим внимание, что незначительная доля среди девушек и юношей составляет сообщества либерального (3%) и индифферентного типа (1%). Кроме того, 3% среди юношей возраста 18–35 лет составляют сообщества монархического типа.

Анализ миграционных потоков пользователей, состоящих в региональных сообществах, показал, что наибольшую долю «мигрантов» составляют девушки и юноши 17 до 22 лет (53%), что связано в первую очередь с поиском образовательной составляющей (рис. 2).

Рис. 2. Миграционные потоки пользователей, состоящих в региональных сообществах

Анализ контента постов показал, что в основном это образовательная миграция, направленная на получение образования в крупных городах, с наличием известных образовательных учреждений (СФУ, ТГУ, НГУ, др.).

С точки зрения образовательной миграции молодежь включается в различные типы социальных сетей: университетские, региональные, дружеские. Для успешной интеграции в социальную среду молодой человек (пользователь) должен приобрести определенный культурный и социальный багаж, а также освоить необходимые интернет-практики. В целом зоны притяжения образовательной миграции пользователей социальной сети отражают перекачку человеческого капитала, что требует дальнейшего изучения и выявления узлов различного типа.

Выводы

В заключении, необходимо отметить, что использование цифровых методов, современных инструментов и больших данных из открытых источников в сочетании с традиционными методами (например, опросными) позволит обогатить возможности изучения формирования сообществ, интересов молодежи, миграционных потоков, преимуществ и рисков процессов, происходящих в социальных сетях.

В процессе исследования детально рассмотрены направления изучения активности пользователей в социальных сетях. Отдельное внимание уделено значимости и потенциалу использования больших данных, благодаря которым можно дифференцировать группы пользователей по их активности в рамках технических возможностей той или иной социальной сети.

Практический эксперимент проводился в социальной сети «ВКонтакте». В рамках исследования фокус интереса был направлен на изучение сообществ социальных сетей в сети ВКонтакте Центрального, Сибирского и Дальневосточного федеральные округа, в том числе политических интересов, миграционных потоков. В ходе исследования было выделено несколько возрастных групп, обозначено девять сообществ, отражающих политические взгляды пользователей, состоящих в региональных сообществах, также проведен анализ миграционных потоков.

Новизна проводимого исследования заключается в разработке методики диагностики и получения разного рода оценок, необходимых для изучения рисков и направления стратегий.

Литература

1. Meta van der Linden, Marc Hooghe, Thomas de Vroome Extending trust to immigrants: Generalized trust, cross-group friendship and anti-immigrant sentiments in 21 European societies. Published: May 8, 2017 <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0177369>
2. McCallum A., Wang X., Corrada-Emmanuel A. Topic and Role Discovery in Social Networks with Experiments on Enron and Academic Email // *Journal of Artificial Intelligence Research* 30 (2007) P. 249–272/
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб – «Эксмо», 2016. 127 с.-(Топ Бусинесс Авардс).
4. Орлова В.В. Репрезентация Цифровой экономики в условиях научно-образовательного комплекса // *Наука Красноярья*, Том 6, № 4–2, 2017. С. 167–169.
5. Законопроект № 747513–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)», внесен в Государственную Думу Российской Федерации 05.07.2019. См.: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513–7](https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7) (Дата обращения 4.11.2020)
6. Прототип коммуникационно-когнитивной платформы для формирования метакоманд / В.В. Орлова, С.В. Глухарева, Ю.О. Лобода, О.В. Кочетков, Д.О. Ноздревых, О.И. Рекундаль // Вторая международная научная конференция ведущих научных школ в области радиолокации, радионавигации и радиоэлектронных систем передачи информации «Шарыгинские чтения». 30.09–01.10.2020 (в печати)
7. Johanna Gereke, Max Schaub, Delia Baldassarri Ethnic diversity, poverty and social trust in Germany: Evidence from a behavioral measure

of trust. Published: July 18, 2018. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0199834> <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0199834> (дата обращения: 10.11.2020).

8. Коломейченк М.И. Алгоритм выделения сообществ в социальных сетях / М.И. Коломейченко, А.А., Чеповский А.М. Чеповский. // *Фундамент. и прикл. матем.* – 2015. – Т. 19, Вып. 1. – С. 21–32.
9. Базенков Н.И. Обзор информационных систем анализа социальных сетей / Н.И. Базенков, Д.А. Губанов // *УБС.* – 2016. – Вып. 41. – С. 357–394.
10. Meta van der Linden, Marc Hooghe, Thomas de Vroome Extending trust to immigrants: Generalized trust, cross-group friendship and anti-immigrant sentiments in 21 European societies. Published: May 8, 2017 <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0177369> (дата обращения: 25.11.2020).
11. Безбогова М.С., Ионцева М.В. Социально-психологические аспекты взаимодействия пользователей в виртуальных социальных сетях // «*Мир науки*» (серия Педагогика и психология). 2016. №5 (сентябрь-октябрь), том 4. Аниканова А.А.,
12. Бикен Н.С. Роль виртуальных социальных сетей в организации социальных движений в современной России//*Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* – 2016. – No. 1–4.
13. Щекотин Е.В. Цифровые технологии в социальных науках: предмет и метод цифровой социологии // *Социология и право.* – 2020. – No 1. –С. 49–59.

FEATURES OF THE STUDY OF THE PROCESS OF FORMING COMMUNITIES OF SOCIAL NETWORKS IN THE VKONTAKTE NETWORK

Orlova V.V., Perin A.S., Alexandrova Ju.K., Petrov E. Yu., Goyko V.L.

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR), Tomsk State University

The article is devoted to identifying the features of the study of the process of forming communities of social networks in the VK network. In the course of the study, it was found that the analysis of the features of the formation of communities of social networks is associated with the problem of assessing the accuracy and quality of cluster identification, formalization of graph nodes. The characteristics that users post on their profiles represent significant sociological information. With the help of network analysis, it is possible to identify the degree of cohesion, subgroups, network nodes and trajectories of information dissemination in the environment of "artificial sociality". The large number of social media users results in a huge amount of unstructured data (by time, type of communication, type of message and geographic location). Technical improvements of networks allow, in addition to text information, to transmit voice and video information, as well as to leave a formalized opinion about the open part of the correspondence, to leave text comments. Currently, information has appeared on social networks that allows differentiating user groups by their activity within the technical capabilities of a particular social network. The scientific novelty of the research is the development of diagnostic methods and obtaining various kinds of assessments necessary for studying risks and directing strategies.

Keywords: social networks, methods of analysis, data sets, dynamics of networks, VK.

References

1. Meta van der Linden, Marc Hooghe, Thomas de Vroome Extending trust to immigrants: Generalized trust, cross-group friendship and anti-immigrant sentiments in 21 European societies. Published: May 8, 2017 <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0177369>
2. McCallum A., Wang X., Corrada-Emmanuel A. Topic and Role Discovery in Social Networks with Experiments on Enron and Academic Email // *Journal of Artificial Intelligence Research* 30 (2007) P. 249–272 /
3. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution / K. Schwab – "Eksmo", 2016. 127 p. – (Top Business Awards).
4. Orlova V.V. Representation of the Digital Economy in the Conditions of the Scientific and Educational Complex // *Science of Krasnoyarsk*, Volume 6, No. 4–2, 2017. P. 167–169.
5. Draft Law No. 747513–7 "On Amendments to Certain Legislative Acts (regarding the clarification of identification and authentication procedures)", introduced to the State Duma of the Russian Federation on July 05, 2019. See: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513–7](https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7) (Date of treatment 4.112.2020)
6. The prototype of the communication and cognitive platform for the formation of meta-teams / V.V. Orlova, S.V. Glukhareva, Yu.O. Loboda, O.V. Kochetkov, D.O. Nozdrevatykh, O.I. Rekundal // The second international scientific conference of the leading scientific schools in the field of radar, radio navigation and radio-electronic systems of information transmission "Sharygin Readings". 30.09–01.10.2020 (in print)
7. Johanna Gereke, Max Schaub, Delia Baldassarri Ethnic diversity, poverty and social trust in Germany: Evidence from a behavioral measure of trust. Published: July 18, 2018 <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0199834> <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0199834> (accessed 10.11.2020).
8. Kolomeichenk M.I. Algorithm for identifying communities in social networks / M.I. Kolomeichenko, A.A., Chepovskiy A.M. Chepovsky. // *Foundation. and app. mat.* – 2015. – T. 19, Iss. 1. – S. 21–32.
9. Bazenkov N.I. Review of information systems for the analysis of social networks / N.I. Bazenkov, D.A. Gubanov // *UBS.* – 2016. – Issue. 41. – S. 357–394.
10. Meta van der Linden, Marc Hooghe, Thomas de Vroome Extending trust to immigrants: Generalized trust, cross-group friendship and anti-immigrant sentiments in 21 European societies. Published: May 8, 2017 <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0177369> (accessed 11/25/2020).
11. Bezbogova M.S., Iontseva M.V. Socio-psychological aspects of user interaction in virtual social networks // "World of Science" (series Pedagogy and Psychology). 2016. No5 (September-October), volume 4. Anikanova A.A.,
12. Biken N.S. The role of virtual social networks in the organization of social movements in modern Russia // *Actual problems of the humanities and natural sciences.* – 2016. – No. 1–4.
13. Shchekotin E.V. Digital technologies in social sciences: the subject and method of digital sociology // *Sociology and law.* – 2020. – No 1. –S. 49–59.

Перфекционизм как тип социального поведения личности

Филясова Юлия Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
E-mail: phill.yield@gmail.com

Перфекционизм личности как социальная характеристика представляет собой общественную и профессиональную деятельность индивида, направленную на удовлетворение потребностей высшего уровня – самоактуализации и самореализации, которое возможно при следующих условиях: 1) удовлетворении базовых потребностей, 2) социальном благополучии индивида, 3) самоосознании возрастных потребностей, 4) внутренней мотивации; 5) благоприятных внешних условиях. Перфекционизм обозначает активную социальную позицию индивида, направленную на достижение личных целей в процессе решения социально значимых задач. Отрицательный перфекционизм снижает адаптационные возможности человека и может привести к социальной изоляции. Социальные барьеры, препятствующие профессиональному росту и развитию, вынуждают человека направлять усилия на удовлетворение потребностей более низкого уровня, и в итоге приводят к развитию нездорового перфекционизма. Суммируя, перфекционизм как акцентированный тип социального поведения личности, обусловленный определенными психологическими установками, характеризуется устойчивостью личностного мотива и повышенной уязвимостью к внутрличностным изменениям и социальным условиям.

Ключевые слова: перфекционизм; целеполагание; потребности; мотивация; адаптация; социальное благосостояние; управление персоналом.

Введение. Перфекционизм в социальном контексте означает повышенное стремление человека к самореализации – выражении своего творческого и интеллектуального потенциала. Перфекционизм, чаще всего, означает высокую социальную активность индивида и преодоление различного рода препятствий. На сегодняшний день перфекционизм рассматривается как неоднозначное явление. С одной стороны, стремление человека к достижению высоких целей и идеальному исполнению обязанностей считается предпочтительным, особенно в высоко конкурентных сферах деятельности. Однако с другой стороны, чрезмерное стремление может вызвать необоснованное промедление, отвлечение от основной проблемы и переключение внимания на неважные детали. В итоге, поставленные цели остаются нереализованными.

Перфекционизм характеризует личность, обладающую ригидными мотивами, внутренней мотивацией к деятельности, отчетливым опредмечиванием цели и идеализированным представлении результатов деятельности. Известно, что внутренняя мотивация, в отличие от внешней, обладает большей действенной силой и постоянством, которые способны сформировать долгосрочные устойчивые мотивы. Однако завышенная мотивация и чрезмерная эмоциональность могут мешать достижению поставленных целей [19]. Перфекционизм приобретает отрицательные свойства, такие как прокрастинация, эмоциональное выгорание и др.

Появление перфекционизма в структуре личности человека может быть обусловлено несколькими причинами: диссеминацией внутрисемейных отношений, социальным влиянием, внутрличностными мотивами.

Диссеминация семейных отношений. Культура внутрисемейных отноше-

ний является основой для формирования активной социальной позиции подрастающего поколения. Значительное количество времени, которое родители проводят на работе, выполняя рабочие задания и поручения, их творческая активность, имеющая социальную значимость, как например, участие в творческих коллективах, оказывает влияние на детей, на их отношение к труду, понимание своей важной роли в жизни общества, большого объема социального вклада, высокого уровня ответственности за результаты своего поведения и поступков. Личный пример родителей и совместная практическая деятельность с детьми служат основой включения молодого поколения в социальные отношения посредством имитационного подражания [4], которое порождает модели перфекционистского поведения: планирования действий и распределения времени между домашними делами и общественно значимыми обязанностями, приоритизации социально значимых задач, формирования потребностей в самоактуализации. Однако личный пример не всегда доходит до адресата. Если тип личности ребенка кардинально отличается от типа личности родителей, то модель поведения не считывается или считывается искаженно.

Практика внутрисемейных отношений включает и другие способы воздействия на молодое поколение. Преобладание методов убеждения, таких как объяснение, внушение, советы, над методами принуждения создают условия для развития внутренней мотивации к реализации личностного потенциала. Родители-перфекционисты формируют ригидное мышление детей путем трансляции завышенных требований, например, к успеваемости в школе, высоким академическим результатам. Критика заставляет молодое поколение прилагать усилия для того, чтобы соответствовать завышенным требованиям их родителей. Социальная практика показывает, что каждое последующее поколение живет в более комфортных условиях, чем предыдущее. Перфекционизм

как социальное явление играет не последнюю роль в формировании данной социальной реальности. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги считают, что «молодежь как социологическое понятие есть производная от противоречия между поколениями, возникающего как результат усилий молодежи путем воспроизводства социальной структуры вытеснить экономически активное население из господствующих распределительных отношений» [2, с. 10].

Культура семейного воспитания определяет способы социализации и социальной адаптации детей. Перфекционизм взрослой личности есть результат не только имитации социального поведения их родителей, но и воспитания, нацеленного на обеспечение лучших условий для роста и развития детей и на реализацию их собственного личностного и профессионального потенциала в процессе выполнения общественно значимых функций. Задачей родителей, среди прочих, является воспитание потребностей. «Отсутствие воспитательной компоненты в системе внутрисемейных отношений значительно снижает ориентацию на труд, сдерживает воспроизводство социально-профессиональной структуры общества» [8, с. 14].

Социальная среда. Основу перфекционизма составляет желание быть признанным, полезным, ценным для социума. Система самооценки формируется на основе ожидания положительной оценки деятельности индивида обществом. Люди, упорно двигающиеся к цели и достигающие высоких результатов, как правило, высоко оцениваются их непосредственным окружением. Высокое признание может проявляться как похвала, высокие оценки в образовательных учреждениях, карьерный рост. В таких условиях высокие достижения ассоциируются с интенсивной работой, добросовестностью, высокими интеллектуальными способностями. Постепенно, перфекционизм превращается в перманентное стремление к достижению высоких результатов деятельности. Со временем, перфекционизм

сты начинают воспринимать свое окружение как враждебное, критикующее их за низкие результаты деятельности, за неспособность достигать высоких целей и соответствовать требованиям. Перфекционизм как личностная характеристика заставляет индивидов фильтровать информацию, поступающую из социального окружения, и реагировать только на те идеи, которые соответствуют их собственным взглядам. Перфекционистов интересуют только результаты деятельности, ориентируясь на которые они оценивают собственный «Я-концепт». Если их деятельность не приносит каких-либо результатов, перфекционисты впадают в депрессию.

Внутриличностные мотивы. На основе теории мотивации А. Маслоу [14] можно предположить, что перфекционисты – это категория людей, которые ставят перед собой цели высшего порядка, относящиеся к личностному росту и профессиональному развитию, которые, в конечном счете, обеспечивают самореализацию личности. Поведение человека определяют потребности. Потребность обеспечивает связь индивида со средой [3, с. 101]. К. Альдерфер [11] выделяет потребности трех уровней: экзистенциальные, социальные и развивающиеся, соответственно, к низшему, среднему и высшему уровням. Теория К. Альдерфера, дополняющая теорию А. Маслоу, основывается на том, что потребности более высокого уровня не могут быть достигнуты, если потребности более низких уровней остаются неудовлетворенными. Следовательно, отрицательный перфекционизм возникает как вынужденное удовлетворение потребностей более низкого порядка ввиду невозможности реализации потребностей высшего уровня.

Перфекционизм личности, успешно реализующийся как достижение поставленных целей, определяется совокупностью факторов, влияющих на человека: осознанием собственных потребностей, способностью решать поставленные задачи, благоприятными внешними условиями. Отрицательный

перфекционизм формируется при нарушении хотя бы одного из перечисленных условий, например, стремление к достижению целей, не соответствующих возрасту, социальному или профессиональному статусу человека, физическая или интеллектуальная неспособность решать поставленные задачи, неблагоприятные внешние условия.

Принципиальная разница между положительным и отрицательным видами перфекционизма заключается в том, что первый предполагает меняющиеся цели и свободный выбор объекта, ассоциирующего потребности с результатами деятельности; а второй – постоянство цели и предмета мысленного воплощения потребности, неспособные меняться в зависимости от трансформирующихся внешних условий и появляющихся новообразований личности. Положительный перфекционизм характеризует активных индивидов с завышенной самооценкой, стремящихся к преобразованию общественных отношений за счет лидерского поведения. Отрицательный перфекционизм означает, напротив, снижение активности, занижение уровня самооценки и принятие социальной роли ведомого или во все социальную изоляцию (табл. 1).

Таблица 1. Перфекционизм личности с позиции теории мотивации.

Критерии сравнения	Положительный	Отрицательный
Базовые потребности	удовлетворяются	не удовлетворяются
Мотивация	оптимальная	завышенная
Мотив	ригидный	ригидный
Цели	меняющиеся	постоянные
Опредмечивание	не фиксированное	фиксированное на одном объекте
Деятельность	осознанная и целенаправленная	чрезмерные усилия или избегание деятельности
Эмоциональность	положительная	отрицательная
Активность	повышенная	пониженная

Окончание

Критерии сравнения	Положительный	Отрицательный
Самооценка	завышенная	заниженная
Тип личности	психическая устойчивость	психическая неустойчивость
Социальное положение	социальное благополучие	социальное неблагополучие
Тип социального влияния	лидерство	нелидерство
Целевая потребность высшего уровня	удовлетворяется	не удовлетворяется

Отрицательный перфекционизм.

Как было сказано выше, невозможность реализации потребностей высшего уровня из-за внешних или внутренних причин может привести к возврату на более низкий уровень и удовлетворению более простых потребностей с большей интенсивностью, пристальным вниманием к деталям. Каждая потребность, включая потребности низшего уровня, может иметь высокую степень проявления. Так, например, потребность в удовлетворении чувства голода может привести к возникновению желания всегда иметь полный холодильник продуктов. Как один из наиболее частотных сценариев, у человека может появиться склонность к переяданию и ожирению. Потребность в безопасности может выразиться в желании иметь дом-крепость со сверхнадежной системой защиты. Крайним отрицательным проявлением данной экзистенциальной потребности может стать нежелание выбрасывать старые вещи и патологическое накопительство (синдром Плюшкина).

Перфекционизм не всегда означает совершенство. Чаще всего он ассоциируется с упорством в достижении высоких целей, с высокой требовательностью к себе, с восприятием «Я-концепта» через призму собственных достижений, с переживанием негативных эмоций из-за невозможности соответствия высоким требованиям и стандартам, со значительными усилиями, которые приводят к нарушению физического и психического здоровья человека.

Перфекционизм, как правило, объясняется благими намерениями, например, желанием быть организованным, пунктуальным, работоспособным и продуктивным. Однако парадоксальная ситуация возникает в том случае, когда именно такие стремления затрудняют достижение высоких целей. Отрицательное влияние перфекционизма проявляется в самоуничижении. Индивид испытывает постоянное недовольство собой, которое заставляет его чувствовать постоянное нервное напряжение и стресс.

Еще одним недостатком перфекционизма является сфокусированность человека только на одной сфере деятельности: учебе, работе, домашних делах, отношениях, еде, диете, собственном весе, личной гигиене, спорте или фитнесе. Все время посвящается только одному аспекту жизнедеятельности. Внимания и времени на остальные виды деятельности уже не остается. Перфекционизм приводит к несбалансированному распределению личного времени и акцентированию значимости только одной цели. Перфекционистский образ мышления заключается в «черно-белом» восприятии действительности, т.е. видении только экстремальных, пограничных характеристик ситуации, предъявлении завышенных требований к себе и окружающим, преувеличении значимости и масштабов событий, поспешность выводов.

Перфекционистское поведение проявляется в следующем [17]: ощущение нехватки времени для принятия верного решения; переживание дефицита внимания и одобрения со стороны окружающих; стремление к детальному планированию; нежелание продолжать заниматься определенной деятельностью из-за отсутствия мгновенных высоких результатов; откладывание начала выполнения определенной деятельности из-за страха неуспеха; неумение вовремя завершить разговор, т.е. остановиться при обсуждении определенной проблемы; постоянное желание проверять и перепроверять; накопление запасов, например, продуктов впрок или увеличение банковских вкладов «на черный

день»; неспешность в делах и речевом поведении или промедление для лучшего контроля своих действий и предупреждения неудач; избегание ситуаций, в которых индивид может быть неуспешным, например, отказ от возможностей карьерного роста из-за страха не справиться с будущими обязанностями. Эти виды деятельности, как правило, отнимают много времени, выполняются вместо других, более важных дел, и могут значительно отодвинуть во времени достижение поставленной цели. Резюмируя, отрицательный перфекционизм – это личная негативная интерпретация событий, происходящих с индивидом.

Возрастные характеристики перфекционистов. Удовлетворение потребностей, согласно теории А. Маслоу, происходит постепенно. С возрастом человек приобретает необходимые знания, профессиональные навыки, входит в определенный круг социального взаимодействия. Потребности реализуются, начиная от низших к высшим. Перфекционизм как социальное явление можно рассматривать как стремление людей определенного возраста достичь целей, не свойственных их возрасту. В качестве примеров можно привести стремление детей дошкольного возраста освоить программу начальной школы или желание молодежи студенческого возраста выполнять работу и, соответственно, занимать должности в организациях, предполагающие наличие как минимум десятилетнего стажа.

Каждый возрастной период характеризуется своими возрастными и социальными потребностями, а также ведущим видом деятельности [10]. Перфекционизм как психологическая особенность личности формируется в детстве под влиянием внутрисемейных отношений и ближайшего окружения и проявляется на протяжении жизни в зависимости от возрастных и социальных потребностей индивида. Поведение детей и подростков с выраженным перфекционизмом обусловлено желанием получить признание родителей, референтных групп, учителей и других значимых

членов социального окружения [16]. Примерами деятельности могут служить тщательная уборка своей комнаты, прилежная учеба, высокие оценки, интенсивные занятия музыкой, написание картин, активное участие в танцевальных и хореографических коллективах и др.

В студенческом возрасте наиболее ярко перфекционизм проявляется в стремлении молодежи окончить учебное заведение с отличием. В отношении профессиональной реализации перфекционистский конструкт личности может проявляться как долгосрочная социальная установка молодежи на планирование карьеры и карьерного роста без учета текущей социально-экономической ситуации. Молодые люди 15–29 лет имеют низкий уровень доходов [1; 7, с. 24] по ряду объективных социально-экономических причин: начало карьерного пути, отсутствие жизненного опыта, стажа работы, знания специфики функционирования конкретной организации. Положительный перфекционизм личности позволяет осуществлять качественную академическую подготовку и добросовестно выполнять текущие простые профессиональные задачи. Отрицательный перфекционизм личности проявляется в чрезмерном академическом усердии, отсутствии социальных контактов, начального опыта работы, «преднамеренном откладывании начала трудовой деятельности с целью тщательно ознакомиться с общественными отношениями и общественным устройством» [6, с. 211].

В ярко выраженном виде положительный перфекционизм личности проявляется в зрелом возрасте, когда удовлетворены базовые потребности и достигнуто состояние социального благополучия. Человек в большей степени сосредоточен на профессиональном росте и самореализации. В положительной форме реализация перфекционизма личности подчиняется тем потребностям, которые соответствуют возрастным особенностям индивида, а также своевременной перестройке,

сопровождающейся переосмыслением своих потребностей при переходе на следующий этап личностного развития. Существуют различные примеры того, как человек при вступлении в новый жизненный период продолжает руководствоваться прежними мотивами. В результате могут возникнуть различные отклонения и расстройства личности; перфекционизм может приобрести отрицательные формы социальной патологии.

Социальное благополучие. Социальное благополучие определяется как интегральное единство следующих компонентов: социальной адаптации, социального вклада, социальной включенности, социальной реализации и общественного признания [13]. Социальное благополучие – это способность индивида создавать значимые отношения и поддерживать регулярные контакты с различными социальными категориями людей – членами семьи, друзьями, соседями, коллегами по работе и т.д. Социальное благополучие предполагает социальную включенность и чувство групповой принадлежности. Социальное благополучие невозможно без поддержки членов социальных групп. Эмоциональный интеллект, моральный кодекс, воспитание, адаптационные способности, альтруизм, доверие, свобода, равные права, единая система ценностей, традиции и убеждения также способствуют социальному благополучию индивида. Социальное благополучие означает удовлетворение базовых потребностей человека, создание условий для благополучного сосуществования различных социальных сообществ и их дальнейшего социального развития. Перфекционизм как положительное свойство личности, ориентированное на прогрессивный творческий рост и профессиональное развитие человека, реализуется только при достижении индивидом состояния социального благополучия. В условиях социальной дезадаптации, непризнания индивида и его заслуг окружением перфекционизм приобретает отрицательные формы, включая психосоматические расстройства личности.

К неблагоприятным социальным условиям следует отнести периоды экономических кризисов. Так, например, «в современных реалиях для домашних хозяйств на первый план выдвигается задача обеспечения экономических условий и организации воспроизводства человеческого потенциала членов семьи» [5, с. 124]. Известно, что при высоком уровне безработицы, низких доходах населения, особенно когда они не позволяют удовлетворить даже базовых потребностей, человек не может себе позволить реализацию потребностей высшего уровня в самоактуализации. Перфекционизм по объективным (внешним) причинам может превратиться в социальную патологию.

Перфекционизм в социально-трудовых отношениях. Перфекционизм можно рассматривать не только с точки зрения содержания, т.е. потребностей, мотивов и целей, но и с процессуальной точки зрения – объема прилагаемых усилий, вознаграждения и степени удовлетворенности индивида [18]. Определение плановых показателей деятельности, сроков выполнения задач и объема вознаграждения за достижение поставленных целей – это система, основанная на формировании потребности работников в профессиональной среде [15]. Именно здесь человек оценивается, в первую очередь, с точки зрения достигнутых результатов. Такой подход полностью соответствует психологическим установкам перфекционистов, характеризующихся отрицательным восприятием «Я-концепта». Однако в социально-трудовых отношениях достижение целей организации сопровождается различного рода поощрениями, которые удовлетворяют потребности высоких уровней.

Развитие перфекционизма в трудовой среде как интегрального компонента системы управления персоналом имеет два положительных аспекта: во-первых, для личности работника с позиции профессионального роста, который по определению ориентирован на самореализацию и достижение потребностей высокого уровня [12];

во-вторых, для организации с целью преобразования общественных отношений и решения социально полезных задач. Система оплаты труда, основанная на результатах, на выполнении плановых показателей, на достижении более значительных целей по сравнению с запланированными, или в более сжатые сроки, дифференцированная оплата труда, конкурентная среда – создают условия для развития **положительного перфекционизма**, признаки которого рассмотрим, согласно данным табл. 1: 1) гарантия минимального размера выплат обеспечивает удовлетворение базовых потребностей; 2) достижение более высоких целей определяет повышенную оплату труда, социальное признание, нематериальное поощрение; 3) вариативность целей и установок обеспечивается меняющимися условиями рынка, политикой организации, многозадачностью должностных обязанностей и другими микро- и макроэкономическими факторами; 4) достижение целей организации означает социальное благополучие работника; 5) соответствие требованиям менеджмента является основанием для назначения на более высокую должность и реализации потребности во власти.

Перфекционистская корпоративная культура способствует формированию эмоционального капитала организации как неосязаемого ресурса, который наряду с материальными активами повышает эффективность управления персоналом и, в конечном итоге, стоимости производимых товаров и услуг [9]. Обязательным условием развития положительного перфекционизма личности работника является совпадение целей организации и личных целей работника. При их различии высока вероятность появления деструктивных форм перфекционизма или уход работника из организации.

Предпосылками развития **отрицательного перфекционизма** в социально-трудовых отношениях могут стать внутриличностные особенности работника: 1) психологическая неустойчивость, наличие перфекционистского

конструкта личности, препятствующего эффективному взаимодействию в коллективе, неспособность работы в команде; 2) чрезмерно завышенная мотивация; 3) ригидный мотив деятельности; 4) тщательное внимание к деталям, страх совершения ошибки, заниженная самооценка, прокрастинация; 5) негативное восприятие корпоративной культуры и политики преобразований. Перфекционизм в социально-трудовых отношениях может принимать отрицательные формы вследствие развития нездоровых межличностных отношений внутри коллектива. Интриги, нездоровая конкуренция, необоснованное предъявление завышенных требований, предвзятое несправедливое враждебное отношение руководителя к работникам, конфликты среди сотрудников – создают условия для развития деструктивных моделей поведения.

Заключение. Перфекционизм личности – это психолого-социологическая характеристика человека, определяющая его социальное и трудовое поведение на основе личных мотивационных установок. Перфекционизм развивается как часть культуры внутрисемейных отношений на основе подражания родителям, а также под влиянием их воспитательного воздействия. Положительный перфекционизм предполагает способность человека к осознанию потребностей в зависимости от возраста и социального контекста и достижение лично значимых целей посредством успешной адаптации в постоянно меняющихся условиях.

Перфекционизм – это стремление к самоактуализации и самореализации личности, которое, согласно теории мотивации, свойственно людям зрелого возраста, достигших социального благополучия и удовлетворения базовых потребностей. В более раннем возрасте перфекционизм сопряжен с пренебрежением экзистенциальными и социальными потребностями, жертвенным отношением к различным видам социальной активности в пользу определенного вида деятельности – академической или профессиональной.

Отрицательный перфекционизм развивается в результате нарушения одного из вышеперечисленных условий, снижает адаптационные возможности человека и может привести к социальной изоляции. Так, при неудовлетворении жизненно важных потребностей человек вынужден заниматься рутинными видами работ, исключая творческий и интеллектуальный компоненты деятельности. Перфекционистский подход к выполнению рутинных операций может лишь вызвать эмоциональное выгорание вместо ощущения удовлетворенности результатами собственной деятельности. Неспособность самоосознания возрастных потребностей мешает перфекционистам «переключиться» с одного ведущего вида деятельности на другой и может спровоцировать риск развития патологического конструкта личности вследствие таких психологических отклонений как обсессивно-компульсивное расстройство. Преобладание внешних мотивирующих факторов над внутренними порождает формальный подход к решению задач и формирует симулятивный тип перфекционизма. Социальные барьеры, препятствующие профессиональному росту и развитию, вынуждают человека направлять усилия на удовлетворение потребностей более низкого уровня, и в итоге приводят к развитию нездорового перфекционизма.

Отрицательный перфекционизм означает видение себя исключительно через призму достижений. Невозможность реализации намеченных целей приводит к развитию деструктивного мышления и поведения: прокрастинации, эмоционального выгорания, депрессии, социальной изоляции и других психосоматических расстройств. Суммируя, перфекционизм как акцентированный тип социального поведения личности, обусловленный определенными психологическими установками, характеризуется устойчивостью личностного мотива и повышенной уязвимостью к внутриличностным изменениям и социальным условиям.

Социально-трудовая среда формирует культуру перфекционизма посредством формирования потребности в достижении целей организации, которая реализуется в двухуровневой системе оплаты труда – базовой и премиальной. Задача работников заключается в выполнении организационных показателей. Культура перфекционизма может иметь как положительное, так и отрицательное влияние на работников. Положительное влияние проявляется при совпадении личных и организационных целей, нормальном психологическом климате, независимой объективной оценке достижений работников. Отрицательное влияние корпоративной культуры перфекционизма наблюдается при субъективном подходе к оценке результатов деятельности сотрудников, превышении значимости личных интересов над организационными.

Перфекционизм как социальная характеристика является положительным свойством личности человека в том случае, если на протяжении всей его жизни цели, какими высокими бы они ни были, реализуются в практической деятельности индивида. Человек при этом активен и успешно адаптируется в различных социальных условиях. Перфекционизм как отрицательное явление возникает при невозможности воплощения идей вследствие внутриличностных или внешних ограничений. Неспособность индивида к самореализации приводит к психосоматическим расстройствам и социальной изоляции.

Литература

1. Бочаров В.Ю., Гаврилюк Т.В. Модели экономического поведения рабочей молодежи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Социология. 2019. 12.(2). С. 134–152.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с.
3. Кибанов А.Я., Баткаева И.А., Митрофанова Е.А., Ловчева М.В. Мотивация и стимулирование трудо-

- вой деятельности. М.: ИНФРА-М., 2010. 524 с.
4. Красавина Е.В. Формы социальной адаптации: имитация-подражание и имитация-симулякр // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. 4. С. 93–103.
 5. Мигранова Л.А., Тореев В.Б., Ярашева А.В. Экономическое поведение: анализ и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. 1 (31). С. 116–124.
 6. Новгородова Е.Ф. Сравнительный анализ перфекционизма молодых людей, обучающихся в учреждениях разного профессионального уровня // Человек и образование. 2015. 3 (44). С. 211–216.
 7. Потемкин В.К. Модернизация системы образования и новое качество профессиональных компетенций выпускников вузов // Социология и право. 2016. 4 (34). С. 22–30.
 8. Потемкин В.К. Диссеминация семейных отношений как фактор активизации молодежи в профессиональной деятельности // Социология и право. 2019. 1 (43). С. 11–17.
 9. Филясова Ю.А. Определение понятия «эмоциональный капитал» и его роли в управлении персоналом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2020. 2. С. 106–115.
 10. Эльконин Д.Б. Психология развития человека. М.: Аспект Пресс, 2001. 460 с.
 11. Alderfer C.P. Existence, relatedness, and growth // Human needs in organizational settings. Free Press, 1972.
 12. Herzberg F.I. One more time: how do you motivate employees // Harvard Business Review. 2003. 81. P. 87–96.
 13. Keyes C.L.M. Social well-being // Social Psychology Quarterly. 1998. 61 (2). P. 121–140.
 14. Maslow A.H. Motivation and personality. Harpers, 1970.
 15. McClelland D.C. Human motivation. Glenview. IL: Scott, Foresman, 1985.
 16. Neumeister K.L.S., Fletcher K.L., Burney V.H. Perfectionism and achievement motivation in high-ability students // Journal for the Education of the Gifted. 2015. 38 (3). P. 215–232.
 17. Shafran R., Coughtrey, A., & Kothari, R. New frontiers in the treatment of perfectionism // International J. of Cognitive Therapy. 2016. 9 (2). P. 156–170.
 18. Vroom V.H., Deci E.L. Management and Motivation. Penguin, 1983.
 19. Yerkes R. M., Dodson J.D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit-formation // Journal of comparative neurology and psychology. 1908. 18. P. 459–482.

PERFECTIONISM AS A PERSONAL TYPE OF SOCIAL BEHAVIOR

Filyasova Yu.A.

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

Personal perfectionism as a social characteristic is a social and occupational activity of an individual, aimed at satisfying high level needs – self-actualization and self-realization, which is possible under the following conditions: 1) meeting basic needs; 2) social well-being of a person; 3) awareness of age-related needs; 4) internal motivation; 5) favorable external conditions. Perfectionism denotes an active social attitude of an individual, oriented to achieving personal goals during fulfilling socially relevant commitments. A negative type of perfectionism develops as a result of violation of the conditions mentioned above, decreases adaptive capabilities of an individual and causes their social isolation. Social barriers which refrain individuals from career progression and professional development force them to direct efforts at meeting needs of a lower level, and eventually, result in unhealthy perfectionism growth. In conclusion, perfectionism as an accentuated type of social behavior of a person, induced by certain psychological patterns, is characterized by resilience of personal motives and enhanced vulnerability to intra-personal changes and variable social conditions.

Keywords: perfectionism; goalsetting; needs; motivation; adaptation; social well-being; personnel management.

References

1. Bocharov V. Yu., Gavriilyuk T.V. Economic behavior models of the working youth // Vestnik of St Petersburg University. Sociology. 2019. 12. (2). P. 134–152.
2. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Russian young people in the context of sociological analysis. Moscow: FNISTS RAN, 2019. 263 p.
3. Kibanov A. Ya, Batkaeva I.A., Mitrofanova E.A., Lovcheva M.V. Motivation and labour activity stimulation. Moscow: INFRA-M, 2012. 524 p.
4. Krasavina E.V. Forms of social adaptation: imitation-copying and imitation-simulation // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2012. 4. P. 93–103.
5. Migranova L.A., Toreyev V.B., Yarasheva A.V. Economic behavior: analysis and prospects // Economic and social transformations: facts, tendencies, forecast. 2014. 31 (1). P. 116–124.
6. Novgorodova E.F. A comparative analysis of young people's perfectionism studying at institutions of various professional level // Human and Education. 2015. 44 (3). P. 211–216.
7. Potemkin V.K. The modernization of the education system and a new quality of professional-governmental competences of university graduates // Sociology and Law. 2016. 4. P. 22–29.
8. Potyemkin V.K. Dissemination of family relations as a factor in the activation of young people in their professional activities // Sociology and Law. 2019. 1. P. 11–17.
9. Filyasova Yu.A. Defining the concept «emotional capital» and detecting its role in personnel management // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics. 2020. 2. P. 106–115.
10. Elconin D.B. To the problem of ageing dynamics control of mental development // About the diagnostics of mental development. Tallin, 1974.
11. Alderfer C.P. Existence, relatedness, and growth // Human needs in organizational settings. Free Press, 1972.
12. Herzberg F.I. One more time: how do you motivate employees // Harvard Business Review. 2003. 81. P. 87–96.
13. Keyes C.L.M. Social well-being // Social Psychology Quarterly. 1998. 61 (2). P. 121–140.
14. Maslow A.H. Motivation and personality. Harpers, 1970.
15. McClelland D.C. Human motivation. Glenview. IL: Scott, Foresman, 1985.
16. Neumeister K.L.S., Fletcher K.L., Burney V.H. Perfectionism and achievement motivation in high-ability students // Journal for the Education of the Gifted. 2015. 38 (3). P. 215–232.
17. Shafran R., Coughtrey, A., & Kothari, R. New frontiers in the treatment of perfectionism // International J. of Cognitive Therapy. 2016. 9 (2). P. 156–170.
18. Vroom V.H., Deci E.L. Management and Motivation. Penguin, 1983.
19. Yerkes R. M., Dodson J.D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit-formation // Journal of comparative neurology and psychology. 1908. 18. P. 459–482.

Сравнительный анализ вещания традиционных средств радиовещания и современных онлайн-платформ

Шелопаева Анна Михайловна,

студент, Российский государственный социальный институт

E-mail: anshelmy@bk.ru

Интернет и цифровые СМИ коренным образом реорганизовали радиопространство, породив новые форматы и модели прослушивания радио. Сегодня традиционные радиоактеры систематически используют онлайн-платформы для распространения своих программ и общения со своей аудиторией. Поскольку интернет-радио имеет глобальный охват, многие радиостанции по всему миру также предлагают интернет-радиовещание, используя при этом и видеотрансляцию. Именно это позволяет им выйти на мировую аудиторию.

«Радио всегда развивалось, чтобы удовлетворить потребности аудитории в повсеместных развлечениях, которые дополняют другие мероприятия», – сказал Джерри Шнаке, вице-президент и менеджер по маркетингу Bonneville Chicago Media Group. «В цифровую эпоху радио адаптировалось, расширив свое присутствие за пределы наземного вещания, включив в него онлайн, мобильные приложения и подкастинг».

Ключевые слова: СМИ, радио, онлайн-радио, подкасты, контент.

Введение. Радио на протяжении двадцатого века отличалось от других средств массовой информации как «слепая» среда, сфокусированная на звуке. Эта особенность, которую многие считают главной силой радиотелефонической среды, предлагает слушателю воспользоваться своим творческим потенциалом и создать свой образ радиоведущего.

Однако сегодня мы уже не только «слушаем» радио, но и «смотрим» с помощью нашего компьютера, смартфона или другого устройства с экраном. Самые популярные FM-радиостанции перешли на цифровой формат и теперь распространяют свои программы в Интернете. Визуальное измерение, которое

раньше отсутствовало в традиционном вещании, теперь это центральный элемент коммуникации радиостанции в Интернете.

Некоторые люди могут опасаться, что показ лица радиоведущего, например, может

разрушить миф о слепой аудиотрансляции и сорвать картинку, которая есть у слушателей в голове. Но многие радиолюбители приветствуют такие нововведения.

Интернет-слушатели, вероятно, одинаково ценят редакционные статьи, обзоры альбомов, музыкальные клипы, фотографии, галереи и другой не аудиоконтент.

Актуальность темы определяется возросшей популярностью онлайн-радиостанций и подкастов у молодежи. Традиционное радио всяческими способами пытается удержать свою аудиторию и занять место в мире подрастающего поколения.

Целью работы является: показать различия между традиционными и онлайн радиостанциями.

Общая цель определила конкретные исследовательские **задачи**:

- установить признаки онлайн-радиостанции
- понять, что такое подкастинг
- выявить новые типы контента на радиостанциях

Область исследования – радиовещания

Предмет исследования – контент на радиостанциях и подкастах

Гипотеза: традиционные радиостанции нашли новый контент для привлечения внимания

Для проведения данного исследования применялись **методы**:

- поисковый;
- сравнительный;
- наблюдения;
- описательный;
- анкетирования;
- анализа;

Введение. Поскольку традиционное радио ограничено вариациями частоты, а также расстоянием от передающей антенны, возможно, кто-то сталкивался с проблемами принятия сигнала- радиостанция начинала шипеть или вообще тишина в эфире. Интернет предоставил новый способ создания и прослушивания радио, который называется онлайн-радио. Это позволяет слушателю получить доступ к музыке просто щелкнув мышью из любого места, если есть подключение к Интернету.

Онлайн-радиостанция – это менее бюрократическое предприятие. Чтобы установить традиционную радиостанцию, сначала вы должны иметь в своем распоряжении большую сумму денег, так как вам нужно будет купить антенну, иметь место для установки AM / FM-передатчика и цифрового тюнера.

Расходы на этом не заканчиваются – понадобится студия, дека, профессиональные микрофоны, компьютер с доступом в Интернет и программы для скачивания музыки.

Вдобавок ко всему, это большие и эмоциональные вложения – нужно много терпение, чтобы организовать все документы, требуемые по закону, помимо уплаты всех налогов.

С другой стороны, чтобы настроить онлайн-радиостанцию, в основном понадобится сервер для потокового онлайн-аудио, компьютер, подключенный к Интернету, и голос.

Онлайн-радиостанция не требует больших вложений в дорогостоящее оборудование и не требует лицензия для вещания на определенной частоте. Все, что вам нужно, это зарегистрироваться для стриминга и начать трансляцию.

Давайте поговорим о преимуществах онлайн-радиостанции по сравнению с традиционными радиостанциями с точки зрения слушателей.

Слушать из любого места: чтобы слушать онлайн-радиостанцию, все, что нужно, – это устройство с подключением к Интернету. Это устройство может быть настольным компьютером, ноутбуком, смартфоном или даже Smart TV! В отличие от частотных станций, онлайн-радиостанции не ограничены географическим расстоянием.

Легкий доступ: для того, чтобы слушать традиционную радиостанцию, вам, очевидно, понадобится приложение для радио или радиотюнер на вашем мобильном телефоне. В последнем случае может потребоваться наличие в самом телефоне микросхемы FM-приемника, что встречается нечасто. С другой стороны, чтобы слушать онлайн-радиостанцию, все, что вам нужно, – это подключение к Интернету на устройстве. Как уже упоминалось выше, к вашей любимой радиостанции будет легко добраться без какого-либо специального оборудования.

Небольшое потребление данных: для тех, кто привык слушать онлайн-радиостанции, хорошая новость заключается в том, что потребление данных низкое. Это особенно актуально по сравнению с потоковым видео. Таким образом, слушатели смогут наслаждаться любимой станцией, где бы они ни находились, через мобильные данные или Wi-Fi.

Качество звука: на онлайн-радиостанции сигнал на 100% цифровой. Это означает, что на потоковую

передачу не повлияют проблемы с настройкой и другие ограничения, присущие частоте. В результате получается более чистый звук, который может легко регулировать ведущий.

Одним из самых привлекательных преимуществ онлайн-радиостанции является ее невысокая стоимость, поскольку для получения потрясающего результата достаточно использования компьютера и потоковой передачи.

Это не означает, что система, используемая на онлайн-станциях, полностью отличается от традиционных. Можно присоединиться к традиционной и сетевой станции, занимая одно и то же физическое пространство. В наши дни традиционная радиостанция не может себе позволить не присутствовать в сети.

Эта станция потенциально может привлечь больше слушателей для традиционной радиостанции, поскольку программирование, которое когда-то было ограничено только конкретным регионом, не может иметь границ, если оно также онлайн. Больше слушателей – больше прибыли.

В отличие от традиционных радиостанций, на которых реклама нуждается в ведущем и джинглах, онлайн-радиостанции открывают пространство для визуальной рекламы, такой как баннеры. Прогноз погоды можно увидеть в любое время, хозяину не нужно сообщать эту информацию.

Другие возможности могут быть привлечены, когда мы говорим об онлайн-радиостанции, поскольку можно настроить конкретную программу, направленную на конкретную целевую аудиторию.

Не только онлайн-радиостанции позволяют транслировать интервью с известными людьми, экспертами и другими профессионалами вместе с музыкальными файлами, как в знаменитом флэшбэке, но и слушатель также может получить доступ к любому контенту в любое время через систему *pod cast*.

Часто на онлайн-радиостанциях появляются отдельные подкасты. Подкасты – предварительно записанные, отредактированные аудиофайлы, отправ-

ленные в различные каталоги через RSS-канал и прослушанные по запросу.

Радиопередачи обычно освещают темы, которые нравятся массам, такие как музыка, новости и поп-культура. Тематика шоу обычно определяется тем, что в настоящее время актуально в новостях и СМИ, и в результате ведущие часто следуют «редакционной линии», которая диктует разрешенные темы и темы.

Создавая шоу на основе того, что достойно новостей в данный момент, контент актуален только в течение короткого периода времени. Радио ориентировано на текущие события, поэтому успех обычно зависит от того, сколько людей слушают. Поскольку подкастинг – это в первую очередь среда, основанная на нише, ведущие могут измерять успех по тому, как их шоу воспринимается, а не по размеру аудитории.

Как ведущий подкаста, вы можете выбрать формат, продолжительность и тему своего шоу. Вы можете высказывать свое мнение, не ограничиваясь форматом радиостанции, и привлекать слушателей, которые увлечены тем же, что и вы.

Хотя есть подкасты, которые имеют массовый интерес и освещают то, что заслуживает освещения в печати, подкастеры не обязаны создавать шоу, основанные на тенденциях. Эпизоды подкастов остаются актуальными в течение долгого времени и могут быть загружены спустя годы после выхода в эфир.

Однако, каждый день радио слушает примерно вдвое больше, чем подкасты.

Но большее количество слушателей не обязательно означает более заинтересованную аудиторию. Прослушивание радиопрограмм в прямом эфире обычно является более пассивным занятием, чем прослушивание подкастов.

Чтобы настроиться на подкаст, слушатель должен «согласиться», загрузив шоу или подписавшись на него. Поиск подходящего подкаста на нишевую тему требует от слушателя целенаправ-

ленного поиска, что повышает вовлеченность.

Интернет заставил все радиостанции придумывать новые способы привлечения слушателей.

Привлечение иностранных граждан для ведения прямого эфира. Примером может послужить вечернее шоу на радио «MAXIMUM». Каждый будний день с 17:00 до 20:00 в эфире американский ди-джей Адам Джеймс вместе с Костей Михайловым обсуждают разницу культур России и США.

Еще одним способом привлечения внимания стали обсуждения тем «18+». Например, в вечернем шоу на радио «MAXIMUM», о котором мы говорили раньше, обсуждалась тема девственности. В эфир звонили люди и делились мнением. Обсуждалось как ее сохранение, так и принцип «нагуляться» и «попробовать все».

Концерты всегда пользовались популярностью. Кто не любит слушать музыкантов вживую? Вот и радиостанции решили устраивать онлайн-концерты.

В студиях специально оборудовали сцены – артисты приходят, общаются с ведущими, а затем поют. Такие программы есть на радиостанциях «Авторадио», «NRJ» и «Love Radio». Где-то это идет в качестве рубрик, а на некоторых под это отведен целый час.

Еще одним способом привлечения внимания к радио стали постоянные конкурсы. Иногда они проходят не только в эфире, но и в социальных сетях.

Заключение. Онлайн-радио консолидировано в Интернете. Более низкая стоимость и возможность удовлетворить самые разные потребности делают его важным инструментом для традиционных станций, чтобы они соответствовали времени, помимо открытия окон возможностей для увеличения прибыли.

Помимо воплощения духа новаторства для традиционных радиостанций, онлайн-радио рассматривается как способ сделать среду более демократичной, расширяя горизонты того, чего можно достичь с помощью единого вещания.

Благодаря онлайн-радиостанциям каждый может легко передавать сообщения по всему миру.

Литература

1. Галь Н. Слово живое и мертвое. – М., 2012.
2. Головин Б.Н. Основы культуры речи. – М. 1980.
3. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. 2000.
4. Запорожец Т. И. «Логика сценической речи» М. «Просвещение» 1974.
5. Капинос В.И. Об оценке речевых навыков учащихся // Русский язык в школе. – 1973.
6. Кибрик, А.А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический проект, 2011.
7. Клушина, Н.И. Интенциональная конфигурация медийного пространства // «Политическая лингвистика». – 2013.
8. Клушина, Н.И. Современная стилистика: проблемы и перспективы // «Актуальные проблемы стилистики». – 2015.
9. Кохтев Н.Н. и др. Практическая стилистика русского языка. М.: ВШ, 1987.
10. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1977
11. Кожина, М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труд – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
12. Красиков Ю.В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). – М., 1980.
13. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. 1е изд. – СПб.: Норинт, 1998.
14. Панфилов А.К. Сборник упражнений по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1989
15. Практическая стилистика русского языка. Ростов-на-Дону, 1974.

16. Прокопович Е.А. Стилистика частей речи (глагольные словоформы). М.: Просвещение, 1969.
17. Пустовалов П.С, Сенкевич М.П. Пособие по развитию речи. М.: Просвещение, 1987.
18. Ремпель Е.А. Типология современных речевых ошибок. – М., 2003.
19. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М.: ВШ, 1968.
2. Golovin B.N. Foundations of the culture of speech. – M. 1980.
3. Gorbanevsky M.V., Karaulov Yu.N., Shaklein V.M. Do not speak with a rough tongue. 2000.
4. Zaporozhets T. I. "The logic of stage speech" M. "Enlightenment" 1974.
5. Kapinos V.I. On the assessment of students' speech skills // Russian language at school. – 1973.
6. Kibrik, AA Discursive taxonomy and media discourse // Language and discourse of the mass media in the XXI century / Ed. M.N. Volodina. – M.: Academic project, 2011.
7. Klushina, NI Intentional configuration of the media space // "Political linguistics". – 2013.
8. Klushina, NI Modern stylistics: problems and prospects // "Actual problems of stylistics". – 2015.
9. Kokhtev N.N. and other Practical stylistics of the Russian language. M.: VSh, 1987.
10. Kozhina M.N. The stylistics of the Russian language. – M.: Education, 1977
11. Kozhina, M.N. Theory of functional stylistics: selected work – M.: FLINT: Nauka, 2014.
12. Krasikov Yu.V. The theory of speech errors (based on typing errors). – M., 1980.
13. Kuznetsov S.A. Great Dictionary of Russian language. 1st ed. – SPb.: Norint, 1998.
14. Panfilov A.K. A collection of exercises in the style of the Russian language. M.: Education, 1989
15. Practical stylistics of the Russian language. Rostov-on-Don, 1974.
16. Prokopovich E.A. Stylistics of parts of speech (verb word forms). M.: Education, 1969.
17. Pustovalov P.S., Senkevich M.P. Speech development manual. M.: Education, 1987.
18. Rempel E.A. Typology of modern speech errors. – M., 2003.
19. Rosenthal D.E. Practical stylistics of the Russian language. Moscow: VSh, 1968.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE BROADCASTING OF TRADITIONAL RADIO BROADCASTING AND MODERN ONLINE PLATFORMS

Shelopaeva A.M.

Russian State Social Institute

The Internet and digital media have fundamentally reorganized the radio space, spawning new formats and models for listening to radio. Today, traditional radio actors systematically use online platforms to distribute their programs and communicate with their audiences. Because Internet radio has a global reach, many radio stations around the world also offer Internet radio broadcasting using video streaming as well. This is what allows them to reach a global audience.

"Radio has always evolved to meet audience needs for ubiquitous entertainment that complements other events," said Jerry Schnacke, vice president and marketing manager, Bonneville Chicago Media Group. "In the digital age, radio has adapted, expanding its presence beyond terrestrial broadcasting to include online, mobile applications and podcasting."

Keywords: media, radio, online radio, podcasts, content.

References

1. Gal N. Word alive and dead. – M., 2012.

Ощущаемое качество жизни и ценностная структура российского населения

Сушко Валентина Афанасьевна,

кандидат социологических наук, доцент
кафедры методологии социологических
исследований социологического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

В данной статье показано в каком состоянии находилось ощущаемое качество жизни и ценностная структура российского населения, как они изменялись в зависимости от его социально-демографических характеристик; какое воздействие на преобразование ценностной структуры российского населения оказывали изменения в состоянии социально-экономического и ощущаемого качества жизни; какое влияние объективные процессы, происходившие в экономическом и политическом положении России в данный период, оказали на состояние ощущаемого качества жизни и ценностной структуры населения.

Данные исследования проводилось в 2012 и 2019 годах. Их результаты представляют сегодня несомненную научную и практическую ценность. Они показывают, какое ощущаемое качество жизни российского населения было достигнуто в наиболее благополучный для развития России период в XXI веке, как оно изменялось, какие составляющие ощущаемого качества жизни в эти годы изменялись быстрее, какие медленнее, оставаясь на низком уровне и представляя собой социальную и социально-психологическую проблему для российского общества и государства.

Ключевые слова: ощущаемое качество жизни, ценностная структура населения, самочувствие населения, социально-экономические параметры жизни.

Качество жизни населения является одним из системных, результирующих параметров общества, характеризующих его состояние. Являясь результатом жизнедеятельности всей общественной системы, всех его сфер – политической, экономической, духовной, социальной, – качество жизни одновременно выступает важнейшим фактором, воздействующим на состояние ценностной структуры, её преобразование. Данный процесс, в свою очередь, определяет уровень социальной устойчивости общества, возможности его устойчивого самовоспроизводства и дальнейшего развития в условиях изменяющейся внешней среды [2].

Оценка состояния качества жизни населения и характера его воздействия на ценностную структуру населения направлена на решение фундаментальных и прикладных задач социологической науки. Данная оценка позволяет определить, во-первых, какого качества жизни достигло общество в целом; в каком состоянии находятся социально-экономические составляющие качества жизни; как их состояние обуславливает ощущаемое качество жизни. Во-вторых, как изменение состояния социально-экономического и ощущаемого качества жизни обуславливает характер преобразования ценностной структуры населения, каков социальный механизм этого преобразования. В-третьих, на каком этапе развития находится общество с точки зрения состояния качества жизни и ценностной структуры населения.

На основе эмпирических данных социологического исследования, проведенных в 2012 и 2019 годах [1], в статье анализируется характер преобразований в структуре ценностей взрослого населения России и воздействия на них изменений в состоянии его качества жизни за 7 лет. Выборка: территориальная, гнездовая, квотная (по по-

лу, возрасту). Численность выборочной совокупности составила 1803 человека в 22 субъектах Российской Федерации (49% – в центральных городах, 28% в районных городах, 23% в сельских населенных пунктах), что обеспечило представительность результатов исследования к населению России в возрасте от 18 лет и старше по полу, возрасту, образованию, территориальному расселению с погрешностью $\pm 4\%$. В анкете использовались три блока вопросов в их инструментальном выражении. Первый блок состоял из вопросов, относящихся к оценке ценностей; второй блок – из вопросов, относящихся к параметрам социально-экономического положения; третий блок – из вопросов, относящихся к социально-демографическому, социально-образовательному и социально-территориальному положению населения России.

Результаты исследования ощущаемого качества жизни российского населения показывают, что в целом уменьшилось расслоение по ощущаемому качеству жизни среди российского населения, при этом для групп населения с низким и очень низким ощущаемым качеством жизни по большинству его составляющих оно или не менялось, или ухудшалось. Эти группы населения ниже опускались на «дно» по состоянию ощущаемого качества жизни. С возрастом расслоение по ощущаемому качеству жизни российского населения росло. Это расслоение также увеличилось в связи экономическим кризисом в России, начавшимся в 2008 году. Расслоение по ощущаемому качеству жизни определялось не только возрастными изменениями среди российского населения, но различием в воздействии социальных факторов на людей. В целом расслоение по качеству жизни на протяжении 10 лет у женщин было выше, чем у мужчин.

Изменение ощущаемого качества жизни российского населения существенно различалось в зависимости от его социально-демографических и территориальных характеристик. У женщин ощущаемое качество жи-

ни росло быстрее, чем у мужчин, хотя всегда оставалась ниже и ниже среднего значения по России. Существенное ухудшение ощущаемого качества жизни у мужчин и у женщин началось после 44 лет, при этом по ряду составляющих у женщин это ухудшение начинается раньше, чем у мужчин (после 34 лет по общему здоровью, объему субъективных болевых ощущений, жизненному тону, социальной активности). В городе ощущаемое качество жизни российского населения выше, чем на селе. При этом место проживания влияет на состояние качества жизни только женщин. Женщины тяжелее переносят неблагоприятные социальные условия жизни. К 2012 году влияние места проживания женщин на уровень их ощущаемого качества жизни снизилось. Условия жизни на селе стали улучшаться.

Увеличение значения всех 8 параметров, составляющих ощущаемое качество жизни, происходило, во многом, в соответствии с характером увеличения средней заработной платы и трудовой пенсии по старости. С 2002 по 2008 год они увеличились, соответственно, в 4 и 7,7 раза, в то время как с 2008 по 2012 год они росли значительно медленнее, – соответственно, в 1,5 и 2 раза, – в связи с начавшимся в 2008 году в России экономическим кризисом. Данная неравномерность предопределила неравномерный рост ощущаемого качества жизни российского населения на протяжении 10 лет. Наиболее быстро его ощущаемое качество жизни росло в период с 2002 по 2008 год, когда улучшалось состояние всех 8 параметров, характеризующих содержание ощущаемого качества жизни. Эти годы были самыми благополучными с точки зрения его повышения. С 2008 по 2012 год улучшение ощущаемого качества жизни российского населения существенно замедлилось по всем характеризующим его параметрам. Не все люди в равной степени перенесли экономический кризис 2008 года.

Улучшение 8 параметров, характеризующих содержание ощущаемого ка-

чество жизни российского населения в течение 10 лет происходило неравномерно. Наибольший вклад в повышение ощущаемого качества жизни российского населения оказало уменьшение роли физических проблем в ограничении его жизнедеятельности, т.е. улучшение физического состояния людей. При этом, оно стало сильнее зависеть от уровня дохода по сравнению с тем, что было 10 лет назад. Это вызвано, не в последнюю очередь, повышением коммерциализации здравоохранения.

Один из самых больших вкладов в повышение ощущаемого качества жизни российского населения оказало уменьшение роли эмоциональных проблем в ограничении его жизнедеятельности, т.е. эмоциональные проблемы стали меньше ограничивать повседневную деятельность людей. Они стали более эмоционально устойчивыми.

Повышение уровня таких составляющих ощущаемого качества жизни как физическая активность, социальная активность, общее здоровье и жизнеспособность в течение 10 лет происходило намного медленнее, чем вышерассмотренных двух составляющих. Главным образом, в докризисный период – с 2002 по 2008 год.

Наименьший вклад в повышение ощущаемого качества жизни российского населения внесло улучшение его психическое здоровье, положительное изменение которого происходило медленнее всех других составляющих качества жизни. Чувство спокойствия и умиротворенности у российского населения росло намного медленнее, чем рост заработной платы и трудовой пенсии. Рост их размера не является определяющим фактором в улучшении психического здоровья населения России. Нет группы населения в России, мужчин и женщин, которая чувствовала бы себя полностью спокойной и умиротворенной.

Также очень маленький вклад в повышение ощущаемого качества жизни российского населения внесло уменьшение объема его субъективных бо-

левых ощущений, которое происходило медленнее почти всех других составляющих качества жизни. С 2002 по 2012 год объем субъективных болевых ощущений у женщин уменьшился, у мужчин остался практически таким же. При этом у женщин объем субъективных болевых ощущений все равно остается большим, чем у мужчин, и его увеличение начинается с более раннего возраста (с 35 лет) по сравнению с мужчинами (с 45 лет).

Интегральный индекс ощущаемого качества жизни российского населения менялся в соответствие с изменением состояния 8 составляющих его 8 параметров. Его уровень в течение 10 лет постоянно увеличивался, достигнув в 2012 году значения 69,2% и став выше на 6,4%. Повышение ощущаемого качества жизни российского населения в течение 10 лет было неравномерным. С 2002 по 2008 год оно повысилось примерно в 2,5 раза больше, чем с 2008 по 2012 год. На это повлиял экономический кризис, начавшийся в 2008 году в России. Он привел к тому, что в этот период улучшение состояния большинства из 8 параметров, составляющих качество жизни, или замедлилось, или прекратилось.

На состояние ощущаемого качества жизни российского населения воздействует ряд социальных факторов, характеризующих социальное положение людей. Чем выше уровень дохода на одного члена семьи, тем выше ощущаемое качество жизни российского населения России. Влияние уровня дохода на состояние ощущаемого качества жизни к 2012 году заметно увеличилось по сравнению с 2002 годом. Оно стало сильнее зависеть от уровня дохода по сравнению с тем, что было 10 лет назад. Одной из причин этой зависимости является повышение коммерциализации здравоохранения, образования, постоянный рост цен на товары и услуги. Влияние дохода на одного члена семьи на ощущаемое качество жизни женщин сильнее по сравнению с мужчинами. Бедность тяжелее переносят женщины, – она сильнее сказывается

на их здоровье, приводит к его ухудшению. Для мужчин она означает увеличение физической нагрузки, которая подрывает их здоровье.

У не работающих людей качество жизни ниже по сравнению с работающими людьми. Влияние профессиональной занятости на состояние качества жизни российского населения существенно уменьшилось в 2012 году по сравнению с 2002 годом. Среди населения России появилась группа людей, материальные возможности которых не зависят от профессиональной занятости и тем самым она не влияет на состояние ощущаемого ими качества жизни.

Чем выше уровень образования людей, тем выше их ощущаемое качество жизни, причем его влияние в течение 10 лет возрастало. Уровень образования стал все больше обуславливать содержание работы, физические нагрузки, уровень заработной платы и доход на одного человека в семье. С ростом цен на товары и услуги, который происходил с 2002 по 2012 год, их доступность для людей с низким доходом стала ниже, и как следствие, это привело к увеличению влияния уровня образования на ощущаемое качество жизни российского населения. У женщин с высшим образованием ощущаемое качество жизни более высокое, чем у женщин со средним образованием, в то время как на состояние ощущаемого качества жизни мужчин уровень образования не влияет.

У женатых людей ощущаемое качество жизни выше по сравнению с холостыми людьми, причем эта связь существует только для мужчин. Наличие детей в семье повышает качество жизни женщин по сравнению с женщинами, у которых отсутствуют дети, живущие в семье. В то время как на качество жизни мужчин наличие детей в семье практически не влияет.

Зависимость ощущаемого качества жизни взрослого населения России от уровня дохода, образования, профессиональной занятости, места проживания, семейного положения об-

условлена влиянием данных факторов на полноту удовлетворения жизненных потребностей людей. Чем более полно удовлетворяются жизненные потребности людей, тем выше ощущаемое качество жизни. При этом более сильное влияние оказывает полнота удовлетворения жизненных потребностей на уровень ощущаемого качества жизни женщин по сравнению с мужчинами. Женщины более чувствительны к полноте удовлетворения их жизненных потребностей, чем мужчины.

Проведенный анализ результатов исследования показывает то, какие первоочередные задачи необходимо решить для повышения ощущаемого качества жизни российского населения в настоящее время и в ближайшей перспективе.

В первую очередь необходимо повысить уровень психического здоровья российского населения, создать условия для появления у него чувства спокойствия. Для решения данной задачи требуется обеспечить политическую и экономическую устойчивость в развитии российского общества и государства, повышение уровня его духовного и материального благополучия. Это снизит уровень психического напряжения в обществе, беспокойство людей за свое настоящее и будущее.

Не менее важно снизить объем субъективных болевых ощущений российского населения. Эти ощущения возникают у людей в связи с низким доходом на одного члена семьи, неуверенностью в сохранении своей работы. Повышение уровня заработной платы, пенсий в настоящее время и обоснованных ожиданий этого в перспективе позволит, во многом, уменьшить объем субъективных болевых ощущений людей. Наряду с этим требуется повысить уровень медицинского обслуживания в России, уменьшить коммерческую медицинскую нагрузку на людей.

Повышение уровня психического здоровья и снижение объема субъективных болевых ощущений российского населения позволит снизить роль ощущаемых физических и эмоциональ-

ных проблем в ограничении его жизнедеятельности, повысить его физическую и социальную активность, общее здоровье и жизнеспособность, тем самым, обеспечит повышение ощущаемого качества жизни в целом.

Изменение ценностной структуры населения России в период с 2012 по 2019 годы

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, каким образом влияет качество жизни населения России на его ценностную структуру, необходимо было определить её состояние. Для этого проведен факторный анализ. Он позволил выявить латентные переменные, которые описывают типологическую структуру ценностей российского населения и вес каждого из её типов. Факторная модель, описывающую эту структуру, состоит из семи компонент.

Наибольшую значимость для людей в 2019 году, как и в 2012 году, имел **Деятельный патриотизм**. Он имел те же содержательные проявления, что и в 2012 году. Однако их значимость изменилась. Повысились значимость защиты Родину с оружием в руках, если на неё будет совершено нападение (НП¹ = +0,657); неприятие отъезда из России и жизни в любой стране, лишь бы иметь достойный заработок и высокий уровень жизни (нагрузка на переменную = -0,834). Значимость Деятельного патриотизма зависит от возраста (КСп² = 0,301). Чем старше возраст индивиды, тем выше для них ценность деятельного патриотизма, связь с Россией. Наоборот, для молодежи такая связь менее значима. Глобализация предоставляет им возможность реализовать себя в разных странах и Россия лишь одна из таких стран.

На второе место в 2019 году с пятого в 2012 году поднялась значимость **Воинственного патриотизма**. Он выразился в первую очередь в значимости защиты Родины от тех, кто разрушает её изнутри (НП = +0,843), и от внешних

врагов (НП = +0,823), значимости любви и укрепления Родины (НП = +0,691). Значимость Воинственного патриотизма характерна для людей независимо от их пола, возраста и образования.

Различие между Деятельным и Воинственным патриотизмом состоит в том, что в Деятельном патриотизме наибольшее значение имеет активная любовь к России, направленная на защиту её от нападения от внешних врагов и на работу по достижению достойного заработка и высокого уровня жизни. В смысловом содержании Воинственного патриотизма определяющую значимость имеет борьба с врагами – внешними и внутренними. Именно с этим связано понимание любви к Родине. Повышение значимости Воинственного патриотизма в 2019 году была обусловлена изменившимся внешним и внутренним положением России. Финансовые и политические санкции со стороны стран Западной Европы и США, воинственная риторика политиков этих стран, поддерживаемая внесистемной оппозицией, окружение границ России военными базами НАТО ощущается населением России как угроза её существованию. Все это сформировало у людей повышенную значимость того типа поведения, которые выражают стремление защитить Россию от внешних и внутренних врагов.

На третье место в 2019 году со второго в 2012 году **Гедонистического благоденствия**. Это произошло потому, что снизилась значимость всех его содержательных проявлений: комфортной жизни, получения от неё удовольствий. Значимость Гедонистического благоденствия зависит от возраста (КСп = +0,278). Чем моложе люди, тем выше его значимость. Молодые люди стремятся испытать как можно больше удовольствий в ущерб другим ценностям. Значимость Гедонистического благоденствия выше для мужчин по сравнению с женщинами (КСп = 0,120), хотя в 2012 году такой зависимости не наблюдалось. В условиях сложного экономического положения женщины меньше, чем мужчины, склонны предаваться гедонизму.

¹ НП – нагрузка на переменную.

² КСп – коэффициент корреляции Спирмена.

На четвертое место в 2019 году с третьего в 2012 году опустилась значимость **Семьи**. Это произошло потому, что на второе место поднялась значимость Воинственного патриотизма. Он является инструментальной ценностью, средством для защиты семьи. Значимость семьи характерна для людей независимо от пола и образования. При этом, она более характерна для молодежи по сравнению с людьми старшего возраста (КСП = +0,104), ибо молодежь только начинает или готовится начать свою семейную жизнь.

На пятое место в 2019 году с четвертого в 2012 году опустилась значимость **Творчества**. Она характерна для людей независимо от их возраста. При этом она более значима для людей с высшим образованием по сравнению с людьми со средним специальным и общим образованием (КСП = +0,139). Для данного типа людей значимость реализация своих творческих способностей, постижение духовного наследия предшествующих поколений являются преобладающими по отношению к свободе в своей стране, которая не сильно определяет достижение для них данных целей.

На шестое место в 2019 году с седьмого в 2012 году поднялась значимость **Здоровья**. Она зависит от возраста (КСП = +0,207). Чем старше возраст, тем выше значимость здоровья. Молодежь придает меньшую значимость здоровью, так как впереди у неё еще много лет жизни. Значимость Здоровья больше характерна для женщин по сравнению с мужчинами (КСП = +0,102). Женщины относятся к своему здоровью более внимательно.

На седьмом месте в 2019 году находилась значимость **Свободы**. В 2012 году она не была выявлена. Она выражается, в первую очередь, в значимости чувствовать себя свободным в своей стране (НП = +0,769). Ценность свободы характерна для людей независимо от их возраста. Для них значимость свободы являются преобладающими по отношению к стабильности государства. Это, во многом, значимость

свободы самой по себе, как духовной сущности.

Таким образом, в 2019 году, как и в 2012 году, ценностная структура населения России оставалась в преобладающей степени «материалистической». В её структуре первостепенную значимость имели Деятельный и Воинственный патриотизм, Гедонистическое благоденствие, Семья, Здоровье, т.е. для населения России была характерна преобладающая роль инструментальной рациональности, присущей индустриальному обществу. Уровень значимости «постматериалистических» ценностей – Творчества и Свободы – был существенно ниже по сравнению с уровнем значимости «материалистических» ценностей.

Люди молодого возраста, как и старшее поколение, по своей ценностной структуре в 2019 году оставалась в преобладающей степени «материалистами». Значимость Гедонистического благополучия, получения удовольствий для них выше по сравнению со старшим поколением. Это свидетельствует о большей, по сравнению со старшим поколением, рациональности молодежи. Она хочет больше иметь. Духовная сторона её волнует меньше чем материальная. Насыщение российского рынка товарами, стремление обладать ими, жить комфортно вытесняет духовные ценности жизни, умаляет их значимость для молодежи. Это означает, что со сменой поколений переход населения России от «материалистических» ценностей к «постматериалистическим» в целом не происходит.

Изменение ощущаемого качества жизни населения России с 2012 по 2019 годы

Для того, чтобы определить, в какой мере отсутствия перехода населения России от «материалистических» ценностей к «постматериалистическим» связано с изменением его качества жизни, рассмотрим характер этих изменений.

На первом месте среди 8 параметров ощущаемого качества жизни российского населения находилась ощу-

щаемая им **Физическая активность**. Объем физической нагрузки, неограниченный состоянием здоровья, который люди могли выполнить (бег, поднятие тяжестей, занятия активными видами спорта и т.п.), в 2019 году составил 83,48% от максимального объема 100%, и с 2012 года он увеличился на 2,49%, что выше среднего значения по 8 параметрам качества жизни (1,63%). Следовательно, физическое здоровье российского населения находилось в течение 7 лет в хорошем состоянии, обеспечивая высокий уровень ощущаемой им физической активности, и этот уровень постоянно повышался – люди могли выполнять все более высокие физические нагрузки.

На втором месте находилось ощущаемая российским населением социальная активность. Объем его социальных связей в 2019 году составлял 78,68% от максимального возможного 100% и с 2012 года он увеличился на 1,58%. Т.е. его повышение было небольшим. На это повлиял экономический кризис, начавшийся в России в 2014 году. Он привел к тому, что в условиях падения доходов люди сократили обычное общение с друзьями, соседями и коллегами по работе в свободное время, посещение с семьей культурных мероприятий, поездки на отдых. Тем не менее социальное здоровье российского населения, – желание и способность общаться с окружающими людьми, – в течение 7 лет находилось в хорошем состоянии, обеспечивая относительно высокий уровень ощущаемой социальной активности.

На третьем месте находился уровень ощущаемой российским населением роли физических проблем в ограничении его жизнедеятельности. Его значение составило в 2019 году 74,79% от минимального уровня 100%, когда физические проблемы совсем не ограничивают повседневную жизнедеятельность людей, и с 2012 года оно увеличилось на 3,09%. Это положительное изменение стало самым большим среди 8 параметров ощущаемого качества жизни – выше среднего значения примерно

в 1,9 раза. Физическое здоровье людей повышалось – физические проблемы все меньше мешали им выполнять свои профессиональные обязанности и другие повседневные дела, меньше ограничивали их деятельность.

На четвертом месте в 2019 году находился объем субъективных болевых ощущений, которые испытывало российское население. Его значение составило 71,98% от минимального уровня 100%, когда болевые ощущения совершенно отсутствуют, и в течение 7 лет оно увеличилось на 1,66%, т.е. увеличение было небольшим. На это также повлиял экономический кризис, начавшийся в 2014 году в России. Он привел к ухудшению материального положения людей, повышению их неуверенности в будущем, что усиливало их болевые ощущения. Тем не менее российское население ощущало боль меньше, чем семь лет назад. При этом уровень его физической активности увеличивался быстрее, чем уменьшался объем его болевых ощущений.

На пятом месте в 2019 году находился уровень ощущаемой роли эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности российского населения. Его значение составило в 2019 году 71,4% от минимального уровня 100%, когда эмоциональные проблемы совсем не ограничивают повседневную жизнедеятельность людей, и в течение 7 лет он увеличился на 1,8%, немного превышающим среднее значение ощущаемого качества жизни. На это также повлиял экономический кризис, начавшийся в 2014 году в России. Он привел к тому, что в создавшихся условиях эмоциональные переживания усилились. В целом же в 2019 году эмоциональное здоровье российского населения повысилось, хотя и ненамного – эмоциональные проблемы меньше мешали людям выполнять свои повседневные дела.

На шестом месте находился уровень ощущаемого российским населением психического здоровья. Его значение составило в 2019 году 63,95% от максимально возможного уровня 100%, когда люди постоянно чувствуют

себя спокойными и умиротворенными, и с 2012 года он увеличился на 0,55%. Ощущаемое российским населением психическое здоровье в 2019 году было одним из самых низких среди 8 параметров ощущаемого качества жизни, а его улучшение было одним из самых незначительных. На это также повлиял экономический кризис, начавшийся в 2014 году в России. Он привел к тому, что в связи с неблагоприятными экономическими условиями – сокращением заработной платы, ростом безработицы, неопределенностью в будущем возросло психическое напряжение среди российского населения, что подрывало его психическое здоровье.

На седьмом месте находился уровень жизнеспособности российского населения, т.е. уровень им ощущаемого жизненного тонуса, – количество времени, которое человек ощущал себя бодрым и полным сил. Его значение составило в 2019 году 61,37% от максимально возможного уровня 100%, т.е. было одним из самых низких среди 8 параметров ощущаемого качества жизни, хотя за 7 лет его уровень повысился на 1,47%. В среднем ощущаемое качество жизни российского населения за 7 лет росло немного быстрее (на 1,63%), чем увеличивался его жизненный тонус.

На восьмом месте в 2019 году находился уровень ощущаемого российским населением общего состояния здоровья. Этот уровень с 2012 года практически не изменился (повысился на 0,27%), достигнув значения 61,02%, и оставался самым низким среди 8 параметров ощущаемого качества жизни. Таким образом, за 7 лет улучшение ощущаемого российским населением общего здоровья практически не происходило. Это означает, что состояние здравоохранения в России за этот период не смогло обеспечить его повышение.

Значение Интегрального индекса (среднего значения) ощущаемого российским населением качества жизни менялось в соответствии с изменением значения его 8 составляю-

щих. Величина этого индекса с 2012 года незначительно увеличилась, достигнув в 2019 году значения 70,83% и выросла на 1,63%. На его небольшое увеличение повлиял экономический кризис, начавшийся в 2014 году в России. Он привел к тому, что в этот период улучшение состояния 8 параметров качества или замедлилось, или прекратилось.

Дополнительным параметром, характеризующим состояние ощущаемого качества жизни, является сравнительное самочувствие населения. Этот показатель характеризует изменение самочувствия, ощущаемое российским населением в течение года. Чем выше показатель, тем значительно улучшилось восприятие людьми своего самочувствия по сравнению с предыдущим годом. Точкой стабильности является значение показателя, равное 50% (самочувствие в течение года осталось неизменным). Если величина показателя сравнительного самочувствия превышает 50%, то самочувствие людей улучшилось по сравнению с предыдущим годом и наоборот. В 2019 уровень сравнительного самочувствия российского населения составил 57,94%, т.е. самочувствие людей улучшилось по сравнению с 2018 годом.

Таким образом, в 2019 году по сравнению с 2012 годом произошли изменения в состоянии параметров ощущаемого качества жизни российского населения, при этом состояние отдельных параметров менялось по-разному. Уменьшилась ощущаемая роль физических проблем в ограничении жизнедеятельности людей и увеличилась ощущаемая физическая активность. Ощущаемая социальная активность и жизнеспособность также увеличилась, но заметно слабее. Слабо уменьшились ощущаемая роль эмоциональных проблем и объем болевых ощущений. Очень слабо улучшились ощущаемое российским населением психическое и общее здоровье. В среднем состояние ощущаемого российским населением качества жизни улучшилось.

Влияние социально-экономического качества жизни на состояние ощущаемого качества жизни российского населения

Из двух рассмотренных в данном исследовании параметров социально-экономического качества жизни российского населения – средний доход на одного человека в семье и жилищные условия, только первый параметр влияет на состояние ощущаемого людьми качества жизни. Одна из причин отсутствия влияния жилищных условий заключается в том, что незначительное количество российского населения живет в коммунальной квартире (в 2019 году – 4,3%). Практически все российское население живет в одно-, двух- или в трех-комнатных квартирах или в своём доме. При этом доля жилья в собственности российских граждан составляет 84,7% [3].

С 2012 по 2019 год увеличение средней заработной платы и трудовой пенсии в России происходило существенно медленнее по сравнению с предыдущими годами [4]. В связи с этим характер влияния уровня дохода людей на ощущаемое ими качество жизни изменился. Уровень дохода на одного члена семьи стал сильнее влиять на состояние ощущаемой людьми физической активности (КСп = 0,19 и 0,141 в 2012 и 2019 годах соответственно). Достижение большего дохода в 2019 году требовало большей физической активности по сравнению с 2012 годом. Наоборот, влияние уровня дохода людей на объем ощущаемых ими болевых ощущений уменьшилось (КСп = 0,164 и 0,112 в 2012 и 2019 годах соответственно). Этот объем стал меньше зависеть от уровня дохода людей и больше зависеть от других факторов. Одним из таких факторов явилось ухудшение состояния здоровья людей в 2019 году по сравнению с 2012 годом. Стало больше людей, у которых здоровье стало хуже (примерно на 3%). В значительной степени это относится к людям старшего возраста.

Преобразование ценностной структуры российского населения под воздействием изменений в состоянии качества жизни

Формирование Деятельного патриотизма

Формирование Деятельного патриотизма под воздействием ощущаемого качества жизни. Также как и в 2012 году, в 2019 году наибольшую значимость для населения России имел Деятельный патриотизм. Однако характер воздействия на формирование данной ценности отдельных составляющих ощущаемого качества жизни существенно изменился по сравнению с 2012 годом.

В 2012 году **сильнее всего** на формирование значимости Деятельного патриотизма воздействовало состояние ощущаемой людьми физической активности. Чем меньше самочувствие людей ограничивало выполнение ими физических нагрузок, с которыми они сталкивались в течение своего обычного дня, тем более значим для них был Деятельный патриотизм (КСп = 0,182). В 2019 году состояние физической активности людей перестало оказывать воздействие на значимость Деятельного патриотизма.

В 2012 **на втором месте** по силе воздействия на значимость Деятельного патриотизма находилась ощущаемая роль физических проблем в ограничении повседневной жизнедеятельности людей. Чем меньше физические проблемы ограничивали людей в выполнении ими физических нагрузок, с которыми они сталкивались в течение 4 недель, тем более значимым для них был Деятельный патриотизм (КСп = 0,174). В 2019 году ощущаемая роль физических проблем в ограничении повседневной жизнедеятельности людей перестала оказывать воздействие на значимость Деятельного патриотизма.

В 2012 году **на третьем месте** по силе воздействия на формирование значимости Деятельного патриотизма находился объем ощущаемых субъективных болевых ощущений, который испы-

тывали люди в течение 4 недель. Чем меньше он был, тем более значим для них был деятельный патриотизм (КСп = 0,165). В 2019 году объём ощущаемых субъективных болевых ощущений у людей перестала оказывать воздействие на значимость для них Деятельного патриотизма.

В 2012 году **на четвертом-пятом местах** по силе воздействия на формирование значимости Деятельного патриотизма находилось ощущаемое состояние социальной активности людей. Чем меньше физическое и эмоциональное состояние в течение последних 4 недель мешало их обычному общению с семьей, друзьями, соседями или в коллективе, тем более значимым для них был Деятельный патриотизм (КСп = 0,156). Примерно такое же воздействие на его значимость оказывало общее состояние здоровья людей. Чем выше они оценивали состояние своего здоровья, тем более значимым для них был деятельный патриотизм (КСп = 0,155). В 2019 году сила воздействия ощущаемого состояния социальной активности людей на формирование значимости Деятельного патриотизма заметно усилилось (КСп = 0,229) и этот параметр качества жизни в структуре его параметров поднялся **на третье место**, в то время как воздействие состояния общего здоровья людей ослабло (КСп = 0,115). Таким образом процесс социального общения в 2019 году способствовал формированию значимости Деятельного патриотизма намного сильнее, чем в 2012 году, а состояние общего здоровья людей заметно слабее.

В 2012 году **на шестом месте** по силе воздействия на формирование значимости Деятельного патриотизма находилось ощущаемое людьми состояние жизнеспособности, т.е. уровень ощущаемого ими жизненного тонуса – количества времени, в течение которого люди ощущали себя бодрыми и полными сил. Чем выше люди оценивали состояние своей жизнеспособности, тем более значимым для них был Деятельный патриотизм (КСп = 0,131).

В 2019 году сила воздействия жизнеспособности людей на формирование значимости Деятельного патриотизма заметно усилилось (КСп = 0,195), хотя этот параметр качества жизни в структуре его параметров остался **на четвертом месте**. Особенно сильно состояние жизнеспособности людей воздействовало на формирование таких содержательных составляющих Деятельного патриотизма как готовность не покидать Россию и добиваться того, чтобы россияне имели достойный заработок и высокий уровень жизни; готовность укреплять Родину; готовность защищать Россию с оружием в руках, если на неё будет совершено нападение. В условиях существовавшего в 2019 году политического и экономического давления на Россию со стороны США и стран Западной Европы, отсутствовавшего в 2012 году, готовность к таким действиям усилилась, и она больше была присуща людям с высоким жизненным тонусом, бодрым и полным сил.

Таким образом, в 2019 году в отличие от 2012 года физические параметры ощущаемого качества жизни практически не оказывали воздействия на формирование значимости Деятельного патриотизма у российского населения. Значимость Деятельного патриотизма для людей перестала зависеть от того, как физически они себя ощущали. Она формировалась под воздействием социальной активности и жизнеспособности людей.

Наиболее сильно в 2019 году значимость Деятельного патриотизма формировалась под воздействием психического здоровья людей, при том что в 2012 году его воздействие практически отсутствовало. Чем лучше было состояние психического здоровья людей, тем выше была для них значимость Деятельного патриотизма (КСп = 0,304). Особенно сильно состояние психического здоровья влияло на формирование таких содержательных элементов Деятельного патриотизма как готовность не покидать Россию и добиваться того, чтобы россияне имели достойный заработок и высокий уровень жизни;

готовность защищать Россию с оружием в руках, если на неё будет совершено нападение. Готовность людей к таким действиям больше присуща людям с сильной, устойчивой психикой.

На втором месте в 2019 году по силе воздействия на формирование значимости Деятельного патриотизма находилась роль эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности людей, при том что в 2012 году её воздействием практически отсутствовало. Чем меньше эмоциональных проблем испытывали люди, тем выше была для них значимость Деятельного патриотизма (КСп = 0,238). Деятельный патриотизм больше присущ людям с устойчивым чувством любви к Родине. Эта зависимость по существу сходна с предыдущей и выражает роль эмоционального состояния в формировании данной ценности.

Таким образом в 2019 году на формирование значимости Деятельного патриотизма определяющее воздействие оказывали психические и эмоциональные составляющие качества жизни людей, которые в 2012 года воздействия практически не оказывали. Причина этого заключается в том, что 2012 год был для России относительно благополучным в экономическом и политическом отношениях в отличие от 2019 года. К этому году российская экономика прошла через экономический кризис и находилась под санкционным давлением США и стран Западной Европы, что привело к возникновению социального напряжения среди населения.

Формирование Деятельного патриотизма под воздействием социально-экономического качества жизни. В 2012 году среднемесячный доход на одного человека в семье не оказывал воздействия на формирование значимости Деятельного патриотизма. Уровень дохода не влиял на его значимость для людей. В 2019 году доход стал оказывать заметное влияние на формирование значимости Деятельного патриотизма. Чем выше был доход, тем менее значим был для людей Деятельный патриотизм (КСп = 0,184).

Причина этого заключается в том, что 2019 год был для России сложным, неустойчивым в экономическом и политическом отношениях. В этих условиях с повышением уровня дохода падала значимость для людей Деятельного патриотизма, снижалось стремление любить и укреплять Родину, защищать ее от внешних врагов, возрастало стремление уехать из России, чтобы сохранить свое материальное положение.

Формирование Воинственного патриотизма

В 2019 году значимость Воинственного патриотизма для населения России поднялась с пятого в 2012 году на второе место. В 2012 году на формирование этой ценности влиял один параметр качества жизни людей – физическая активность (КСп = 0,134). Чем выше был уровень физической активности, тем более значим для них был Воинственный патриотизм (КСп = 0,182). В 2019 году ни один из параметров качества жизни людей не оказывал практически никакого воздействия на формирование этой ценности. Таким образом значимость Воинственного патриотизма была характерна для людей независимо от состояния их качества жизни. Экономическое и политическое давление на Россию со стороны США и стран Западной Европы привело к его всплеску среди населения России.

Формирование Гедонистического благоденствия

Формирование Гедонистического благоденствия под воздействием ощущаемого качества жизни. В 2019 году значимость Гедонистического благоденствия опустилась со второго на третье место по сравнению с 2012 годом, хотя осталось относительно высокой для людей. В 2012 году на формирование значимости Гедонистического благоденствия не оказывал практически никакого воздействия ни один из параметров качества жизни людей. Таким образом в это время значимость Гедонистического благоденствия была характерна для людей независимо от состояния их качества жизни. Такое восприятие данной ценности было

связано с благополучным состоянием российской экономики, достигнутым к 2012 году.

В 2019 году значимость Гедонистическое благоденствие стала зависеть от ряда составляющих ощущаемого качества жизни. В наибольшей степени на формирование его значимости воздействовало состояние ощущаемой людьми физической активности (КСп = 0,181). Чем выше люди оценивали его состояние, тем более значима для них была эта ценность (КСп = 0,217). На втором месте находилось состояние ощущаемого общего здоровья людей. Чем выше люди оценивали состояние своего общего здоровья, тем более значима для них была эта ценность (КСп = 0,154). На третьем месте находился объем субъективных болевых ощущений. Чем меньше болевых ощущений испытывали люди, тем более значима для них была эта ценность (КСп = 0,121). Таким образом, в неблагоприятном экономическом положении, в котором находилась Россия к 2019 году, Гедонистическое благоденствие оставалось значимым только для физически активных и здоровых людей, что позволяло обеспечить их высокое материальное положение в сложных экономических условиях.

Формирование Гедонистического благоденствия под воздействием социально-экономического качества жизни. В 2012 году среднемесячный доход на одного человека в семье не оказывал воздействия на формирование значимости Гедонистического благоденствия. Уровень дохода не влиял на его значимость для людей. В 2019 году доход стал оказывать заметное влияние на формирование значимости Гедонистического благоденствия. Чем выше был доход, тем более значимо было для людей Гедонистическое благоденствие (КСп = 0,136). В 2019 год в условиях сложного, неустойчивого экономического положения в России у людей с высоким доходом повышалось стремление сохранить комфортную жизнь, брать от жизни

всё, получать от неё как можно больше удовольствия из-за опасения лишиться этого в будущем.

Формирование ценности семьи, творчества и самосохранения

В 2019 году, как и в 2012 году ни один из параметров ощущаемого качества жизни людей не оказывал практически никакого воздействия на формирование этих ценностей. Данные ценности являются терминальными и их значимость для людей остается высокой независимо от того, как они себя ощущают.

Таким образом, в 2019 году, как и в 2012 году, структура ценностной российской населения в преобладающей степени оставалась «материалистической», характеризующейся инструментальной рациональностью, присущей индустриальному обществу (по Р. Инглхарту). При этом произошла перестройка структуры ценностей с точки зрения значимости её отдельных составляющих. Деятельный патриотизм не только сохранил, но и увеличил свою преобладающую значимость для российского населения. В условиях сложного экономического и политического положения России резко возросла значимость Воинственного патриотизма, который переместился на второе место. Такой сдвиг был обусловлен усилением санкционного давления со стороны США и стран Западной Европы. Это означает, что внешняя угроза для России привела к повышению сплоченности и воинственности российского населения в стремлении защитить свою Родину, сохранить её независимость. Снизилась значимость Гедонистического благополучия. Сохранилась значимость Семьи и Здоровья. Значимость Творчества и Свободы оставалась такой же низкой. Следовательно, перестройка произошла среди инструментальных ценностей, в то время как фундаментальные ценности сохранили свою значимость.

За исследуемый временной период в среднем состояние ощущаемого качества жизни российского населения немного улучшилось. В первую оче-

редь за счет его физических составляющих – повышения уровня ощущаемой физической активности и уменьшения ощущаемой роли физических проблем в ограничении жизнедеятельности людей. При этом эмоциональные и психические составляющие качества жизни, общее здоровье улучшились незначительно. Их росту препятствовало экономическое и политическое напряжение. Повышение социально-экономического качества жизни происходило медленно в связи со слабым увеличением заработной платы и пенсий.

Изменения состояния рассмотренных параметров качества жизни по-разному влияло на преобразование ценностной структуры российского населения. В 2012 году состояние всех параметров ощущаемого качества жизни влияло на формирование значимости Деятельного патриотизма для людей, в то время как их социально-экономическое положение (доход) не оказывало практически никакого влияния на его значимость. В 2019 году произошли существенные изменения. Значимость Деятельного патриотизма перестала зависеть от ощущаемого физического состояния людей и формировалась только под воздействием психического и эмоционального составляющих качества жизни людей. При этом существенное влияние на формирование значимости Деятельного патриотизма стал оказывать уровень дохода людей. С повышением его уровня значимость Деятельного патриотизма уменьшалась. Чем выше был доход, тем в больше люди стремились сохранить свое материальное положение и стремились уехать из России.

В 2012 году значимость Воинственного патриотизма для людей была не высокой и он формировался только под воздействием ощущаемого ими состояния физической активности. В 2019 году значимость Воинственного патриотизма для людей стала высокой и ни один из параметров ощущаемого и социально-экономического качества жизни не воздействовало на эту значимость. Она перестала зависеть от ка-

чества жизни людей, её ощущали все. В 2012 году значимость Гедонистического благоденствия для людей была высокой и не зависела от состояния их качества жизни. В 2019 году значимость Гедонистического благоденствия для людей уменьшилась и стала зависеть от ощущаемых людьми физической активности и здоровья.

На значимость ценностей Семьи, Творчества, Свободы и Здоровья состояние качества жизни людей практически не оказывало какого-либо воздействия в силу их терминальности.

Результаты проведенного исследования позволили определить социальный механизм формирования ценностной структуры населения России. Состояние социально-экономического качества жизни людей оказывает воздействие на формирование ощущаемого ими качества жизни. Оно в свою очередь воздействует на структуру ценностей людей. При этом под воздействием их качества жизни происходит изменение значимости только инструментальных ценностей людей. Оно не влияет на значимость для них терминальных ценностей.

Литература

1. В 2012 году исследование финансировалось Социологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова; в 2019 году исследование финансировалось Российским фондом фундаментальных исследований – Грант на реализацию научного проекта № 19–011–00548 «Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России». Конкурс А.
2. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем: культура, личность и место социальных систем. – В сб.: «Американская социологическая мысль: Тексты»/ Под ред. В.И. Добренькова. М. 1994. С. 461.
3. Росстат. Основные показатели жилищных условий населения. URL. <https://www.gks.ru/folder/13706> (дата обращения 01.12.2020).

4. FINCAN. URL. <https://www.tadviser.ru> (дата обращения 15.12.2020).

THE FEELING QUALITY OF LIFE AND THE VALUE STRUCTURE OF THE RUSSIAN POPULATION

Sushko V.A.

Moscow State University M.V. Lomonosov

This article shows the state of the perceived quality of life and the value structure of the Russian population, the way they changed depending on its socio-demographic characteristics; the impact of the state of the socio-economic and perceived quality of life on the transformation of the value structure of the Russian population; the impact of the objective processes taking place in the economic and political situation of Russia in this period on the state of the perceived quality of life and the value structure of the population.

These studies were conducted in 2012 and 2019. Today their results have unquestionable scientific and practical value. They show the level of the perceived quality of life of the Russian population that was achieved in the most favorable period for the development of Russia in the 21st century, the way it changed, which components of the perceived quality of life changed

faster or slower, remaining at a low level and representing a social and socio-psychological problem of Russian society and the state.

Keywords: perceived quality of life, value structure of the population, well-being of the population, socio-economic parameters of life.

References

1. In 2012, the study was funded by the Faculty of Sociology, Moscow State University. Lomonosov; In 2019, the study was funded by the Russian Foundation for Basic Research – Grant for the implementation of scientific project No. 19–011–00548 “The impact of the quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia.” A.
2. Parsons T. Action coordinate system and general systems theory: culture, personality and place of social systems. – In collection: “American Sociological Thought: Texts” / Ed. V.I. Dobrenkov. M. 1994. S. 461.
3. Rosstat. The main indicators of the living conditions of the population. URL. <https://www.gks.ru/folder/13706> (date of treatment 12/01/2020).
4. FINCAN. URL. <https://www.tadviser.ru> (date of treatment 12/15/2020).

Особенности восприятия имиджа муниципальных служащих

Ардашев Роман Георгиевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России
E-mail: ardashevrg@bk.ru

В статье рассматриваются особенности восприятия в общественном мнении имиджа муниципальных служащих, анализируются составные имиджа, способы конструирования и развития. Исследуются представления населения о существующем имидже муниципальных служащих и ресурсах его развития.

Ключевые слова: имидж, муниципальная служба, общественное мнение, социальные представления

В современных условиях информационного развития общества, свободного доступа к информации, развития журналистики и интернета особо актуальными являются вопросы формирования имиджа муниципальных служащих. Деятельность данных служащих является важнейшей сферой управления обществом, поскольку направлена на решение вопросов местного значения в системе муниципального управления с конечной целью улучшения жизни граждан. Реализация этих вопросов с учетом демократического управления в России осуществляется за счет активного взаимодействия с населением. Поэтому эффективность деятельности муниципального служащего напрямую зависит от уровня его коммуникации с общественностью, учета ее предложений и имиджа муниципального служащего. Именно его имидж определяет формирование доверия населения к органам власти.

В обществе существуют определенные несоответствия между личностными качествами муниципального служащего и требованиями, которые предъявляет общество, отличием его «идеального образа», сформированного в представлении общественности, и реального имиджа. Кроме того, средства массовой информации (СМИ) в условиях свободного доступа к информации могут выполнять не только свою традиционную информационную функцию, но и оценочную, что в определенной мере может привести к негативной, недостоверной субъективной оценке эффективности работы муниципальных служащих. В современных условиях особое значение, поэтому, приобретают вопросы формирования достоверного имиджа указанных служащих, объективная оценка результатов их работы и личностных качеств, обобщение сведений о достижениях и успехах для

улучшения взаимодействия с населением.

Известно, что государственное управление реализуется благодаря деятельности государственной службы. Более того, государство и государственная служба неразрывно связаны, именно возникновение государства обусловило появление государственной службы как специфического явления, деятельность которого направлена на функционирование государства [23].

Государственная служба выступает ключевым показателем в развитии и преемственности социальных институтов, формировании единого социально-правового и социально-экономического пространства любого государства.

В Конституции РФ государственная служба определяется в качестве вида профессиональной деятельности, направленной на обеспечение обороноспособности, безопасности государства, защиту прав человека, борьбу с преступностью и обеспечению деятельности органов государственной власти [1].

Учитывая, что государственная гражданская служба является видом профессиональной деятельности, посредством которой реализуется государственная власть, данная деятельность, а также правовой статус государственных служащих четко определяется действующим законодательством. В законе четко определены требования, предъявляемые к кандидату на должность государственного и муниципального служащего и непосредственно к государственному гражданскому служащему, пределы его компетенции и полномочия, выполняемые им функции. Соответственно, немаловажное значение уделяется исполнению своих обязанностей государственным гражданским служащим, действие его в соответствии с инструкциями и делом, действие в интересах населения, соблюдение этических норм и правил поведения в обществе.

Реализуя возложенные на него функции, государственный служащий

обязан действовать добросовестно, профессионально, проявлять высокие моральные качества, проявлять вежливость в работе с населением, беспристрастность в решении различных вопросов, а равным образом воздерживаться от поведения, способного нанести ущерб гражданам и устоям страны. Гражданский служащий должен осознавать, что в основу его деятельности положен постулат о соблюдении прав человека и гражданина [17].

Учитывая публичность данного вида профессиональной деятельности, общество предъявляет повышенные требования не только к высокой степени профессионализма государственных служащих и соответствие их занимаемой должности, но и к личному поведению государственных служащих, их морально-этическим и нравственным качествам [18], которые в итоге и в совокупности с другими элементами формируют имидж государственного служащего.

В связи с этим, одной из важных составляющих государственной службы является имидж ее служащих как официальных представителей государственной власти на любом ее уровне, «так как публичность – неотъемлемый элемент государственной гражданской службы» [10]. Во многом, современным формам деятельности не хватает открытости и более тесного взаимодействия с общественностью и контролем со стороны последней за работой служащих.

Среди множества специальностей, которые играют значительную роль в становлении новой стратегии развития Российской Федерации большая роль принадлежит развитию деятельности государственных и муниципальных служащих. Можно предположить, что данная цель в полной степени реализуется в рамках реформирования системы государственного управления, модернизации государственной и муниципальной служб, а также повышение имиджа государственных и муниципальных служащих. При этом, именно модели имиджа служащих в различ-

ной степени определяют вектор развития государства и становления социума [19].

В самом общем виде имидж человека представляет собой образ определенного характера, формируемый в сознании других людей, создающий предпосылки для взаимодействия, коммуникации, результатов деятельности в сфере успешной профессиональной реализации, наличия моральных и материальных преимуществ [20].

В буквальном переводе с английского слова «image» – «образ», «изображение». Сегодня данное понятие используется как «искусственный образ», который формируется в обществе средствами массовой коммуникации и психологическим воздействием или же образ, который опирается на иррациональные стратегии и формы развития нашего сознания [21].

Ряд авторов полагают, что имидж является видом облика, внешнего восприятия, который образуется в итоге социального познания. Исследователь понимает имидж в качестве символического образа субъекта, который возникает в процессе взаимодействия различных субъектов [26].

В современном мире имидж государственного служащего определяет его место и статус, социальный капитал и перспективы служебного роста. Благодаря имиджу формируется позитивное или негативное восприятие отдельного служащего или всей власти в целом. Также, имидж государственного служащего выступает необходимым критерием оценки эффективности управленческой деятельности. Он фиксирует степень соответствия действий государственных органов требованиям и ожиданиям конкретных социальных групп и общества в целом.

Следовательно, формирование позитивного имиджа государственных гражданских служащих выступает необходимым условием оптимизации деятельности государственных органов и системы государственной службы в целом. Имидж определяет степень поддержки власти обществом, отража-

ет уровень доверия и эффективность деятельности государственного аппарата. Позитивное восприятие государственной власти и ее представителей, сформированное в обществе, упрощает продвижение государственной идеологии и способствует более быстрой реализации государственных решений [22].

Образ государственного гражданского служащего состоит из индивидуальных, социальных и условных характеристик, находящиеся в неразрывной связи друг с другом.

Согласно позиции Е. Шикаревой, к индивидуальным характеристикам государственного гражданского служащего, следует относить психологические, физиологические особенности, индивидуальный стиль принятия решений государственного служащего, тип и характер личности [12]. Имиджу соответствуют условные характеристики, которые связаны с культурой поведения личности и управленческого труда [16].

Следует отметить, что компетентность и профессионализм являются ведущими показателями эффективности работы государственной службы, на что указано в ФЗ «О государственной гражданской службе РФ», где данные критерии закреплены вместе с принципами, определяющими социальный характер государственной службы.

Политические компетенции также являются важными составляющими имиджа [17]:

- увеличение эффективности государственного управления;
- совершенствование взаимодействия государства и общества;
- наращивание открытости органов государственной власти;
- политические и коммуникационные компетенции.

Соблюдение этических принципов для государственных и муниципальных служащих также имеют ключевое значение. Это выражается в следовании букве закона, ответственности, совести и самосознания и т.д.

Важной составляющей имиджа государственного служащего является

речевой имидж, так как язык назван исследователями в качества значимого инструмента социального управления. Именно язык является главным коммуникативным средством, с помощью которого общаются все без исключения категории населения, органы государственной власти и управления, я помощью языка опосредуются все виды деятельности в обществе.

Отсутствие речевой грамотности, неправильное применение речевых средств могут стать причиной проблем в системе управления, стать причиной недопонимания, отсутствия смыслового контакта, а в конечном результате – нанести непоправимый ущерб деятельности государственного служащего. При этом, предполагается, что речь должна быть не только грамотной, но и корректной с точки зрения морали и этики, в противоположном случае очень быстро формируется негативный имидж государственного служащего [29]. При этом, речевой имидж государственного служащего должен формироваться не только в повседневной деятельности и в работе с населением, но и в официальных и неофициальных выступлениях, социальных сетях, быту, в коллективе и т.д.

Яркими примерами негативного речевого имиджа можно назвать такие фразы чиновников как: «Государство не просило вас рожать» (О. Глацких), «Бедным быть не стыдно» (Н. Валуев), «Макарошки всегда стоят одинаково» (Н. Соколова), «Пусть о вашем ребенке отец его, деды думают. Договаривайтесь с бабушками и нанимайте няню» (А. Парфенчиков), «Если не устраивают цены, то мало зарабатываете» (И. Артамонов), «Я отвечу прямым текстом. Девушка, закройте уши. А тебя (нецензурное слово), как собирают деньги? Твоя задача как собственника оплатить. Все остальное вас и меня не должно касаться» (Н. Смирнов), «Жилье для молодых» – это антисоциальная программа, это антиэкономическая программа, прежде всего для молодых. Почему молодые должны иметь свое жилье в собственности, еще и с помощью го-

сударства?» (Б. Титов) и др. Некоторые из вышеперечисленных фраз вызвали широкий общественный резонанс.

В современном мире также важно знание и хорошее владение информационными медийными технологиями и коммуникациями, которые вписываются в отдельные черты и качества служащего, влияют на его убеждения и взгляды.

Анализируя терминологический контекст, можем заключить, что имидж применительно к государственным и муниципальным служащим представляет собой достаточно сложный и многоаспектный феномен, включающий в свое содержание непосредственные особенности государственной и муниципальной службы, как вида непосредственной деятельности, характерными особенностями области деятельности и сферы профессионального применения служащего.

Для деятельности государственного и муниципального служащего, имидж формируется как личная стратегия реализации, как социальный контекст восприятия власти, как результат ожиданий отдельных социальных групп.

У имиджа три основные коммуникативные функции [28].

Первая функция – облегчить аудитории восприятие информации о государственной службе: «Массовое сознание может воспринимать всю сумму информации о нем, но с радостью согласно получать ключевую информацию, задающую все основные с его точки зрения параметры, характеризующие лидера» [27].

Вторая функция – обеспечить режим наибольшего благоприятствования восприятия личности государственного служащего, проецируя на аудиторию те его характеристики, которые являются наиболее предпочтительными в конкретной социально-политической среде.

Третья функция – подготовить почву для формирования установок для позитивного отношения к государственному служащему. Имидж – коммуникация с обратной связью: он должен не толь-

ко подстраиваться под ожидания аудитории, но все время меняться, чтобы удовлетворить эти ожидания.

Формирование имиджа происходит либо целенаправленно, либо стихийно. В основном это происходит через отражение работы служащих с СМИ и сети Интернет.

Оценивая детерминанты развития имиджа государственного служащего в основании влияния факторов можно определить следующими образом [26]:

- природные или личностные качества представляют собой склонность к сочувствию, доверию, стремлению помочь другим, открытость, коммуникабельность, красноречивость, умение привлекать к себе внимание слушателей. При этом, государственных служащих, желающих наладить контакт с общественностью должен не только понимать положительные стороны своей коммуникации, но также и стремиться развивать свой потенциал, упражняться в красноречии с целью поддержания и развития позитивного имиджа в глазах граждан;
- в случае непосредственного влияния образования основная ценность принадлежит формированию навыков технологий общения и взаимодействия с социумом, становления нравственных ценностей, к числу которых можно отнести: любовь к стране, стремление к поддержке и развитию национальных и культурных традиций;
- реализация профессиональных качеств на основании жизненного опыта подразумевает собой наличие развитой интуиции, позволяющей ориентироваться в непредвиденной ситуации, принимать важные, взвешенные, ответственные решения.

В большинстве случаев имидж воспринимается как способность ориентирования в определенных жизненных ситуациях, с непосредственной способностью выбора приемлемой модели своего поведения. Нет по сути правильного механизма формирования имиджа, важно искать баланс между действия-

ми и поступками человека. Если служащий чрезмерно ориентирован на развитие патриотизма и повышения статуса страны на международной арене, могут формироваться негативные тенденции, заключающиеся: в принятии нецелесообразных решений в отношении развития общества, ограничения рамок развития социума, отсутствие внимания к возрастным и гендерным аспектам формирования социума, которые также регулируют взаимоотношения. В случае же, когда государственный служащий ориентирован лишь на развитие собственной карьеры, он не уделяет достаточно внимания особенностям социально – экономического развития страны, не принимает во внимание мнение общества, не стремится решить первоочередные проблемы общества, а лишь те, которые помогут заработать «дополнительные баллы» в «копилку» собственного имиджа [5, с. 594].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что имидж государственного служащего – итог формирования представления о самом государственном служащем и государственной власти, которую он представляет в ходе реализации возложенных на него полномочий, складывающийся в результате социального взаимодействия между государственным служащим и гражданином (населением) как субъектов общественных отношений.

Имидж государственного служащего носит в большей степени оценочный характер и основана на таких критериях как:

- профессионализм и добросовестность государственного служащего;
- добросовестность и оперативность в выполнении им возложенных на него задач;
- эффективность и результативность вы решений поставленных перед ним задач;
- умение вникнуть в проблемы как отдельного гражданина, так и населения в целом;
- постоянное развитие профессиональных и иных качеств, способность к обучению;

- высокие морально-нравственные, культурные и этические качества;
- заинтересованность государственного служащего в решении возникающих проблем;
- готовность и умение работать в команде;
- творческий подход к решению сложных задач и т.д.

Соответственно, следует подчеркнуть, что на формирование имиджа государственного служащего оказывают непосредственное влияние не только деловые, личные и профессиональные качества, но и высокие ожидания от реализации служебных задач. Важно подчеркнуть, что в конечном итоге имидж государственного служащего зависит от качества выполняемых им задач и формируется населением при непосредственном взаимодействии с государственным служащим.

Социологическое моделирование имиджа государственного и муниципального служащего

Имидж государственной службы начинается с разработки философии государственной службы, ее миссии. Под миссией понимается такой уровень целеосознания и целеполагания, который тождествен смыслу жизни системы, предназначению, обеспечивающему определение целей на различных организационных уровнях. Из философского понимания принципов этой деятельности рождается понимание того, чем государственная служба отличается от других видов деятельности, в чем предназначение государственного служащего. Миссией государственного служащего может являться служение Отечеству, тем более что в России исторически сложилось так, что роль служебной деятельности в жизни общества определяющая [15].

В социологической литературе присутствует огромный пласт работ, посвященных теоретическому и методологическому анализу категории «имидж» (Е.Б. Перелыгина, Г.Г. Почепцов, В.М. Шепель и др.).

В современный период развития социума и общественных отношений,

термин «имидж» используется не только применимо к людям (государственным служащим), но и к разнообразным объектам и явлениям. На современном этапе проблемами изучения имиджа государственных служащих занимаются Е.Ю. Акимова, К.Е. Новиков, В.Н. Орлова, Е.В. Портнягина, А.В. Фортуняк, изучением имиджа государственной службы И.Н. Шлеверда, доверием граждан к государственным органам, влияющим на их имидж Д.В. Афанасьев, Л.Б. Москвин, и другие авторы.

Вместе с тем, при наличии значительного числа исследований, посвященных структуре российской бюрократии, отдельным ее представителям и принципам формирования, вопрос о восприятии чиновников сознанием широкой общественности до сих пор не был подробно проанализирован. В существующих немногочисленных исследованиях имидж государственного служащего рассматривается, преимущественно с точки зрения профессиональных характеристик и личностных качеств [11].

Профессионализм государственных служащих должен быть конструктивным. Ведь если у человека нет устойчивых нравственных позиций, ориентированных на общественные интересы, он может быть профессионалом в своей области, но результаты его деятельности будут негативны для общества. Он может действовать вполне профессионально, но в своих личных интересах или интересах той группы людей, которая за ним стоит, и в этом смысле характер его профессионализма деструктивен [9].

Нельзя упускать из виду, что имидж государственных служащих, имея субъективное происхождение, функционально выступает как средство решения многих властных проблем. Он может использоваться [8]:

- для укрепления или ослабления государственной власти;
- при принятии конкретных кадровых назначений;
- для достижения желаемого рейтинга конкретной личности;

- для дискредитации политического соперника или должностного лица;
- как средство, позволяющее заручиться поддержкой общественного мнения при возникновении межгрупповых, межличностных и иных политических столкновений.

Существует понятие «нравственный вектор», направлением которого и определяется ценность профессионализма. Можно обладать очень высокими профессиональными качествами, но, если они не подчинены служению обществу, служению государству, вряд ли такой человек пригоден к государственной службе. Этот профессионализм нередко становится причиной социальных потрясений. Кризис доверия к власти, государственной службе можно объяснить ослаблением нравственного вектора в кадровой политике и неэффективным использованием политических технологий тех способов коммуникации власти и гражданского общества, которые должны быть спроецированы не только на групповые, но и в большей степени на индивидуальные запросы людей [6].

Обращаясь к терминологическому аппарату, необходимо отметить, что имидж государства в целом, а следовательно, и как его часть, имидж государственных институтов, в общем виде сводится к стереотипизированному образу, существующему в массовом сознании. Такой образ формируется случайно или целенаправленно политической элитой или политтехнологами с целью оказания политического и эмоционально-психологического воздействия на общественное мнение внутри страны и за рубежом [4].

Стереотипизация, как правило, предполагает элемент упрощения, то есть выделения значимых и вытеснение неважных для субъекта сторон и особенностей. При этом, одним из свойств стереотипов является их неточность, которая проявляется вследствие психологического стремления к обобщению, приписыванию каких-либо черт всем представителям той или иной социальной группы. Примерам могут служить рас-

пространяемые в СМИ (и при этом активно используемые в избирательных кампаниях представителями оппозиционных партий) стереотипы в отношении представителей различных национальных, конфессиональных и других общностей (все мусульмане – террористы, все чиновники – взяточники) [13].

Структура имиджа государственно-го служащего как сложносоставная категория имеет несколько подходов к изучению. Имидж как изучаемое явление не является однородным и выделяет персональные, социальные и символические характеристики.

К персональным характеристикам исследователь относит все то, что характеризует государственного служащего как индивидуума, включая индивидуальный стиль руководства и принятия решений.

К социальным характеристикам в структуре имиджа государственно-го служащего исследователь относит следующие: социальный статус, статус по происхождению и имущественному положению; связи с различными категориями общества: принадлежность к социальной группе, взаимосвязь с другими социальными группами, принадлежность союзников, оппонентов и недоброжелателей к определенным социальным группам. К социальным характеристикам автор также относит и сформированные морально-этические нормы и ценности государственного служащего. Это – ролевая модель, и самая подвижная и изменчивая часть имиджа.

К третьей группе составляющей имиджа государственно-го служащего исследователь относит символические характеристики: «некий постоянный набор качеств и черт, которые должен демонстрироваться человеком, чтобы актуализировать «нужные» архетипы в сознании людей» [4]. К символическим характеристикам относится принадлежность к культуре, идеологии.

Другие сторонники теории многокомпонентной структуры имиджа государственного служащего также выделяют в его составе персональный

имидж. Заполнение персонального имиджа – спорт хобби, домашние животные, увлечения, музыка и другие стороны жизни государственного служащего делают его более «живым» и приближенным к населению. Автор уверен, что, если не заполнять персональные данные государственного служащего, массовое сознание населения заполнит эту брешь в информации самостоятельно, причем, заполнение информационного вакуума будет происходить на основе обрывочных и спонтанных данных, которые не всегда будут носить объективный характер. Преодолеть же, вытеснить такую информацию будет очень сложно [3].

В отечественной науке наряду с вышеперечисленными методами так же выделяют еще три возможных подхода к изучению имиджа государственного служащего: функциональный, контекстный, сопоставительный [9].

Сторонники функционального подхода к изучению имиджа государственного служащего исходят из закономерности выделения типов имиджа в зависимости от типа функционирования и выделяют следующие типы имиджа [8]:

1. Зеркальный – представление об имидже государственного служащего исходя из собственных представлений о себе самом, как правило, данный имидж в целом оценивается положительно, так как оценивая свое отражение в зеркале собственного восприятия, человек в первую очередь ищет положительные качества; отрицательным моментом такой оценки является минимальный учет или неприятие взгляда и оценки со стороны.
2. Текущий – оценка имиджа со стороны. При этом, часто может иметь негативный характер, так как формируется через дефицит информации, предубеждения, самосознание и недопонимание.
3. Желаемый – отображает стремление к идеальному имиджу.
4. Корпоративный – позволяет судить об органе, ветви власти в целом,

а не об отдельном его отделе или подразделении, формируется на основе достижений, положительных и отрицательных результатов деятельности государственных служащих в целом.

5. Отрицательный – создается оппонентом, соперником или другим лицом, имеющим враждебные намерения. Данный имидж конструируется и формируется сознательно, на основе тех фактов, которые выгодны для оппонента. Опровержение отрицательного имиджа весьма затруднительно, так как сознание воспринимающего уже заполнено выборочными фактами, наполняющими отрицательный имидж и их вытеснение происходит с трудом.

Следующий подход к изучению имиджа государственного служащего и его типов именуется контекстуальным, классифицируется по способам применения, в котором он функционирует (имидж бизнесмена, государственного служащего, политика, педагога и т.п.).

Третий из перечисленных подходов – сопоставительный – предполагает проведение сравнительного анализа различных имиджевых характеристик. В основном критериями анализа выступают определенные качества и свойства личности государственного служащего: компетентность, уровень профессионализма, коммуникабельность, личные и моральные качества, проявление решительности при разборе сложных случаев и т.д. Сопоставление таких характеристик позволяет выявлять слабые места и конструировать имиджевые характеристики по-новому.

На основании возможности выбора модели поведения можно выделить следующие типы имиджа и подходы к его изучению в зависимости от «полюса» деятельности государственного служащего [13]:

1. Ориентируясь на направленность характерных проявлений имиджа служащего можно выделить:
– внешний имидж который способствует формированию визуального

портрета специалиста путем визуального, этического, вербального выражения. Он ориентирован на широкую массу, как своеобразный образ и восприятие того или иного человека широкой общественностью и средствами массовой информации;

- внутренний имидж – целостное впечатление о человеке, которое остается по итогам общения с ним или по результатам его деятельности, внутреннее отношение к людям, желаемое поведение.

2. Оценивая эмоциональную окраску имиджа можно дифференцировать его на:

- позитивный имидж, государственный служащий в данном случае вызывает положительные эмоции у окружения, формируются предпосылки для формирования длительных профессиональных отношений, растет доверие со стороны общественности;
- негативный имидж может быть сформирован двумя путями: как под влиянием оппонентов, за счет антирекламы, так и при непосредственных действиях самого служащего, когда он сам идет на открытую конфронтацию.

3. Исходя из конечного ожидаемого результата, имидж может быть классифицирован на:

- естественный имидж, для формирования которого не требуется посторонней помощи или воздействия. Формирование эго происходит импульсивно под влиянием различных жизненных факторов;
- искусственный имидж в свою очередь создается при помощи специалистов для привлечения большего внимания к персоне служащего. При этом не всегда согласовывается с истинными возможностями деятельности государственного служащего.

4. Значительная роль принадлежит также формированию рационального восприятия личности гражданского служащего:

- когнитивный имидж в своей основе ставит влияние на узкие слои населения, дифференцированные по определенным признакам, в сфере влияния на определенные области и функционирование определенных организаций;
- чувственный имидж ориентирован на выделение сильного эмоционального отклика у населения и аудитории в целом.

5. Обращая внимание на гармоничное сочетание внешних и внутренних факторов можно выделить следующие варианты реализации модели имиджа:

- само имидж – собственная оценка личности своей деятельности и поступков. Является по сути синонимом самооценки;
- воспринимаемый имидж – тот имидж, который рождается в восприятии других людей;
- требуемый имидж – имидж, который является оптимальным для формирования интереса и поддержки со стороны общественности и непосредственного развития организации.

6. Исходя из индивидуальных свойств субъекта:

- индивидуальный имидж – то есть имидж конкретно взятого государственного служащего;
- коллективный имидж – имидж отдельно взятой группы государственных служащих, или имидж государственных служащих и государственной службы в целом.

Комплексная методика исследований, длительное включенное наблюдение, исследование противоречий, затрудняющих позитивное восприятие имиджа государственных служащих, позволяют сделать предположение, что формирование имиджа государственных служащих осуществляется не целенаправленно, а стихийно.

Методом контентанализа можно сформировать обобщенный образ государственного служащего, складывающийся под влиянием СМИ в сознании специализированной и массовой истории.

Таким образом, имидж государственных служащих в современной России выступает важным критерием оценки эффективности их управленческой деятельности. Это сложный, многофакторный феномен, специфика которого связана с особенностью государственной службы как вида деятельности, ее местом в жизни общества.

Многочисленные социологические опросы населения свидетельствуют о том, что в массовом сознании сложился преимущественно негативный имидж государственного служащего, что связано некоторыми фактами невысокого профессионализма и низкого уровня нравственных качеств отдельных представителей государственной гражданской службы. Именно повышение уровня профессионализма и компетенции государственных служащих, по мнению молодежи, является важным направлением в формировании положительного имиджа государственных служащих в современном российском обществе.

Нами было проведено исследование жителей области за период с 15.09.2020 г. по 20.11.2020 г. Метод выборки – случайный. Способ опроса – в телефонной форме. Опрос всего включал в себя 14 вопросов. Половая структура опрошенных является оптимальной и включала в себя 61% женщин и 49% мужчин. Возраст респондентов распределен следующим образом: 18–20 лет – 8%, 20–30 лет – 22%, 30–40 лет – 31%, 40–50 лет – 27% и старше 50 лет – 12%. Поэтому опрошены все возрастные группы, начиная от совершеннолетнего возраста населения.

Профессиональный статус опрошенных распределился следующим образом: студент – 8%, работающий – 72% безработный – 5% и пенсионер – 15%. Большинство опрошенных лиц являются работающими, включенными в группу экономически активного населения.

По уровню образования доля числа респондентов составила следующие характеристики: среднее – 5%, среднее профессиональное – 29%, незакон-

ченное высшее – 12% и высшее – 54%. Поэтому большинство из опрошенных составляют образованные лица, имеющие общее представление о структуре органов власти в России.

Таким образом, выборка опрошенных лиц является оптимальной для оценки общественного мнения о муниципальных служащих. Большинство из них (50%) отметили, что обращаются в органы местного самоуправления иногда (рисунок 1).

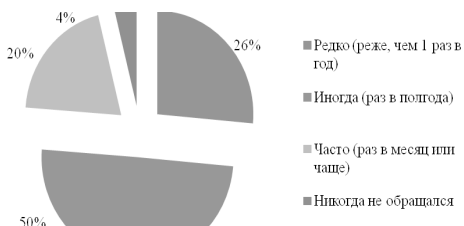

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос «Как часто вы обращаетесь в органы местного самоуправления?»

Из числа респондентов 4% отметили, что никогда не обращались в Администрацию, 20% обращаются часто по различным вопросам, в т.ч. в связи с тем, что некоторые из них являются руководителями предприятий и индивидуальными предпринимателями. 26% опрошенных обращались в орган местного самоуправления редко. 115 чел. дали ответ, что обращаются иногда (раз в полгода). Это означает, что у большинства опрошенных имеется опыт взаимодействия с местными органами власти.

Из респондентов 190 чел. (82%) ответили, что не обращались лично к муниципальным служащим в последние полгода, а 41 чел. – обращались. Эта группа лиц отметила следующие негативные характеристики в результате своих обращений (рисунок 2).

Больше всего респонденты отметили равнодушие муниципальных служащих (21 чел.), неумение общаться (16 чел.), 12 чел. подчеркнули нетерпимость должностных лиц, а 11 чел. указали за ненадежность. Меньше всего респонденты в количестве 2 чел. отметили грубость должностных лиц, безот-

ответственность 3 чел. и 2 чел. не обнаружили никаких недостатков. Следует учитывать, что такие оценки являются личным мнением респондентов и несут исключительно субъективный характер, не обязательно указывая на фактическое проявление того или иного поведения муниципальных служащих. Тем не менее, факт того, что несколько лиц указали на наличие одних и тех же характеристик, выступает негативной оценкой.

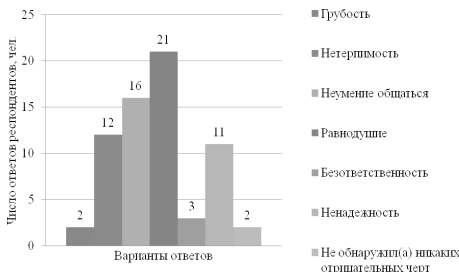

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос «Какие отрицательные черты Вы обнаружили в поведении муниципальных служащих?»

Ответы на вопрос о важности внешнего вида служащих распределились по данным рисунка 3.

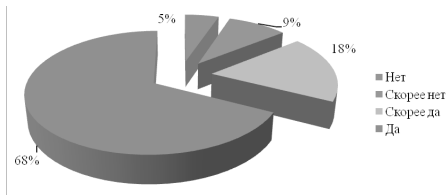

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос «Важно ли для вас то, как выглядят муниципальные служащие?»

Для большинства респондентов (68%) то, как выглядят муниципальные служащие, является важным, а для 18% в большей степени важным, чем неважным.

В отношении единой формы для муниципальных служащих опрошенные придерживаются мнения, приведенного на рисунке 4.

Мнения респондентов о единой форме для муниципальных служащих разошлись. Большинство (39%) склонно считать, что в этом, в принципе, нет

острой необходимости. При этом другие 30% высказались, что эта форма необходима, а 23% считают, что она скорее нужна, чем не нужна. И только 8% отметили, что в ней нет необходимости для муниципальных служащих. В ответах на данный вопрос следует отметить высказывания респондентов о том, что форма для муниципальных служащих будет символизировать порядок, определенную принадлежность к органам власти. С другой стороны, респонденты отмечали, что это приведет к слишком сильному отличию данных работников.

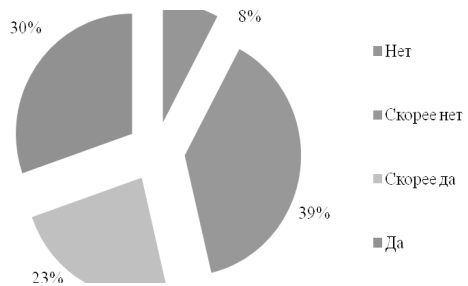

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Как вы считаете, нужна ли муниципальным служащим единая форма?»

Особое значение имел вопрос респондентам об уровне их доверия к муниципальным служащим. Результаты ответов распределились по данным рисунка 5.

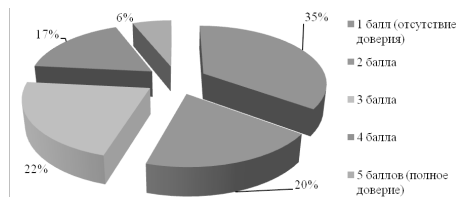

Рис. 5. Оценка уровня доверия населения к муниципальным служащим

Большинство респондентов 35% ответили, что у них нет доверия к муниципальным служащим. 20% из них оценили это доверие на 2 балла, т.е. практически отсутствует, 22% – балла, в определенной мере имеется, 4 балла отметили 17% опрошенных, что означает его наличие, но не в полной мере, и лишь 6% указали на полное доверие

к представителям местной власти. Это негативно характеризует сложившийся уровень имиджа муниципальных служащих. В еще большей мере негативно респонденты указали на наличие уважения к работникам администрации (рисунок 6).

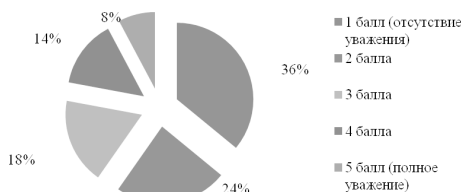

Рис. 6. Оценка уровня уважения населения к муниципальным служащим

Их опрошенных 36% указали на отсутствие уважения к муниципальным служащим, а 8% – на полное уважение. Такая оценка также является негативной и указывает на необходимость повышения уровня доверия населения к представителям местной власти.

Несмотря на это, уровень удовлетворенности респондентов обслужива-

нием служащих, в целом, благоприятный (рисунок 7).

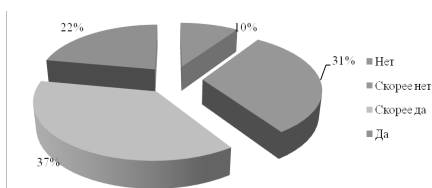

Рис. 7. Ответы респондентов на вопрос «Удовлетворены ли Вы обслуживанием муниципальных служащих?»

Из общего числа опрошенных 37% указали на удовлетворенность уровнем обслуживания, а 31% выразили недовольство. В большинстве случаев респонденты отметили длительность согласования различных процедур, не учитывая, при этом, регламентированный нормативно-правовыми актами порядок действий муниципальных служащих.

Оценка респондентами профессиональных качеств по 5-балльной шкале распределена по данным таблицы 1.

Таблица 1. Оценка респондентами профессиональных качеств муниципальных служащих

Профессиональное качество	Количество оценок респондентами наличия профессиональных качеств у муниципальных служащих по шкале от 1 балла до 5 баллов, чел.					Средний балл
	1	2	3	4	5	
Порядочность	58	21	48	51	53	3,09
Неравнодушие	86	15	21	68	41	2,84
Справедливость	51	91	15	42	32	2,62
Надежность	154	18	42	15	2	1,67
Отзывчивость	64	39	31	45	52	2,92
Терпимость	55	41	22	31	82	3,19
Умение слушать	15	37	68	86	25	3,30
Внимательность	39	42	55	71	24	3,00
Профессионализм	42	67	14	29	79	3,16
Ответственность	93	43	51	15	29	2,32
Исполнительность	97	71	55	6	2	1,90
Коммуникабельность	19	28	37	42	105	3,81
Дисциплинированность	41	48	49	46	47	3,04
Стремление к нововведениям	89	91	14	21	16	2,06

*Источник: составлено автором

С учетом того, что использована 5-балльная шкала, что интервал в 2,5 балла можно считать средним, границей, оценка ниже которой будет негативной. В данную группу попали такие качества муниципальных служащих, как надежность при средней оценке 1,67 балла, ответственность – 2,32 балла, исполнительность – 1,9 балла и стремление к нововведениям – 2,06 балла. Положительно следует расценить оценки по таким качествам, как порядочность, терпимость, умение слушать, внимательность, профессионализм, а также коммуникабельность.

Для большинства респондентов, как показал опрос, имеет важное значение имидж муниципальных служащих (рис. 8).

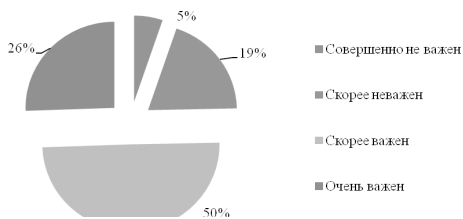

Рис. 8. Оценка респондентами степени значимости имиджа муниципальных служащих

Респонденты в количестве 59 чел. (26%) отметили, что имидж муниципальных служащих очень важен в их профессиональной деятельности и выступает неотъемлемым элементом их труда. 50% опрошенных указали на наличие важности имиджа, но не отметили, что он играет важную роль. 5% и 19% респондентов считают, что имидж муниципальных служащих соответственно не важен вовсе и не особо важен. Поэтому большинство опрошенных уверены в необходимости формирования благоприятного имиджа служащих для их восприятия.

Последний вопрос респондентам был задан в плане их мнения по улучшению имиджа муниципальных служащих. Среди разнообразных ответов, в т.ч. связанных с негативной оценкой работы представителей местной власти, опрошенные указали на некоторые меры, которые обобщены в таблице 2.

Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос «Что бы Вы могли предложить для повышения имиджа муниципальных служащих»

Предложения	Число ответов, чел.	Удельный вес в общем числе опрошенных, %
Обязать всех служащих отчитываться по результатам их работы перед обществом	51	22
Создать правила поведения муниципальных служащих	81	35
Привлекать к формированию имиджа профессиональные PR-агентства	49	21
Запретить муниципальным служащим иметь страницы в социальных сетях	31	13
Увеличить уголовную и административную ответственность за нарушение законодательства	28	12
Рассматривать образ кандидата в интернете в процессе конкурса на муниципальную службу	35	15
Повысить объем отчетности муниципальных служащих	92	40

*Источник: составлено автором

По мнению респондентов в количестве 92 чел. (40%), важным направлением формирования имиджа муниципального служащего является повышение объема их отчётности. В данном случае также указывалась публичная отчетность для населения, которая будет размещаться в свободном доступе, т.е. отчетность в разрезе отделов администрации, а не общего отчета по итогам работы администрации за квартал, полугодие, девять месяцев и год, как принято в настоящее время. В определенной мере аналогичного мнения придерживаются 22% опрошенных лиц, указывая на введение обязанности для всех работников администрации отчитываться перед обществом.

Другие респонденты в количестве 81 чел. (35%) считают, что необходимо создать правила поведения муниципальных служащих в виде отдельного кодек-

са их этики, имеющего не общий для всех характер, а именно относительно рассматриваемой администрации.

Таким образом, проделанное исследование позволило выявить ряд проблем в формировании имиджа муниципальных служащих (таблица 3).

Таблица 3. Проблемы формирования имиджа муниципальных служащих

Источник возникновения проблемы	Негативное влияние на формирование имиджа муниципальных служащих
Наличие в СМИ регулярных новостей о коррупции муниципальных служащих и государственных служащих Иркутской области	Снижение уровня доверия населения к представителям местной и региональной власти
Сведения в СМИ о неполноте отчетности Главы Администрации	Негативное влияние на формирование имиджа руководителя муниципальных служащих
В СМИ и на сайте администрации недостаточно освещаются вопросы результатов работы муниципальных служащих	Недостаточная информированность населения о достигнутых результатах в области муниципального управления
Увеличение числа негативных упоминаний о муниципальных служащих в СМИ за период с 2017 г. по 2020 г.	Ухудшение имиджа муниципальных служащих среди жителей, снижение уровня доверия
В СМИ существует множество фактов негативного характера о работниках администрации с учетом степени значимости новостей для населения	Существенное негативное влияние на доверие и уважением населения к муниципальной службе и всей системе органов власти
Респонденты при взаимодействии с органами власти отмечают равнодушие и неумение общаться муниципальных служащих	Ухудшение коммуникации между служащими и населением приводит к негативной характеристике их имиджа
Опрошенные жители города указали в своем большинстве на отсутствие доверия и уважения к органам власти	Отсутствие доверия и уважения приводит к негативному имиджу служащих и ухудшению системы муниципального управления
Жителями негативно оценены такие качества служащих, как надежность, ответственность, исполнительность и стремление к нововведениям	Несмотря на субъективный характер оценки, негативно влияют на имидж с точки зрения соответствия профессионального стандарта и реального поведения работников

Окончание

Источник возникновения проблемы	Негативное влияние на формирование имиджа муниципальных служащих
Негативные оценки муниципальных служащих населением свидетельствуют о его низкой информированности об их деятельности	Искажение информации приводит к недостоверной оценке, которая негативно отражается на общественном мнении в целом
Среди населения на формирование их представления о муниципальных служащих влияет информация по телевидению, в интернете, личный опыт и общение с друзьями и знакомыми	Получение информации из непроверенных и недостоверных источников может привести к существенному искажению фактов о муниципальных служащих
Источник возникновения проблемы	Негативное влияние на формирование имиджа муниципальных служащих
Отсутствие положений о порядке поведения муниципальных служащих в сети интернет, что может привести к негативным субъективным оценкам населения, которые отражаются на общественном мнении	Неоднозначность и отсутствие регламента в условиях информационного поля в интернете может привести к ухудшению имиджа служащих
Личные страницы муниципальных служащих используются в качестве личного пространства работников	Не используются как эффективный и актуальный инструмент формирования их благоприятного имиджа
Отсутствие официальных групп и страниц в социальных сетях большинства муниципальных служащих в связи с усилением отчетности	Приводит к изоляции муниципальных служащих от общественности и укрепляет стереотипы о закрытом характере деятельности муниципальных органов власти

В заключение следует отметить, что имеются определенные негативные тенденции в формировании благоприятного имиджа муниципальных служащих. Это обусловлено наличием таких проблем, как наличие в СМИ регулярных новостей о коррупции муниципальных служащих, недостаточно освещаются вопросы результатов их работы, увеличение числа негативных упоминаний о муниципальных служащих в СМИ, существование множества фактов негативного характера о работниках администрации, наличие мнения опро-

шенных лиц о равнодушии и неумении общаться муниципальных служащих, отсутствие доверия и уважения к органам власти у большинства респондентов, негативная оценка жителями таких качеств служащих, как надежность, ответственность, исполнительность и стремление к нововведениям, низкая информированность населения о деятельности местных органов власти, отсутствие положений о порядке поведения муниципальных служащих в сети интернет и др.

Существование всех этих проблем приводит к снижению уровня доверия населения к представителям местной власти, негативно влияет на имидж муниципальных служащих, ухудшению системы муниципального управления, а искажение информации приводит к недостоверной оценке, которая негативно отражается на общественном мнении в целом. Поэтому для решения данных проблем разработаны рекомендации по формированию позитивного имиджа муниципальных служащих.

Литература

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Авакян Т.М. Формирование моделей имиджа государственных и муниципальных служащих / Т.М. Авакян // Государственное администрирование и государственная служба: вчера, сегодня, завтра в условиях электронного правительства и цифровой экономики: сб. научных статей / под общ. ред. В.Л. Макарова, ред. англ. яз. Е.В. Нестеренко. – Москва, 2019. – С. 594–602.
3. Акутова Л.И. Понятие и признаки государственной службы / Л.И. Акутова // Молодой ученый. – 2018. – № 45. – С. 121–123.
4. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти / Р.Г. Ардашев // Миссия конфессий. 2020. – Т. 9. Ч. 3. (№ 44). – С. 328–333.
5. Ардашев Р.Г. Иррациональность правового сознания россиян / Р.Г. Ардашев // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: сборник научных трудов: материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; Под общ. ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. – Иркутск: Изд-во ИГУ. 2020. С. 58–65.
6. Ардашев Р.Г. Иррациональные страхи населения: воздействие цифровизации государственных услуг / Р.Г. Ардашев // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации. Материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ. 2020. С. 165–169.
7. Ардашев Р.Г. Теории заговора в общественном мнении россиян / Р.Г. Ардашев // Миссия конфессий. 2020. – Т. 9. Ч. 1. (№ 42). – С. 145–154.
8. Вараксина А.О. Положительный имидж государственного служащего, необходимость его формирования / А.О. Вараксина // Вопросы науки и образования. – 2019. – № 3 (47). – С. 227–229.
9. Василенко И.А. Государственная и муниципальная служба / И.А. Василенко. – М.: Юрайт, 2017. – 484 с.
10. Васильева И.В. Психодиагностика персонала: учеб. пособие / И.В. Васильева. – 2-е изд., стер. – М.: Юрайт, 2019. – 122 с.
11. Зырянова О.Г. Этика государственной и муниципальной службы: учебник / О.Г. Зырянова. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – 219 с.
12. Козбаненко В.А. Общее и особенное в правовом статусе государственных и муниципальных служащих / В.А. Козбаненко // Проблемы местного самоуправления. – 2008. – № 1. – С. 276–289.
13. Коломина А.В. К вопросу особенностей правового статуса и правового регулирования государственной

- службы / А.В. Коломина // Молодой ученый. – 2019. – № 52. – С. 128–130.
14. Кондакова Л.Д. Имидж современного государственного служащего / Л.Д. Кондакова, А.А. Мурашкина, Э.П. Суханова // Эпомен. – 2018. – № 20. – С. 96–102.
 15. Константинова В.Г. Генезис исследования проблемы формирования индивидуального профессионального имиджа в теории и практике / В.Г. Константинова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 4. – С. 28–30.
 16. Косинова Н.А. Современные тенденции формирования имиджа государственного (муниципального) служащего / Н.А. Косинова // Форум молодых ученых. – 2018. – № 12–2 (28). – С. 1147–1150.
 17. Кушнерова О.Н. Проблемы формирования имиджа государственных и муниципальных служащих / О.Н. Кушнерова, С.А. Шестопалова // Ученые заметки ТОГУ. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 234–238.
 18. Мирошниченко О.Н. Формирование позитивного образа государственного гражданского служащего: отечественный и зарубежный опыт / О.Н. Мирошниченко, М.В. Михайлова // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 4. – С. 147–156.
 19. Нагорных Р.В. Административно-правовые средства регулирования государственной службы в правоохранительной сфере / Р.В. Нагорных // Пенитенциарная наука. – 2019. – Т. 13. – № 4. – С. 558–562.
 20. Никитина А.С. Формирование позитивного имиджа муниципальных служащих в современном информационном интернет-пространстве / А.С. Никитина, В.С. Кязимова // Муниципалитет: экономика и управление. – 2018. – № 3 (24). – С. 27–35.
 21. Огнева В.В. Имидж государственного гражданского служащего региона как предмет социально-политического анализа / В.В. Огнева, Ю.В. Дорохова // Известия Тульского Государственного Университета. Гуманитарные науки. – 2014. – С. 158–162.
 22. Омарбаев С.С. К вопросу о понятии «государственная служба» / С.С. Омарбаев // Поколение будущего: взгляд молодых ученых: сб. научных статей 4-й международной молодежной научной конференции: в 3 томах. – Курск, 2016. – С. 300–304.
 23. Осомченко И.А. Имидж государственных служащих в современной России: опыт социологического анализа / И.А. Осомченко, С.В. Барсукова, С.М. Барсуков // Современные прикладные исследования. Материалы третьей национальной научно-практической конференции. – Новочеркасск, 2019. – С. 287–290.
 24. Подосинников Е.Ю. Социальная ответственность публичной службы в контексте развития сообщества / Е.Ю. Подосинников, Е.Н. Пясецкая // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). – 2015. – № 24. – С. 60–62.
 25. Соломанидина Т.О. Мотивация трудовой деятельности персонала: учеб. пособие / Т.О. Соломанидина, В.Г. Соломанидин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 312 с.
 26. Технологии обучения и развития персонала в организации: учебник / под ред. М.В. Полевой. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2017. – 256 с.
 27. Шикарева Е.Е. Имидж государственного служащего: основные характеристики, классификация, этапы реформирования / Е.Е. Шикарева // Полис: политические исследования. – 2011. – № 4. – С. 82–93.
 28. Шувалова Н.Н. Этика государственной и муниципальной службы: учебник и практикум / Н.Н. Шувалова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 334 с.
 29. Щербакова Т.В. Имидж в профессиональной деятельности государственного служащего (на примере Астраханской области) / Т.В. Щер-

бакова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 3 (32). – С. 333–339.

FEATURES OF THE PERCEPTION OF THE IMAGE OF MUNICIPAL EMPLOYEES

Aradashev R.G.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the peculiarities of perception in public opinion of the image of municipal employees, analyzes the components of the image, methods of design and development. The idea of the population about the existing image of municipal employees and the resources for its development is investigated.

Keywords: image, municipal service, public opinion, social perception.

References

1. On the state civil service of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation dated July 27, 2004, No. 79-FZ (as amended on December 8, 2020) [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus".
2. Avakyan T.M. Formation of models of the image of state and municipal employees / T.M. Avakyan // Public administration and public service: yesterday, today, tomorrow in the context of electronic government and digital economy: collection of articles. scientific articles / under total. ed. V.L. Makarov, ed. English lang. E.V. Nesterenko. – Moscow, 2019. – S. 594–602.
3. Akutova L.I. Concept and signs of public service / L.I. Akutova // Young scientist. – 2018. – No. 45. – S. 121–123.
4. Ardashev R.G. Irrationality of public opinion: fears of interaction with representatives of government authorities / R.G. Ardashev // Mission of denominations. 2020. – T.9. Part 3. (No. 44). – S. 328–333.
5. Ardashev R.G. Irrationality of the legal consciousness of Russians / R.G. Ardashev // Social institutions in the legal dimension: theory and practice: collection of scientific papers: materials / FSBEI HPE "ISU"; Under total. ed. O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. – Irkutsk: Publishing house of ISU. 2020.S. 58–65.
6. Ardashev R.G. Irrational fears of the population: the impact of digitalization of public services / R.G. Ardashev // Transformation of state and municipal government in the paradigm of digitalization. Materials of the international scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University. 2020.S. 165–169.
7. Ardashev R.G. Conspiracy Theories in the Public Opinion of Russians / R.G. Ardashev // Mission of denominations. 2020. – T.9. Part 1. (No. 42). – S. 145–154.
8. Varaksina A.O. Positive image of a civil servant, the need for its formation / A.O. Varaksina // Questions of Science and Education. – 2019. – No. 3 (47). – S. 227–229.
9. Vasilenko I.A. State and municipal service / I.A. Vasilenko. – M.: Yurayt, 2017. – 484 p.
10. Vasilyeva I.V. Psychodiagnostics of personnel: textbook. allowance / I.V. Vasilyeva. – 2nd ed., Erased. – M.: Yurayt, 2019. – 122 p.
11. Zyryanova OG Ethics of state and municipal service: textbook / OG Zyryanova. – Krasnodar: KubGAU, 2017. – 219 p.
12. Kozbanenko V.A. General and special in the legal status of state and municipal employees / V.A. Kozbanenko // Problems of local self-government. – 2008. – No. 1. – S. 276–289.
13. Kolomina A.V. On the issue of the peculiarities of the legal status and legal regulation of public service / A.V. Kolomina // Young Scientist. – 2019. – No. 52. – S. 128–130.
14. Kondakova L.D. The image of a modern civil servant / L.D. Kondakova, A.A. Murashkina, E.P. Sukhanov // Epomen. – 2018. – No. 20. – P. 96–102.
15. Konstantinova V.G. The genesis of research into the formation of an individual professional image in theory and practice / V.G. Konstantinova // Modern problems of science and education. – 2015. – No. 4. – P. 28–30.
16. Kosinova N.A. Modern trends in the formation of the image of a state (municipal) employee / N.A. Kosinova // Forum of young scientists. – 2018. – No. 12–2 (28). – S. 1147–1150.
17. Kushnerova O.N. Problems of the formation of the image of state and municipal employees / O.N. Kushnerova, S.A. Shestopalova // Scientific notes of PNU. – 2019. – T. 10. – No. 4. – S. 234–238.
18. Miroshnichenko O.N. Formation of a positive image of a civil servant: domestic and foreign experience / O.N. Miroshnichenko, M.V. Mikhailova // Bulletin of the Chuvash University. – 2013. – No. 4. – S. 147–156.
19. Nagornyykh R.V. Administrative and legal means of regulation of public service in the

- law enforcement sphere / R.V. Nagornykh // Penitentiary Science. – 2019. – T. 13. – No. 4. – S. 558–562.
20. Nikitina A.S. Formation of a positive image of municipal employees in the modern information Internet space / A.S. Nikitin, V.S. Kazimova // Municipality: Economics and Management. – 2018. – No. 3 (24). – S. 27–35.
21. Ogneva V.V. The image of the state civil servant of the region as a subject of sociopolitical analysis / V.V. Ogneva, Yu.V. Dorkhova // Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences. – 2014. – S. 158–162.
22. Omarbaev S.S. On the question of the concept of “public service” / S.S. Omarbaev // Generation of the future: the view of young scientists: collection of articles. scientific articles of the 4th international youth scientific conference: in 3 volumes. – Kursk, 2016. – S. 300–304.
23. Osomchenko I.A. Image of civil servants in modern Russia: the experience of sociological analysis / I.A. Osomchenko, S.V. Barsukova, S.M. Barsukov // Modern applied research. Materials of the third national scientific and practical conference. – Novochechassk, 2019. – S. 287–290.
24. Podosinnikov E. Yu. Social responsibility of public service in the context of community development / E. Yu. Podosinnikov, E.N. Pyasetskaya // Theory and practice of social development (electronic journal). – 2015. – No. 24. – S. 60–62.
25. Solomanidina T.O. Motivation of personnel labor activity: textbook. manual / T.O. Solomanidin, V.G. Solomanidin. – 2nd ed., Rev. and add. – M.: UNITI-DANA, 2017. – 312 p.
26. Technologies of training and development of personnel in the organization: textbook / ed. M.V. Field. – M.: University textbook: INFRA-M, 2017. – 256 p.
27. Shikareva E.E. The image of a civil servant: basic characteristics, classification, stages of reforming / E.E. Shikareva // Polis: Political Studies. – 2011. – No. 4. – S. 82–93.
28. Shuvalova N.N. Ethics of state and municipal service: textbook and workshop / N.N. Shuvalov. – 2nd ed., Rev. and add. – M.: Yurayt, 2020. – 334 p.
29. Shcherbakova T.V. Image in the professional activity of a civil servant (on the example of the Astrakhan region) / T.V. Shcherbakova // Caspian region: politics, economics, culture. – 2012. – No. 3 (32). – FROM. 333–339.

Региональная молодежная политика: экспертный анализ

Иванов Роман Викторович,

доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: dorwardrw@list.ru

В статье анализируются особенности развития молодежной политики. Делается углубленный анализ региональной молодежной политики. А также приводятся результаты экспертного онлайн-интервью с бывшими и нынешними руководителями некоммерческих организаций, государственных органов, отвечающих за молодежные программы, лидеры общественного мнения в отношении трансформации региональной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежная политика, регион, экспертный анализ, тенденции развития.

В современном мире молодежная политика является актуальной, но окончательно несформированной сферой государственной политики, мы можем сказать, что процесс ее институционализации еще не завершен. Молодежь всегда являлась движущей силой государства, без которой страна не имеет будущего. Поэтому государственная молодежная политика, являющаяся частью социальной политики, должна иметь четкие цели, задачи и эффективные пути их реализации в жизнь. За последние 29 лет эта сфера набирает развитие и популярность, а также постоянно претерпевает различные трансформации.

Впервые мысль о необходимости создания и реализации государственной молодежной политики (далее – ГМП) была высказана отечественным исследователем советской, а затем и российской молодежи И.М. Ильинским в 1986 г. [6]. Но по-настоящему о становлении ГМП мы можем говорить только начиная с апреля 1991 г., когда был принят закон Советского союза «Об общих началах ГМП в СССР».

Молодежь мы рассматриваем как особую социально-демографическую группу, с возрастным ограничением от 14–30 лет, которая выделяется на основе имеющихся физических и социально-психологических свойств [1].

Органы по молодежной политике функционируют в каждом регионе Российской Федерации и отвечают за множество аспектов, обеспечивающих эффективную жизнедеятельность молодежи. При этом молодежь должна занимать роль субъекта в сфере ГМП, формируя и наполняя внутренним содержанием сферы ее деятельности, повышая свою гражданскую культуру, осознавая свои права и обязанности, понимая свою функцию и значение в обществе [2].

Основываясь на статистических данных Росстата (Федеральная служба государственной статистики), на 01.01.2020 г. доля молодых людей от общего числа населения страны (146,7 млн человек) составляет 17,31%, т.е. 24 300 тыс. чел., динамика последних лет показывает снижение численности. При этом молодых людей в возрасте 15–19 лет – 6 330 тыс. чел.; 20–24 года – 7 455 тыс. чел.; 25–29 лет – 10 515 тыс. человек [10]. На сегодняшний день молодые люди представляются генератором и источником перемен в стране. Молодежь – активная, динамичная и прогрессирующая социальная группа, которая принимает участие во всех сферах жизни. На сегодня в нашей стране созрело другое поколение, имеющее новые взгляды и интересы [7].

Точкой отсчета истории и становления ГМП в Российской Федерации является 1991 г. В частности, в этот год произошло принятие закона о молодежной политике в СССР («Об общих началах государственной молодежной политики в СССР»). Сегодня государственная молодежная политика является одним из направлений деятельности государства, которая постоянно изменяется и реорганизуется. Данный фактор критически сказывается на текущем состоянии молодежной политики на федеральном и региональном уровне.

Федеральное агентство по делам молодежи на сегодняшний день является ведущим органом в реализации ГМП в стране, прежде входящее в состав Министерства образования и науки РФ.

Сегодня деятельность настоящего органа строится на базе множества официальных документов и нормативно-правовых актов. «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» являются ключевым документом в реализации ГМП и работы Федерального агентства по делам молодежи. Данный документ содержит цели, задачи, принципы и механизмы про-

дуктивного претворения в молодежной сфере.

Одной из ключевых проблем является неимение нормативно-правового законодательства на федеральном и региональном уровне. В настоящий момент этот вопрос приходится не только исключительным в данной сфере. Отсутствии конкретной цели, расплывчатые задачи, разнонаправленные сферы деятельности являются отрезком в череде проблем государственной молодежной политики в России.

Молодежная политика не может получать эффективную реализацию в государстве, если она не закреплена нормативно-правовым законодательством. В настоящий момент эксперты указывают на проблему отсутствия закона о молодежной политике в нашей стране. Этот факт является парадоксальным, исследователи молодежной сферы не находят подходящего объяснения отсутствия закона, который бы регулировал молодежную политику и определял место молодежи в ней [11,12,13].

На сегодняшний день SWOT-анализ имеет ключевое значение в исследовании современного состояния государственной молодежной политики в Иркутской области. Целью анализа является выявление сильных сторон (S), слабых сторон (W), возможностей (O) и угроз (T) в рассматриваемой сфере на современном этапе. Данный метод позволил более детально рассмотреть и проанализировать сегодняшнюю ситуацию.

Источниками для проведения SWOT-анализа являются: федеральное законодательство, нормативно-правовые акты, архивные материалы, учебные пособия, диссертационные работы, научные статьи и учебные издания, ресурсы сети Интернет и публикации в СМИ, а также практические знания, которые были приобретены при работе в областном учреждении по молодежной политике (табл. 1).

Таблица 1. SWOT-анализ эффективности управления в сфере реализации государственной молодежной политики на региональном уровне

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
<ul style="list-style-type: none"> • массовая вовлеченность молодежи в сферу государственной молодежной политики; • наличие грантовой поддержки для молодежи; • увеличение финансирования сферы государственной молодежной политики; • рост количества форумов и мероприятий; • открытие специальности в вузах для кадров по работе с молодежью; • доступность участия к фестивалям и конкурсам молодежи из малых городов и сельских поселений; • увеличение бюджетных мест в вузах, следовательно, уменьшение миграции молодежи; • создание и поддержание федеральных целевых программ, способствующих получить молодым семьям жилье и образование; • государственная молодежная политика сегодня не до конца сформирована, поэтому есть возможности устранить проблемы и недоработки «на корню»; • увеличение количества научных работ, посвященных исследованию молодежной проблематики; • тенденция на уменьшение возраста руководителя по молодежной политике, а также возрастное обновление среди работников с молодежью; • внедрение информационных технологий в обеспечение работы, в связи с чем происходит «омоложение» ГМП. 	<ul style="list-style-type: none"> • отсутствие определенной системы взаимодействия органов государственной молодежной политики, которая бы четко координировала деятельность воспитательной и просветительской работы, направленной на многочисленную студенческую молодежь; • выявление организаций и институтов, способных выступать в качестве субъектов молодежной политики России; • инструменты ГМП полностью или частично не соответствуют целям и задачам; • существование противоречия между нормативно-правовым регулированием на уровне Федерации и регионов страны; • отсутствие ресурсного обеспечения ГМП в стране и регионах; • недостаточный профессионализм кадров и специалистов по работе с молодежью; • неимение критериев оценки эффективности молодежных органов и специалистов в сфере ГМП; • «государственная молодежная политика» достаточно «позднее» явление общественно-политической жизни страны; • отсутствие четкого понимания, места и роли, понятия, цели «ГМП»; • отсутствие Закона о молодежи в РФ; • отсутствие специализированной структуры в ранге министерства, которая должна отвечать за исполнение и реализацию ГМП; • слабая вовлеченность общественных организаций и молодежи; • случайный процесс работы между молодежными организациями всех направлений; • разная продолжительность федеральных и региональных государственных программ; слабая информационная работа по освещению ГМП в стране; • отсутствие вертикальной власти; дефицит профессиональных кадров; • неудовлетворительные связи между субъектами РФ; • низкий уровень заработной платы в сфере ГМП; • недостаток научной литературы, исследований, общедоступной информации и т.д.; • отсутствие кадровой структуры в сфере регулярного мониторинга жизни молодых людей; • структура преемственности; непродуктивная работа с молодыми людьми (учениками, студентами, работающей молодежью и т.д.); • недостаточное развитие мероприятий; • слабое развитие учреждений по обслуживанию молодых людей; • минимальная финансовая поддержка детских и молодежных объединений на уровне субъектов Федерации; • отсутствие соответствия регионального законодательства государственной молодежной политики федеральному законодательству
Возможности (O)	Угрозы (T)
<ul style="list-style-type: none"> • международное сотрудничество в сфере ГМП; • увеличение финансирования в сфере молодежной политики; • усовершенствование кадрового потенциала среди специалистов по работе с молодежью; • создание «домов молодежи» в городах страны; • развитие добровольческого движения в связи с пандемией COVID-19; • создание онлайн-семинаров по приобретению международного опыта в реализации ГМП; • развитие информационной политики в «молодежке», увеличение информационного потока пользователей; 	<ul style="list-style-type: none"> • увеличение недовольства и выброс его в массы среди молодого населения; • «затирание» сферы государственной молодежной политики среди других сфер жизни общества; • уменьшение численности молодых людей в РФ; • увеличение миграции молодых людей • отток молодых людей в страны Европы; • появление негативных настроений в связи с социально-экономической ситуацией в стране; • отсутствие помощи государства по борьбе с «молодежной безработицей», неимение соответствующих федеральных целевых программ; • уменьшение занятости среди молодых людей в связи с пандемией COVID-19.

Возможности (О)	Угрозы (Т)
<ul style="list-style-type: none"> • создание отдельного органа власти, целью которого стало бы осуществление реализации ГМП на федеральном и региональном уровне; • увеличение количества молодежных, детских организаций и объединений; • внесение законодательной инициативы в сфере молодежной политики посредством молодых лидеров и бизнесменов. 	

*Источник: составлено автором

В настоящее время SWOT-анализ государственной молодежной политики на современном этапе является ценным материалом при изучении феномена молодых людей. Данный анализ является неотъемлемой частью при изучении сферы молодежи, социализации и работы с ней. SWOT-анализ позволяет выявить сильные и слабые стороны, риски и возможности, которые отражают всю объективную и целостную картинку современного состояния ГМП. Сегодня молодежная политика развивается и должна эффективно и поэтапно развиваться вместе с современной молодежью. Данный анализ поможет выстроить эффективную систему, проработать и решить проблемы в сфере молодежи, избежать угрозы, увидеть сильные стороны, а также слабые стороны, которые со временем требуют ослабления или устранения.

Сегодня молодежь является очень сложным и неоднозначным феноменом, динамично и стремительно развивающимся, очевидно отличающимся от остальных социальных групп. На сегодняшний день очень важно понимать, что сфера молодежной политики включает в себя абсолютно все сферы деятельности граждан РФ от 14–30 лет. Для государства молодые люди являются перспективным и мобильным населением, что определяет особую ценность [8,9].

В настоящее время в России существует острая и очень значимая проблема развития и формирования молодежной политики как эффективного средства работы. Одним из факторов, который значительно сможет повлиять

на ускоренное развитие рассматриваемой сферы является принятие закона, регулирующего государственную молодежную политику в стране. Закон должен содержать в себе основные цели, задачи и принципы формирования и реализации ГМП на федеральном и региональном уровне субъектов РФ. После принятия федерального закона должен последовать новый этап развития – нормативно-правовое регулирование молодежной политики в каждом субъекте Российской Федерации, которое не будет противоречить настоящему федеральному законодательству.

Обязательным фактором и условием эффективного развития сферы работы с молодежью в государстве является общие и обоснованные сроки работы федеральных целевых программ, являющихся механизмом социализации молодых людей в условиях российского общества. Молодежная политика должна иметь общий и целенаправленный вектор развития, необходимый для полноценной жизни молодежи.

Одной из ключевых проблем является неимение нормативно-правового законодательства на федеральном и региональном уровне. В настоящий момент этот вопрос приходится не только исключительным в данной сфере. Отсутствие конкретной цели, расплывчатые задачи, разнонаправленные сферы деятельности являются отрезком в череде проблем государственной молодежной политики в России.

В скором времени молодежную политику коснутся изменения, которые также затронут сферу науки и образования. По мнению властей, данные из-

менения станут новыми возможностями для молодежи. Раннее молодежная политика никаким образом не была закреплена в Конституции РФ, с внесением новых конституционных поправок, молодежь ожидают различные возможности как в профобразовании, так и в профилактике социально-негативных явлений среди молодых людей. Сегодня молодежная политика должна явиться тем инструментом, который станет ключом развития и изменения нашей страны [7]. Этот вопрос требует незамедлительного решения, стоит отметить, чем скорее это случится, тем наиболее лучшие результаты нас ждут. В настоящий момент особую роль в молодежной среде занимает медиатизация жизни, с каждым днем средства массовой информации, в том числе социальные сети, откладывают отпечаток на социализацию молодежи.

Детальный анализ действующего в настоящий момент законодательства и нормативно-правовых документов вскрывает ряд системных проблем в сфере правового регулирования государственной молодежной политики, в частности: отсутствие единого понятийного аппарата в правовой базе, регламентирующей общественные отношения в сфере государственной молодежной политики, также не прослеживается комплексного идеологического подхода в нормативных актах различного уровня и тематики.

Как следствие, решение наиболее острых проблемных точек молодежной политики носит бессистемный характер и не имеет выверенных законодательством механизмов регулирования.

Система правового регулирования государственной молодежной политики не поспевает за темпами изменения общественных отношений, особенно в сфере, касающейся наиболее активной социально-возрастной группы – молодежи. Об этом свидетельствует тот факт, что наиболее структурированные и последовательные нормативно-правовые акты были приняты 5–10 лет назад, и на данный момент не способны

столь же эффективно регулировать новые социальные тенденции.

В существующей законодательной базе подавляющее большинство нормативных актов носят точечный прикладной характер, вследствие чего отсутствует корреляция норм и методологии в различных правовых документах.

В качестве основополагающих регуляторов развития всех видов экономической деятельности среди молодежи выступает целый ряд федеральных законов: Гражданский кодекс РФ, Кодекс законов о труде в РФ, Налоговый кодекс РФ.

Из этого следует, что молодежная экономическая деятельность данными нормативно-правовыми актами определяется как область государственной деятельности. Таким образом, Конституция РФ и законодательство о молодежи и ГМП обеспечивают нормативно-правовой базис для повышения активного участия молодежи в системе рыночной экономики РФ.

Один из признанных экспертов-политологов А.В. Кочетков выразил мнение, что принятую Стратегию однозначно нельзя считать сбалансированной или близкой к идеалу. Она вызывает ряд серьезных нареканий ученых и специалистов-практиков. В документе прописана только малая часть базовых принципов взаимодействия с молодежью, лишь фрагментарно определяются механизмы управления в сфере ГМП. Однако само по себе наличие Стратегии уже свидетельствует о важном факторе расширения возможностей – гарантии поддержки государством молодежных инициатив.

К числу документов, регламентирующих сферу государственной молодежной политики, также относятся «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» и «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации до 2012 года».

Одной из главных задач упомянутой выше Стратегии государственной молодежной политики является не только

определение основных целей и приоритетных направлений в работе с молодежью, но и их агрегация с принципами социально-экономического развития Российской Федерации.

В рамках Концепции социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года условно обозначается основная цель государственной молодежной политики и основные механизмы получения результата [3].

В сложившейся конъюнктуре политическим лидерам стоит определить место государственной молодежной политики в общей системе публичной власти и российского законодательства. На сегодняшний день в публичном пространстве доминирует декларативный характер на тему модернизации ГМП, в правовой сфере качественные изменения не находят даже предпосылок на свое существование. Оказать серьезное содействие в структурном улучшении ГМП может только социальная активность самой молодежи через механизмы самоорганизации граждан.

В настоящее время руководителем Федерального агентства по делам молодежи является Александр Бугаев, непосредственно о принятии закона «О молодежной политике» он отзывается следующим образом: «Закон должен учесть интересы отрасли, а также закон должен стать базой для последующих законодательных инициатив по изменению жизни молодых людей».

Лидер подтверждает сохранение ранее выбранной траектории: он избегает прямолинейного акторства, вместо этого фокусируется на создании условий и их нормативном закреплении. Включая и выстраданный законопроект «О молодежной политике», который станет базой для последующей нормативной поддержки молодежи.

Росмолодежь концентрирует внимание не на себе как институции, а на внешних организациях и лидерах, реализующих различные молодежные активности, – так ведомство добивается их широкого многообразия. На данном этапе приоритет отдается констру-

ированию социальных лифтов; в авангарде этой деятельности АНО «Россия – страна возможностей» [5,6].

Подобная стратегия – это всегда «игра в долгую», это сложная конструкция, плоды которой становятся ощутимы спустя несколько циклов реализации. При этом не частые, но регулярные попытки критиковать Бугаева через сравнение с популярными в молодежной среде персонажами (протестными блогерами, авторами книг и др.) не выглядят конструктивными в силу однообразия или отсутствия аргументов. Александр Бугаев не занят блогерством, сбором лайков и подписчиков, полигагитацией или написанием мемуаров, – это важно понять. Он создает ресурсную базу для поддержки, (и материальной и информационной) максимального числа векторов развития молодежи как социальной группы.

При этом важно следующее: Бугаев подчеркнул, что если раньше в стране были десятки субкультур, то сейчас абсолютно каждый молодой человек в некотором смысле является отдельной субкультурой. То есть руководитель Росмолодежи – апологет максимальной кастомизации молодежной политики. Система должна быть гибкой и адаптироваться под запросы каждого молодого человека [4].

Это входит в некое противоречие с тем раздражающим повсеместным бюрократизмом, который работает на сохранение самого себя, пренебрегая запросами общества, не говоря уже об отдельном молодом человеке, который в бюрократической машине превращается из молодого в «маленького человека».

Если это действительно понимают в Росмолодежи на уровне руководства, то необходимо не только продолжать этот курс, но и интенсифицировать коммуникацию с молодежью. Существующие форматы, к сожалению, конкуренции не выдерживают.

Сегодняшняя ситуация в стране и в мире – это не повод откладывать принятие значимого закона для всей молодежи целой страны. Несмотря

на иррациональные тенденции – общественное воспроизводство строится на рациональном понимании общественных трансформаций [1,2]. Для органов власти, экономики, образования, а также и для населения России, молодые люди являются теми, кто будет работать во всех сферах жизни общества и отвечать за все происходящее в нашей стране, на современную молодежь возложены очень большие ожидания, направленные государством и окружающими.

Вопрос о непринятии закона о ГМП с каждым годом стоит острее, при этом никаким образом не получает свое решение. Принятие его постоянно затягивается, тем самым ситуация значительно усугубляется. Ведь получается, если вопрос не стараются так быстро решить, значит не так он и важен? Стоит сказать, что по своей сути сфера государственной молодежной политики носит довольно таки специфичный характер, так как это единственная сфера политики, которая не похожа на все остальные. Сложность заключается в постоянном динамическом развитии молодых людей, на которое влияет технический прогресс, экономическая ситуация в мире, международные отношения и т.д. Молодежь не стоит на одном месте и не останавливается в одном режиме, поэтому законодательство в сфере государственной молодежной политики должно быть универсальным, а не устаревшим.

Ранее Президент России Владимир Владимирович Путин на встрече с рабочей группой по поправкам в Конституцию поддержал предложение Юлии Оглоблиной конституционно закрепить статус молодежной политики.

Методика исследования. Исследование проводилось через платформу zoom в 2020 году, в формате экспертного интервью. Каждое интервью длилось 2–2,5 часа в формате полуструктурированного интервью (гайд вопросов высылался заранее). В качестве респондентов отбирались руководители высшего управленческого звена министерств по молодежной политике (16 человек),

руководители некоммерческих организаций, занимающиеся молодежью (12 человек), бывшие комсомольские работники, занимающие руководящие должности (секретарей в районах и городах в СССР) (7 человек) в разных субъектах РФ. Всего в интервью приняло 35 человек в возрасте от 30 до 75 лет, 52% женщин и 48% мужчин.

По мнению экспертов, необходимо трансформировать молодежную политику по нескольким направлениям: социально-экономическому (34%), социально-правовому (26%), социокультурному (24%), социально-демографическому (16%).

Социально-экономическому, когда принимаемые меры, нормативно-правовые акты, идеолого-политические программы имеют государственную поддержку и финансирование.

Без финансирования ни одна программа для молодежи не будет иметь успеха. В советском союзе октябрята, пионеры, комсомольцы вполне успешно существовали только потому, что работало государственное финансирование всех этих программ. Если этого сегодня нет – то и ожидать аналогичных результатов не приходится. (М.Ю., 68 лет, руководитель ГОРКОМА, г. Красноярск).

Вопросы экономической составляющей являются ключевой проблемой для современных общественных молодежных организаций, разрабатывающих просвещение, образование, спорт среди молодежи. (Т.А., 31 год, руководитель молодежной НКО, г. Хабаровск).

Социально-правовому, когда правовое поле регулируется актуальными нормативно-правовыми актами, не противоречащими, а усиливающими нормы международного права в сфере защиты и развития прав детей и молодежи.

Наше законодательство вообще, а молодежное в частности устарело по международным меркам лет на срок. И это никого не волнует. Мы руководствуемся законами, которые уже не актуальны, либо имеют формальный статус. Что это, как не деградация? (С.В., 44 года, руководитель молодеж-

ного патриотического общества, г. Чита).

Многие работают по наитию, а не по знанию норм права. Поэтому, далеко не все и далеко не всегда могут защитить права молодежи, которую кто-либо или что-либо ущемляет. Да собственно и у самой молодежи нет ни понимания, ни знания – к кому можно обратиться, чтобы решить ту или иную проблему. (С.С., 53 года, руководитель общественного публично-правового центра, г. Иркутск).

Социокультурному, когда учитываются интересы молодежи как многокультурной и многонациональной группы, требующей учета интересов и специфики развития национально-культурных и религиозных убеждений.

Знание обычаев своего народа, своей культуры – это основа сохранения семьи и условия будущего воспроизводства поколений. Когда данный фактор закладывается в основу государственной молодежной политики, он позволяет воссоздавать ментальную и моральную структуру общества будущего. (А.В., 34 года, заместитель министра по молодежной политике Республики Бурятия, г. Улан-Удэ).

Социально-исторические условия и социокультурные обычаи закладывают перспективы духовного воспроизводства социальной структуры регионального общества. Опыт предков должен остаться в сердцах и душах молодежи, только так мы сможем сохранить свои уникальные национальные черты. (Р.Р., 47 лет, руководитель краевой молодежной патриотической организации, г. Хабаровск).

Социально-демографическому, когда идет целенаправленная пропаганда и фактическая поддержка молодых и многодетных семей, поддерживающая традиционные каноны семейных ценностей.

Современному Правительству необходимо думать о демографическом воспроизводстве страны и акцент в этом вопросе стоит, конечно, делать на молодежи. Без достаточного количества людей в нашей стране – мы выйдем.

Поэтому современная молодежная политика должна опираться на меры государственного регулирования демографического потенциала, расширение возможностей материнского капитала, увеличение региональных программ для молодых семей и образования молодежи в сфере духовных семейных ценностей (С.Ю., 49 лет, руководитель религиозной молодежной организации, г. Иркутск).

Без фактического воспроизводства населения ни одна принимаемая правительством мера не найдет своего адреса. Нам важно сохранить и увеличить свою численность как граждан России. Поэтому, и принимаемые меры и программы, должны носить мотивационный уклон в сторону демографического роста. (П.А., 54 года, заместитель министра по молодежной политике, г. Хабаровск).

Проблемы региональной молодежной политики кроются в отсутствии финансирования (36%), регионального молодежного лидера (35%), непонимании со стороны региональных органов власти (19%), инертности самой молодежи (10%).

Эксперты разделились в оценках того, какими качествами должен обладать лидер, способный мотивировать и направлять современную молодежь. Это, прежде всего, харизматичный (32%), умный (23%), креативный (16%), образованный (13%), коммуникабельный (11%), другие черты (10%).

В настоящее время молодежная политика нуждается в мерах, необходимых для эффективного развития молодых людей в нашей стране и в регионе – принятие нормативно-правовой базы, которая затрагивает все наиболее актуальные и необходимые аспекты жизнедеятельности молодежи. Молодежная политика не может получать эффективную реализацию в государстве, если она не закреплена нормативно-правовым законодательством. В настоящий момент эксперты указывают на проблему отсутствия закона о молодежной политике в нашей стране [3]. Этот факт является парадоксальным,

исследователи молодежной сферы не находят подходящего объяснения отсутствия закона, который бы регулировал молодежную политику и определял место молодежи в ней.

Также необходим целостный анализ нормативно-правовой базы на региональном уровне. Существует проблема отсутствия актуального закона Иркутской области о молодежной политике, данный документ необходимо переработать. Причинами отсутствия принятия закона является недостаточно эффективная и не целенаправленная деятельность органов по молодежной политике региона. Следует констатировать тот факт, что развитие молодежной политики не может осуществляться без прочной основы, т.е. нормативно-правового законодательства.

Для решения проблем необходим комплексный подход со стороны государства и региона. Данный подход должен стать решением по устранению или смягчению имеющихся проблем в сфере ГМП области. Только сплоченная, четкая и скоординированная работа может решить существующие проблемы. Также необходимы локальные действия органов и специалистов по работе с молодежью.

Литература

1. Ардашев, Р.Г. Иррациональность общественного сознания / Р.Г. Ардашев // Гуманитарный вектор. 2020. – № 15. № 2. – С. 76–84.
2. Ардашев, Р.Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.
3. Алехина, И.С. Молодежь как субъект и объект государственной молодежной политики: проблемные аспекты понятийного аппарата / И.С. Алехина, Н.Г. Путря // Политика и правовое государство. – 2020. – № 3. – С. 39–46.
4. Гуринович, Л.А. Социальная активность молодежи и формы ее проявления / Л.А. Гуринович // Молодежь глазами молодежи: докл. науч.-практ. конф. Иркутск, 6 дек. 2011 г.: сб. ст. – Иркутск, 2011. – С. 20–23.
5. Зайцева, И.А. Формирование социального потенциала молодежи как стратегический приоритет государственной молодежной политики в условиях малого города / И.А. Зайцева // Вестн. Поволжского ин-та упр. – 2016. – № 3 (54). – С. 62–68.
6. Зуляр, Р.Ю. Российская государственная молодежная политика: состояние, проблемы и перспективы / Р.Ю. Зуляр // Четвертые университетские социально-гуманитарные чтения 2010 года: материалы: в 3 т. – Иркутск, 2010. – Т. 2. – С. 249–253.
7. Комарова, М.С. Молодежь как субъект государственной молодежной политики / М.С. Комарова // Власть. – 2016. – № 4. – С. 87–93.
8. Маркина, Н.Л. Государственная молодежная политика: мировой и отечественный опыт / Н.Л. Маркина, Ю.А. Твирина, О.Е. Шумилова // Изв. Тульского гос. ун-та. – 2010. – 25 нояб. – С. 150–159.
9. Матевосян, М.Г. Концепция государственной молодежной политики в современной России / М.Г. Матевосян, К.Л. Басанова // KANT. – 2014. – № 4 (13). – С. 77–81.
10. Мащенко, А.С. Государственная молодежная политика на современном этапе: нормативно-правовое регулирование / А.С. Мащенко // Всероссийская научно-практическая конференция «Социальная реальность виртуального пространства»: материалы всероссийской науч. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. – С. 205–207.
11. Меркулов, П.А. Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в обществен-

- ные практики / П.А. Меркулов // Власть. – 2015. – № 10. – С. 27–32.
12. Самохвалов, Н.А. Сравнительный анализ практик реализации государственной молодежной политики в современном мире / Н.А. Самохвалов // Сравнительная политика. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 143–150.
 13. Самохвалов, Н.А. Ретроспективный анализ государственной молодежной политики Российской Федерации / Н.А. Самохвалов // Вестник ЗабГУ. – 2015. – № 11 (126). – С. 66–72.

REGIONAL YOUTH POLICY: EXPERT ANALYSIS

Ivanov R.V.

Irkutsk State University

The article analyzes the features of the development of youth policy. An in-depth analysis of regional youth policy is made. It also provides the results of expert on-line interviews with former and current heads of non-profit organizations, government bodies responsible for youth programs, and opinion leaders regarding the transformation of regional youth policy.

Keywords: youth policy, region, expert analysis, development trends.

References

1. Ardashev, R.G. Irrationality of public consciousness / R.G. Ardashev // Humanitarian vector. 2020. – No. 15. No. 2. – S. 76–84.
2. Ardashev, R.G. Forms of irrationality of public consciousness // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk: ISU Publishing House, 2020. S. 40–48.
3. Alekhina, I.S. Youth as a subject and object of state youth policy: problematic aspects of the conceptual apparatus / I.S. Alekhina,

- N.G. Putrya // Politics and the rule of law. – 2020. – No. 3. – P. 39–46.
4. Gurinovich, L.A. Social activity of youth and forms of its manifestation / L.A. Gurinovich // Youth through the eyes of youth: reports. scientific-practical conf. Irkutsk, 6 December 2011: Sat. Art. – Irkutsk, 2011. – S. 20–23.
 5. Zaitseva, I.A. Formation of the social potential of youth as a strategic priority of the state youth policy in a small town / I.A. Zaitseva // Vestn. Povolzhsky Institute – 2016. – No. 3 (54). – S. 62–68.
 6. Zulyar, R. Yu. Russian state youth policy: state, problems and prospects / R. Yu. Zulyar // Fourth university social and humanitarian readings of 2010: materials: in 3 volumes – Irkutsk, 2010. – Т. 2. – P. 249–253.
 7. Komarova, M.S. Youth as a subject of state youth policy / M.S. Komarova // Power. – 2016. – No. 4. – P. 87–93.
 8. Markina, N.L. State youth policy: world and domestic experience / N.L. Markina, Yu.A. Tvirova, O.E. Shumilova // Izv. Tula state un-that. – 2010. – 25 nov. – S. 150–159.
 9. Matevosyan, M.G. The concept of state youth policy in modern Russia / M.G. Matevosyan, K.L. Basanova // KANT. – 2014. – No. 4 (13). – S. 77–81.
 10. Mashchenko, A.S. State youth policy at the present stage: legal regulation / A.S. Mashchenko // All-Russian scientific-practical conference “Social reality of virtual space”: materials of the All-Russian scientific. conf. / FSBEI VO “ISU”. – Irkutsk: Izd-vo ISU, 2019. – pp. 205–207.
 11. Merkulov, P.A. State youth policy in modern Russia: tools for integrating youth into social practices / P.A. Merkulov // Power. – 2015. – No. 10. – P. 27–32.
 12. Samokhvalov, N.A. Comparative analysis of the practices of implementing state youth policy in the modern world / N.A. Samokhvalov // Comparative politics. – 2016. – Т. 7, No. 4. – P. 143–150.
 13. Samokhvalov, N.A. Retrospective analysis of the state youth policy of the Russian Federation / N.A. Samokhvalov // Bulletin of ZabGU. – 2015. – No. 11 (126). – S. 66–72.

Особенности развития дополнительного образования детей и взрослых в России

Журавлева Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье рассматриваются особенности развития дополнительного образования в Российской Федерации. Выделяются основные условия и факторы развития, технические и технологические трудности и способы их решения. Приводятся результаты общероссийского исследования актуальности дополнительного образования для детей и взрослых.

Ключевые слова: дополнительное образование, развитие, этапы становления, мотивация родителей, мотивация детей и взрослых.

Становление внешкольного образования России происходило в течение длительного периода, знаменовалось переходом от отдельных кружков и секций, учреждений внешкольного воспитания конца XIX – начала XX в. к системе дошкольного образования.

Современная система внешкольного образования России сложилась на основе исторического опыта и прошла определенные этапы своего развития, тесно связанные с историческими событиями в стране. В ряде исследований современных авторов, рассматриваются разнообразные условия реализации образования, основанные как на иррациональных принципах (Ардашев Р.Г. [2,3,4], Музалевская А.Н. [12]), так и на объективных (Войтик Р.Н. [5], Журавлева И.А. [6,7,8], Иванов Р.В. [9], Коршунова Е.Д. и Астафьева А.А. [10]).

Если говорить об истории развития дополнительного образования в России, то вопреки распространенного мнения она насчитывает уже более века, особенно если воспринимать его как сферу внешкольного образования, но как организационная структура оно сформировалось позднее. Первыми проявлениями такой сферы можно считать появившиеся в 1875 году в Поморье кружки по развитию местных промыслов на основе Архангельских промыслов и в Полтаве в 1881 году по изучению местных казачьих традиций. Несмотря на то, что эти виды учебной деятельности вполне соответствовали современному понятию дополнительного, а точнее внешкольного образования в реальности это носило не организованный характер и создавалось по инициативе местных школьных властей. Так же к таким кружкам по интересам можно отнести академические курсы для школьников московских и петербургских гимназий, которые создавались на базе ряда столичных университетов.

Зарождение организованной системы дополнительного образования произошло в конце XIX века и реализовывалось через частные инициативы. Были организованы первые скаутские курсы или как тогда говорили кружки юных следопытов, авионавческие и технические курсы (они появились в начале 1910-х годов прошлого века на фоне увлечения воздухоплаванием), а также кружки различного научного толка, которые были востребованы в эпоху технического прогресса. Надо заметить, что большинство из этих кружков и курсов создавались уже на базе учебных заведений среднего образования и курировались со стороны местных властей министерства просвещения [8].

Однако стоит отметить, что реальный сдвиг в сторону продвижения внешкольного образования в России произошел только в советское время. Так, в 1918 году в СССР был создан специальный отдел внешкольного образования в Народном комиссариате по просвещению, а при Станции юных любителей природы 15 июня 1918 года был организован первый кружок юннатов. Эта дата и считается точкой отсчета. Теория и практика внешкольного образования активно развивалась в течение всего XX века. Таким образом, можно заметить, что система внешкольного образования показала свою значимость и необходимость на практике через востребованность среди учащихся и их родителей.

Для примера, в течение семи десятков лет эта система развивалась достаточно активно, по всему Советскому Союзу действовали тысячи Домов Пионеров, Музыкальных и художественных школ, в которых было занято практически 100% детей и взрослых, в частности в 70-х годах различные кружки посещали до 98% обучающихся в средних школах и 38% взрослых. Кроме того, на базе различных спортивных обществ работали спортивные секции, которые так же привлекали детей и взрослых. Данная тенденция не изменилась даже с распадом СССР [6,7].

В современной России данному направлению образовательной деятельности, несмотря на тяжелые экономические условия, так же придавалось большое значение. Так, в 1992 году в России был упразднен термин «внешкольное образование», а на замену ему пришло «дополнительное образование». Наиболее существенным отличием дополнительного образования детей и взрослых от внешкольной или рабочей занятости.

В рамках реформирования системы образования в России в период 90-х гг. XX века и поиска новых государственных активов функционирования и развития досуговой деятельности населения (в особенности учащихся общеобразовательных школ), в структуру образования на законодательном уровне (Закон Российской Федерации «Об образовании» 1992 г.) включаются учреждения дополнительного образования. В данном законе впервые было дано юридическое определение словосочетания «дополнительное образование», а также учреждений данного вида, были сформулированы и сформированы цели и задачи данных учреждений, уточнены содержание и форма их деятельности.

Важно отметить, что ни в теории, ни на практике в системе российского образования вышеуказанных определений до принятия закона «Об образовании» не было. Продолжая преемственность советской системы дополнительного образования, в российской строились условия для удовлетворения все новых потребностей людей в меняющихся условиях, для повышения навыков и разнообразия досуга.

В данный момент сформулированы несколько определений дополнительного образования. В некоторых определениях главной характеристикой дополнительного образования является связь данного образования с развитием индивидуальности обучающегося; в других развивающаяся индивидуальность учащегося понимается как результат удовлетворения его разнообразных потребностей в ходе получения образования;

в-третьих важнейшим фактором отмечено исполнение потребностей личности и развитие её индивидуальности с целью перехода достижений и успеха в деятельность и общении в выбранной специфической сфере в другие сферы жизнедеятельности человека, с целью вхождения в культуру. Приведем некоторые из них.

В России до сих пор нет деления на дополнительное образование детей и взрослых. Тогда как в большинстве зарубежных стран данное деление имеет место быть.

В современной редакции закона «Об образовании РФ» (№ 273-ФЗ от 21.12.2012 г.) [1] говорится, что «дополнительное образование включает в себя такие подвиды, как дополнительное образование детей и взрослых и дополнительное профессиональное образование», а, кроме того, указан список учреждений дополнительного образования, ориентированных в своей деятельности и на детей и на взрослых. В их числе: учреждения повышения квалификации, центры профессиональной ориентации, учреждения профессиональной переподготовки, музыкальные и художественные школы, школы искусств, дома детского творчества, детские оздоровительные лагеря и другие учреждения. Дополнительное образование детей и взрослых организуется также и во всех типах образовательных учреждений – детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах, гимназиях, лицеях, колледжах и других. В настоящий момент по всей России организовываются профильные организации, аккумулирующие в себе ресурсы и знания с прицелом на современные виды науки, технологий и творчества.

При этом в Российской Федерации мог появиться специализированный закон, который как раз регламентировал бы саму систему дополнительного образования. Однако предложенный к рассмотрению 12 июля 2001 года, он был отклонен Президентом РФ Российской Федерации (письмо от 8 августа 2001 г. № Пр-1436). Мало того Госу-

дарственная Дума создала специальную комиссию по доработке Закона, но 27 мая 2004 г. приняла Постановление № 564-IV ГД, в котором согласилась с мотивами решения Президента Российской Федерации о нецелесообразности дальнейшего рассмотрения Федерального закона «О дополнительном образовании» и сняла этот Закон с дальнейшего рассмотрения Государственной Думой. Деятельность Комиссии была прекращена. То есть вся регламентация дополнительного образования на Федеральном уровне ограничивается главой 10 «Закона об образовании в Российской Федерации», в которой всего две статьи.

Несмотря ни на что, в системе образования в Российской Федерации развивается подсистема дополнительного образования детей и взрослых. Текущая стадия освоения образовательными учреждениями потенциала дополнительного образования охарактеризовалась периодом ознакомления с рядом преимуществ дополнительного образования и их адаптации; соотношения идей в системе современных образовательных тенденций к обыденным 4 стереотипам «вторичности» и «ненужности» дополнительного образования в сравнении с общешкольным образованием; разработки технологии реализации данного вида образования; развитие и насаждение практики планирования и организации дополнительного образования; решение задач повышения его качества.

Основным фактором в работе системы дополнительного образования детей и взрослых в Российской Федерации является необходимость организации таких условий, в которых субъект образовательных отношений (будь то учащийся или его родитель/законный попечитель) имеет возможность для открытого и независимого решения по выбору той сферы образовательной деятельности, которая коррелирует с его личными интересами, возможностями для их освоения; развития видов деятельности, которые соответствуют самим интересам; совершенствовании

лично-деятельностного характера образовательного процесса, способствует развитию стремления личности к познанию и творчеству, профессиональному самоопределению и самореализации.

Одним из наиболее важных вопросов на стадии формирования системы дополнительного образования является необходимость организации образовательного процесса в соответствии с методическими планами и учебными программами. Их связь и преемственность составляют ядро системы дополнительного образования детей и взрослых, определяют его содержание, уровень и направленность. Дополнительное образование индивидуализирует образовательный путь ребенка в рамках единого социокультурного и образовательного пространства. Требования к ориентации программ дополнительного образования детей и взрослых на:

- динамичность образовательного процесса как социального явления;
- стимулирование творческой активности ребенка, развитие его способностей к самостоятельному решению возникающих проблем и постоянному самообразованию;
- активное и деятельное усвоение содержания образования, прогнозирование его применения в различных ситуациях;
- обобщение жизненного опыта ребенка, соотнесение этого опыта с исторически сложившейся системой ценностей;
- самостоятельную оценку ребенком тех или иных действий, событий, ситуаций и соответствующее построение своего поведения;
- новое восприятие научного знания с его ярко выраженной тенденцией к многообразию и овладению специализированными языками наук в группах юных исследователей.

Таким образом, на основе созданной в 20–30-е гг. XX в. системы внешкольного образования, дополнительное образование сформировалась в современную систему, содержащую широкую сеть учебных заведений, других

учреждений дополнительного образования с собственными принципами деятельности, заданиями, спецификой содержания, форм, методов и технологий и выполняет важные социальные функции. Вместе с тем, на законодательном уровне сфера дополнительного образования имеет слишком малую нормативно-правовую базу, ограничиваясь, по сути, законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. В этой связи становится очевидной проблема регулирования правовых и юридических отношений в системе дополнительного образования, а также правовое превалирование общего образования над дополнительным. Разумеется, являясь лишь хоть и крупной, но частью глобальной сферы образования, дополнительное образование, тем не менее, нуждается в организации четкой правовой базы, жесткого контроля за ее исполнением и грамотного руководства и управления как на государственном уровне, так и на региональном уровне, и на уровне муниципалитетов.

Пониманию специфики собственно российской системы внешкольного образования способствовать анализ материалов по развитию систем неформального образования европейских стран, что позволяет определить некоторые особенности.

Во-первых, существенное разнообразие, при этом:

- различие концепций и конкретных социально-экономических условий развития систем неформального образования различных стран, не отрицает сходства их целей и приоритетов деятельности;
- существует внимание к учреждениям неформального образования как центрам развития, социальной поддержки детей и взрослых, имеющих государственное значение.

Во-вторых, наличие опасностей, связанных с изменениями социально-экономических условий развития государств, в частности, с ростом роли рыночных отношений. «В Европе общественная сфера все больше воспри-

нимается сквозь призму рыночных отношений. Не только коммерческая сфера, но и такие некоммерческие сферы, как здравоохранение, образование, спорт и учреждения свободного времени часто тише регулируются рыночными стратегиями, выгоды инвестирувания, прибыльностью и т.д. Это означает, что директор школы, театра, больницы, музея сталкивается с необходимостью действовать как бизнесмен. Он получает все меньше субсидий и вынужден либо зарабатывать деньги, или искать спонсоров. Через несколько лет ожидается, что он сможет зарабатывать значительную часть необходимых для учреждения денег, а если этого не происходит, то оно перестает быть субъектом рынка, интерес к ней угасает, возникает возможность полного или частичного закрытия.

То же самое начинает происходить и в России. Так, в рамках Национального проекта «Образование» уже в 42 регионах России запущена модель персонализированного финансирования дополнительного образования детей и взрослых (ПФДОД) [2]. За период отчётного 2019-го года в стране были активированы более 2,2 миллиона сертификатов персонализированного учета и персонализированного финансирования дополнительного образования детей и взрослых. Сущность данных сертификатов заключается в том, что благодаря получению сертификата дети получают возможности для бесплатного обучения в организациях дополнительного образования (в том числе в платных секциях), а, кроме того, усиливают контроль за учётом и отслеживанием количества учащихся. При этом организация системы сертификатов позволяет осуществлять обучение по дополнительным общеразвивающим программам именно в тех направлениях, которые интересуют детей и взрослых, взамен убирая неактуальные, ненужные или устаревшие виды дополнительного образования.

На сертификат могут претендовать дети, которые соответствуют двум условиям:

- возраст ребенка от 5 до 18 лет;
- наличие регистрации на территории субъекта Федерации.

Сертификат выдается единожды и действует до достижения ребенком 18 лет.

То есть инвестирование в детей и взрослых для некоторых политиков является менее эффективным, поскольку они должны наглядно продемонстрировать избирателям результаты своей деятельности. Продемонстрировать же эффективность вложений в новое поколение детей и взрослых невозможно [13]. Далее рассмотрим количественные показатели эффективности системы дополнительного образования в Российской Федерации.

По данным Росстата за 2016 год общий охват дополнительным образованием детей в возрасте от 5 до 18 лет составляет 67,7% от общей численности детей и взрослых соответствующего возраста (13, 5 млн детей и взрослых). Доля детей, охваченных дополнительными общеобразовательными программами, выросла с 45,5% в 2005 году до 68,9% в 2019 году (в соответствии с рис. 1). При этом следует учитывать, что общая численность детей и взрослых в возрасте от 5 до 18 лет снижалась до 2012 года, а затем начала расти, вплоть до 2016 года, когда был сильный всплеск, но в дальнейшем темпы роста уменьшились. [11]

Рис. 1. Доля детей и взрослых в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных программами дополнительного образования (% от общего числа детей и взрослых данного возраста, данные форм ФСН № 1-ДО, 76-РИК и 1-ДОП)

Источник: составлено по [11]

К регионам-лидерам по обеспечению доступности можно отнести Москву, а также Тюменскую, Белгородскую и Калининградскую области, к аутсай-

дерам – Республики Ингушетия, Дагестан, Калмыкия и Забайкальский край. Отмеченный на рис. 1. рост показателя охвата дополнительным образованием детей и взрослых в целом по России происходит, в основном, именно за счет регионов-лидеров, в то время как показатели охвата в «отстающих» субъектах практически не меняются.

Если представить общую характеристику доступности детей и взрослых к различным формам и организациям дополнительного образования по федеральным округам, то для наглядности это лучше представить в виде табл. 1. Что касается вопросов соотношения доступности к объектам в различных округах по отношению к общероссийскому показателю то это лучше всего представить в виде диаграммы (рис. 2.)

Таблица 1. Процент детей и взрослых, имеющих доступ к объектам дополнительного образования по федеральным округам на 01.01.2018 г.

ЦФО	74,91%
СЗФО	77,58%
СКФО	69,47%
ЮФО	71,96%
ПФО	75,73%
УФО	73,30%
СФО	76,15%
ДФО	73,75%

Источник: составлено по [11]

Как видим из табл. 1 и рис. 2, федеральные округа можно разделить на две категории:

- с относительно высоким уровнем доступности;
- с недостаточным уровнем доступности.

В первую категорию входят Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Сибирский федеральные округа. Во вторую Северо-Кавказский, Южный, Уральский и Дальневосточный. Надо отметить, что поскольку данная статистика основывается на данных начала

2018 года, она не учитывает вошедшие 3 ноября 2018 года в состав Дальневосточного федерального округа республику Бурятию и Забайкальский край. Но при условии, что у этих регионов во время нахождения в составе СФО был один из самых низких показателей доступности, можно говорить, что общая статистика по Дальнему Востоку еще более ухудшилась, а в Сибирском соответственно улучшилась.

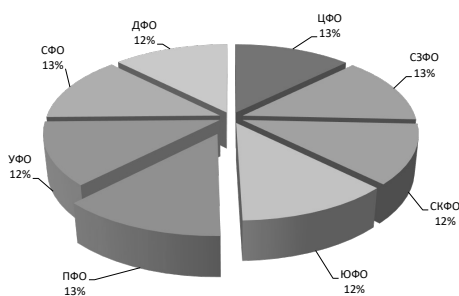

Рис. 2. Соотношение доступности к объектам дополнительного образования в Федеральных округах в процентном соотношении к общероссийскому показателю

Источник: составлено по [11]

В целом надо сказать, что наблюдается диспропорция в доступности к дополнительному образованию. Чем дальше от Федерального центра, тем ситуация хуже, единственное исключение из этого правила составляет Сибирь. Далее рассмотрим возрастную структуру получателей услуг дополнительного образования в Российской Федерации.

По данным статистики в возрастной структуре контингента обучающихся в ОДОД преобладают дети 10–14 лет и 5–9 лет (44% и 37% соответственно). Доля учащихся старших классов составляет 14,4% (в соответствии с рис. 3.).

Данные формы 1-ДОП (в соответствии с рис. 2.4.) позволяют увидеть охват детей и взрослых в разрезе направленностей программы. Наиболее популярными являются программы в области искусств (34% всех учащихся суммарно по общеразвивающим и пред-профессиональным программам) и физической культуры и спорта (25%

суммарно). Третье место занимают программы социально-педагогической направленности (21% контингента). Программы технической направленности охватывают 7% учащихся.

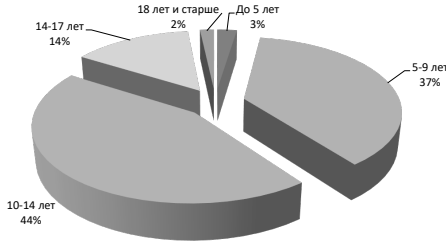

Рис. 3. Возрастная структура контингента учащихся в ОДО в 2016 году (по данным статистического наблюдения ФСН № 1-ДО в%)

Источник: составлено по [11]

Таким образом, в направлении обеспечения доступности дополнительного образования для детей и взрослых наблюдается позитивная динамика роста охвата детей и взрослых дополнительными общеобразовательными программами. При этом сохраняется высокий уровень межрегиональных различий в охвате. Кроме того, для части семей существуют транспортные и финансовые барьеры доступности дополнительных программ.

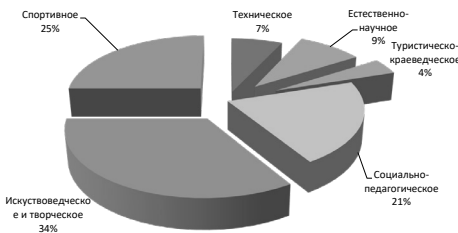

Рис. 4. Распределение учащихся по направленностям дополнительных общеобразовательных программ в 2016 году (по данным статистического наблюдения ФСН № 1-ДО в%)

Источник: составлено по [11]

Сеть организаций дополнительного образования сокращается, главным образом, за счет реструктуризации, но в отдельных регионах и вследствие закрытия организаций. Однако общее

число организаций, реализующих дополнительные общеобразовательные программы, растет, в том числе:

- за счет негосударственных организаций, как правило, это различные благотворительные фонды и НКО, которые на своей территории организуют кружки и другие формы для организации творческого досуга. Но в основном это организации, которые оказывают помощь детям, которые оказались в сложной жизненной ситуации;
- частного бизнеса, который строится как раз на оказании образовательных услуг детям, но их деятельность основывается на коммерческой основе и иногда их услуги недоступны большинству семей;
- кроме того, к созданию учреждений дополнительного образования с середины 1990-х годов подключились организации высшего образования. Но они работают в рамках подготовки ребенка к дальнейшему обучению в том или ином ВУЗе.

Тем не менее, следует отметить, что актуальными направлениями развития дополнительного образования детей и взрослых в России, являются социально-педагогические функции, реализуемые в настоящее время в системе дополнительного образования детей и взрослых (функции социальной поддержки, оздоровления, социальной адаптации, культурно-досуговой и т.д.). Кроме того, одним из современных вариантов социально-педагогической деятельности учреждения дополнительного образования (УДО) – организации различных видов социального творчества.

В 2020 году мы провели опросы населения России на предмет необходимости дополнительного образования детей и взрослых и взрослых. Опрос проходил на платформе google.com, в нем приняло участие 1380 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 61% женщин и 39% мужчин, проживающих в разных регионах РФ. При этом 63% родителей указали, что центры ДПО нужны детям. И 44% взрослых указали, что центры ДПО нужны взрослым.

Дополнительное образование помогает развивать личные качества: волю, ответственность, инициативность (28,6%); развивает креативность, возможность нестандартно мыслить (23,1%); развивает физическую выносливость, адаптивность (21,9%); развивает психологическую устойчивость и рефлексивность (18,7%) и 7,7% назвали иные качества.

Мнения россиян в отношении того, кто должен быть заказчиком и исполнителем услуг по дополнительному образованию детей и взрослых и взрослых разделились. Мужчины полагают, что заказчиком ДПО должно быть государство, а исполнителем бюджетные организации (56,8%), коммерческие организации (42,2%), тогда как среди женщин оценка другая: заказчиком выступает государство (46,2%), а исполнителем в основном некоммерческие (37,9%) или коммерческие (35,5%) организации, занимающиеся ДПО, имеющие на эту деятельность лицензию. Среди молодых людей (от 18 до 32 года) присутствуют варианты, что помимо государства (32,3%), заказчиком могут выступать отдельные личности (38,7%), обладающие собственным видением и пониманием развития личности в рамках ДПО, а реализовывать данный заказ могут как коммерческие (32,2%), так и бюджетные (28,9%) или некоммерческие организации (38,9%).

Возникает сложный вопрос – оценки эффективности существующих центров дополнительного образования, их лицензирования и т.д. Данный вопрос волнует 37,2% взрослых, имеющих детей и взрослых, которые ходят в данные центры. Те же, кто ходит куда-либо для себя – задаются этим вопросом лишь в 3% случаев.

Следствием предыдущего вопроса выступает качество подготовки педагогов, ведущих дополнительные программы обучения. Взрослые, занимающиеся для себя – судят о профессионализме через личный опыт (39,2%) или отзывы знакомых (25,6%) или в сети интернет (35,2%). Взрослые, оплачивающие дополнительное образование детей

и взрослых, смотрят на отзывы в сети Интернет (42,9%) и успехи или не успехи собственного ребенка (57,1%).

Таблица 2. Факторный анализ условий развития дополнительного образования детей и взрослых в РФ

Фактор	Переменные	Кoeffициент
Социокультурный Вес фактора – 18,7. Объяснительная дисперсия – 27,7%	Следование традициям советского общества	0,875
	Сохранение традиций и обычаев коренных народов территории проживания	0,853
	Социально-историческая преемственность коллективной памяти	0,823
Социально-психологический Вес фактора – 15,4. Объяснительная дисперсия – 21,3%	Включение инструментов развития дополнительного образования в арсенал личностного развития	0,777
	Расширение социально-психологических компетенций	0,653
	Развитие адаптационных механизмов при трудной жизненной ситуации или при стрессе	0,621
Социально-образовательный Вес фактора – 12,2. Объяснительная дисперсия – 16,5%	Повышение профессиональных компетенций	0,611
	Расширение навыков коммуникации	0,599
	Развитие арсенала владения знаниями технологиями в разных сферах дополнительного образования	0,587
Идеолого-мировоззренческий Вес фактора – 7,7. Объяснительная дисперсия – 12,4%	Развитие солидарного общества	0,523
	Формирование всесторонне развитых граждан страны	0,512
	Развитие социальной идентичности	0,487

На основе полученных ответов, мы провели факторный анализ развития условий дополнительного образования для детей и взрослых в РФ, досто-

верность общей дисперсии составляет 77,9% (табл. 2).

Социокультурный фактор развития дополнительного образования рассматривает условия и механизмы преемственности достижений прошлого и применения их в современном обществе с целью формирования связи между поколениями и придачу опыта и знаний.

В нашем детстве, дополнительное образование создавало полную занятость ребенка. Оно было чуть ли не обязательным для любого. Поэтому, мы и получали специалистов со средне специальным образованием, но играющих на рояле или пишущих картины маслом. Общий уровень образования был выше, чем сейчас. А сегодня дополнительное образование возможно при условии наличия у родителей денег на него. (С.П., 62 года, пенсионер).

Связь поколений формируется через незримые связи, которое позволяет установить дополнительное образование, изучая современниками опыт жизни через творчество и досуг своих предков. Это формирование духовной культуры будущего, ментальных ценностей и душевного благополучия. (Р.А., 34 года, директор танцевального народного коллектива).

Социально-психологический фактор через дополнительное образование активизирует механизмы социальной адаптации, преодоления сложных и стрессовых ситуаций, позволяющих развиваться дальше.

Когда у человека есть возможность переключиться от суеты и ритма повседневной жизни, то появляются новые ресурсы и возможности для реализации. Дополнительное образование в этом плане создает все возможности, чтобы преодолеть ритм и стресс современной жизни. (А.А., 39 лет, бухгалтер).

Если социум загоняет в рамки и окружение постоянно чего-то требует, то дополнительное образование может выступить островом стабильности и безопасности, дающим поддержку и опоры в тех случаях, когда остальное не работает. Оно переключает мысли, мозг, оно запускает совсем другую ра-

боту сознания. Итогом этого выступает новый образ мысли, образ жизни и в целом, иной жизненный сценарий. (Д.А., 48 лет, экономист).

Социально-образовательный фактор развития дополнительного образования включает в себя получение навыков, механизмов, компетенций – позволяющих приобретать новые возможности заработка, социального позиционирования (личного бренда) и т.д.

Наш мир слишком непредсказуем. И когда я потерял работу по своему базовому образованию – физик ядерщик, в силу реструктуризации НИИ, то я нашел для себя возможность зарабатывать через свое хобби, полученное благодаря дополнительному образованию – в сфере резьбы по дереву и созданию индивидуальных работ вместе с деревом и гипоксидной смолой. Это те инструменты, которые позволяют реализовывать свой творческий потенциал и делать мир чуточку красивее. А теперь я этому учу и других. (С.В., 56 лет, руководитель творческой мастерской).

Получаемые навыки на дополнительном образовании позволили открыть мне собственный магазин кройки и шитья одежды. Своя специфика, своя ниша, но, когда я ходила для себя – я развлекалась, сейчас я на этом зарабатываю и содержу семью. И конечно же получаю удовольствие. (М.М., 31 год, предприниматель-модельер).

Идеолого-мировоззренческий развития дополнительного образования позволяет формировать задачи государства в рамках развития человеческого капитала и человеческого потенциала в разном возрасте.

Если народ не занят, он начинает деградировать. Поэтому, задача любого государства создать условия для того, чтобы население страны было занято желательными развивающими его процессами. Формирование сплоченной, единой нации возможно только при общих ценностях, усвояемых в том числе и через дополнительные инструменты образования. (Е.Н., 40 лет, юрист).

Мировоззрение граждан государства строится на единой полити-

ке, направленной не только на развитие основного общего образования, но и на дополнительные формы образования как детей, так и взрослых. Дополнительное образование создает условия для понятного для всех диалога, позволяющего прийти к компромиссу и решению поставленных задач. (Н.В., 26 лет, дизайнер).

Кроме того, необходимым условием для формирования готовности детей и взрослых к социальному творчеству является их включение в преобразующей деятельности, в процессе которой достигается социальный результат, а вместе с ним и воспитательный эффект. В частности, формируются определенные качества личности: способность делать самостоятельный выбор, умение организовать себя и других, собственное дело.

Итак, нами были рассмотрены направления развития региональной системы дополнительного образования детей и взрослых. Данное изучение позволило сделать ряд выводов.

Несмотря на четкие принципы направления развития системы дополнительного образования, в действительности они слабо соответствовали действительности. Лишь с внедрением национального проекта «Образование» дело сдвинулось с мёртвой точки, однако сейчас всё ещё остаётся ряд неразрешённых проблем, с учётом специфики различных регионов Российской Федерации, связанных с управлением и развитием системы дополнительного образования.

По результатам социологического исследования стало ясно, что дополнительное образование необходимо как для детей, так и для взрослых, оно может восполнить проблемы социальной включенности и адаптивности на разных этапах жизненного развития.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020) // «Собрании законодательства Российской Фе-

дерации» от 31 декабря 2012 г. № 53 (часть I) ст. 7598

2. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик / В поисках социальной истины: материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 30 ноября 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. – С. 112–116.
3. Ардашев Р.Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Международной научно-практической конференции, Иркутск: ИГУ, 2020. – С. 25–29
4. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Международной научно-практической конференции, Иркутск: ИГУ, 2020. – С. 56–63.
5. Войтик Р.Н. Роль дополнительного образования в современной системе образования // Экономика и социум. 2018. – № 12 (55). – С. 1717–1720.
6. Журавлева И.А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. – С. 475–480.
7. Журавлева И.А. Образование в ресурсном пространстве молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Редколлегия: В.В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санженаква. 2019. – С. 136–139.
8. Журавлева И.А. Роль дополнительного образования в современном

- мире // В поисках социальной истины. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. – С. 312–323.
9. Иванов Р.В. Право и образование: условия гражданского общества современной России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. – С. 218–225.
 10. Коршунова Е.Д., Астафьева А.А. Анализ использования подходов к продвижению услуг дополнительного образования для высокотехнологичных программ дополнительного детского образования // Наука сегодня: тенденции развития и вызовы. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – 2016. – С. 18–20.
 11. Краткая аналитическая справка «Об основных итогах обследования в сфере дополнительного образования и спортивной подготовки детей и взрослых по Российской Федерации» – режим доступа https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/obraz/Analit_spravka.pdf (дата обращения: 30.12.2020)
 12. Музалевская А.Н. Маркетинг дополнительного образования // Дополнительное образование. 2005. – № 7. – С. 18–20.
 13. Щапов В.А. Система дополнительного образования в странах европейского союза // Глобализация и цивилизация. 2020. – № 2. – С. 67–79.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF ADDITIONAL EDUCATION FOR CHILDREN AND ADULTS IN RUSSIA

Zhuravleva I.A.
Irkutsk State University

The article examines the features of the development of additional education in the Russian Federation. The main conditions and factors of development, technical and technological difficulties and ways of solving them are highlighted. The results of an all-Russian study of the relevance of additional education for children and adults are presented.

Keywords: additional education, development, stages of formation, motivation of parents, motivation of children and adults.

References

1. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation” (as amended on July 31, 2020) (as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2020) // “Collected Legislation of the Russian Federation” dated December 31, 2012 No. 53 (part I) art. 7598
2. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness: analysis of everyday practices / In search of social truth: materials of the II International scientific and practical conference. Irkutsk, November 30, 2020 / FSBEI VO “ISU”; under total. ed. O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2020. – pp. 112–116.
3. Ardashev R.G. Metamorphoses of consciousness: images of identity in virtual space // Social reality of virtual space: materials of the II International scientific and practical conference, Irkutsk: ISU, 2020. – pp. 25–29
4. Ardashev R.G. Transformation of consciousness after a pandemic: new facets of virtuality // Social reality of virtual space: materials of the II International scientific-practical conference, Irkutsk: ISU, 2020. – pp. 56–63.
5. Voytik R.N. The role of additional education in the modern education system // Economy and society. 2018. – No. 12 (55). – S. 1717–1720.
6. Zhuravleva I.A. Distance education in a modern university: student assessments // Social reality of virtual space. materials of the II International scientific and practical conference. Irkutsk, 2020. – S. 475–480.
7. Zhuravleva I.A. Education in the resource space of youth // Actual problems of humanitarian and social research. Materials of the XVII All-Russian Scientific Conference of Young Scientists in the Field of the Humanities and Social Sciences. Editorial Board:

- V.V. Petrov, A.N. Artemova, O.A. Persidskaya, A.A. Sanzhenakova. 2019. – S. 136–139.
8. Zhuravleva I.A. The role of additional education in the modern world // In search of social truth. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020. – S. 312–323.
 9. Ivanov R.V. Law and education: conditions of civil society in modern Russia // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FSBEI VO “ISU”; edited by O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020. – S. 218–225.
 10. Korshunova E.D., Astafieva A.A. Analysis of the use of approaches to promoting additional education services for high-tech programs of additional children’s education // Science today: development trends and challenges. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – 2016. – S. 18–20.
 11. Brief analytical note “On the main results of the survey in the field of additional education and sports training of children and adults in the Russian Federation” – access mode https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/obraz/Analit_spravka.pdf (date access: 12/30/2020)
 12. Muzalevskaya A.N. Marketing of additional education // Additional education. 2005. – No. 7. – S. 18–20.
 13. Shchapov V.A. The system of additional education in the countries of the European Union // Globalization and civilization. 2020. – No. 2. – P. 67–79.

Социальное благополучие семей в пространственном измерении региона

Мехришвили Ламара Ленгизовна,

доктор социологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, и.о. директора Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЗСФ ФНИСЦ РАН)
E-mail: lamara_m@inbox.ru

Ткачева Нина Алексеевна,

доктор социологических наук, профессор кафедры Маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: Sever626@mail.ru

В статье анализируются результаты социологического исследования социального благополучия семей Тюменской области. Социальное благополучие семей рассматривается как интегральный показатель, отражающий качество жизни населения, уровень социальной защищенности семьи и степень удовлетворенности ими. В работе проанализированы объективные и субъективные показатели социальной защищенности. Выявлено, что в полной мере социальную защищенность ощущает третья часть исследованных семей. Показано, что оценки респондентами удовлетворенности различными сторонами жизни своей семьи близки к медианному уровню с небольшим уклоном в сторону более благоприятных суждений. Изучено влияние на социальное благополучие досуговых практик семьи. Каждый из исследуемых параметров социального благополучия анализировался в рамках центр-периферийной модели, что позволило сделать некоторые выводы относительно пространственной специфики изучаемой проблемы.

Ключевые слова: социальное благополучие, семья, защищенность, удовлетворённость, социальная инфраструктура социологическое исследование.

Социальное благополучие семей – понятие не только многомерное, но и отличающееся многообразием дефиниций – «социальное благополучие семьи», «благополучие семьи», «семейное благополучие». Этот понятийный ряд в современной теории и практике применяется как синонимы [2]. Отсутствие согласованности теоретических позиций по проблемам социального благополучия семьи в значительной мере препятствует реализации практических мероприятий, направленных на его формирование. Более того, проблемы семьи сегодня чаще связываются с фактами семейного неблагополучия, создавая определенную зависимость социальной семейной политики от негативных тенденций, что затрудняет формирование стратегии и тактики превентивных мер и позитивных действий в данном направлении. Соответственно программы всех уровней направлены в первую очередь на решение отдельных негативных явлений в неблагополучной семье, либо на абстрактную семью в целом.

Тараданов А.А. связывает семейное благополучие со способностью семьи эффективно выполнять свои функции [9, С 11]. Тогда «социальное благополучие семьи» может рассматриваться, с одной стороны, через создание условий для полноценного функционирования семьи всеми субъектами социального взаимодействия: федеральными, региональными и муниципальными органами власти, организациями социальной сферы, производственными структурами, общественными организациями, церковью, СМИ и др., а, с другой стороны, через способность семьи использовать внешние условия и внутренние ресурсы для организации своей жизнедеятельности.

Социальное благополучие зависит от уровня социально-экономического развития общества, от его потреби-

тельских стандартов и уровня материальных благ, его региональных особенностей, этических и религиозных норм. Сегодня социальное благополучие понимается не только как антипод неустроенности и бедности, но и включает в себя также требования безопасности, право на достойные жилищные и экологические условия, возможность получать образование и высокотехнологичное медицинское обслуживание, свободу творчества и досуговой деятельности.

В 2020 году при участии авторов на территории Тюменской области была реализована научно-исследовательская работа «Формирования социального портрета семей Тюменской области», одной из задач которой было определение уровня социального благополучия региональных семей. В число методов, которые были использованы при проведении исследования входили анкетный опрос (N=1200) и глубинные интервью. Приведем отдельные результаты данного исследования.

Итак, социальное благополучие семей мы рассматриваем, как интегральный показатель функционирования социальной сферы, отражающий качество жизни населения, уровень социальной защищенности семьи и степень удовлетворенности ими. Состояние социального благополучия отражает уровень социальной защищенности семей и их членов, поскольку социальная защищенность в широком смысле рассматривается как необходимая и достаточная мера устойчивости общественного положения в целом, обеспеченная общественным порядком, стабильностью, в которых субъекты могут реально выполнять свои социальные функции.

Вместе с тем именно семья, ее члены субъективно оценивают благоприятность или не благоприятность условий их функционирования в данном конкретном обществе. То, что осознается как неблагоприятное для жизни, выступает в качестве причины отчужденности семьи от общества. В данном

контексте социальная защищенность заключает в себе непосредственное, прямое оценочное отношение субъекта к обществу, в целом, и к месту своего проживания, в частности. И хотя по результатам проведенного исследования лишь 23,8% опрошенных считают, что семьи в нашем регионе находятся в центре внимания властей (табл. 1), 42,9% респондентов полагают достаточными созданные в области условия для функционирования семей, рождения и воспитания детей.

Представленное в таблице процентное соотношений отражает близость мнений респондентов в независимости от их места проживания, в то же время созданные условия для полноценного функционирования семей более высоко оценивают жители малых городов Тюменской области. Данная оценка отражает положительное отношение семей к месту своего проживания, несмотря на неоднородность их развития. Тем не менее примерно пятая часть из числа опрошенных считает существующую социальную поддержку семей недостаточной.

Данный факт нельзя не учитывать, выстраивая социальную политику региона, так как субъективно оценочный показатель социальной защищенности может нивелировать роль объективных данных, отражающих результативную деятельность государственных и муниципальных органов власти в обеспечении, достижении и сохранении определенного, необходимого и достаточного уровня социальной защищенности. Следовательно, состояние социальной защищенности, как и другие показатели социального благополучия семьи, может характеризоваться как объективными, так и субъективными показателями.

К объективным относятся реальные условия для удовлетворения жизненно важных потребностей. Это реальная возможность социального функционирования, в соответствии с условиями и нормами данного общества. Она обеспечивается политикой доходов и заработной платы для трудоспособного

населения и политикой льгот, дотаций, нематериальных форм помощи для уязвимых слоев населения.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов, выразивших согласие с предложенными высказываниями в зависимости от типа поселения (% от опрошенных по столбцу)

Высказывания	Тип поселения				Итого
	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	
Разные районы и территории Тюменской области сильно различаются по уровню жизни семей	44,5	31,6	39,9	44,4	40,8
Семьи в нашем регионе находятся в центре внимания властей	15,5	36,2	24,9	30,8	24,6
В области созданы достаточные условия для функционирования семей, рождения и воспитания детей	40,0	52,6	41,2	42,4	42,9
В регионе больше внимание уделяется городским семьям, чем сельским	14,1	9,2	13,4	20,2	14,1
Семья в нашем регионе находится вне интересов и внимания властей	9,0	7,9	6,8	10,1	8,3

Примечание: (наименования по столбцам: Тип 1 – г. Тюмень; Тип 2 – малый город; Тип 3 – центральное сельское поселение; Тип 4 – периферийное сельское поселение)

Объективные показатели, характеризующие уровень жизни населения региона, несмотря на продолжающееся снижение реальных доходов населения юга Тюменской области в 2020 году по отношению к 2019 году в среднем

на 3,6%, оцениваются достаточно высоко [6]. Так, Аналитическое Кредитное Рейтинговое Агентство (АКРА) отмечает превышение валового регионального продукта (ВРП) Тюменской области в 1,4 раза выше среднестранового значения. Средняя заработная плата в 2019 году превысила региональный прожиточный минимум более чем в четыре раза (рис. 1), при этом безработица составила 4,1% при среднестрановом показателе 4,6%. Привлекательность региона подтверждается и постоянным приростом населения, его коэффициент в среднем составляет 10 человек на 1 000 жителей. Коэффициент естественного прироста также находится в положительной зоне – 4 человека на 1 000 жителей региона [5].

Рис. 1. Соотношение среднемесячной заработной платы и среднегодового прожиточного минимума в 2016–2019 гг.

Вместе с тем результаты ежеквартального обследования Росстатом 48 тысяч домохозяйств, когда семьи сами ведут свои записи, фиксируя все свои доходы и расходы, показали снижение расходов в Тюменской области, оказавшись на минимуме за последние 13 лет. В то же время семьи с детьми, обладая более низкими доходами, вынуждены наращивать расходы на потребление продуктов питания, одежду, образование и здравоохранение детей. Следовательно, у домохозяйств с детьми меньше резервов для экономии, что дестабилизирует их экономическое положение. Ситуация усугубляется инфляцией, ростом стоимости услуг ЖКХ [8].

К субъективным показателям социальной защищенности относятся восприятие и оценка личностью этих ре-

альных условий жизнедеятельности. Это самооценка индивидов и семей, ощущение ими своей личной безопасности. Нестабильность ситуации, снижение реальных доходов, угроза потери рабочего места отразились и в полученных результатах исследования, когда на вопрос «Чувствуете ли Вы, что Ваша семья защищена от социальных проблем-опасностей в месте Вашего проживания (в Тюменском регионе)» чуть больше трети респондентов ответили положительно (34,1%), еще треть отметила отсутствие чувства социальной защищенности (31,6%), оставшаяся треть затруднилась с ответом (34,1%). Анализ перекрестных данных показывает, что жители малых городов и сельских поселений периферийного типа в большей степени ощущают свою защищенность, тогда как в Тюмени и в сельских поселениях центрального типа уровень незащищенности выше.

Ряд опрошенных в графе «Другое» отметили, что лишь «в некоторых сферах чувствуется поддержка региональных органов власти», но оценивая такие важные сферы жизнедеятельности как здравоохранение, обеспеченность рабочими местами, жилищные условия, респонденты испытывали чувство неуверенности в своём будущем; подчеркивали роль членов семьи в достижении социальной защищенности, причем «часто посредством неистовой настойчивости и нервов».

Глубинное интервьюирование членов семей также показало биполярное отношение к деятельности органов власти, направленной на повышение социальной защищенности населения. Интервьюируемые отмечают положительные моменты в деятельности органов власти – «можно отметить, что выплаты вводят новые, и для инвалидов пандусы делают, и квартиры выдают молодым семьям чаще, чем в других регионах, у нас лучше развит регион по сравнению с другими»; «к счастью, в нашей стране, в нашем регионе есть такие привилегии и, так скажем, оберегают некоторые семьи от трат на частные детские сады или вообще отсутствие

мест в них, из-за чего одному их супругов приходится увольняться с работы дабы заниматься ребенком». Но также как и в анкетном опросе представителей семей беспокоит проблема образования детей – «нас волнует, наверное, какое образование получат наши дети после окончания школы, ведь я не уверена, что мы сможем обеспечить им всем поступление в университет... сейчас с высшим образованием стало только сложнее, особенно цена больно кусает»; вопросы, связанные с трудоустройством – «я думаю, что сейчас жизнь стала жестче, чем 20 лет назад, это значит, растет конкуренция, рынок труда становится весьма специфическим, узким, раньше он был намного шире».

В результате деятельности органов власти и местного самоуправления, а также стремления семей к достижению своей социальной защищенности уверены в завтрашнем дне более половины из числа опрошенных – 59%, в то же время примерно пятая часть (17,8%) не совсем уверена в завтрашнем дне. Жители Тюменской области демонстрирует более высокий уровень уверенности в завтрашнем дне в сравнении представителями других регионов. Общероссийский опрос ФОМ, проведенный 30 октября 2020 года, показал, что уверенность в завтрашнем дне отличает 45% россиян [4].

В большей мере уверены в завтрашнем дне респонденты, проживающие в малых городах и сельских поселениях центрального типа. Неуверенность в завтрашнем дне отличает жителей областного центра.

Общероссийский опрос ФОМ, проведенный 30 октября 2020 года, показал, что 68% россиян полагают, что сложившаяся в стране ситуация не располагает к построению планов на будущее. Длительность прогнозирования своего будущего жителями нашего региона также не внушает оптимизма – менее трети респондентов (27,8%) имеют представление о будущем своей семьи на ближайшие годы, немногим более трети (35,8%) способны планиро-

вать свою жизнедеятельность не ближайшие месяцы, 6,2% прогнозируют ситуацию лишь на несколько дней. При этом пятая часть из числа опрошенных (6,2%) затруднились ответить на вопрос о будущем своей семьи.

На годы вперед будущее семьи в большей степени способно представить жители малых городов, сельских поселений центрального типа и сельских поселений периферийного типа – соответственно 32,7%, 31,3%, 32,5%, тогда как в городе Тюмень отчетливо представляют будущее своей семьи 25% опрошенных. Респондентам во всех типах поселений оказалось проще прогнозировать перспективы функционирования своих семей на ближайшие месяцы. Обращает на себя внимание более высокий уровень оптимизма жителей сельских поселений периферийного типа.

В возможности планирования будущего своей семьи мужчины настроены более оптимистично: 45,4% ясно представляют перспективы на ближайшие месяцы и 34,3% – на ближайшие годы, тогда как женщины имеют представление о будущем своей семьи соответственно 37,5% и 29,8%. Именно женщины в большей мере затруднились с ответом на данный вопрос.

Возрастные категории респондентов и их представления о планировании будущего своей семьи также имеют специфику. Краткосрочные планы в большинстве случаев выстраивают респонденты старше 50 лет (10,9%). Среднесрочные перспективы характерны как для самой молодой категории респондентов (50,0%), так и для тех, чей возраст находится между 46 и 50 годами (52,4%). Обладают уверенностью в завтрашнем дне респонденты от 26 (32,1%) до 35 (33,4%) лет, но и молодые семьи (30,8%), и зрелые, возраст представителей которых находится в интервале от 36 (29,8%) до 45 (27,6%) лет достаточно уверены в своем будущем.

Чувство социальной защищенности предполагает и высокую степень удовлетворенности уровнем и качеством жизни своей семьи в регионе.

Необходимо подчеркнуть, что степень удовлетворенности человека отражает сравнение с идеальным содержанием, предназначением его жизнедеятельности, связана со стремлением к достижению приемлемых и одобряемых им целей повседневной жизни. А поэтому степень удовлетворенности уровнем и качеством жизни семьи есть также единство объективного и субъективного в оценке результатов деятельности и условий, в которых она реализуется.

Нередко более весомую роль играет именно субъективная оценка индивидом своего благосостояния и его собственная удовлетворенность жизнью. Можно предположить, что материальная обеспеченность и наличие комфортабельных условий вызывают большее удовлетворение, чем аскетическая среда. Но исследования доказывают обратное. Так, английский психолог М. Аргайл представил результаты кросс-культурных исследований, в которых выявил, что уровень индивидуального счастья и удовлетворенность жизнью не зависит от развитости материально-бытовых элементов цивилизации и богатства человека. Эти показатели совпали у лиц из Франции и Чада, Нигерии и США [1].

В проведенном исследовании оценка уровня и качества жизни также была выявлена на основании ответов об удовлетворенности семьи различными сторонами жизни. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Следует отметить, что взаимоотношения в своей семье удовлетворены более двух третей респондентов (68,7%). Все другие показатели удовлетворенности близки к среднему уровню, исключением является оценка материального положения семьи, которым скорее не удовлетворены 29,7% и 7,8% совсем не удовлетворены из числа опрошенных, что в сумме составляет 38% респондентов. В то же время неудовлетворенность значительного числа семей своим материальным положением не отразилась на оценке в положительном ключе своей жизнью в целом.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько Ваша семья удовлетворена различными сторонами жизни?» (% от опрошенных)

	Полностью удовлетворена	Скорее удовлетворена	Скорее не удовлетворена	Совсем не удовлетворена
Взаимоотношениями внутри семьи	68,2	28,1	2,1	0,3
Состоянием здоровья членов семьи	38,8	49,0	9,7	1,3
Тем, как проводите свободное время	36,8	44,5	15,3	1,8
Материальным положением семьи	14,4	46,8	29,7	7,8
Жилищными условиями семьи	37,8	38,6	16,7	5,8
Состоянием окружающей среды	36,8	46,2	12,7	3,1
Своей жизнью в целом	40,6	52,3	5,5	0,6

Полученная оценка удовлетворенности уровнем и качеством жизни соответствует определенным особенностям самооценки удовлетворенности своим положением, выявленным такими исследователями как Н. Брэдберни, Э. Динер, Т.Н. Савченко и др. которые отмечают, что индивид воспринимает привычное ему существование как нормальное для себя и оценивает его в зависимости от величин небольших изменений, которые связаны с событиями, происходящими в рамках этого привычного существования. Такая оценка близка к медиане с небольшим уклоном в сторону более благоприятных суждений (в опросе такой индивид

отмечает, что «скорее удовлетворен» своей обычной жизнью). Если произошедшие изменения значительны и приводят к скачку в образе жизни индивида или семьи, то создается другой подход к оцениванию: человек сравнивает свое положение с собственными жизненными условиями в прошлом, либо с жизненными условиями значимых других. Но, когда улучшившиеся условия жизнедеятельности становятся обыденными, то оценка индивидуального социального благополучия возвращается к среднему уровню. Данную закономерность следует учитывать работникам социальных служб, поскольку вводимая мера социальной поддержки воспринимается как новая к уже существующей системе, не дольше полугода, затем эта новизна утрачивается, как и ощущение поддержки семьи [10, 11, 12, 13].

Следует подчеркнуть, что средние показатели благосостояния, при которых возникает чувство «никто не живет лучше», приводят к самоуспокоенности и застою [7].

Более полно раскрыть удовлетворенность семьи можно через оценку уровня и качества услуг таких сфер как культура, образование и организация досуга в месте проживания респондентов.

Анализ удовлетворенности уровнем и качеством услуг сферы культуры, образования и организации досуга в месте проживания в зависимости от типа поселения показывает, что здесь также преобладает оценка, близкая к средним показателям: скорее удовлетворены 57,2% респондентов. Число полностью удовлетворенных и скорее неудовлетворенных близко, соответственно 17,5% и 13,8%. Основные данные существенно не разнятся, но в большей степени полную удовлетворенность демонстрируют жители малых городов, и сельских территорий.

Высокая оценка взаимоотношений в семье получила подтверждение при ответе респондентами на вопрос о совместном досуге. Так, имеют традиции совместного проведения свободного времени и часто их реализуют 46,2%

из числа опрошенных, 33,2% время от времени проводят досуг вместе, редко – 12,4%, лишь 0,8% членов семей не уделяют внимания совместному досугу.

Варианты для организации совместного проведения свободного времени находят жители всех типов поселений. Однако чаще организовывать досуг удается городским семьям, которые, благодаря условиям жизни, имеют больше свободного времени, не занятого домашним трудом на приусадебном участке.

Досуг имеет большое значение в развитии и укреплении внутрисемейных отношений. Говоря о формах совместного досуга, характерных для их семей, респонденты акцентировали внимание на следующих вариантах (табл. 3), поставив на первое место совместное занятие домашними делами (17,8%), чуть меньше внимания уделяется посещению родственников (16,8%). Активный отдых как форма досуга получил достаточно широкое распространение в современных семьях (16,6%), не меньшее внимание уделяется, по мнению респондентов, походам в развлекательные центры (15,5%), примерно такое же количество семей для совместного досуга находят интересное занятие дома (15,1%). А вот визиты к друзьям не столь частое явление (8,7%). Лишь 2,1% из числа опрошенных отметили, что не проводят досуг в семейном кругу.

Особенности выбора тех или иных форм досуга в зависимости от типа поселения выглядит следующим образом. Отдают предпочтение в равной мере развлекательным центрам (18,6%) и активному отдыху (18,3%) жители города Тюмени, а также семьи малых городов области, соответственно – 16,5% и 20,0%. Родственные отношения в большей степени сохранили семьи в сельских поселениях центрального типа (26,3%) и в малых городах (18,3%), а вот дружеские связи чаще поддерживают семьи в сельских поселениях периферийного типа (12,5%) и в малых городах (10,4%). Находят совместные

интересные занятия дома как семьи в сельских поселениях периферийного типа (20,4%), так и семьи города Тюмени (16,1%). Домашние дела другим формам досуга предпочитают семьи в сельских поселениях периферийного типа (20,4%), но и в других типах поселений совместные хлопоты являются одной из привычных форм досуга. Закономерно, что больше всего времени вместе в стенах своего дома проводят семьи в сельских поселениях периферийного типа (40,8%), поскольку досуговая инфраструктура развита слабо, а свободных финансовых ресурсов не хватает на поездки для проведения досуга за пределами сельских поселений.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие формы совместного досуга наиболее характерны для Вашей семьи?»

Варианты ответа	%	Ранг
Ходим в развлекательные центры (кафе, кинотеатр и т.п.)	15,5	4
Ходим в гости к родственникам	16,8	2
Встречаемся с друзьями	8,7	6
Предпочитаем активный отдых (загородная база, турпоход, экскурсии)	16,6	3
Находим совместное интересное занятие дома	15,1	5
Проводим время вместе, но каждый занимается своим увлечением	7,5	7
Совместно занимаемся домашними делами	17,8	1
Мы практически не проводим досуг в семейном кругу.	2,1	8

Подтверждением сделанных выводов является выбор вариантов (табл. 4) при ответе респондентов на вопрос «Что из перечисленного Ваша семья посещала хотя бы раз за последний год?».

По данным исследования, основными для семей Тюменской области является такая функциональная особенность досуга, как развлекательная – 35,7% из числа опрошенных чаще всего посещают кинотеатр или мест-

ные праздники (18,8%). Для многих респондентов досуг сопровождается пассивными формами деятельности, ограничивающимися пребыванием дома, включающим просмотр телепередач, обустройство быта, занятия с детьми. Это подтверждается тем, что 13,8% выбрали вариант ответа «ничего из перечисленного». Менее интересными для опрошенных оказались познавательные формы отдыха – музеи (2,8%), выставки (0,7%). Не так много семей посещает религиозные учреждения – 2,3%.

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что из перечисленного Ваша семья посещала хотя бы раз за последний год?»

Варианты ответа	%	Ранг
Кинотеатр	35,7	1
Местный праздник (день города и другие)	18,8	2
Концерт	4,1	7
Театр	3,2	8
Музей	2,8	9
Выставки	0,7	12
Цирк	5,9	5
Фестиваль, шоу	1,2	11
Религиозные учреждения	2,3	10
Спортивные мероприятия в качестве зрителя	7,4	4
Ничего из перечисленного	13,8	3
Затрудняюсь ответить	4,2	6

Рекреативно-оздоровительные технологии как средства формирования здорового образа жизни пока не нашли необходимого отклика и понимания их значения в семье, лишь 7,4% респондентов посещают спортивные мероприятия в качестве зрителей. На возможность отдыха на море указали лишь 2 человека, еще один отметил прогулки на лыжах, коньках, походы на рыбалку. Важно понимать, что в данном направлении муниципальным органам управления предстоит многое сделать для развития сферы досуга, обладающей

важной компенсаторной функцией, позволяющей снимать напряжение в семейных отношениях, избавлять от физической, психологической, моральной усталости. А организация семейного досуга является залогом формирования здорового образа жизни подрастающего поколения.

Представленный в исследовании выбор форм досуга соответствует в целом общероссийским тенденциям. Так, по результатам опроса, проведенного в 2017–2018 годах Всероссийским центром изучения общественного мнения, досуговые практики россиян показывают, что проведение свободного времени с семьей дома и на даче самые актуальные – 60% опрошенных [3].

Анализ результатов по типам поселений ожидаемо показывает более широкий спектр возможностей качественного проведения досуга для жителей областного центра и малых городов, где кинотеатр посещают примерно в два раза чаще, чем в сельской местности, имеют возможность бывать в цирке и театре, но именно в сельских поселениях отдают предпочтения проводимым местным праздникам, спортивным мероприятиям, концертам, которые объединяют односельчан. Вместе с тем, постарались с детьми побывать в цирке и семьи сельских поселений. Мероприятия познавательного характера предпочитают жители малых городов, которые чаще посещают и религиозные учреждения. Ограниченность сферы досуга для жителей сельских поселений подтверждается выбором респондентов варианта «ничего из перечисленного» – 22,8% в сельских поселениях центрального типа и 16,9% в сельских поселениях периферийного типа. Возможно, это свидетельствует о неготовности семей к активному отдыху, а также их загруженностью домашней работой, более низкими доходами, транспортными проблемами.

Вместе с тем осмысление степени удовлетворенности уровнем и качеством жизни в регионе предполагает исследование не только возможностей, но также препятствий и ограничений

на пути реализации основных целей сохранения и развития семьи.

Ответы на вопрос «Каких услуг в сфере образования, досуга и культуры, на Ваш взгляд, не хватает в месте проживания Вашей семьи (пожалуйста, укажите)?» отражают не удовлетворенные потребности семей. Наказания со стороны респондентов вызывает недостаточное количество мест в детских садах или их отсутствие. Данную проблему отметили жители сельских поселений, в целом вопросы организованного пребывания детей дошкольного возраста утратили прежнюю остроту. Вместе с тем массовый отклик получила не только проблема предоставления и расширения спектра дополнительных услуг в сферах образования, культуры и спорта, организации досуговой деятельности, но также их высокая стоимость, что отметили более половины респондентов. Не менее значимой оказалась проблема создания и обустройства детских дворовых площадок и спортивных уголков, около трети из числа опрошенных указали на их отсутствие или ненадлежащее состояние. Существует потребность в кинотеатрах, спортивных центрах, в том числе с бассейном, парках. Но даже при наличии развлекательных центров, клубов, культурных комплексов респонденты отмечают не достаточное разнообразие массовых мероприятий, а также слабую информированность населения о них.

Функционирование семьи с детьми не может быть без включенности в образовательный процесс. Более того, в сложной социальной обстановке система образования призвана стать образцом социального сотрудничества в интересах развития подрастающего поколения. В силу сказанного респондентам был задан вопрос «С какими проблемами в получении образовательных услуг Ваша семья сталкивалась за последний год (сталкивается чаще всего)?». Значимость указанных проблем распределилась следующим образом: на первом месте оказался вариант ответа, связанный с высокой стоимостью образовательных ус-

луг (33,0%), но при этом респонденты отмечают и не достаточно широкий спектр предоставляемых услуг (22,9%), серьезной оказалась и проблема территориальной доступности образовательных заведений (20,1%). Обращает на себя внимание и факт неудовлетворенности качеством услуг, что отметили 17,4% респондентов. В разделе «разное» прозвучали проблемы, вызванные спецификой профилактических мер, направленных на сдерживание COVID-19. Много нареканий прозвучало по поводу переполненности школ, влекущую за собой организацию нескольких смен, позднее возвращение домой, чрезмерную наполняемость классов и, как результат, снижение качества образования. Тревожит и мнение респондентов о недостаточной квалификации педагогов.

Высокую стоимость образовательных услуг отмечают респонденты из всех типов поселений, но больше всего данная проблема волнует семьи областного центра (42,1%) и малых городов (35,1%). Четвертая часть из числа опрошенных из сельских поселений также обеспокоены стоимостью предоставляемых в сфере образования услуг. А вот недостаточное разнообразие данных услуг наблюдается, прежде всего, в малых городах 31,9% и сельских поселениях (26,4% и 23,2%). Территориальная недоступность в большей мере характерна для сельских поселений центрального типа (27,7%) и сельских поселений периферийного типа (24,6%). Низкое качество услуг примерно в равной степени волнует семьи во всех типах поселений (16,8%, 16,0%, 16,1%), несколько больше претензий у респондентов из сельских поселений периферийного типа (21,8%). Недоступность мест в дошкольных учреждениях фиксируется в городе Тюмени (11,6%), а также в сельских поселениях (4,1% и 4,2%).

Не смотря на то, что к социальной сфере респонденты предъявляют значительные претензии, отвечая на вопрос о том «Как, по Вашему мнению, изменилась ситуация в сфере культу-

ры, досуга и образования в месте Вашего проживания за последние несколько лет?», примерно половина из числа опрошенных полагают, что ситуация «скорее улучшилась». Сомнения возникают у респондентов при оценке сферы образования, там положительная оценка составила 41,6%, а 12,6% из числа опрошенных полагают, что ситуация «скорее ухудшилась».

В то же время, обоснованное беспокойство органов государственной и муниципальной власти должно возникнуть по состоянию сферы досуга, культуры и образования, так как треть респондентов считают ситуацию не изменившейся, соответственно – 30,4%, 31,5%, 28,1%.

Улучшение в сфере досуга больше всего почувствовали семьи, проживающие в Тюмени (67,1%) и в малых городах (66,5%), тогда как респонденты, проживающие в сельских поселениях, заметили улучшение чуть более в 40% случаев. В сфере культуры положительная динамика отчетливо проявилась в малых городах (63,5%), также в Тюмени (53,7%) и сельских поселениях центрального типа (50,0%), менее всего заметны улучшения в сельских поселениях периферийного типа (43,9%). К положительным изменениям в сфере образования более критично отнеслись жители Тюмени (33,0%), тогда как более половины в малых городах и в сельских поселениях центрального типа выделили их. В Тюмени же отмечается большее число респондентов, выбравших вариант ответа относительно сферы образования «скорее, ухудшилось» – 26,9%. Зстой в данных сферах отмечают в большей степени респонденты из сельских поселений периферийного типа (40,9% – досуг; 39,4% – сфера культуры; 34,8% – образование). Отдельные показатели социального благополучия семей обобщены на рис. 2.

Итак, нельзя не признать, что в Тюменском регионе созданы и создаются благоприятные условия для функционирования семьи. В то же время не всегда улучшение социально-экономических показателей, развитие социальной ин-

фраструктуры члены семей связывают с теми изменениями, которые произошли в жизнедеятельности семьи, по-разному они влияют и на степень удовлетворенности уровнем и качеством жизни в регионе.

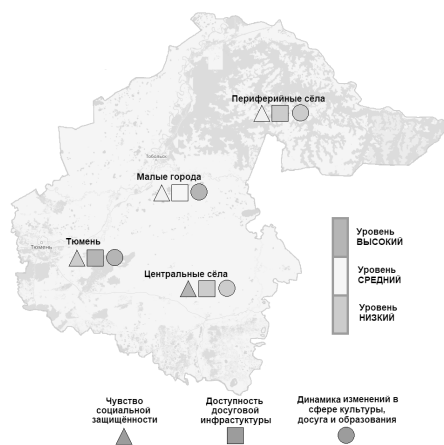

Рис. 2. Отдельные показатели социального благополучия региональных семей

Удовлетворенность уровнем и качеством жизни можно рассматривать как возможность реализовать потенциал, заложенный в семье как социальном институте и как реакцию на условия его реализации, созданные в регионе. При этом автономность семьи не должна интерпретироваться только как способность сохранять социально-экономическую и психологическую независимость, но и как возможность искать и находить источники поддержки семьи, в том числе в лице государства.

По результатам анкетного опроса и личных интервью, проведенных с представителями региональных семей можно сделать следующие выводы.

1. Объективные показатели социальной защищенности обеспечиваются политикой доходов и заработной платы для трудоспособного населения и политикой льгот, дотаций, нематериальных форм помощи для уязвимых слоев населения. К субъективным показателям социальной защищенности относятся восприятие и оценка личностью этих реальных условий жизнедеятельности.

2. В полной мере свою социальную защищенность ощущает третья часть семей Юга Тюменской области, в то же время еще одна третья часть испытывает незащищенность в таких сферах как образование, здравоохранение, жилищные условия, трудоустройство.

3. Не более трети респондентов представляют будущее своей семьи на годы вперед, большая часть может прогнозировать будущее семьи лишь на ближайшие месяцы, подтверждая тем самым недостаточно высокую социальную защищенность.

4. Оценки респондентами удовлетворенности различными сторонами жизни своей семьи близки к медианному уровню с небольшим уклоном в сторону более благоприятных суждений. Данную закономерность следует учитывать работникам социальных служб, поскольку вводимая мера социальной поддержки воспринимается как новая к уже существующей системе, не дольше полугода, затем эта новизна утрачивается, как и ощущение поддержки семьи.

5. Положительная оценка социального благополучия семьи подтверждается стремлением ее членов к совместному проведению досуга или совместной домашней работы. Лишь 2,1% из числа опрошенных отметили, что не проводят досуг в семейном кругу.

6. Вместе с тем организация совместного досуга осложнена проблемой создания и обустройства детских дворовых площадок и спортивных уголков; отсутствием необходимого числа кинотеатров, спортивных центров, в том числе с бассейном, парков; однотипностью массовых мероприятий, слабой информированностью о них; стоимостью услуг в области культуры и спорта.

7. В регионе сохраняются проблемы с получением образовательных услуг. Респонденты указали на их высокую стоимость, не достаточно широкий спектр предоставляемых услуг, территориальную удаленность образовательных учреждений.

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья: [Пер. с англ.] / Майкл Аргайл. – 2-е изд. – СПб. и др.: Питер: Питер принт, 2003. – 270 с. – Текст: непосредственный.
2. Билалова Л.М. Современные теории социального благополучия: учебное пособие / Л.М. Билалова, З.К. Гареева, О.М. Иванова, Т.А. Черникова. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. – 128 с. – Текст: непосредственный.
3. Досуг на фоне самоизоляции // Официальный сайт всероссийского центра изучения общественного мнения: [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dosug-na-fone-samoizolyaczii> (дата обращения: 30.01.2021). – Текст: электронный.
4. Планы на будущее. Об уверенности в завтрашнем дне и пользе долгосрочных планов // Фонд Общественное Мнение: [сайт]. – URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483> (дата обращения: 30.01.2021). – Текст: электронный.
5. Полный рейтинговый отчет по Тюменской области // Региональная энергетическая комиссия Тюменской области, ХМАО-Югры, ЯНАО: [сайт]. – URL: https://rec.admtumen.ru/files/upload/OIV/D_fin/Документы/Полный%20рейтинговый%20отчет%20по%20Тюменской%20области.pdf (дата обращения: 30.01.2021). – Текст: электронный.
6. Раздел «Доходы и уровень жизни населения» // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу: [сайт]. – URL: https://tumstat.gks.ru/ofstat_to (дата обращения: 30.01.2021). – Текст: электронный.
7. Савченко, Т.Н. Субъективное качество жизни. Подходы, методы оценки, прикладные исследования /

- T.H. Савченко, Г.М. Головина. – М.: Ин-т психологии РАН, 2006. – 168 с. – Текст: непосредственный.
8. Социально-экономическое положение Тюменской области в январе-сентябре 2020 года // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу: [сайт]. – URL: https://tumstat.gks.ru/storage/mediabank/TQgwQaib/25007_09_2020.pdf (дата обращения: 30.01.2021). – Текст: электронный.
 9. Тараданов А.А. Семейное благополучие в современной России: генезис и практика: 22.00.04: автореферат дис. ... д. соц. наук / А.А. Тараданов; Ур. акад. гос. службы. – Екатеринбург, 2004–38 с. – Текст: непосредственный.
 10. Полюшкевич, О.А. Семейная история и идентичность / О.А. Полюшкевич // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск: ИГУ, 2019. – С. 221–228.
 11. Полюшкевич, О.А. Семейная история как социальная практика / О.А. Полюшкевич // Социология. 2019. – № 3. – С. 88–92.
 12. Bradburn, N. The Structure of Psychological well-being / N. Bradburn. – Chicago: Aldene Pab, 1969. – 269 p. – Direct text.
 13. Diener E. The Satisfaction with Life Scale / E. Diener – Direct text // Journal of Personality Assessment. – 1985. – № 49. – P. 71–75.

SOCIAL WELL-BEING OF FAMILIES IN THE SPATIAL DIMENSION OF THE REGION

Tkacheva N.A., Mehrishvili L.L.
Tyumen Industrial University

The article analyzes the results of a sociological study of the social well-being of families in the Tyumen region. The social well-being of families is considered as an integral indicator reflecting the quality of life of the population, the level of social protection of the family and the degree of satisfaction with them. The article analyzes the objective and subjective indicators of social security. It was revealed that a third of the studied families is fully socially protected. It is shown that the respondents' assessments of satisfaction with various aspects of their family's life are close to the median level with a slight bias towards more favorable judgments. The influence of family leisure practices on social well-being was studied. Each of the studied parameters of social well-being was analyzed within the framework of the center-peripheral model, which made it possible to draw some conclusions regarding the spatial specifics of the problem under study.

Keywords: social well-being, family, security, satisfaction, social infrastructure sociological research.

References

1. Argyll M. Psychology of Happiness: [Per. from English] / Michael Argyle. – 2nd ed. – SPb. et al. : Peter: Peter print, 2003. – 270 p. – Text: direct.
2. Bilalova L.M. Modern theories of social welfare: textbook / L.M. Bilalova, Z.K. Gareeva, O.M. Ivanova, T.A. Chernikov. – M. : Publishing house of the Academy of Natural Sciences, 2016. – 128 p. – Text: direct.
3. Leisure against the background of self-isolation // Official site of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion: [site]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dosug-na-fone-samoizolyaczii> (date of access: 01/30/2021). – Text: electronic.
4. Plans for the future. On confidence in the future and the benefits of long-term plans // Public Opinion Foundation: [site]. – URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483> (date of access: 30.01.2021). – Text: electronic.
5. Complete rating report for the Tyumen region // Regional energy commission of the Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: [site]. – URL: https://rec.admtyumen.ru/files/upload/OIV/D_fin/Documents/Complete – Text: electronic.
6. Section "Income and standard of living of the population" // Office of the Federal

- State Statistics Service for the Tyumen region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: [website]. – URL: https://tumstat.gks.ru/ofstat_to (date of access: 30.01.2021). – Text: electronic.
7. Savchenko, TN Subjective quality of life. Approaches, assessment methods, applied research / T.N. Savchenko, G.M. Golovina. – M.: Institute of Psychology RAS, 2006. – 168 p. – Text: direct.
 8. Socio-economic situation of the Tyumen region in January-September 2020 // Department of the Federal State Statistics Service for the Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: [website]. – URL: https://tumstat.gks.ru/storage/mediabank/TQgwQaib/25007_09_2020.pdf (date accessed: 30.01.2021). – Text: electronic.
 9. Taradanov A.A. Family well-being in modern Russia: genesis and practice: 22.00.04: abstract of thesis. ... d. Social. Sciences / A.A. Taradanov; Lvl. acad. state service. – Yekaterinburg, 2004–38 p. – Text: direct.
 10. Polyushkevich, O.A. Family history and identity / O.A. Polyushkevich // Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethnoregional identity and a positive image of a small homeland. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Irkutsk: ISU, 2019. – S. 221–228.
 11. Polyushkevich, O.A. Family history as social practice / O.A. Polyushkevich // Sociology. 2019. – No. 3. – S. 88–92.
 12. Bradburn, N. The Structure of Psychological well-being / N. Bradburn. – Chicago: Aldene Pab, 1969. – 269 p. – Direct text.
 13. Diener E. The Satisfaction with Life Scale / E. Diener – Direct text // Journal of Personality Assessment. – 1985. – No. 49. – R. 71–75.

Влияние корпоративного университета на развитие человеческого капитала компаний

Пружинин Александр Николаевич,
ассистент преподавателя на кафедре
«Государственное и муниципальное управление»
Института социальных наук Иркутского
государственного университета
E-mail: alex.pruzhin@gmail.com

В статье анализируется роль и место корпоративного университета в структуре развития человеческого капитала компаний. Рассматриваются ресурсы и возможности развития корпоративных университетов крупных компаний. Анализ проводится на примере нефтяных компаний России Роснефть и Газпром нефть, рассматриваются имеющиеся программы социальной ответственности в сфере образования и роста человеческого капитала сотрудников и намечаются основные векторы развития рассматриваемых аспектов развития компаний.

Ключевые слова: корпоративный университет, человеческие ресурсы, человеческий капитал, развитие, стратегия образования, образование через всю жизнь

Особая роль социально–экономического развития многих государств отводится бизнесу, он, становясь опорой для экономики, требует новых инструментов развития, которые придадут ему устойчивость на рынке и новые конкурентоспособные преимущества. В транзитивной экономике России, возрастает значимость интеллектуального работника, поскольку увеличивается степень «интеллектуальности» рабочих задач бизнеса. Практика корпоративного университета и внутрифирменного обучения стала новейшими инструментами развития человеческого капитала в рамках бизнеса, который в свою очередь создает необходимые знания, обновления товаров и услуг, инновации, что в итоге приводит к росту капитализации компании. Но, к сожалению, Россия, в отличие от Запада ещё не имеет общепризнанных методик по внедрению и развитию корпоративного университета и внутрифирменного образования. Следовательно, вопрос разработки подобных методик и исследовательских инструментов, позволяющих адекватно внедрить эти практики, становится актуальным, как для российского бизнеса, так и для отечественной теории.

В теории развития человеческого капитала преобладают вопросы причинно-следственных связей между внутрифирменным образованием и ростом производительности коллектива, а, следовательно, и ростом прибыли компании. Соответственно актуальна и разработка исследовательских инструментов по выявлению характеристик потребности компании во внутрифирменном обучении и созданию адекватных моделей внутрифирменного образования и корпоративного университета для этой компании. В нашем исследовании мы предприняли такую попытку, объединив несколько социологических инструментов, которые мак-

симально отвечали целям нашего исследования. Учитывая постулаты передовой теории по типологизации корпоративных университетов и механизмам адаптации бизнеса к российским экономическим реалиям, мы сформировали несколько предположений, требующих доказательства, посредством нашего исследования.

Современная теория человеческого капитала провозгласила – экономический рост является производным от развития определённых характеристик человеческих ресурсов, иными словами инвестиции в человеческий капитал приносят прибыль, важно понять: как эффективно инвестировать. Обобщенная модель корпоративного университета и внутрифирменного образования, предложенная нами в ходе нашего исследования, может быть полезна бизнесу, как альтернатива устоявшимся практикам развития персонала, обладающая большей рентабельностью, но что более важно – усредненной точкой отсчета, опорой при внедрении внутрифирменного обучения и корпоративного образования, обладая набором принципов и закономерностей, позволяют увидеть возможные результаты развития персонала. Выработанная методика по изучению характеристик потребности бизнеса во внутрифирменном обучении и внедрению моделей внутрифирменного образования и корпоративного университета может стать предметом научной дискуссии.

В самой структуре воспроизводства человеческого капитала выделяются врожденные и накопленные качества и способности, которые приобретают экономический характер только после соответствующего обучения. При этом воспроизводство делится на микроуровень (инвестиции для создания какого-либо актива человеческого капитала на уровне индивида) и макроуровень – совокупное производство, которое делится на совокупность самостоятельных процессов. Ведущую роль в нем играют государственные организации и частные фирмы. Уже ранее было рассмотрено, что фирмы идут на специаль-

ное обучение в связи с прямой экономической выгодой, добавим, что обучение происходит пока предельные доходы от него больше, чем предельные издержки. Направления развития человеческого капитала в бизнесе зависят в первую очередь от имеющихся ресурсов – чем выше капитал компании, тем больше инвестиций, справедливо и обратное.

Развитие своего человеческого капитала в рамках среднего и крупного бизнеса носит одну общую цель – это увеличение его производительных характеристик, посредством обучения, элементов социальной ответственности (поддержка здоровья, промышленная безопасность, корпоративная культура, благотворительность и т.д.), но при этом имеет разный уровень реализации. Логичным будет предположение, что для крупного бизнеса будет необходимо увеличение интеллектуального капитала, его реализация в рамках стратегических целей компании, создания инноваций, качества продукции, формирование бренда, организация разнонаправленного обучения, организация тематических исследований, иными словами создание корпоративного университета, для среднего бизнеса подобная практика избыточна по своим функциям и может быть слишком дорогостоящей. Скорее всего, для среднего бизнеса актуальными будут направления по увеличению интеллектуального капитала, формирования бренда и повышение качества продукции. Вместе с этим инвестиции в человеческий капитал бизнеса выражаются не только в интеллектуальном, но и структурном, который отвечает за управление потоком знаний во времени, сокращение времени обменных процессов информации и знаний, снижение издержек управления и асимметрии передаваемой информации, а также, объединение знаний и опыта.

Лучшим опытом развития человеческого капитала, согласно работам российских исследователей, обладают нефтяные компании. На основании отчетов Роснефть и Газпром нефть видно,

что развитие человеческих ресурсов компании начиналось с 2005 и 1999 гг. соответственно. Обе компании прошли путь от стандартной социальной ответственности перед своими сотрудниками до выполнения международных требований КСО и создания корпоративного обучения, которое также развивалось постепенно с 2004 и 2007 гг. Относительно внутрфирменного обучения примечателен тот факт, что оно развивалось точно, как по теории отечественных ученых, иными словами, обе компании прошли путь от традиционных учебных центров, которые сменили более полноценные образовательные ресурсы и сотрудничество с российскими вузами, до современных самостоятельных корпоративных университетов.

Согласно отчетам компании Роснефть, преимущество в инвестициях в человеческий капитал отдается корпоративному обучению и НИОКР, за период с 2011 по 2017 гг. объем финансирования НИОКР вырос в 3,6 раза, подобная ситуация сложилась и относительно обязательного профессионально-технического и управленческого обучения, повышается объем как самого обучения, так и количество программ, в период с 2004 по 2011 гг. основное внимание уделялось инженерным специальностям, но в последствии появилось множество курсов для топ-менеджеров и офисных сотрудников. Согласно отчетам, на момент 2012 г. корпоративный университет Роснефти

обеспечивал компанию на 51% всеми необходимыми образовательными курсами, к 2017 г этот показатель вырос до 60%. На данный момент образовательная сеть компании включает в себя 60 учебных центров. Также компания обеспечивает себя патентами в рамках создания собственных технологий с высокой добавленной стоимостью. Вместе с этим усложняется кадровая политика с 2010 г. создается программа «Роснефть–классов», цель которой поиск и поддержка талантов, наиболее успешным ученикам предлагается поступить в вуз по целевому обучению в профильные вузы и в перспективе работать в компании. Каждый год количество стипендии и молодых сотрудников увеличивается. Второе место по расходам занимает социальная ответственность в виде оздоровительных программ, сюда относятся страховка жизни и здоровье, медицинское обслуживание. Следом идет статья расходов на благоустройство вахтовых поселков, которое иногда включает в себя развитие инфраструктуры территории присутствия, но в первую очередь это производственная безопасность. Статья расходов на благотворительность полностью направлена на развитие территории присутствия компании, сюда может входить помощь медицинским учреждениям, школам, инфраструктуре муниципалитета, реализация научных, спортивных, культурных мероприятий и т.д. (см. табл. 1).

Таблица 1. Направления КСО компании «Роснефть»

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
НИОКР (млрд)	8,4	9,2	23,2	33,2	36	20	29,9
Человеко-курсы (тыс. часов)	129,8	135,9	201,5	507,1	325,9	438,5	533,3
Студенты-практиканты	3494	3596	3515	–	3,667	4027	6000
Роснефть – классы (чел)	1728	1967	2023	2050	2359	2499	2615
Программы поддержки здоровья (тыс. чел)	42	43	–	50	54	55,4	70
Благоустройство вахтовых поселков (млрд)	1,5	2,4	2,8	2,4	5,8	6,5	11,3
Заявки на патенты	–	75	51	75	69	54	49
Благотворительность (млрд)	2,9	3,4	1,4	2,6	5,6	3,3	8,2

Структура инвестиций в человеческий капитал у компаний Роснефть и Газпром во многом аналогична, поэтому на примере компании Газпром мы рассмотрим структуру корпоративного обучения из табл. 2 видно, что, во-первых, общая продолжительность обучения растет, во-вторых обучения больше у управляющего персонала, чем у рабочих специальностей [17]. Это говорит о том, что наибольшую потребность компания испытывает в качественном интеллектуальном капитале и развитии НИОКР, а также о достаточной самостоятельности внутрифир-

менного обучения и готовности обучать рабочие кадры. С экономической точки зрения – это можно объяснить тем, что инновации в управлении, обновлении оборудования имеют больший экономический эффект и приносят компании прибыль, в свою очередь развитие рабочих специальностей в наше время также требует постоянного обновления, но не может быть настолько прибыльным. Или как было замечено ранее инвестиции в нематериальные активы имеют большую экономическую отдачу, чем инвестиции в материальные активы (см. табл. 2).

Таблица 2. Статистика обучения персонала Газпром нефть (2013–2017 гг.)

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017
Всего прошло обучение	42 094	50 939	50 395	52 582	55 891
В том числе:					
Руководители и специалисты:	25 177	27 381	32 904	33 491	33 840
Рабочие	16 917	23 558	17 491	19 091	22 051
По видам обучения:					
Повышение квалификации	11 035	16 940	20 861	22 269	23 639
Обучение в соответствии с требованиями охраны труда, промышленной безопасности	31 059	33 999	29 534	30 313	32 252
Общая продолжительность обучения (часов)	1 651 514	2 054 092	1 927 478	2 289 437	2 930 760
Руководители и специалисты	805 664	876 192	1 052 928	1 145 836	1 404 960
Рабочие	845 850	1 177 900	874 550	1 143 601	1 525 800

Структура обоих университетов достаточно разная, так Основные направления внедрения инноваций корпоративного научно-проектного комплекса компании Роснефть – это 1) научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, 2) региональная геология, геологоразведочные работы, 3) сейсморазведочные работы, 4) лабораторные исследования, 5) разработка проектно-технологической документации, 6) подсчет запасов, оперативный подсчет запасов, 7) концептуальное проектирование, 8) проектирование строительства скважин, 9) проектно-изыскательные работы, 9) инжиниринговые услуги, 10) строительный контроль.

Корпоративный институт Газпрома организован несколько иначе, основные направления 1) менеджмент организации, 2) управление персоналом, 3) охрана труда и промышленная безопасность, 4) иностранные языки, 5) школа ГИП, 6) охрана окружающей среды и энергосбережение, 7) современные информационные технологии, 8) экономика и финансы, 9) управление закупками, 10) проектирование, строительство и капитальный ремонт, 11) система менеджмента и сертификации, 12) бухгалтерский и налоговый учет, 13) управление проектами, 14) управление инвестициями, 15) нефтегазовое дело, 16) законодательство и право [16].

Опыт крупных компаний позволя-ет сделать вывод, что их внутрифир-менное обучение достаточно развито, чтобы обеспечить свою компанию со-трудников с необходимыми знаниями и навыками, а также новыми управлен-ческими моделями технологическими обновлениями, особое их преимуще-ство в планировании обучения, а также прогнозирование необходимых знаний и навыков в будущем для их сотруд-ников. Подобный опыт необходим для реализации стратегии устойчивого раз-вития. Но в рамках среднего бизнеса ситуация на данный момент складыва-ется не самым лучшим образом.

Согласно ежегодному рейтингу GCI (Global Competitiveness Index) Россия на момент 2019 года занимает 43 ме-сто с 2006 года, в этом индексе учи-тывается развитие малого и среднего предпринимательства, он рассчиты-вается как доля общего трудоспособно-го населения, принимающая участие в создании и развитии бизнеса. К сожа-лению, в России малый и средний биз-нес обеспечивает 25,6% рабочих мест по стране, в то время как в европейских странах от 40% до 80%. Экономические условия негативно сказываются на раз-витии бизнеса, среди них в первую оче-редь выделяют: Высокий уровень ин-фляции, недоступность кредитов, рост цен на факторы производства подтал-кивают малые и средние предприятия к банкротству, при этом негативно влия-ет система налогообложения, требую-щая реформ [14].

Специфика среднего и малого биз-неса такова, что в период подъема экономики – он вносит существенный вклад в занятость населения, но при этом очень уязвим в условиях кризиса. Российский бизнес отличается высокой степенью неопределенности риска, как внешних, так и внутренних. Первые уже были перечислены – это политические, социально-экономические, экологиче-ские и научно-технические факторы. Вторые – это процессы внутри предпри-ятия, в первую очередь управление пер-соналом. Согласно результатам обсле-дования лаборатории социологических

исследований ЦФИ ГУ–ВШЭ, в насто-ящее время малые предприятия не пе-рерастают в средний бизнес и имеют короткое время существования, бо-лее того в России средний бизнес яв-ляется консерватором по своей сути, в то время как в европейских странах он является новатором. Одна из при-чин этому – отсутствие образователь-ных программ, способных подготовить управленцев и специалистов готовых создавать инновации. Иными словами, проблемы развития среднего бизнеса, как и малого, лежат, как внутри самого бизнеса, так и за его пределами. Сле-довательно, необходимо создать новые стратегии развития среднего бизнеса, в первую очередь основанных на ресур-сах человеческого капитала [5].

Человеческие ресурсы – это те ис-ходные данные, которые обеспечивают все производственные процессы. Ос-новные ресурсы организации, на кото-рых базируется общая стратегия – это имущественные активы и компетенции, навыки и способности мотивированных и квалифицированных сотрудников. Как отмечают Ulrich D., Lake D., главная задача руководителя – собрать команду талантливых сотрудников и проводить непрерывное обучение, чтобы обеспе-чить себя наиболее совершенным кон-курентным преимуществом. Большой эффект обучение сотрудников имеет при стратегическом управлении чело-веческими ресурсами.

Стратегический менеджмент отно-сительно недавно пришел в средний бизнес, это было обусловлено необхо-димостью развития среднего бизнеса в России, более того переход к эконо-мике знаний открывает много возмож-ностей не только для крупного бизне-са, но и для среднего тоже, что ещё раз актуализирует внедрение страте-гического менеджмента. Согласно рос-сийским исследованиям, те компании, которые прибегают к стратегическо-му менеджменту развиваются более успешно, поскольку он помогает дей-ствовать превентивно, гибко реагиро-вать на фактуру рынка, иметь запасные варианты развития. Вместе с этим для

реализации стратегического менеджмента необходима оценка сильных и слабых сторон внешних и внутренних процессов в компании.

Причины слабого развития стратегического менеджмента в среднем бизнесе во многом напоминают причины слабого развития корпоративного образования в крупном бизнесе – недостаточное знание методик стратегического метода; непонимание важности стратегического менеджмента; недостаток управленческого опыта и навыков управления; отсутствие эффективных информационных систем для сбора и регистрации данных. Причины, которые относятся только среднему бизнесу – это недостаток времени и практики планирования; малочисленность штата сотрудников; наличие множества операционной и рутинной работы, отнимающей время руководителя. Никакой бизнес не может быть настолько мал, чтобы не испытывать четкой потребности в применении стратегического менеджмента, а именно четкой стратегии и плана достижения поставленных задач. Отметим, что исследования стратегического менеджмента в среднем бизнесе отстают от общего уровня исследований стратегического менеджмента и соответственно на сегодня не возникло общепринятой методологии внедрения стратегического менеджмента в средний бизнес.

Согласно исследованиям, инвестирование в человеческий капитал в рамках среднего бизнеса имеет свою специфику, которая заключается в адаптации навыков работника к потребностям конкретной фирмы, в развитии новых знаний и навыков средний бизнес демонстрирует меньшую готовность. Россия занимает одно из последних мест по данному показателю, опрос малых и средних предприятий Всемирного банка (проведенный в 32 странах в 2001 году) показал, что Россия занимает 11-е место по объемам обучения инженерно-технического персонала, 15-е место по объему обучения менеджеров, 21-е место по объемам обучения квалифицированных рабочих и 25-е

по объемам обучения неквалифицированных работников. Соответственно сотрудники малых предприятий получают минимальную подготовку, их коллеги, выступая в роли преподавателей, не могут проводить полноценное обучение, из-за совмещения с работой. В работах Е.В. Филатовой говорится, что в России, доля работников, прошедших обучение, существенно ниже, чем в европейских странах, но при этом каждый российский работник среднего бизнеса в среднем обучается дольше, чем работник в европейской стране [16].

На 1 доллар, вложенный на развитие компании в США, 85 центов приходится на инвестиции в рабочую силу, Россия отстает по данному показателю в 5 раз. В тех фирмах, где выделена статья на обучение персонала, она составляет не более 2% от ФОТ. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ в среднем по экономике инвестиции на обучение персонала составляют не более 0,3% от общей суммы затрат работодателя на рабочую силу. Иными словами, большинство средних предприятий не инвестирует в развитие своего персонала 1,5–2%, в то время как в развитых странах этот показатель не опускается ниже 5%, на государственных предприятиях он составляет 10–15%. По данным Дж. Онаха и Б. Хамлина, а также отчетам компании Cooper&Lybrand руководство малых и средних предприятий сомневается в результатах инвестиции по следующим причинам – сотрудники уже имеют необходимые знания и навыки, которые они получили в образовательных учреждениях; наличие большого временного лага между затратами на образование и отдачей от его получения; уверенность в том, что сотрудник может покинуть фирму в любой момент [15].

По результатам исследования Московского центра развития предпринимательства «анализ потребностей малого и среднего бизнеса в образовательных программах» более половины всех респондентов (58%) испытывает потребность в обучении сотрудников,

и только 37% воспользовались какими-либо программами обучения для персонала, в среднем обучение проходило 4 сотрудника от предприятия и в 73% случаев полностью оплачивали обучение сотрудников.

Добавим, что исследования однозначно утверждают, что стратегия организации является определяющим звеном, под которое выстраиваются элементы управления человеческого капитала. Подобный тезис о том, что большинство руководителей бизнеса используют ограниченный набор конкурентных стратегий, был высказан ещё в 1980 г. Майклом Портером. Общий вид стратегии малого и среднего бизнеса следующий – «продавай дешевле, чем другие», «сделай продукт отличным от других», «сконцентрируйся на качестве определенного продукта». Ни одна из стратегий не существует в чистом виде. При этом, как утверждает Е.В. Филатова, российские предприятия используют одну единственную стратегию выживания, которая выражается в минимальном уровне рентабельности, достижении минимальных затрат, удерживание ниши на рынке. При этом чтобы достичь устойчивого развития необходимо не только уметь консолидировать ресурсы, но и настраиваться на соперничество для увеличения роста прибыли. Использование зарубежных методик создания стратегии среднего бизнеса требует адаптации к российским реалиям. Хорошим примером стратегий для малого среднего бизнеса служит матрица М. Портера в которой указывается три возможные стратегии: лидерство в области затрат, стратегии дифференциации и концентрации на сегменте. Согласно результатам российских исследователей, большинство малых предприятий имеют тенденцию к воплощению двух стратегий – это минимизация издержек или дифференциация продукта. Стратегия, основанная на неповторимости продукта (дифференциации), заключается в выборе одного сегмента рынка и достижения в нем лидерства относительно затрат или особого положения.

Совмещение этих стратегий маловероятно для малых и средних предприятий, поскольку лидерство в снижении издержек требует высокоэффективной организации производства, наличия строгой разделительной системы, постоянного обновления в плане технологий и моделей управления, обучения и переобучения персонала. Стратегия неповторимости продукта (услуг, технологии, производство, поставки, и т.д.) требует качественной подготовки интеллектуального капитала, способного создавать и внедрять инновации. На данный момент в России больше развита практика контроля возможных издержек, на персонал или оборудование, что не имеет положительного внимания на рост эффективности трудового потенциала, в то же время практика снижения цен на продукцию постепенно должна смениться на рост её качества и ассортимента [12,13]. Главное заключение, которое можно сделать из этих положений – это то, что обе стратегии не предрасполагают развитию человеческого потенциала, но обходятся наймом сотрудников, не предрасположенных к инновационной деятельности. Иными словами, фирмы не создают в себе должной уникальности, которая могла бы стать надежным элементом устойчивого развития. Исключение составляет реализация стратегии уникальности продукта, которая требует увеличения издержек на улучшение свойств продукции, развитие персонала, создание новых товаров и услуг, а это требует развития в лучшем случае – развития внутрифирменного образования, в среднем сценарии – обучение персонала, т.е. руководители, идущие по пути дифференциации более склонны к инновациям. В контексте этих стратегий развитие человеческого капитала можно определить, как развитие ценных для бизнеса качеств сотрудников, вложение в их способности и умения, которые в будущем должны обернуться ростом капитализации бизнеса. Также, можно предположить, что чем выше стаж работы руководителя, тем

больше он склонен развивать своих сотрудников.

Особое внимание уделяется личностным характеристикам руководителей на инвестирование в человеческие ресурсы. На основании исследования российских ученых, проведенных в 2009 г. был сделан вывод, что образование, возраст, стаж работы не играют существенной роли в предрасположенности к инвестированию в человеческий капитал, при этом гендер проявляется более заметно, например, мужской стиль управления более склонен к формализованному виду – мужчины отличаются требованием большей дисциплинарности, развивают программы обучения и оценки, требуют достижения четко обозначенных результатов [11].

В вопросе отношения к ключевым сотрудникам существуют явные различия относительно многозадачности, руководители-мужчины требуют от своих подчиненных гибкости и адаптивности в решении задач в 81% случаев, а руководители-женщины 52,8%. Отношение к свободе и ответственности также имеет разницу: доля руководителей мужчин, требующих от ведущих сотрудников большей свободы и ответственности выше, чем у женщин.

При этом доля руководителей-мужчин, производящих оценку персонала значительно выше, в сравнении с долей руководителей-женщин (45% и 19% соответственно). Гендер руководителя значительно влияет на систему поощрения и наказания сотрудников. Большинство мужчин руководителей определяет заработную плату исходя из средней по рынку 53,6% в свою очередь женщины руководители поступают подобным образом в 11,1%. При этом женщины-руководители более склонны к нематериальным видам поощрений – 83%, мужчины-руководители – 54,8%. Более того у мужчин руководителей заработная плата чаще определяется исходя из общих успехов команды в целом – 67,9%, у женщин подобной практики меньше – 38,9%

Также в исследовании Филатовой Е.А. сделаны вводы о том, что

мужчины-предприниматели, которые используют стратегию минимизации, отмечают проблему нехватки специалистов, как главенствующую. Из этого можно сделать вывод, что они, скорее всего, будут перекупать специалистов, чем организуют обучение и повышение квалификации, подобный выбор позволяет избежать опасений по поводу рентабельности обучения, временных издержек и увольнения сотрудников, дополнительно влияет факт дороговизны обучения. Подобный вывод справедлив и для стратегии дифференциации относительно мужчин руководителей.

Для женщин-руководителей проблемы недостатка специалистов должного уровня, высокая стоимость подготовки, переобучения встречаются достаточно редко. Оплата труда определяется не средней по рынку, а согласно тарифной сетке и вместе с этим используются нематериальные поощрения. Те, кто используют стратегию минимизации, часто определяют уровень заработной платы более высокий по отношению к конкурентам. Определение уровня заработной платы при стратегии дифференциации в женском стиле, так же, как и у мужчин, зависит от результатов команды [9,10].

Иными словами, исследование Е.А. Филатовой подтверждает, что гендер руководителя влияет на структуру инвестиций в человеческий капитал, а также на выбор методов управления персоналом. Мужчины подходят к управлению персоналом более формализовано, они склонны прогнозировать число сотрудников, проводить собеседование в режиме тестирования при найме. Женщины руководители чаще всего убеждены, что большинство инвестиций в персонал не приносит ощутимых результатов.

Вместе с этим было уставлено, что стратегия дифференциации продукта положительно влияет на руководителя малого и среднего бизнеса инвестировать в обучение персонала. В целом более важный вывод в том, что выбор самой стратегии оказывает значительное влияние на уровень обученных со-

трудников, т.е. тем компаниям, которые используют стратегию дифференциации, свойственны большие инвестиции в персонал в сравнении с другими группами. При этом предприниматели, использующие стратегию минерализации издержек, так или иначе, сталкиваются с отсутствием конкурентоспособных преимуществ. Как правило, подобные руководители склонны увольнять сотрудников, если их не устраивает качество работы, как следствие растёт текучка кадров и в итоге «большого скачка» – роста предприятия не происходит, сюда же добавляются временные и финансовые издержки на адаптацию новых сотрудников. В рамках данной стратегии образование персонала рассматривается как издержки, которые необходимо минимизировать. В итоге это приводит к использованию дешевой рабочей силы и снижению качества продукции, иными словами, при минимизации вложений в персонал в долгосрочной перспективе мы теряем конкурентоспособность.

Обратные результаты наблюдаются у предприятий, выбравших стратегию дифференциации, которые обучают персонал, формируя кадровый потенциал за счет внутрифирменного обучения или обучения у внешних провайдеров. Как итог снижается текучесть кадров, повышается мотивация сотрудников, развивается планирование карьеры. Как следствие фирма развивается вслед за человеческим капиталом – растёт уникальность товаров и услуг их качество. В рамках данной формы обучения персонала это не издержки, которые необходимо сократить, а инвестиции, которые обеспечивают долговременный рост организации [1,3,7,8].

Эффективность инвестиций в человеческий капитал зависит от личностных характеристик руководителя. При этом результаты исследования Е.А. Филатовой говорят, что возраст, образование и опыт руководителя не влияют на инвестиции в персонал, на взгляд самого автора – этот вопрос требует дополнительного исследования. Но при этом стратегию дифференцирования

выбирают более опытные руководители с большим опытом и стажем, также – чем старше предприниматель, тем больше у него ожиданий от обучения.

Согласно результатам исследования, чем выше ресурсы компании, тем больше она инвестирует в свой человеческий капитал, но вопрос о том, что первично – рост фирмы и следом за ней рост человеческого капитала или наоборот – остается открытым. Также, результаты исследования говорят о том, что с ростом ресурсов компании – растёт и гибкость управления персоналом. Для руководителей даже недостаточность средств не является причиной не обучения персонала, т.е. они осознают важность повышения навыков и знаний своих сотрудников. Минусом малого и среднего предпринимательства остается реактивный характер обучения, отчасти это обусловлено крайне нестабильным характером условий развития бизнеса, но не отменяет того, что бизнес получает подготовленного сотрудника с большим временным лагом, иными словами – необходимо планировать знания и навыки сотрудников необходимые компании в будущем. В сжатых сроках предприниматели нередко прибегают к краткосрочному обучению на работе посредством наставничества, которое, как правило, имеет общее содержание и не содействует независимой трудовой деятельности, иными словами наставник передает опыт, а обучение учит ориентироваться в нестандартных условиях профессии. Ещё принципиально важным становится вопрос – оценка обучения сотрудника, которая, как правило, не производится, в современных исследованиях это считается грубейшей ошибкой, поскольку если руководитель не оценивает результаты обучения, он не может оценить его рентабельность, что может привести к низкоэффективным инвестициям. Следовательно, можно сделать вывод, что в малых и средних предприятиях необходим баланс между финансовым и человеческим капиталом, руководители должны воспри-

нимать персонал как потенциальный источник дохода.

Существенно осложняет ситуацию не только недооценка значимости человеческого капитала, но не понимание как оценивать инвестиции в человеческий капитал. Осложняет ситуацию внешняя нестабильность, из-за которой предприниматели сосредотачиваются на оперативном управлении фирмой, стратегия отходит на второй план, в том числе и стратегия развития человеческого капитала, которая в первую очередь заключается в соответствии профессиональных качеств сотрудников потребностям фирмы.

Эффективное управление малым и средним бизнесом относительно стратегического развития человеческого капитала включает в себя 1) учет стратегических потребностей предприятия при внедрении программы обучения и развития персонала; 2) планирование будущей деятельности предприятия, составление перспективных планов, выявление потребностей в определенных профессионалах; 3) определение стратегически важных компетенций сотрудников; 4) развитие и удержание ключевых сотрудников; 5) реализация политики найма персонала в соответствии со стратегическими потребностями организации; 6) внедрение практики планирования обучения сотрудников и выход из реактивного обучения; 7) осуществление полноценного контроля за качеством обучения и его соответствия потребностям бизнеса [2,4].

В целом главная задача предпринимателей задуматься в первую очередь о создании комплексной системы управления, в рамках которой будет определена грамотная политика инвестиций в человеческий капитал, также важно осознать, что обучение персонала не только повышает его производительность, но и снижает риск возможных издержек. К сожалению, на данный момент законодательная база РФ не способствует развитию человеческого капитала в рамках среднего бизнеса. Поскольку обучение сотрудников, свыше 4% от ФОТ облагается на-

логом, особенно если речь идет об обучении у внешних провайдеров. На наш взгляд, создание комплексной законодательной базы, побуждающей предприятия развивать свой персонал, одно из главных условий для развития среднего бизнеса, примеров в международной практике довольно много, они были перечислены в первой главе, например, в европейских странах компаниям компенсируется часть затрат на обучение сотрудников или полагаются дополнительные выплаты при найме выпускников колледжей и вузов [6].

Наиболее эффективным инструментом развития человеческих ресурсов в рамках бизнеса становится корпоративный университет. За последние три десятилетия корпоративный университет распространился в корпорациях по всему миру, своей эффективностью он превзошел корпоративную социальную ответственность. Его принципиальное отличие от других подобных инструментов – это выработанные методики развития характеристик персонала корпорации согласно стратегии компании, комплексный подход к развитию человеческих ресурсов позволяет реализовать политику устойчивого развития, обеспечивать себя конкурентоспособными преимуществами и инновационным капиталом. Возникновение корпоративных университетов было обусловлено становлением экономики знаний, усложнением управления бизнесом, необходимостью в создании принципиально новых товаров и услуг. Стратегические роли, принципы управления, организация обучения корпоративного университета невероятно разнообразны. В рамках стратегии он может отвечать за управление инновациями, развитием лидерского потенциала сотрудников, управлять отношениями с клиентами и поставщиками, разрабатывать альтернативные виды деятельности компании и рассчитывать возможности выхода на новые географические рынки – это не полный список предназначений корпоративного университета. Но, к сожалению, в российской практике и теории ещё не сложилось обще-

принятых принципов внедрения и развития корпоративного университета, подобных западным. Тенденции распространения корпоративного университета в странах с развитой рыночной экономикой таковы, что корпоративный университет в свою практику внедряет средний бизнес.

Литература

1. Горчаков, А.Д. Повышение эффективности механизма управления наукоемким корпоративным образованием / А.Д. Горчаков // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 5 (69). С. 65–69.
2. Зинурова, Р.М. Корпоративный университет как точка соприкосновения науки, образования и производства / Р.М. Зинурова // Вестник Казанского технологического университета. – 2016. – № 18. – С. 273–277.
3. Курьянова, С.С. Регулирование корпоративной социальной ответственности на федеральном и региональном уровнях / С.С. Курьянова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 8. – С. 338–340
4. Ленковец, О.М. Инвестиции в развитие человеческого капитала как фактор повышения конкурентоспособности России в рамках устойчивого развития // Вопр. экон. теории. Макроэкономика 2017. № 4 (14). – С. 55–58.
5. Пахомова, Е.В. Корпоративные университеты в системе российского образования (результаты социологического исследования) / Е.В. Пахомова // Человек и образование. 2006. – № 7. – С. 59–64.
6. Полюшкевич, О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность: учебное пособие / О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2012. 131 с.
7. Полюшкевич, О.А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социаль-

ных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов / О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2014. С. 103–110.

8. Пружинин, А.Н. Анализ корпоративного образования нефтяных компаний (на примере компаний «РОСНЕФТЬ» И «ГАЗПРОМ НЕФТЬ») / А.Н. Пружинин // Государственная служба. 2019. – Т. 21. № 4 (120). – С. 58–65.
9. Пружинин, А.Н. Анализ корпоративных норм регулирования человеческого капитала нефтяных компаний / А.Н. Пружинин // Социология. 2020. – № 3. – С. 162–169.
10. Пружинин, А.Н. Инструменты нефтяных компаний в развитии своего человеческого капитала / А.Н. Пружинин // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность. сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т.И. Грабельных, А.Ф. Шмидт]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – С. 433–440.
11. Пружинин, А.Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала / А.Н. Пружинин // Социология. 2020. – № 2. – С. 306–313.
12. Пружинин, А.Н. Ресурсы человеческого капитала крупных нефтяных компаний в социокультурном воспроизводстве Иркутской области // А.Н. Пружинин // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века. ФГБОУ ВО «ИГУ»; [под общ. ред. А.В. Аргучинцева, И.А. Журавлевой]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – С. 216–223.
13. Пружинин, А.Н., Полюшкевич О.А. Ресурсы развития человеческого потенциала в крупных нефтяных компаниях Иркутской области / А.Н. Пружинин // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов. Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях. Под науч. ред. Н.Н. Даниленко, О.Н. Баяевой, Иркутск: БГУ, 2018. – С. 341–346.
14. Солина, Е.Е. Зарубежный опыт воспроизводства человеческого капи-

- тала / Е.Е. Солина // Социология социальной сферы и социальной работы. 2012. № 1. – С. 109–121.
15. Социальная ответственность нефтегазовых компаний. 2015. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ас.gov.ru/publications/bulletin/> (дата обращения: 13.01.2021)
 16. Филатова, Е.В. Инвестиции в человеческий капитал на предприятиях малого бизнеса: дис. канд. экон. наук: 08.00.05. / Е.В. Филатова; Высшая школа экономики. – Москва, 2010. – 134 с.
 17. Чанько, А.Д., Баснер, А.А.В. Корпоративные университеты: анализ деятельности в международных исследованиях / А.Д. Чанько, А.А.В. Баснер // Российский журнал менеджмента. 2015. – Том 13, – С. 79–110.

INFLUENCE OF THE CORPORATE UNIVERSITY ON THE DEVELOPMENT OF THE HUMAN CAPITAL OF COMPANIES

Pruzhinin A.N.

Irkutsk State University

The article analyzes the role and place of the corporate university in the structure of human capital development in companies. The resources and opportunities for the development of corporate universities of large companies are considered. The analysis is carried out on the example of the Russian oil companies Rosneft and Gazprom Neft, the existing programs of social responsibility in the field of education and growth of the human capital of employees are considered, and the main vectors of development of the considered aspects of the companies' development are outlined.

Keywords: corporate university, human resources, human capital, development, education strategy, education throughout life.

References

1. Gorchakov, A.D. Improving the efficiency of the management mechanism for knowledge-intensive corporate education / A.D. Gorchakov // Bulletin of the Saratov State Social

- and Economic University. 2017. No. 5 (69). S. 65–69.
2. Zinurova, R.M. Corporate university as a point of contact between science, education and production / R.M. Zinurova // Bulletin of Kazan Technological University. – 2016. – No. 18. – S. 273–277.
3. Kuryanova, S.S. Regulation of corporate social responsibility at the federal and regional levels / S.S. Kuryanova // Theory and practice of social development. – 2012. – No. 8. – FROM. 338–340
4. Lenkovets, O.M. Investments in the development of human capital as a factor in increasing Russia's competitiveness in the framework of sustainable development // Vopr. econom. theory. Macroeconomics 2017. No. 4 (14). – S. 55–58.
5. Pakhomova, E.V. Corporate universities in the Russian education system (results of sociological research) / E.V. Pakhomova // Man and Education. 2006. – No. 7. – P. 59–64.
6. Polyushkevich, O.A. Introduction to corporate social responsibility: a tutorial / O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2012. 131 p.
7. Polyushkevich, O.A. Trends in the development of corporate social responsibility: federal and regional aspects // Problems of managing the development of social systems: individuals, organizations, territories. Collection of scientific works / O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2014. S. 103–110.
8. Pruzhinin, A.N. Analysis of the corporate formation of oil companies (on the example of the companies "ROSNEFT" and "GAZPROM NEFT") / A.N. Pruzhinin // State Service. 2019. – T. 21. No. 4 (120). – S. 58–65.
9. Pruzhinin, A.N. Analysis of corporate norms of regulation of human capital of oil companies / A.N. Pruzhinin // Sociology. 2020. – No. 3. – S. 162–169.
10. Pruzhinin, A.N. Instruments of oil companies in the development of their human capital / A.N. Pruzhinin // Higher education, social sciences and national security. Sat. scientific. tr. / FSBEI HE "ISU"; [scientific. ed. : TI Grabelnykh, AF Schmidt]. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2018. – pp. 433–440.
11. Pruzhinin, A.N. Features of the strategic development of human capital / A.N. Pruzhinin // Sociology. 2020. – No. 2. – P. 306–313.
12. Pruzhinin, A.N. Human capital resources of large oil companies in the socio-cultural reproduction of the Irkutsk region // A.N. Pruzhinin // Socio-cultural dynamics of the Ir-

- kutsk region in the XX – early XXI century. FSBEI VO "ISU"; [under total. ed. A.V. Arguchintseva, I.A. Zhuravleva]. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2017. – P. 216–223.
13. Pruzhinin, A.N., Polyushkevich O.A. Human Development Resources in Large Oil Companies of the Irkutsk Region / A.N. Pruzhinin // Activation of the intellectual and resource potential of the regions. Materials of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Under scientific. ed. N.N. Danilenko, O.N. Bayeva, Irkutsk: BSU, 2018. – S. 341–346.
 14. Solina, E.E. Foreign experience of human capital reproduction / E.E. Solina // Sociology of the social sphere and social work. 2012. No. 1. – S. 109–121.
 15. Social responsibility of oil and gas companies. 2015. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. [Electronic resource] Access mode: <http://ac.gov.ru/publications/bulletin/> (date of access: 01/13/2021)
 16. Filatova, E.V. Investments in human capital in small businesses: dis. Cand. econom. Sciences: 08.00.05. / E.V. Filatov; High School of Economics. – Moscow, 2010. – 134 p.
 17. Chanko, A.D., Basner, A.A.V. Corporate universities: analysis of activities in international studies / A.D. Chanko, A. A.V. Basner // Russian Management Journal. 2015. – Volume 13, – pp. 79–110.

Государственные формы социологического обеспечения развития сельского хозяйства

Балахнина Александра Геннадьевна,

аспирант кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет
E-mail: Ecoferma13@mail.ru

Сельское хозяйство сегодня как никогда нуждается в государственной поддержке. Развитие сельских территорий угасает, престиж сельскохозяйственного труда сходит на нет, получить прибыль от работы на земле все сложнее. Государство осознает все эти проблемы и стремится создать условия для исправления ситуации. На развитие сельского хозяйства выделяются гранты, субсидии для разных целей. Но чтобы разобраться как реально взаимодействует государство с предприятиями сферы мы провели объемное исследование, чтобы проанализировать насколько государственная поддержка доходит до предприятий отрасли. Мы опросили руководителей различных форм хозяйствования, крупных и малых, и сделали определенные выводы. Большинство интервьюеров отмечает то, что в области сельское хозяйство находится на достаточно высоком уровне по сравнению с другими регионами, но сама аграрная сфера сталкивается с огромным количеством проблем и нуждается в поддержке государства, как в Тюменской области, так и в целом по России.

Ключевые слова: регулирование, аграрная сфера, государственная поддержка, структура, социологическое исследование.

Крупные агрокомплексы активно участвуют в государственных программах, пользуются возможными кредитами, субсидиями, дотациями. И государство ставит в приоритет развитие именно крупных форм хозяйствования, на них делается основной упор. У данных предприятий помимо государственной поддержки существуют достаточно объемные рынки сбыта, подкрепленные договорными обязательствами, что позволяет им чувствовать свой приоритет и уверенно планировать свою деятельность. Агрокомплексы с большим кадровым резервом могут качественно провести весь сложный документооборот, который требуется для получения любых госпрограмм, обеспечить полное сопровождение требуемой отчетности. При этом специалисты на данных предприятиях имеют возможность постоянно отслеживать новые государственные инициативы и в оптимальные сроки оформлять и пользоваться поддержкой государства.

Но специалисты сферы сельского хозяйства отмечают так же, что некоторые крупные предприятия существуют только за счет поддержки государства, и варьируют на грани рентабельности. Кто-то связывает данный факт с неграмотным расходованием средств, кто-то с коррупцией, кто-то с заимствованием западных технологий и несвоевременным их внедрением.

Окончательного баланса во взаимодействии государственных поддержек и крупного сельскохозяйственного предпринимательства все-же нет. Эксперты отмечают несистемные программы субсидирования, данные программы имеют точечную характеристику помощи, а не четкий вектор и видение развития и цельности поддержки, ее на-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий».

правленности. Госпрограммы закрываются, сменяются новыми инициативами, разработать четкий план действий руководства агрокомплексов на основе данных программ очень сложно и окончательной веры в государственный институт нет, а значит и нет окончательного видения перспектив развития.

Малые формы хозяйствования сталкиваются с гораздо большим количеством проблем и противоречий в отношении с государством. Во-первых, само государство не заинтересовано в помощи малым предприятиям, потому что политика настроена на простоту поступления продукции в большие магазины, на объемы, способные обеспечить максимальное количество потребителей, а это могут обеспечить только крупные предприятия. Во-вторых, количество и часто квалификация персонала в малых формах хозяйствования не позволяет оценить и сопроводить даже возможности поступления господдержки для данных предприятий. Эксперты отмечают большие трудности в отчетности при взаимодействии с возможностью государственной поддержки. Трудности в оформлении документации, большой ее объем и постоянная отчетность в малые периоды времени часто пугают небольшие агрофирмы. Но эксперты отмечают, что малые формы хозяйствования не пренебрегают кредитами, а к субсидированию относятся очень предвзято, сама возможность сложностей, которые связаны с субсидированием их пугает. Большинство фермерских хозяйств и личных подсобных хозяйств вообще отвергают возможность связи с государством посредством госпрограмм. Многие уверены в своей некомпетентности, многие в том, что с государством вообще нельзя иметь дело, либо обманут, либо найдут какие-то нарушения в документообороте и откажут в помощи, кто-то уверен, что даже если подать документы на поддержку, то в поддержке откажут, а средства уйдут в карманы чиновников, и поэтому даже не пытаются.

Чем отдаленнее от больших городов малые формы хозяйствования, тем не-

гативнее настроены люди в отношении государственной поддержки, тем больше они рассчитывают только на свои силы.

Часто спасением для малых форм хозяйствования становится объединение в кооперативы. Кооператив объединяет людей «по интересам» и позволяет решать повседневные аналогичные вопросы в больших объемах. Руководство кооперативов заинтересовано в развитии и взаимодействии членов кооператива, следовательно оно заинтересовано и в поиске путей решения общих задач и готово предоставлять для решения этих задач ресурсы человеческого и интеллектуального капитала. Именно кооперативные объединения связывают малые агропредприятия с государством, помогают наладить «диалог». В кооперативах активно изучают и стараются внедрить разнообразные формы поддержки. На систему коопераций правительство Тюменской области сейчас делает достаточно большие ставки. Кооперативам с гораздо большим энтузиазмом одобряют гранты, агростартапы и субсидии. Малые фермерские хозяйства и личные подсобные хозяйства в последнее время пытаются активно участвовать в кооперации, потому что в данном статусе они могут получить доступ к государственной поддержке и ее грамотному оформлению. Выше было сказано, что в одиночку малые агрофирмы просто не верят в возможность грамотной дискуссии с государственными программами, не верят в саму возможность того, что малый предприниматель может получить поддержку, грамотно за нее отчитаться, воспользоваться и данный путь пройти ровно и без проблем и подводных камней. Кооперативы дают людям уверенность в грамотном сопровождении бизнеса, а государству более укрупненный вариант агрокомпании.

Все эксперты отмечают, что для развития сельских территорий одной государственной поддержки недостаточно, нужна полноценная государственная программа, которая включает в себя не только субсидирование крупных или

малых форм хозяйствования, но и программы привлечения специалистов агропрофиля, мощные вливания средств на облагораживание сельских территорий, образовательные программы и т.д. Сейчас в Российской Федерации в приоритете стоят другие сферы, сельское хозяйство не является приоритетной отраслью, поэтому и политика направлена точно, а не системно.

В целом в России сельское хозяйство находится в упадке и уже достаточно долгий период времени, идет деградация сельских территорий. На настоящий момент поддержка, предоставляемая государством, не дает возможности развития данной сферы. К тому же в государственной поддержке не хватает системности, поддержка имеет достаточно хаотичный характер, инициативы часто сменяются, одни программы закрываются, другие вводятся, а люди не успевают ориентироваться в меняющейся ситуации.

В течение последних десятилетий идут процессы ухудшения социально-экономических условий жизни сельского населения. Почти 1/4 крестьян получает доходы ниже прожиточного минимума; в сельской местности проживает более 50% граждан, нуждающихся в помощи из-за сложных жизненных обстоятельств, и две трети семей, получающих государственную социальную помощь. Упадок крупного аграрного производства и экономические трансформации вызвали массовую безработицу сельских жителей; доля неформальной занятости в сельском хозяйстве не превышает 65%. Снижается демографический состав сельского населения, продолжают процессы социальной деградации. Ненадлежащий контроль за природопользованием приводит к загрязнению сельских территорий, истощению земельных ресурсов, потере ландшафтного разнообразия. Эти и другие социальные, экологические, экономические проблемы актуализируют необходимость научных исследований относительно особенностей функционирования и развития сельских территорий с целью поиска

инновационных форм хозяйствования на селе, повышения качества социального капитала и улучшения экологической ситуации.

Рекреационная сфера, учитывая мировые тенденции и отечественные экономические реалии, требует территориального расширения, привлечения новых природных ресурсов и создание отраслевой структуры. Речь идет о должным образом не оцененном и не использованном потенциале развития туристических услуг на селе. Разработка адекватной стратегии развития сельских территорий необходима для совершенствования методологических подходов к их классификации с целью учета показателей социально-экономического состояния и природно-рекреационного потенциала территорий.

Сельские территории преобладают в структуре территорий многих стран мира и составляют пространственную основу использования природных ресурсов и жизнедеятельности человека. Теоретико-методологические основы их функционирования и особенности социально-экономического развития, учитывая сложность и комплексность этой проблематики, не теряют научного значения. Особый вес приобретает исследование перспектив развития в условиях сельской местности отдельных видов экономической деятельности, прежде всего альтернативных традиционному сельскому хозяйству видов занятости.

Определяют сельские территории как сложную многофункциональную природную, социально-экономическую и производственно-хозяйственную систему с присущими ему количественными, структурными, природными и другими характеристиками. Однако для большинства определений сельских территорий присуща попытка охватить как можно больше аспектов их функционирования. Несмотря на широту и многоуровневость таких характеристик, им не хватает четкости в формулировке сущностных, специфических признаков сельских территорий, в том

числе с учетом особенностей и потребностей развития отдельных видов деятельности.

Внимания заслуживает многокритериальный подход к определению сельских территорий, по которым последние состоят из физического пространства, где в состав поселений и инфраструктуры включена часть ландшафтов; природной среды с доминированием таких его элементов, как пастбища, леса, горы, пустыни; поселений с малой плотностью населения (5–10 тыс. человек на 1 км²); производственного пространства, в котором много людей работает в сельском хозяйстве; экономической территории, где цена на землю является относительно низкой; местности, структура производства которой характеризуется значительными транзакционными затратами, связанными с существенными расстояниями от крупных административных и промышленных центров и неудовлетворительной инфраструктурой. Рекомендуют категоризацию сельских территорий осуществлять по отраслевому, поселенческому, территориальному или функциональному признаку. Соответственно дифференцировать сельские территории можно по таким категориям, как демографический состав населения, административный и политико-правовой статус, отраслевая направленность местной экономики, вид и режим использования территории, динамика развития, степень сложности и ресурсообеспечения и тому подобное. Учитывая это под сельскими территориями следует понимать физико-географическое и экономическое пространство, возникший вследствие изменения человеком природного ландшафта на комплексное многофункциональное образование, главными составляющими которого являются пространственно-ресурсный базис производства, природная среда для рекреационной деятельности и место жизнедеятельности человеческих сообществ как инфраструктурная основа для предоставления отдыха населению.

Современные научные концепции (многофункциональности сельского

хозяйства, интегрального территориального, сельского регионального развития) сочетают социальное развитие с экономически эффективным многофункциональным производством и обеспечением экологического благополучия сельских территорий. Это создает теоретическую основу для определения принципов развития сельских территорий, к которым относят комплексность и многоотраслевость.

Методологической основой современных исследований по развитию сельских территорий ряд отечественных ученых, [1], [6], считают Концепцию многофункциональности сельского хозяйства, которая рассматривает сельское хозяйство как основу экономики, социальной и природоохранной сфер сельских территорий. Сегодня идеи хозяйственной многофункциональности сельских территорий претерпели существенные изменения, акцентировано внимание на повсеместной деаграризации сельской экономики и ускоренном развитии несельскохозяйственных видов деятельности. Поиск последних актуализирует проблему сохранения ресурсов окружающей среды, ограничения дальнейшего роста нагрузки на сельский ландшафт, усиление природоохранной функции сельских территорий. Такое изменение акцентов вполне согласуется с европейскими тенденциями [12].

Территориальный подход предусматривает комплексное развитие сельских территорий с учетом различий их природно-климатических, демографических, социальных, экономических условий и изменения роли сельского хозяйства и других сфер экономики, а также сельских территорий в экономическом развитии страны [1]. В его рамках разработано несколько концепций: интегрального территориального, сельского регионального развития и другие [4]. Указанный подход важен, учитывая возрастание роли рекреационного природопользования для развития сельской территории, а в методологическом аспекте связан с определением ее оздоровительно-туристического по-

тенциала. Последний является совокупностью имеющихся природных, инфраструктурных, материально-технических и иных ресурсов, которые используются или могут быть использованы для производства и предоставления населению услуг оздоровления и отдыха.

Благодаря процессам децентрализации власти, территориальные общины получили увеличенный объем полномочий и ресурсов для управления территориями, в том числе в части их рекреационного использования, возможность улучшать благоустройство территорий, получать 100% туристического сбора. Поэтому для сельских общин, имеют надлежащие территориальные и природные ресурсы, одним из инструментов их устойчивого развития является деятельность по предоставлению рекреационно-туристических услуг, что способствует распространению сельской экономики, повышению уровня доходов жителей и их занятости, укреплению социальных связей для достижения общей цели, поощрению местных общин для защиты и восстановления окружающей среды, сохранения историко-культурного наследия.

Дифференциации сельских территорий по уровню обеспеченности рекреационными ресурсами и развитие туристической сферы в рамках данного исследования предшествовал общий раздел территорий страны по типу поселения. Для отнесения территорий в сельских применены показатели численности населения, плотности их расселения, удаленности территорий от крупных населенных пунктов; соответственно выделены сельские, городские территории и территории промежуточного типа. Как сельские территории классифицировано более 90% общей площади, где проживают 52% жителей. По критерию удаленности сельских территорий от крупных городов выделяют экономически интегрированные, умеренные (переходные) и периферийные; по величине рекреационно-туристического потенциала (РТП) и эффективностью его использования рекреационно-туристической сферой

(РТС) – перспективные, умеренно перспективные и малоперспективные.

Возможности сельских общин диверсифицировать экономику и расширить экономическую деятельность благодаря рекреационному природопользованию в значительной мере определяются наличием рекреационных ресурсов, экологическим состоянием территории, инфраструктурой, материально-техническим обеспечением. Поэтому региональные и местные стратегии и планы развития территорий должны всесторонне учитывать особенности их размещения, экономического, социального и экологического состояния, доминантных видов экономической деятельности, имеющегося природно-оздоровительного потенциала, инфраструктуры, рекреационной деятельности сферы. Эти показатели отражаются в определенных моделях сельского развития и рекреационного природопользования. Методологически обоснованный анализ этих параметров позволит определить перспективы и особенности не только рекреационного природопользования в пределах определенной территории, но и ее социально-экономического развития в целом.

Предложенный многоуровневый алгоритм комплексной (пятиуровневой) классификации сельских территорий по моделям рекреационного природопользования и сельского развития позволяет дифференцировать территории по восьми критериям.

Применение этого методологического подхода с целью разработки местных и региональных программ и планов развития сельских территорий в части рекреационного природопользования позволяет охарактеризовать соответствующие стратегические приоритеты. Стратегические приоритеты устойчивого рекреационного природопользования включают обеспечение эффективного и комплексного (экономического, социального, экологического и инновационного) использование имеющегося туристического потенциала, обеспечения экологической безопасности рекреаци-

онной деятельности и совершенствования территориальной структуры сферы с целью развития оздоровительно-туристических территорий. Поэтому первоочередные задачи национальных и региональных программ, ориентированных на развитие рекреационного природопользования, заключаются в сохранении и восстановлении особо ценных природных территорий и объектов природно-лечебных ресурсов, объектов историко-культурного наследия; оптимизации сети учреждений, оказывающих услуги оздоровления и отдыха, в экологическом контроле за их деятельностью; развития сельского туризма и рекреационно-туристической деятельности на сельских территориях, внедрении международных принципов устойчивого развития оздоровительно-туристической сферы.

Стратегические приоритеты развития сельских территорий основываются на ресурсном обеспечении жизнедеятельности территориальных общин; формировании и развитии партнерских отношений между органами власти разных уровней и обществом; диверсификации сельской экономики; улучшения в социальном аспекте с учетом европейских стандартов жизнедеятельности; обеспечении экологической безопасности. Ресурсное обеспечение общин предусматривает передачу в их собственность государственных земель, водных объектов местного значения, земель водного фонда и бывших колхозных лесов; рекомендовано также отдать для рекреационного использования земли, изъятые из сельскохозяйственной обработки.

Стратегия устойчивого развития рекреационного природопользования на сельских территориях гарантирует органическое сочетание и интеграцию указанных приоритетов, а соответствующая система – применение целостного подхода к формированию и внедрению обоснованной политики на всех уровнях – национальном, региональном и территориальном. В соответствии этапы формирования программы развития сельской территории с уче-

том природно-рекреационной составляющей включают: определение цели, оценка состояния, проблем и ресурсного обеспечения, обоснование приоритетов, формирования соответствующей системы мероприятий, оценку необходимых ресурсов, определение ожидаемых результатов и показателей их достижения, анализ влияния на окружающую среду, согласование с общегосударственными, секторальными, местными стратегиями и программами, обсуждение программы, поиск общего языка с заинтересованными сторонами, принятие программы, реализация, мониторинг и контроль.

Значение рекреационного природопользования как сферы, способной гарантировать диверсификацию сельской экономики, растет с учетом распространения концепций многофункциональности сельского хозяйства, интегрального сельского и устойчивого развития. Особое практическое значение эти научные идеи приобретают в условиях децентрализации, усиления способности территориальных общин и расширения их доступа к природным ресурсам. Различия в обеспечении территорий природными рекреационными ресурсами и практике их использования, а также особенности социально-экономического состояния и производственной структуры территорий актуализируют целесообразность применения дифференцированного подхода к разработке программных документов местного и регионального значения.

STATE FORMS OF SOCIOLOGICAL SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE

Balakhnina A.G.

Tyumen State University

Agriculture today more than ever needs state support. The development of rural areas is fading, the prestige of agricultural labor is fading, and it is increasingly difficult to make a profit from working on the land. The state is aware of all these problems and seeks to create conditions for correcting the situation. Grants and subsidies for various purposes are allocated for

the development of agriculture. But in order to understand how the state really interacts with the enterprises of the sphere, we conducted a voluminous study to analyze how much state support reaches the enterprises of the industry. We interviewed the managers of various forms of management, large and small, and made certain conclusions. Most of the interviewees note that agriculture in the region is at a fairly high level compared to other regions, but the agricultural sector itself faces a huge number of problems and needs state support, both in the Tyumen region and in Russia as a whole.

Keywords: Regulation, agricultural sector, state support, structure, sociological research.

References

1. Barbič, A. (2014). Rural sociology in studying and encouraging the development of agriculture and rural areas in Slovenia [Ruralna sociologija v spoznavanju in spodbujanju razvoja kmetijstva in podeželja v Sloveniji]. *Acta Agriculturae Slovenica*, 103(2), 331–348. <https://doi.org/10.14720/aas.2014.103.2.18>
2. Box, L. (1981). Cultivation and adaptation: an essay in the sociology of agriculture. *Sociologia Ruralis*, 21(2), 160–182. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9523.1981.tb01086.x>
3. Buttel, F. H. (1993). The sociology of agricultural sustainability: some observations on the future of sustainable agriculture. *Agriculture, Ecosystems and Environment*, 46(1–4), 175–186. [https://doi.org/10.1016/0167-8809\(93\)90022-H](https://doi.org/10.1016/0167-8809(93)90022-H)
4. Carolan, M. (2016). The sociology of food and agriculture: Second edition. *The Sociology of Food and Agriculture: Second Edition*. <https://doi.org/10.4324/9781315670935>
5. Dunlap, R. E., & Martin, K. E. (1983). Bringing environment into the study of agriculture: observations and suggestions regarding the sociology of agriculture. *Rural Sociology*, 48(2), 201–218.
6. Fleury, P., Kirchengast, C., Mieville-Ott, V., Magnani, N., & Petit, S. (2006). Participative approaches and extension practices towards sustainable agriculture: A methodological approach based on sociology of translation. *Changing European Farming Systems for A Better Future: New Visions for Rural Areas*. <https://doi.org/10.3920/978-90-8686-572-7>
7. Hervieu, B., & Purseigle, F. (2008). Troubled pastures, troubled pictures: French agriculture and contemporary rural sociology. *Rural Sociology*, 73(4), 660–683. <https://doi.org/10.1526/003601108786471440>
8. Khuzhakhmetova, A., Lazarev, S., & Semenyutina, V. (2020). Ecological and biological assessment of climbing shrubs for landscaping residential areas. *World Ecology Journal*, 10(2), 88–109. <https://doi.org/10.25726/worldjournals.pro/WEJ.2020.2.5>
9. Newby, H. (1983). The sociology of agriculture: toward a new rural sociology. *Annual review of sociology*. Vol. 9. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.09.080183.000435>
10. Pechlaner, G. (2010). The sociology of agriculture in transition: The political economy of agriculture after biotechnology. *Canadian Journal of Sociology*, 35(2), 243–270. <https://doi.org/10.29173/cjs5114>
11. Semenyutina, A. V., Khuzhakhmetova, A. S., Lazarev, S. E., Semenyutina, V. A., & Saponova, D. V. (2019). Scientific basis for the formation of multifunctional cluster dendrological expositions of collections of the Federal Research Center for Agroecology of the Russian Academy of Sciences. *World Ecology Journal*, 9(2), 39–63. <https://doi.org/10.25726/worldjournals.pro/WEJ.2019.2.3>
12. Troughton, M. J. (1991). Ecological assessment of modern agriculture. Limits to rural land use. *Proc. international conference, Amsterdam, 1989*.

Факторы самоуправления в поведении современной молодежи

Березовская Ирина Петровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I
E-mail: ipberozovskaya@mail.ru

Кедич Светлана Игоревна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I
E-mail: kedichsi@inbox.ru

Трансформационные изменения, происходящие в современном обществе, на первое место выдвигают интеллектуальные ресурсы, оттесняя и снижая роль природных и иных ресурсов жизненного мира. Изменяются поведенческие стандарты и ценностные ориентации личности, которые выступают важнейшим инструментом самоуправления личности. В самоуправлении проявляется социальная активность личности и согласование внутренней работы конституирования с окружающими условиями общественной жизни. Система ценностей и способность к самоуправлению через мотивационную структуру формируют активность личности. В рамках этой темы было проведено исследование среди молодых людей в возрасте от 15 до 17 лет (110 человек), жителей гор. Санкт-Петербурга. Исследование построено на теоретической базе социальной философии и деятельности концепции личности с применением сравнительного анализа и методов психологического тестирования.

Ключевые слова: жизненный мир, самоуправление, ответственность, ценностные ориентации.

Появление нового информационного поля человеческого бытия изменило жизненный мир человека со всеми образами и символами, представлениями и переживаниями, совокупностью взаимосогласованных смыслов и значений, с помощью которых человек конструирует свою жизнь, осуществляет свою деятельность. Учитывая динамику всех трансформационных изменений, которые происходят в современном обществе, для решения тех или иных задач молодым людям часто недостаточно опыта старшего поколения, приходится искать новые способы решения. Логика современного жизненного пространства конституируется по законам не существовавших ранее: на первое место выдвигаются интеллектуальные ресурсы, оттесняя и снижая роль природных и иных ресурсов жизненного мира. Изменяются поведенческие стандарты и ценностные ориентации личности. Ценностные ориентации выступают важнейшим инструментом самоуправления личности.

В связи с этим возрастает значимость способности личности к самостоятельному решению проблем, поиска новых способов и подходов решения, что является составляющей способности самоуправления. В самоуправлении проявляется социальная активность личности и согласование внутренней работы конституирования с окружающими условиями общественной жизни.

Теоретическое изучение самоуправления как фактора социальной активности личности является одним из важнейших в философско-мировоззренческой проблематике. «Самоуправление обеспечивает формирование и функционирование личности, обуславливает процесс постановки и выработки цели, возможности и средства ее реализации» [1], основанием на котором формируется ответственность личности. Исследователем Н.М. Пейсаховым самоуправление определяется как «целенаправ-

ленное изменение, цель которого себе ставит человек, самостоятельно управляющий своими формами активности: общением, поведением, деятельностью и переживаниями» [2]. Направленность изменений обуславливает система ценностей, которые человек формирует в результате процесса социализации. Ценности выступают содержательным конструктом, устанавливающим отношение личности к социальной действительности, определяя тем самым мотивацию его поведения.

Система ценностей и способность к самоуправлению через мотивационную структуру формируют активность личности. Имеет смысл обратить внимание на наличие или отсутствие связи ценностях ориентаций со способностью личности к самоуправлению.

В рамках этой проблематики было проведено исследование среди молодых людей в возрасте от 15 до 17 лет (110 человек), жителей гор. Санкт-Петербурга. В возрасте 15–17 лет формируется личностное новообразование, обозначаемое в психологической литературе термином «самоопределение», когда происходит активное становление системы ценностей и способность к самоуправлению конкретизируется через осознание себя и своей общественно значимой позиции.

Проблема личностного самоуправления предстает как важное условие формирования ответственности в философских размышлениях экзистенциалистов (К. Ясперса [3], Ж.-П. Сартра[4], Г. Марселя[5], А. Камю[6], В. Франкла [7]), как условие реализации в творчестве русских мыслителей (И.А. Ильина[8], С.Л. Франка[9], Н. Бердяева[10] и др.). Этой же проблеме было немало уделено внимание в психологии в рамках личностного подхода К.А. Абульхановой-Славской[11], Ю.А. Миславский [12] и др. Исследования операционных компонентов самоуправления представлены в работах О.А. Конопкина [13], В.И. Моросановой[14], А.К. Осницкого[15] и других. Что касается теоретико-методологических принципов раскрытия проблемы ценно-

стей, то они были заложены уже в работах Аристотеля, Ф. Аквинского, Ф. Брендано, В. Виндельбанда, Н. Гартмана и др. Понятие ценности и ценностной ориентации становилось в центр многочисленных исследований таких российских ученых, как М.С. Каган, И.С. Кон, В.П. Тугаринов и др. В социологии имена М. Вебера[16] и Т. Парсонса[17] стоит выделить в связи с развитием аксиологического подхода. В психологии ценностные ориентации подверглись тщательному анализу в работах М. Роккича [18], его исследования были взяты за основание для опросника терминальных ценностей Сениным И.Г. [19].

Исследование иерархии в системе ценностей личности осуществлялось при помощи опросника «Терминальных ценностей (ОТЦ)» И.Г. Сенина, выявляются показатели восьми терминальных ценностей (жизненных целей): «собственный престиж, высокое материальное положение, креативность, активные социальные контакты, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение, сохранение собственной индивидуальности) и представленность их в различных сферах жизни (профессиональная деятельность, обучение и образование, семейная жизнь, общественная жизнь, увлечения)» [19]. Итогом тестирования является индивидуальный профиль терминальных ценностей в каждой жизненной сфер.

Для определения способности к самоуправлению применялась методика Пейсахова Н.М. «Способность к самоуправлению». Методика «Способность к самоуправлению» (тест ССУ) Н.М. Пейсахова содержит 48 утверждений, с которыми опрашиваемый может согласиться или не согласиться. Результаты делятся на пять градаций. Если результаты анкетирования оказываются в зоне низких оценок (от 0 до 11/13) и оценок ниже среднего (от 11/13 до 21/22), то можно сделать вывод о несформированной целостной системы самоуправления; если результаты в средней зоне, то можно говорить о том, что процесс формирования целостной системы начался, если резуль-

таты от 31/32 до 40/41 – система самоуправления уже имеется, в случае, если результаты выше 40/41, то можно говорить об излишней расчётливости человека, показавшего такие результаты.

Для корреляционного анализа использовался пакет прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP и пакет статистического анализа SPSS.

Исследование уровня самоуправления у молодых людей в возрасте 15–17 лет показало, что основному количеству молодых людей (71,5%) присущ уровень самоуправления ниже среднего (рис. 1).

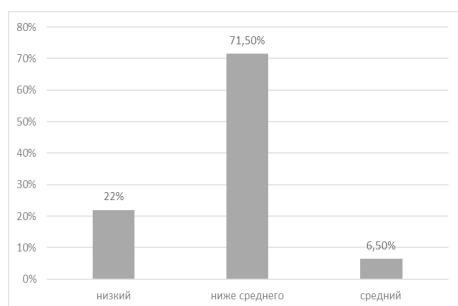

Рис. 1. Уровень самоуправления у молодых людей (15–17 лет)

Для человека с показателем самоуправления ниже среднего не все этапы форсирования системы самоуправления пройдены. К таким этапам относятся формирование субъективной модели ситуации, умение прогнозировать результаты активности/неактивности, создание субъективной модели желаемого или должного, умение планировать, переходить от плана к действию, формировать самооценку и умение осуществлять контроль выполнения плана. Люди с низким уровнем самоуправления прежде чем принять окончательное решение редко взвешивают все «за» и «против». Требование срочно принять решение вызывает угнетенное состояние, последствия принимаемых ими решений учитываются далеко не в полной мере. Из общего числа опрошенных 22% имеют низкий уровень самоуправления. В этом случае можно утверждать

о том, что полноценный цикл самоуправления еще не начинался, что мысли о будущем еще достаточно редки, а в связи с этим и планов на будущее еще нет, как и представлений о том, что будет лучше, а что негативно отразится на принятии решений.

И только у 6,5% опрошенных – средний показатель самоуправления. Процесс формирования целостной системы начался, однако не все этапы пройдены до конца, но эти люди уже склонны оценивать объективно особенности своей деятельности и находить необходимые решения для осуществления поставленных целей.

Наблюдается различие в показателях по самоуправлению между девушками и юношами (рис. 2). Уровень самоуправления у девушек выше, нежели у юношей. В этом отличии сказывается гендерная неравномерность развития.

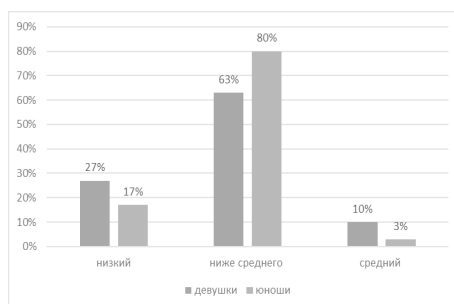

Рис. 2. Различия в показателях по самоуправлению между девушками и юношами

Результаты исследования ценностных ориентаций представлены в таблице 1 с указанием отличий юношей и девушек.

Наиболее существенные отличия прослеживаются по следующим параметрам.

В профессиональной сфере юношам важен собственный престиж (стремление добиваться успеха и утвердиться в глазах окружающих), высокое материальное положение (стремление к возможно более высокому уровню материальных благ) и креативность (стремление к реализации творческих возможностей), девушки же в основном ориентированы на собственный престиж.

Таблица 1. Сравнение показателей юношей и девушек по предпочитаемым ценностям в разных сферах жизни

Терминальные ценности	Девушки	Юноши			Девушки	Юноши		
	относит. частота	относит. частота	критерий	значимость	относит. частота	относит. частота	критерий	значимость
	ставят на 1-3 место				ставят на 6-8 место			
Профессиональная сфера								
Собственный престиж	15%	48%	-2,304	0,05	50%	23%	1,805	0,05
Высок. матер. полож.	25%	35%	-0,696		10%	35%	-2,056	0,05
Креативность	30%	38%	-0,497		45%	13%	2,404	0,01
Активные социальн. контакты	30%	25%	0,36		45%	33%	0,788	
Развитие себя	25%	23%	0,192		50%	35%	0,917	
Достижения	35%	60%	-1,491		10%	8%	0,31	
Духовное удовлетворение	55%	48%	0,435		45%	15%	2,156	0,05
Сохран.собств.инд-ти	60%	50%	0,574		45%	10%	2,678	0,01
Сфера обучения								
Собственный престиж	25%	45%	-1,318		45%	5%	3,356	0,01
Высок. матер. полож.	30%	60%	-1,827	0,05	20%	10%	0,966	
Креативность	45%	25%	1,318		50%	35%	0,917	
Активные социальн. контакты	75%	48%	1,587		35%	15%	1,533	
Развитие себя	40%	50%	-0,6		45%	3%	3,835	0,01
Достижения	25%	43%	-1,168		50%	18%	2,221	0,05
Духовное удовлетворение	50%	33%	1,083		35%	33%	0,165	
Сохран.собств.инд-ти	60%	30%	1,827	0,05	45%	28%	1,135	
Сфера семейной жизни								
Собственный престиж	65%	40%	1,458		40%	15%	1,851	0,05
Высок. матер. полож.	40%	35%	0,318		40%	25%	1,014	
Креативность	25%	40%	-1,014		45%	15%	2,156	0,05
Активные социальн. контакты	35%	45%	-0,622		20%	23%	-0,202	
Развитие себя	40%	45%	-0,305		40%	10%	2,373	0,01
Достижения	55%	35%	1,206		55%	33%	1,371	
Духовное удовлетворение	65%	40%	1,458		40%	15%	1,851	0,05
Сохран.собств.инд-ти	25%	40%	-1,014		45%	15%	2,156	0,05
Общественная сфера								
Собственный престиж	25%	35%	-0,696		10%	5%	0,678	
Высок. матер. полож.	55%	20%	2,296	0,05	45%	28%	1,135	
Креативность	30%	48%	-1,107		65%	10%	3,832	0,01
Активные социальн. контакты	25%	35%	-0,696		10%	5%	0,678	

Терминальные ценности	Девушки	Юноши			Девушки	Юноши		
	относит. частота	относит. частота	критерий	значимость	относит. частота	относит. частота	критерий	значимость
	ставят на 1-3 место				ставят на 6-8 место			
Развитие себя	25%	23%	0,192		10%	38%	-2,216	0,05
Достижения	50%	28%	1,43		65%	38%	1,615	
Духовное удовлетворение	60%	48%	0,72		45%	8%	2,988	0,01
Сохран.собств.инд-ти	35%	45%	-0,622		50%	18%	2,221	0,05
Сфера увлечений								
Собственный престиж	25%	38%	-0,857		40%	5%	3,051	0,01
Высок. матер. полож.	45%	25%	1,318		55%	35%	1,206	
Креативность	60%	48%	0,72		25%	28%	-0,184	
Активные социальн.контакты	25%	38%	-0,857		40%	5%	3,051	0,01
Развитие себя	50%	35%	0,917		35%	23%	0,888	
Достижения	25%	43%	-1,168		40%	28%	0,83	
Духовное удовлетворение	40%	35%	0,318		55%	28%	1,718	0,05
Сохран.собств.инд-ти	25%	38%	-0,857		40%	5%	3,051	0,01

В сфере обучения высокое материальное положение (ориентация на образование, которое гарантирует получение материальных благ) и сохранение индивидуальности (стремление к независимости и утверждению собственной своеобразности) выделяют девушки, юноши же ориентируются на собственный престиж, развитие себя и достижения (стремление к достижению конкретных и ощутимых результатов).

В сфере семейной жизни юноши в качестве значимых выделили такие ценности, как престиж, креативность, развитие себя (стремление изменять к лучшему различные особенности своего характера, своей личности), сохранение собственной индивидуальности и духовное удовлетворение (стремление к получению морального удовлетворения).

В общественной сфере девушкам важно высокое материальное положение. Юношам же важны креативность, развитие себя, духовное удовлетворение и сохранение собственной индивидуальности.

В сфере увлечения юношам важны престиж, духовное удовлетворение, сохранение собственной индивидуаль-

ности и активные социальные контакты (стремлении человека к установлению благоприятных взаимоотношений с другими людьми).

Результаты корреляционного анализа способности к самоуправлению и ценностным ориентациями у юношей представлены в таблице 2, для девушек корреляционные связи не были обнаружены.

В профессиональной сфере способность к самоуправлению связана с ценностью развития себя. Чем более развита система самоуправления, тем более активно молодые люди стремятся к саморазвитию, и соответственно те, кто выбирает для себя значимой необходимость саморазвития нацелены на развитие у себя способности к самоуправлению.

Существует взаимообусловленность способности к самоуправлению и креативности, а также способности к самоуправлению и стремления к активным социальным контактам в сфере обучения. Чем выше способность к самоуправлению, тем выше ценность креативности для молодых людей и ценность социальных контактов.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа

	Профессиональная сфера		Сфера обучения		Общественная сфера	
	коэффициент корреляции	уровень значимости	коэффициент корреляции	уровень значимости	коэффициент корреляции	уровень значимости
Высокое материальное положение					0.307	0.05
Креативность			0.307	0.05		
Активные социальные контакты			-0.326	0.05		
Развитие себя	0.308	0.05				

В сфере увлечений показатель самоуправления связан с ценностью материального положения, что может свидетельствовать о том, что стоимость того или иного увлечения пробуждает стремление более ответственно им заниматься.

Литература

- Ефремова А.А. Самоуправление как фактор социальной активности молодежи в философско-мировоззренческой проблематике//Приоритетные научные направления и критические технологии. Новосибирск. Изд-во: общество с ограниченной ответственностью «центр развития научного сотрудничества». 2018.
- Пейсахов Н.М. Система понятий теории психического самоуправления //Теоретические и прикладные исследования психической саморегуляции: тез. докл. науч. конф. Казань, 1982. С. 5–8
- Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии / Пер. С. Апта. – М.: Прогресс, 1999.
- Сартр Ж.-П. Только правда. М.: Искусство, 1956
- Марсель Г. Ответственность философа в современном мире // Путь в философию. Антология. – М., 2001. – С. 254–267.
- Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер. с франц. – М.: Политиздат, 1990. – 416 с.
- Франкл В. Воля к смыслу. Пер. с англ. – М.: Апрель-пресс-Эксмо-пресс, 2000.
- Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин – Ремизов – Шмелёв. – Мюнхен, 1959. – 203 с.
- Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда1990.
- Бердяев Н. Самопознание. М.: АСТ, 2017.
- Абульханова Славская К.А. Психология и сознание личности / К.А. Абульханова- Славская – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 200 с.
- Миславский Ю.А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте / Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР – М.: Педагогика, 1991. – 152 с
- Конопкин О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития / О.А. Конопкин // Вопросы психологии № 2, 2004. – С. 36–46.
- Моросанова В.И., Сагиев Р.Р. Диагностика индивидуально-стилевых особенностей саморегуляции в учебной деятельности студентов // Вопр. психологии. 1994. № 5. С. 134–140.
- Осницкий, А.К. Психология самостоятельности = методы исследования и диагностики / А.К. Осницкий. – Москва-Нальчик: Психологический институт РАО; Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 124 с.

16. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избр. произведения: Пер. с нем. М., 1990.
17. Парсон Г. Человек в современном мире: Пер. с англ. М., 1985.
18. Milton Rokeach (1973). *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press.
19. Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей. НПЦ. «Психодиагностика» Фонд гражданских инициатив «Содействие», Ярославль, 1991, 19 с.

SELF-MANAGEMENT FACTORS IN THE BEHAVIOR OF MODERN YOUTH

Berezovskaya I.P., Kedich S.I.

Petersburg State Transport University Emperor Alexander I

The transformational changes taking place in modern society put intellectual resources in the first place, pushing back and reducing the role of natural and other resources of the life world. The standards of conduct and value orientations of the individual are changing, which are the most important instrument of personal self-government. In self-government, the social activity of the individual is manifested and the coordination of the internal work of constitution with the surrounding conditions of social life. The system of values and the ability to self-govern through the motivational structure forms the activity of the individual. Within the framework of this topic, a study was conducted among young people aged 15 to 17 years (110 people), residents of the mountains. St. Petersburg. The research is based on the theoretical basis of social philosophy and the activity concept of personality, using comparative analysis and methods of psychological testing.

Keywords: life- world, self-government, responsibility, value orientations.

References

1. Efremova A.A. Self-government as a factor in the social activity of young people in the philosophical and worldview problems // Priority scientific directions and critical technologies. Novosibirsk. Publishing house: limited liability company «center for development of scientific cooperation». 2018.
2. Peisakhov N.M. The system of concepts of the theory of mental self-government // Theoretical and applied research of mental

- self-regulation: abstracts. report scientific. conf. Kazan, 1982, pp. 5–8
3. Jaspers K. The question of guilt. On the political responsibility of Germany / Per. S. Apta. – M.: Progress, 1999.
4. Sartre J.-P. Only truth. Moscow: Art, 1956
5. Marcel G. Responsibility of a philosopher in the modern world // Path to Philosophy. Anthology. – M., 2001. – S. 254–267.
6. Camus A. *Rebellious man*. Philosophy. Politics. Art / Per. with French – M.: Politizdat, 1990. – 416 p.
7. Frankl V. *The Will to Meaning*. Per. from English – M.: April-press-Eksmo-press, 2000.
8. Ilyin I.A. About darkness and enlightenment. The book of art criticism: Bu-ning – Remizov – Shmelev. – Munich, 1959. – 203 p.
9. Frank S.L. *Compositions*. Moscow: Pravda 1990.
10. Berdyayev N. *Self-knowledge*. M.: AST, 2017.
11. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Psychology and consciousness of personality / K.A. Abulkhanova-Slavskaya – M.: Publishing house of Moscow State University, 1999. – 200 p.
12. Mislavsky Yu.A. Self-regulation and personality activity in adolescence / Scientific research. in-t of general and educational psychology Acad. ped. Sciences of the USSR – M.: Pedagogika, 1991. – 152 p.
13. Konopkin O.A. General ability to self-regulation as a factor of subjective development / O.A. Konopkin // Questions of psychology № 2, 2004.-P. 36–46.
14. Morosanova V.I., Sagiev P.P. Diagnostics of individual-style peculiarities of self-regulation in the educational activity of students // Vopr. psychology. 1994. No. 5. S. 134–140.
15. Osnitsky, A.K. Psychology of independence = methods of research and diagnostics / A.K. Osnitsky. – Moscow-Nalchik: Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Nalchik: El-Fa, 1996. – 124 p.
16. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism / Weber M. Fav. works: Per. with him. M., 1990.
17. Parson G. *Man in the modern world*: Per. from English M., 1985.
18. Rokich, M. (1973), "The nature of human values", Svobodnaya pressa [Free Press], no. 5, pp. 20–28.
19. Senin I.G. Terminal values questionnaire. SPC. "Psychodiagnostics" Foundation for Civil Initiatives "Assistance", Yaroslavl, 1991, 19 p.

Становление систем управления социальной сферой в современной России

Мальшев Максим Алексеевич,

кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии управления факультета
государственного управления МГУ имени
М.В. Ломоносова
E-mail: Malishev@spa.msu.ru

Настоящая работа подготовлена с целью выработки направлений совершенствования социальной политики российского государства.

В данной статье, принципиально важной, на наш взгляд, является анализ условий воспроизводства рабочей силы. На основе всестороннего анализа экономической базы социальной сферы в этой работе сделан вывод о том, что нарушение условий воспроизводства рабочей силы в настоящее время является главной угрозой социально-экономического развития страны в долгосрочном плане. Законодательное обеспечение условий развития социальной сферы должно опираться на прочную ресурсную базу и устранять причины возникновения негативных тенденций.

В статье представлены результаты исследования условий формирования российского социального законодательства при переходе на трехуровневую систему управления социальной сферы.

Ключевые слова: государство, социальная политика, социальная сфера, ресурсы, управление, воспроизводство, система, оплата труда, рынок.

Формирование правового поля социальной сферы Российской Федерации происходило в особых условиях. В стартовый период перехода к рыночной экономике приоритетным направлением в замене законодательства плановой экономики было изменение отношений в экономической сфере, несмотря на то, что социальная и экономические сферы являются неразделимыми элементами общественных отношений в государстве. Старая законодательная база регулирования отношений в социальной сфере корректировалась лишь в той части, которая вступала в открытое противоречие с принципами отношений в рыночной среде. При этом в экономической сфере законодательство ориентировалось на наиболее либеральные нормы, к которым развитые страны смогли подойти только в результате длительного процесса эволюции рыночных отношений. По этой причине рыночные принципы регулирования отношений в экономической сфере оказались не увязанными с условиями функционирования и регулирования отношений в социальной сфере.

Как следует из установленных принципов реформирования социальной сферы, правительственные ведомства учитывали низкую платежеспособность населения, но посчитали возможным преодолеть это препятствие путем имитации рыночных отношений, предусматривая переход от сметного финансирования на выделение бюджетных средства в размерах подушевых нормативов на образование, оказание медицинской помощи и т.д. При этом перечень услуг, предоставляемых за счет государственного заказа, т.е. бесплатно, сокращается. Имитационная модель рынка в социальной сфере (полный хозрасчет организаций, оказывающих услуги социального характера) может быть успешной в том случае, если совокупный объем средств, поступаю-

щих от населения и из бюджетной системы, возмещает реальные потребности отраслей социальной сферы в финансировании.

Создается впечатление, что подобным экономическим обоснованием авторы реформы не были озадачены. Рассмотрим этот вопрос на примере рынка жилья, так как рыночные принципы в Жилищном кодексе, реализованы в самой жесткой форме. Поскольку сбережения населения на приобретение жилья использованы по максимуму и при существующих объемах ввода, то требуются другие источники. На ипотеку для решения столь масштабной задачи при сложившихся условиях предоставления кредитов рассчитывать нельзя, так как мала доля населения, способного получить такие кредиты. К тому же потребность в «длинных» деньгах для кредитования этого направления, а также для технического перевооружения предприятий реального сектора, существенно превышает ресурсы банковской системы.

Все это говорит о том, что провозгласить реформы и даже принять соответствующие законы недостаточно для реального достижения поставленных целей. Необходимо кропотливая работа по устранению причин, препятствовавших расширению зоны рыночных отношений в отраслях социальной сферы. Рынок жилья сложился до принятия рыночного Жилищного кодекса, также как платные услуги в медицине и в образовании не ждали 122-го закона. Таким образом, не отсутствие соответствующих законов было причиной медленного развития рынка, а, следовательно, их принятие не сдвинуло проблему с мертвой точки. Задачу расширения рыночного сектора в отраслях социальной сферы не решить, не устранив главного препятствия – низких денежных доходов основной массы населения и, прежде всего, заработной платы и пенсий.

На этом вопросе следует остановиться подробнее. Экономические ведомства под разными предлогами (угроза роста инфляции, нарушение соответствия темпов роста зарплаты и произ-

водительности труда, снижение конкурентоспособности отечественных товаров и т.д.) уходят от задачи доведения уровня заработной платы до условий нормальной жизни человека в условиях рынка. Как известно, в первоначальном проекте 122-го закона было предложено отказаться от законодательного регулирования минимальной заработной платы, несмотря на то, что это противоречило Конституции РФ. Законодательство определяет критерий бедности, которым выступает соответствие доходов прожиточному минимуму, но не содержит количественной оценки доходов самодостаточного человека. Отнесение Минэкономразвития к среднему классу людей с доходами в 6 прожиточных минимумов, десять лет назад, а сейчас в 1,5 раза выше минимального размера оплаты труда, основано на условных экспертных оценках и, как отмечено выше, представляется заниженным [1, 2].

Растягивание решения вопроса о доведении МРОТ до прожиточного минимума на неопределенный период не только не оправдано, но и является препятствием для экономического роста, ограничивая увеличение емкости внутреннего рынка. Нельзя отрицать, что повышение МРОТ приведет к определенным трудностям в сбалансированности бюджетов органов местного самоуправления, поскольку МРОТ является основой тарифной системы работников бюджетной сферы. Однако это обстоятельство не оправдывает сохранения искусственно облегченных требований по оплате труда для коммерческого сектора. Дешевизна рабочей силы является ложным ориентиром для бизнеса в оценке эффективности деятельности и уровня конкурентоспособности продукции.

Совмещение решения, безусловно, взаимосвязанных задач требовало детальной проработки условий решения каждой из них и экспертизы социально-экономических последствий осуществляемых изменений социального законодательства. Как отмечено выше, необходимые экономические предпосылки для перевода работы организа-

ций, оказывающих услуги социально-го характера, не были созданы. В связи с этим трудности в осуществлении реформы отраслей социальной сферы были бы серьезными и при централизованной бюджетной системе. Определенная автономность каждого уровня бюджетной системы при явном несоответствии доходных источников бюджетов органов местного самоуправления их расходным обязательствам по переданным в их ведение обязательствам социального характера сделала эти трудности труднопреодолимыми. Ошибочность в очередности решения проблем (сначала экономический рост, а уже на этой основе повышение уровня жизни населения), свидетельствует об отсутствии системного подхода к выработке экономической стратегии. Факторы, определяющие возникновение и развитие неблагоприятных тенденций, рассматриваются изолированно друг от друга без учета их взаимозависимости. Авторы идеи снижения налоговой нагрузки руководствовались благими намерениями, но выбрав в качестве объекта единый социальный налог они породили еще более сложные проблемы, ЕСН фактически вернулся в 2017 году [3]. Однако, вместо очевидного и единственно верного варианта решения – отложить реформы в социальной сфере до детальной проработки последствий, продолжается продавливание ошибочных решений.

Анализ состояния социального законодательства в связи с разграничением предметов ведения по уровням государственного управления выявил серьезные проблемы и многочисленные нерешенные вопросы. Нормы утвержденного Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов», «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполни-

тельных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» еще больше обнажили недостатки действующего в тот момент социального законодательства. Избирательный (только с учетом указанного закона) подход к устранению недостатков в отдельных областях социального права лишь усилил фрагментарный характер социального законодательства, не гарантируя освобождение его от внутренних противоречий и увязки со смежными областями права. Анализ убеждает в необходимости комплексного подхода к формированию социального законодательства, обеспечивающий соблюдение конституционных гарантий и прав граждан в условиях трехуровневой системы органов управления.

Конституцией РФ предусмотрено предоставление гражданам важнейших гарантий и прав социального характера – на труд и его оплату (ст. 7 и ст. 37), на отдых (ст. 37), на жилище (ст. 40), образование (ст. 9 и ст. 43), на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), на социальное обеспечение (ст. 39 и ст. 49) и других.

Условия реализации конституционных гарантий и прав граждан устанавливаются в федеральных законах. Законы принимались и изменялись с учетом возможности функционирования социальной сферы, унаследованной от прежнего режима, в формирующейся рыночной экономике. На начальном этапе реформ в условиях постоянного бюджетного дефицита правительство пыталось увеличить доходную часть бюджета за счет внешних и внутренних заимствований и сокращало расходы на социальные нужды. В связи с этим законодательство в социальной сфере носит на себе отпечаток незавершенности, характерной для переходного периода. Правовые нормы социальной направленности разбросаны во многих законах и являются, как правило, вторичными по отношению к конкретному объекту регулирования.

Все это является следствием огромных потерь, понесенных экономикой в стартовый период реформ, из-за которых быстрый переход отраслей социальной сферы на рыночные условия оказался невозможным. Болезненный процесс адаптации отраслей социальной сферы к новой хозяйственной системе продолжается уже третий десяток лет и может растянуться на годы из-за отсутствия четко обозначенных целей реформ и системного подхода к условиям их проведения.

Следует подробнее остановиться на объективных причинах упомянутой незавершенности правового поля в области социальных отношений. Рыночные преобразования в России начались в экстремальных условиях (распад СССР, разрушение единого экономического пространства). Главной целью стартового периода реформ стало быстрое преодоление острейшего экономического кризиса за счет форсированного создания институциональных основ рыночной экономики. Разрушение институтов плановой экономики не предполагалось распространять на социальную сферу. Отсутствие плана проведения реформ и избранные методы шоковой терапии привели к углублению кризиса и расширению его действия на все стороны жизни государства и общества. Действия власти в режиме оперативной реакции на вновь возникающие угрозы имели определенный перекося в пользу условий формирования капитала, в жертву которым были принесены условия жизни населения и социальная сфера в целом. Старые социальные гарантии стали номинальными, новые — исходили только из необходимости обеспечить выживание населения.

В течение первого года с начала реформ произошло:

- резкое снижение реальной заработной платы и пенсий, обесценение сбережений населения;
- массовое сокращение рабочих мест, которое лишь частично компенсировалось возникновением новых видов занятости, таких, например, как мелочная и челночная торговля,

и привело к возникновению безработицы, как массового явления;

- снижение норм потребления продовольственных и непродовольственных товаров, которое у значительной части населения носило критический характер.

Наряду с явлениями, носившими одномоментный характер, стали развиваться долговременные деструктивные тенденции. Важнейшими из них в социальной сфере являются: снижение рождаемости и рост смертности; снижение здоровья населения и рост заболеваемости, в том числе туберкулезом и другими социально опасными болезнями; возникновению массовой беспризорности детей, рост преступности.

Снижение всех социально-экономических показателей продолжалось до конца 90-х годов. Хронический дефицит бюджета привел к резкому росту внешних и внутренних заимствований, к практическому прекращению финансирования систем жизнеобеспечения, здравоохранения, образования.

Частично вследствие снижения рождаемости, но в основном по причине финансового характера, было утрачено значительное число мест в детских дошкольных учреждениях, закрыта или перепрофилирована большая часть лагерей для летнего отдыха детей. Из-за коммерциализации снизилась доступность учреждений культуры, а также организованных занятий физической культурой и спортом.

Это короткое введение в курс дела призвано объяснить размер МРОТ, который в период своего появления и в настоящее время не может выступать в качестве государственной гарантии оплаты труда. В таких же условиях граница бедности (прожиточный минимум) стала критерием оценки уровня заработной платы. Многие социальные нормы, перешедшие из старого законодательства и многие новые льготы, призванные ослабить пресс на малообеспеченных граждан, оставались на бумаге, так как государство в условиях кризиса не имело средств для их выполнения.

Практика игнорирования требований законодательства в социальной сфере, ставшая нормой в кризисный период, сохранялась и в условиях восстановительного периода и начала обладать в условиях текущего тяжело-экономического кризиса. Пассивное отношение населения к резкому снижению уровня жизни отождествляется с приемлемостью сложившегося уровня жизни для условий экономического роста. Последствия непомерной нагрузки на жизненный уровень не анализируются и объективно не оцениваются. Однако они содержат в себе основу новых кризисных тенденций, опасность которых недооценивается.

Политика в области заработной платы не обеспечивает условия воспроизводства рабочей силы. МРОТ и прожиточный минимум, унаследованные законодательством от периода максимального обострения кризиса, не могут выступать критериями достаточности заработной платы. Таким критерием должен стать воспроизводственный минимум.

Под воспроизводственным минимумом следует понимать уровень заработной платы, обеспечивающий возможность приобретения товаров и услуг в необходимых объемах и качестве, расходы на приобретение и содержание жилья, на общее и профессиональное образование, на медицинские услуги и лекарства, на культурное развитие и т.п. Оплата труда не только должна обеспечивать непосредственно наемного работника, но и детей, находящихся на его иждивении.

Последствия нарушения условий воспроизводства рабочей силы представляются крайне серьезными и имеющими долговременный характер.

Прежде всего, необходимо отметить падение рождаемости после 1990 г. [4]. Количественная оценка последствий вступления в «демографическую яму» существенно различается. В соответствии с единым планом правительства по достижению национальных целей развития России на период до 2024 года и на плановый период до 2030 го-

да, общая численность населения России по итогам 2020 года, сократится на 158 тыс. человек – это максимум за 14 лет [5].

Следует отметить обостряющийся буквально с каждым днем дефицит рабочей силы высокой квалификации. Уже сейчас в целом по России доля рабочих высшей квалификации оценивается, по данным ряда исследований, в 5%, тогда как в США эта доля составляет 43%, в Германии – 52%.

Недальновидность реализуемой политики в области оплаты труда хорошо просматривается в свете того, что факторы, обеспечивавшие высокие темпы экономического роста в нулевые годы, в значительной степени исчерпаны. Вряд ли можно рассчитывать на дальнейший рост экспортных цен на нефть и другое сырье, а увеличение физических объемов экспорта не обеспечено разведанными запасами. В связи с этим выход из тяжелого экономического кризиса требует существенного повышения производительности труда и увеличения емкости внутреннего рынка. И то и другое осложняется низким уровнем заработной платы в прошлые годы и ее несоответствием требованиям экономических законов в настоящее время.

Повышение производительности труда для обеспечения необходимых темпов экономического роста и компенсации сокращения численности занятых потребует огромных инвестиций в техническое перевооружение производства. При этом предстоящие затраты на компенсацию выбытия рабочей силы будут в разы выше тех издержек, которые необходимо было направить в свое время на повышение заработной платы, чтобы избежать дальнейшего спада рождаемости. Следует подчеркнуть, что и нынешний уровень заработной платы в 3 раза ниже воспроизводственного минимума, продолжает сказываться на уровне рождаемости и здоровье будущих поколений. Демографические осложнения, заложенные ошибочной социальной политикой стартового периода реформ, транслируются на всю

видимую перспективу. Нельзя игнорировать тот факт, что даже при немедленном принятии исчерпывающих мер по повышению рождаемости отдача от них наступит не ранее чем через 16–18 лет.

В настоящее время легальная оплата труда, а она определяет денежные доходы примерно 120 млн человек (наемные работники, их дети, пенсионеры, получающие трудовую пенсию), занимает в ВВП лишь 28–29%.

Трудно возразить против того, что уровень доходов в любой стране определяется уровнем производства ВВП и его распределением на потребление и накопление. В конкретных условиях экономического реформирования России из-за резкого снижения платежеспособного спроса внутри страны объем производства ВВП в 90-х годах снизился до уровня 55,9% от уровня 1990 г., а его рост в нулевые годы был связан с внешним спросом.

Нельзя не отметить недопустимо низкий, относительно любого критерия, уровень заработной платы в бюджетной сфере. Придуманное для занятых в этой сфере определение – «экономически бедные» противоречит здравому смыслу и экономическим требованиям. Человек, который имеет работу и к тому же в большинстве является дипломированным специалистом, не может быть бедным по определению. Страсти вокруг размера повышения заработной платы бюджетникам в нулевые и десятые годы, перемещение ответственности за уровень заработной платы в бюджетной сфере на региональные и муниципальные уровни, не имеющие устойчивой доходной базы, ничем не оправданы, так как и предложения правительства и альтернативные варианты не решают проблемы.

Это при том, что в бюджетной сфере реальная заработная плата почти не растет, так как размеры ее индексации равны инфляции. Наиболее квалифицированные кадры устремляются в коммерческие учреждения. Если учесть также в рамках реформы обра-

зования и здравоохранения закрытие малоформатных школ и фельдшерских пунктов в сельской местности и удаленных рабочих поселках, то кадровый потенциал села и малоосвоенных территорий окончательно подорван. Молодежь не сможет жить там, где нельзя родить ребенка и дать ему образование.

Недалековидность торможения роста заработной платы в бюджетном секторе и в отраслях реального сектора, ориентированного на внутренний рынок, хорошо видна на структуре выпускников высшей школы. Выдвигаются разные предложения по сокращению выпуска финансистов и юристов и наращиванию подготовки инженерных кадров. Однако эти меры обречены на неудачу, так как рядовой клерк в банковском секторе или юридической конторе получает в несколько раз больше инженера на производстве. Молодой человек не будет платить за обучение специальностям, которые в последующем сделают его экономически бедным.

Таким образом, уровень оплаты труда, нарушающий условия воспроизводства рабочей силы, бьет по экономике обострением демографической ситуации, снижением уровня квалификации кадров и спросовыми ограничениями экономического роста.

Литература

1. Минэкономразвития подсчитало, как вырастет средний класс в России через десять лет. <https://www.gazeta.ru/financial/2011/09/07/3759257.shtml> (дата обращения: 21.10.2020).
2. Путин: доля среднего класса в России превысила 70%, его нужно укреплять. <https://tass.ru/ekonomika/8011405> (дата обращения: 21.10.2020).
3. Подписан закон, предусматривающий передачу ФНС России полномочий по администрированию страховых взносов. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/52339> (дата обращения: 29.10.2020).

4. Витрина статистических данных. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/> (дата обращения: 02.11.2020).
5. Власти спрогнозировали максимальное сокращение населения России за 14 лет. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/09/2020/5f4cca209a794742cc5d7b74> (дата обращения: 02.11.2020).

FORMATION OF SOCIAL MANAGEMENT SYSTEMS IN MODERN RUSSIA

Malyshev M.A.

Lomonosov Moscow State University

This work has been prepared with the aim of developing directions for improving the social policy of the Russian state.

In this article, fundamentally important, in our opinion, is the analysis of the conditions for the reproduction of labor. On the basis of a comprehensive analysis of the economic base of the social sphere, this work concluded that violation of the conditions for the reproduction of the labor force is currently the main threat to the country's socio-economic development in the long term. Legislative support for the conditions for the development of the social sphere should be based

on a solid resource base and eliminate the causes of negative trends.

The article presents the results of a study of the conditions for the formation of Russian social legislation during the transition to a three-level management system in the social sphere.

Keywords: state, social policy, social sphere, resources, management, reproduction, system, wages, market.

References

1. The Ministry of Economic Development has calculated how the middle class in Russia will grow in ten years. URL: <https://www.gazeta.ru/financial/2011/09/07/3759257.shtml>
2. Putin: the share of the middle class in Russia has exceeded 70%, it needs to be strengthened. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8011405>
3. A law was signed providing for the transfer of powers to the Federal Tax Service of Russia to administer insurance premiums. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/52339>
4. Statistics showcase. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/>
5. The authorities predicted the maximum decline in the population of Russia in 14 years. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/09/2020/5f4cca209a794742cc5d7b74>

Трансформации повседневности в реалиях COVID-19

Равочкин Никита Николаевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия; доцент кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: nickravochkin@mail.ru

В статье анализируются трансформации повседневности, обусловленные сдвигами в макропроцессах, которые произошли под влиянием пандемии нового коронавируса COVID-19. Фиксируются изменения в таких составляющих элементах повседневности, как образование, предпринимательство, политика, право и духовная сфера. Рассматриваются основные тренды, связанные с разнонаправленными процессами, способствующими с одной стороны повышению транспарентности мира, с другой – созданию новой искусственной социальности. Автор отмечает необратимый характер произошедших трансформаций, буквально разделивших повседневность на «до» и «после» пандемии. Комплексный анализ макропроцессов позволяет определить статью как предварительное введение к изучению культуры повседневности и различных практик.

Ключевые слова: повседневность, мир, общество, пандемия, практики.

По причине своего быстрого распространения коронавирус SARS-COV-2 воплотился в форме мировой пандемии, что, конечно же, не могло не оказать существенного влияния на трансформацию окружающей действительности и не произвести масштабные изменения в повседневности, ее социально-культурных, политических и экономических элементах. Как показал прошедший год, радикально изменились формы и способы взаимодействия между людьми, средства трансляции политических решений, принципы функционирования экономических механизмов, да и вообще социального и бытового существования каждого индивида. Сделаем акцент, что здесь речь идет не только о жителях отдельных регионов какого-либо государства или даже целой отдельной страны, но, полагаем, правильнее говорить об изменениях, происходящих в повседневных способах существования граждан всего мира.

Начнем с того, что в период коронавирусной пандемии произошли значительные сдвиги в системе образования, которая одна из первых потребовала быстрой перестройки средств связи между субъектами образовательной деятельности. Так, правомерен тезис, что качество услуг и интегральная эффективность функционирования системы образования напрямую детерминирует возможности раскрытия интеллектуального потенциала малых и больших социальных групп, от которых зависит социальный успех целых государств. К примеру, А.А. Строков подчеркивает, что система образования позволяет укомплектовать государства (много) профильными специалистами [13]. Однако не стоит забывать, что современные реалии все чаще требуют использования современных технологических ресурсов.

Самоочевидно, что современная система образования подчиняется духу времени и все интенсивнее включает-

ся в процессы цифровизации и постоянно запускает собственные модернизации, которые связаны с применением средств удаленной связи. Цифровизация современного общества формирует новый вид соответствующей культуры, основанием которой становится адекватное использование возможностей технико-технологических новаций. Характерно, что одним из вариантов такого развития образовательного процесса могло (а на долгосрочную перспективу очень даже может) произойти реализация образовательных программ без преподавателей. Отметим, что некоторые зарубежные коллеги провели эксперимент, в ходе которого педагоги были выведены из образовательного процесса, а учащиеся действовали самостоятельно. В результате данный эксперимент был признан провальным [16]. Таким образом, перед нами пример неадекватного использования цифровых технологий. Это означает, что образовательная деятельность, хоть и должна трансформироваться для формирования специалистов в соответствии с внешними вызовами и тенденциями, но должна быть адекватно адаптирована, то есть обязательно и при этом корректно сохранить педагога, использующего определенные наработки.

Де-факто коронавирус и связанные с ним меры по предотвращению распространения инфекции стали материальными драйверами, ускорившими процессы цифровизации образования. Разумеется, есть как позитивные, так и негативные стороны цифровизации образовательной и педагогической деятельности. С одной стороны, в ряде образовательных организаций сформировались и активно применялись удаленные формы проведения занятий, а рискогенные (для здоровья) аудиторные занятия были заменены на различные формы учебной деятельности, которые реализовывались как с применением средств облачных конференц-платформ (ZOOM, Skype и другие), так и с применением интернет-порталов учебных заведений, электронной образовательной среды. Представлен-

ные ресурсы для проведения занятий в удаленной форме на основе дистанционных обладают такими витальными преимуществами, среди которых следует выделить технологичность, доступность, открытость образования, возможность формирования его индивидуальной логики и анализ эмпирических данных, фундированных рекомендациями организаций здравоохранения и нормативными актами властями различного уровня, однозначно констатирует смену повседневных практик и модификации привычной для многих субъектов образования деятельности.

С другой стороны, налицо негативные тенденции, связанные не столько с педагогическими нюансами по оценке знаний и организации занятий, но с усугублением порождаемой цифровизацией дегуманизацией. Технизация образовательной деятельности хоть и привела к необходимым формам удаленного проведения занятий, но была негативно воспринята практически всеми заинтересованными в получаемых знаниях за элиминирование «химии» аудиторных взаимодействий, а главным образом – за реальное снижение интеллектуальной культуры общества [8]. По сути, человек все чаще воспринимается как машина, или, говоря предметно, своеобразный «придаток высокоразвитых технологий». Цифровое бытие тормозит его развитие, что способствуя деградации интеллектуальных возможностей индивидов.

Да, в соответствии с новыми технологическими возможностями изменился образовательный процесс. В рамках такой логики можно утверждать, что учащиеся получили возможности управления учебным контентом. В свою очередь это дает возможности формирования индивидуальных образовательных траекторий как принципа [3], заложенного в новейшие образовательные стандарты. Современные идеологи образования утверждают, что представленная возможность наиболее эффективным способом позволит сформировать обучающимся необ-

ходимые компетенции [14]. Вдобавок к этому, запущенная COVID-19 глобальность образовательной деятельности, обеспечиваемая развитием технологий связи и включением, к примеру, в МО-ОК, также существенно трансформировала повседневное содержание учебного процесса.

Далее наши рассуждения затронут существенные изменения, которые пришлось на методы, принципы построения и реализации экономических отношений. По всем каналам медиа специалисты утверждали, что экономика множества стран, в той или иной степени пострадавших от пандемии коронавируса, была вынуждена перейти от непосредственных форм реализации товаров и услуг к иным, в частности удаленным. Некоторые из экономистов подчеркивают, что появились три основные стратегии трансформации бизнес-активности, которые не просто прошли апробацию, но показали свою состоятельность и наибольшую эффективность в деловой активности:

1. *Прежний продукт и/или услуга, новые каналы продаж;*

2. *Прежняя инфраструктура, новый продукт и/или услуга;*

3. *Прежний продукт, новая инфраструктура* [9, с. 242].

Раскрывая содержание этих стратегий, поясняем, что первая из них предполагает необходимость переориентации рынка предоставляемых товаров и услуг от прямых продаж к удаленным способам, в том числе с применением услуг различных служб доставки. Это привело к резкому увеличению количества онлайн-заказов, а также закрытию физических офисов. В частности, некоторые компании были вынуждены сократить примерно до половины своих офисов ввиду нерентабельности и из-за новых нормативных предписаний. Кроме этого, увеличение онлайн-заказов привело к трансформации цепочки поставок. Отсюда возникла необходимость цифровизации логистических отраслей, формирования электронной коммерции, внедрения автоматических таможенных про-

цедур, применения дронов и вообще разработки новых способы бесконтактной передачи товаров и услуг. Поэтому использование в логистике, к примеру, BigData и повышение кибербезопасности, а также сопутствующие трансформации маршрутов поставки ради желаемой эффективности и минимизации возросших издержек по непредвиденным причинам и ситуациям выглядят более чем обоснованно и уже вряд ли в ближайшем будущем покинут отрасли экономики [7, с. 48–49]. Мы видим, что бизнес, сохраняя общую тенденцию и продукцию, изменяется в сторону безопасности. Весьма любопытно, что отныне распространение новой коронавирусной инфекции стало трактоваться как форс-мажор. Это принципиально важный момент, поскольку он напрямую влияет на формы выбора и реализации способов уже заключенных договоров, а также в связи с предоставлением услуг по передвижению людей. Распространение COVID-19 привело к тому, что международное авиа- и иное сообщение было практически приостановлено, если не сказать «парализовано», что поспособствовало необходимости разрешения множества экономических споров по вопросам возврата денежных средств и/или компенсации совершенных ранее сделок. Примером можно считать схожие решения национальных министерств об обязанности авиаперевозчиков произвести компенсации полной стоимости невозвратных билетов. Речь идет о тех временных промежутках, когда запланированное путешествие должно было бы проходить в период введения ЧП, карантина, закрытия государственных границ и так далее [11, с. 5].

Другой стратегией изменения экономических отношений становится перепрофилирование инфраструктуры производства. Проблемным в условиях распространения SARS-COV-2 становится уменьшение спроса на отдельные группы товаров с одновременным его увеличением на актуальные товары, которые в период охватившей весь мир паники буквально стали маркиро-

ваться «первой необходимости». К примеру, повышенный спрос на дезинфицирующие средства привел к тому, что даже весьма известные бренды, производящие совершенно иные категории товаров – предметы роскоши, алкогольную, парфюмерную продукцию – за несколько дней перешли на производство дезинфицирующих средств. Конечно, в данном случае сработал основной закон экономики – спрос рождает предложение, что в значительной степени переформатировало принципы и способы предпринимательской активности по всему миру.

Реализация третьей стратегии происходит за счет того, что существующие экономические субъекты, ритейлеры и сетевики, торгуя все теми же товарами, начиная от уже названных предметов первой необходимости и вплоть до бытовой техники и компьютеров, перестали справляться с количеством онлайн-заказов. Логично, что такое положение дел привело к необходимости подключения крупных известных сервисов онлайн-доставки в целях удовлетворения спроса на получение продуктов, что обусловило появление новых типов взаимодействия между игроками на рынках [6]. Таким образом, трансформируются не только привычные рынки, но по большей части сама структура сферы реализации товаров и услуг.

Вдобавок к этому, в период пандемии применяются новые методы продвижения товаров. Ведущей тому причиной, разумеется, справедливо полагать регулярное использование Интернета при оформлении заказов. Сегодня широко применяются методы вирусного маркетинга, который реализуется главным образом благодаря социальным сетям и многочисленным приложениям. Действительно, все более востребованными стали контекстный, баннерный и таргетированный типы рекламы, а также все чаще можно увидеть применение ресурсов SMM-рекламы, а также e-mail-рассылок [5, с. 357].

Кроме того, следует отметить, что трансформируется не только формы

и стратегии деятельности компаний в целом, а также их восприятие клиентами – в частности, изменениям подвергся рынок труда. Как пишут С.С. и В.В. Солдатовы, сегодня рынок труда представляет собой так называемую «лакмусовую бумагу», индикатор качественного состояния экономики государства, поскольку он отражает заинтересованность общества в конкретных трудовых ресурсах, видах специалистов и даже отдельных профессий [12]. Помимо этого, рынок труда позволяет показать уровень благосостояния трудоспособного населения, а также уровень экономической эффективности предпринимательской деятельности.

Можно сказать, что в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции наметилось две тенденции. Одна из них связана со стремлением компаний сократить часть персонала в связи с резким ухудшением экономической обстановки в стране, поскольку многие авторитетные экономисты действительно говорят о худшем за 100 лет кризисе. С другой стороны, некоторые компании выразили стремление сократить сотрудникам заработную плату по тем или иным основаниям. В самом деле, сложившиеся (складывающиеся) условия высветили определенный уровень трудового кризиса, который сопровождается существенным повышением спроса на рабочие места при фактическом сокращении вакансий и снижении реальной заработной платы.

Неудивительно, что по всему миру, в особенности в развивающихся и отстающих странах за последний год огромное количество предприятий малого и среднего бизнеса не просто сократили свою деятельность, а то и вовсе прекратили свое существование. С учетом метаморфоз, пронизывающих повседневность, многие компании проявляют устойчивый интерес к найму курьеров, специалистов по онлайн-образованию и онлайн-развлечению, не говоря уже о закономерном тренде – вовлечению медицинского персонала. Да, все еще востребованными остаются менеджеры, но лишь те, которые

специализируются на антикризисном управлении, а также профильные для деятельности того или иного бизнеса юристы [1, с. 58]. Одновременно с этим, произошло снижение спроса на некоторых представителей сферы услуг – гостиничный, ресторанный и туристский бизнес.

Очевидна актуальность вопроса о том, каким же будет рынок труда после окончания пандемии. Понятно, что он уже не встанет на привычные до коронавируса рельсы. Исходя из представленных условий и эволюционной логики развития социальных систем, предположим, что рынок изменится достаточно сильно, сохранит спрос на курьеров, водителей, медицинский персонал ряд других видов деятельности, требующих непосредственного, а не удаленного участия работников, но поистине потребует новых профессий, или «профессий будущего», спрос на которые повысится многократно и, заметим, даже без каких-либо искусственных мер по его сохранению. Бесспорно, коронавирусная пандемия (даже больше, чем последние финансовые кризисы) стала важнейшим за последние десятилетия основанием для трансформаций трудовой структуры общества, поскольку напрямую определила сокращение и исключение одних видов деятельности, появление других и увеличение количества даже привычных нашему времени профессий. Значит, пандемию COVID-19 без преувеличения можно полагать общемировой шоковой терапией, которая преднамеренным образом скорректировала и продолжит изменять хабиитуализированные общественные связи и отношения.

Не остались без метаморфоз национальные правовые системы, а также нормы международного права. Отныне на законодательном уровне ситуации форс-мажора, к которым, естественно, относится и распространение новой коронавирусной инфекции, получили весьма широкое истолкование. Не только в российском, но и в международном праве отмечается, что сущностными характеристиками такой ситуации ста-

новятся чрезвычайность и непреодолимость, что формирует конкретные правовые и ситуативные последствия. В результате ситуация с COVID-19 в абсолютном большинстве стран мира была признана форс-мажорной – и это позволило совершать экономически необоснованные, однако юридически предусмотренные действия. Как видим, это также вызвало изменения в аспекте технологий осуществления сделок и форм реализации предпринимательской деятельности всех заинтересованных лиц как внутри государственных экономик, так и на международных рынках. Соответственно, произошедшие трансформации детерминированы не столько, как бы это могло показаться, одними лишь экономическими факторами, сколько фундированы юридическими и общесоциальными основаниями со-существования людей. Однако следует помнить, что нормативное регулирование представленных стремительно произошедших экономических перемен все же имеет неясные правовые описания. Проблемным здесь представляется, прежде всего, само понятие «форс-мажор» [15], приобретшего крайне широкие толкования при отсутствии достаточно четко проработанного методологического содержания для более эффективного правоприменения. Ясно, что существуют и иные трансформации правовых актов, однако можно отметить общую тенденцию: действующее законодательство позволяет изменить диспозиционные условия деловой и прочей активности различных субъектов на территории всего мира для того, чтобы избежать более серьезных трудностей, связанных с распространением условий форс-мажорных ситуаций в целом и конкретно коронавирусной пандемии.

Можно с уверенностью сказать, что изменение нормативного регулирования общественных форм взаимодействия ориентировано в первую очередь на сохранение целостности и работоспособности общества как системы, а также его элементов, людей, структур и институтов. Заметим, что сегод-

ны все чаще стабильность и социальная эволюция государств связывается с институциональными основаниями, поэтому неудивительно, что именно представленный подход получает приоритет при составлении нормативных описаний и регламентации общественных отношений, тогда как высвечивающиеся и обещающие выгоду экономические параметры отходят на второй план.

Было бы наивно считать, что пандемия COVID-19 не повлияла на современные политические реалии. Поэтому отметим, что в некоторых случаях можно зафиксировать изменения самих политических принципов как на внутренней, так и на внешней арене. Политологи утверждают, что пандемия изменила статус прав и свобод человека и гражданина. Если до начала эпидемии свободы человека, главным образом относительно возможностей передвижения, казались самоочевидными, то прошлый год позволил властным структурам буквально диктовать ограничения некоторых прав индивидов.

По своей сути и внешне такие ограничения связываются с заботой о жизни и здоровье людей, однако возникает ряд вопросов, которые ставят под сомнение целесообразность таких ограничений. А.А. Громыко приводит аналогию с деятельностью спецслужб в борьбе с терроризмом: «Борьба с международным терроризмом в начале XXI в. привела к беспрецедентному росту полномочий исполнительной ветви власти и спецслужб в большинстве стран, в том числе в области массовой прослушки и слежки. Проблема ведь не в том, что гражданские свободы страдают в форс-мажорных обстоятельствах. К 2020 г. опасность международного терроризма значительно снизилась, но отмеченные полномочия спецслужб практически полностью сохранились» [4, с. 7]. Мы видим резкие изменения привычных политических правовых укладов и порядков, при которых устоявшиеся принципы жизни в условиях сложившихся политических режимов молниеносно утратили свой богатый функционал.

Система прав, идущих от естественного положения человека и его природных свойств, категоризируется и провозглашается в либертарианской концепции государства и права, наши дни существенно трансформируется в систему прав, которые в критических ситуациях могут быть попросту отняты у человека. Таким образом, уместна аналогия с Агамбенем касаясь того, что фактически граждане различных государств более не принадлежат самим себе, но они превращаются в тела для функционирования (над)национальных политических механизмов.

Далее подчеркнем, что трансформации политического среза повседневности в условиях коронавирусной инфекции привели к новым формам международных отношений. Так, в Западной Европе обострилась проблема нелегальной миграции, которая для Евросоюза и стран, прилегающих к «Еврозоне», является крайне трудным и насущным вопросом, не имеющего, что логично, какого-либо тривиального решения. Более того, ряд двух- и многосторонних отношений, например, между Турцией и ЕС, подверглись возрастающему напряжению из-за все той же миграции народов, которая в свою очередь сама крайне сильно влияет на бытовые, культурные, экономические формы и способы существования как в одной стране, так и в целых (макро) регионах. Так, на микроуровне социальных взаимодействий между гражданами одной и тем более различных стран разногласия по религиозным, культурным и прочим вопросам имеют априорный характер и уходят в психологию человека, что в перспективе может привести к расистским и даже ксенофобским настроениям и действиям. В свою очередь на макроуровне межсубъектных взаимодействий пандемия и миграционный вопрос также формируют негативные отношения между странами, подкрепляемые борьбой за первенство на международной арене, когда посредством власти у тех или иных акторов и коалиций появляются возможности навязывания собственной воли

и интересов не только политическим коллегам, но и оппонентам.

Интересно отметить, что трансформации повседневности произошли не только в мирской части общества, они произошли, быть может, не в таком большом объеме, и в религиозной части общества. Роман Николаевич Лункин отмечает, что христианская религия стала одной из сил, которая позволила сплотить европейское сообщество, поскольку духовные лидеры постоянно призывали к солидарности людей и совместному решению насущных коронавирусных проблем [10]. Отметим, что будучи традиционным вероисповеданием, христианство, все же, вынуждено было трансформироваться в соответствии с действующими санитарными правилами и применять современные средства связи для проведения дистанционных богослужений и виртуального приема паломников. Таким образом, к примеру, католическая церковь в лице Папы Римского, показала себя в качестве ответственных и сознательных субъектов социальных связей и отношений. Католическими религиозными лидерами было принято решение о фактическом закрытии храмов и прекращении богослужений.

Интересным представляется тот факт, что «апостольская пенитенциария Ватикана издала декрет о предоставлении специальных индульгенций для тех, кто заразился коронавирусом» [10, с. 106]. Разъяснение католической церкви таковы: индульгенция не является безоговорочным прощением грехов, а представляет собой освобождение от наказания за грехи. При этом для большого SARS-COV-2, который самоизолировался, индульгенцией считается «чтение Символа веры, Отче наш, молитвы Пресвятой Богородице, а также изучение Библии в течение получаса» [10, с. 106].

В итоге мы видим, что религиозное сообщество трансформировалось в соответствии со сложившимися актуальными социальными условиями. Церковь, к примеру, католическая, перешла на современные – цифровые – формы

взаимодействия с верующими, прекратила временно очную форму взаимодействия с прихожанами, адаптировала под современные реалии индульгенции и формы их получения.

Однако в основе своей церковь для определенной части населения становится одним из наиболее значимых оснований существования человека, своего рода средством успокоения человеческого субъекта и его души. Таким образом, будучи социально ответственным субъектом общегосударственного существования, церковь взяла на себя чуть больше действий, чем было до пандемии коронавирусной инфекции. Религиозные организации стали действовать с государством сообща для большей эффективности в борьбе с новой инфекцией.

Подводя итоги работы, можно сказать, что пандемия коронавирусной инфекции SARS-COV-2 потребовала от общества значительных усилий по борьбе с собой. Это привело к тому, что повседневные практики во всех областях совместной общественной жизни значительно изменились. Были внедрены новые форматы образовательной деятельности, изменились способы взаимодействия между церковью и прихожанами, дистанционные проповеди официальные научные занятия стали привычным делом для обычного гражданина. Экономические отношения также сильно изменились. Речь идет здесь о способах продаж товаров, формах и скорости их доставки, принципах бесконтактной оплаты и удаленного заказа. Изменились механизмы доставки, расширились возможности различных онлайн-сервисов. С другой стороны, изменилась сущность и формы проявления рекламной продукции, которая стала по большей части контекстная. Кроме того, трансформируется рынок труда. Изменяется набор профессий и видов труда, которые приобретают особое значение и высоко ценятся в условиях ограничений. Одновременно определяется группа профессий, практически и совсем не используемых в процессе действия ограничительных мер.

Политические трансформации можно связать с утратой человеком и гражданином части прав и свобод в условиях форс-мажоров в общем и пандемии – в частности. Изменяются отношения между государствами на международной арене, миграционная политика государства друг от друга, усиливая националистическую риторику в современном глобализирующемся мире. Правовое поле также сильно изменяется. Детально прописываются нормативные акты, которые регламентируют действия людей в условиях различных форс-мажоров. Это приводит к более спокойному разрешению затруднений и непредвиденных последствий, которые то и дело возникают в повседневной жизни. Все представленные изменения приводят к созданию новых форм общественных отношений, то есть к формированию нового общества и permanently складывающегося мирового порядка.

Литература

1. Ахапкин Н.Ю. Российский рынок труда в условиях пандемии COVID-19: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № 6. – С. 52–65.
2. Букейханов Н.П., Гвоздкова С.И., Бутримова Е.В. Оценка эффективности цифровых технологий в условиях COVID-19 // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 62–75.
3. Вдовина С.А., Кунгурова И.М. Сущность и направления реализации индивидуальной образовательной траектории // Интернет-журнал Науковедение. – 2013. – № 6 (19). – С. 175.
4. Громыко А.А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 2 (14). – С. 5–13.
5. Гусаров А.С. Развитие интернет-маркетинга в период пандемии COVID-19 в России и мире // Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 5 (45). – С. 356–361.
6. Журавлева О.В. Система товародвижения в условиях пандемии // Вестник науки и образования. – 2020. – № 12–2 (90). – С. 37–40.
7. Казанцев А.А. Влияние пандемии коронавируса на цепи поставок // Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 6 (46). – С. 48–52.
8. Кутырев В.А. О судьбе управления и права в цифровом обществе // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1(45). – С. 278–281.
9. Лапшина А.М., Анохина М.Е. Стратегии трансформации бизнеса в условиях пандемии COVID-19 // Стратегии бизнеса. – 2020. – Т. 8. – № 9. – С. 242–245.
10. Лункин Р. Механизмы религиозной реакции на пандемию коронавируса // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 2. – С. 104–109.
11. Соколова А.А. Эпидемия коронавируса как форс-мажор в международных перевозках // Океанский менеджмент. – 2020. – № 1 (6). – С. 4–6.
12. Солдатова С.С., Солдатова В.В. Российский рынок труда в условиях нарастания экономического кризиса вследствие пандемии // STUDNET. – 2020. – Т. 3. – № 2. – С. 424–429.
13. Строков А.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. – 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 15.
14. Сысоев П.В. Обучение по индивидуальным образовательным траекториям // Вопросы методики преподавания в ВУЗе: ежегодный сборник. – 2013. – № 2 (16). – С. 13–24.
15. Тимербулатов В.М., Тимербулатов М.В. Здравоохранение во время и после пандемии COVID-19 // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2020. – Т. 35. – № 2 (98). – С. 77–87.
16. Cross J. An informal history of ELearning // On the Horizon. – 2004. – Vol. 12. – № 3. – pp. 103–110.

**EVERYDAY LIFE TRANSFORMING
IN THE COVID-19 REALITIES**

Ravochkin N.N.

Kuzbass state agricultural academy
Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev

The article analyzes the transformations of everyday life caused by shifts in the macro-processes that have occurred under the influence of the COVID-19 coronavirus pandemic. Changes in such constituent elements of everyday life as education, entrepreneurship, politics, law and the spiritual sphere are recorded. The main trends associated with multidirectional processes that, on the one hand, contribute to an increase in the transparency of the world, on the other hand, to the creation of a new artificial sociality are considered. The author notes the irreversible nature of the transformations that have literally divided everyday life into “before” and “after” the pandemic. A comprehensive analysis of macro-processes allows defining the article as a preliminary introduction to the study of the culture of everyday life and various practices.

Keywords: everyday life, world, society, pandemic, practices.

References

1. Akhapi N. Yu. Russian labor market in the context of the COVID-19 pandemic: dynamics and structural changes // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – № 6. – pp. 52–65.
2. Bukeikhanov N.R., Gvozdkova S.I., Butrimova E.V. Assessment of the effectiveness of digital technologies in the context of COVID-19 // Russian regions: a look into the future. – 2020. – Vol. 7. – № 2. – pp. 62–75.
3. Vdovina S.A., Kungurova I.M. The essence and directions of the implementation of an individual educational trajectory // Naukovedenie Internet journal. – 2013. – № 6 (19). – P. 175.
4. Gromyko A.A. Coronavirus as a factor in world politics // Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe RAS. – 2020. – № 2 (14). – pp. 5–13.

5. Gusarov A.S. Development of Internet Marketing during the COVID-19 Pandemic in Russia and the World // Student Science Issues. – 2020. – № 5 (45). – pp. 356–361.
6. Zhuravleva O.V. System of commodity circulation in a pandemic // Bulletin of Science and Education. – 2020. – № 12–2 (90). – pp. 37–40.
7. Kazantsev A.A. Impact of the coronavirus pandemic on the supply chain // Student Science Issues. – 2020. – № 6 (46). – pp. 48–52.
8. Kutyrev V.A. On the fate of governance and law in a digital society // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 1 (45). – pp. 278–281.
9. Lapshina A.M., Anokhina M.E. Business transformation strategies in the context of the COVID-19 pandemic // Business strategies. – 2020. – Vol. 8. – № 9. – pp. 242–245.
10. Lunkin R. Mechanisms of religious response to the coronavirus pandemic // Scientific-analytical bulletin of the Institute of Europe RAS. – 2020. – № 2. – pp. 104–109.
11. Sokolova A.A. Coronavirus epidemic as force majeure in international transportation // Ocean Management. – 2020. – № 1 (6). – pp. 4–6.
12. Soldatova S.S., Soldatova V.V. Russian labor market amid the growing economic crisis due to the pandemic // STUDNET. – 2020. – Vol. 3. – № 2. – pp. 424–429.
13. Stokov A.A. Digitalization of education: problems and prospects // Bulletin of the Minin University. – 2020. – Vol. 8. – № 2. – P. 15.
14. Sysoev P.V. Training according to individual educational trajectories // Questions of teaching methods in the university: an annual collection. – 2013. – № 2 (16). – pp. 13–24.
15. Timerbulatov V.M., Timerbulatov M.V. Health care during and after the COVID-19 pandemic // Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. – 2020. – Vol. 35. – № 2 (98). – pp. 77–87.
16. Cross J. An informal history of ELearning // On the Horizon. – 2004. – Vol. 12. – № 3. – pp. 103–110.

Увеличение населения страны – залог будущего

Рязанцев Алексей Алексеевич,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра «Физической культуры и спорта», Астраханский государственный медицинский университет
E-mail: riazantsiev47@mail.ru

Орлова Ирина Анатольевна,

преподаватель, кафедра «Физической культуры и спорт», Астраханский государственный медицинский университет
E-mail: orlow.yurij2010@yandex.ru

Орлова Валерия Александровна,

студент, Астраханский государственный медицинский университет
E-mail: orlow.yurij2010@yandex.ru

Население России в последние годы неуклонно сокращается. Научные исследования говорят о том, что необходимо внедрять новые, более эффективные меры для материального стимулирования и поддержки репродуктивного населения страны, а также пересмотреть реальное право женщин на совмещение семейных обязанностей с возможностью работать с максимально гибким графиком. Предлагается на законодательном уровне поднять престиж педагогического труда для женщин, целиком посвящающих себя воспитанию собственных детей и внуков. Резервами для увеличения населения нашей страны являются сокращение разводов и аборт, снижение смертности, репатриации наших соотечественников, стимулирование роста сельского населения, сохранение семейных ценностей и тех заповедей, по которым жили наши предки.

Ключевые слова: демографическая яма; материальные и жилищные проблемы; стимулирование рождаемости; «чайлдфри»; развод; аборт; алименты; трудовые мигранты; многодетная семья; семейные ценности.

По прогнозам специалистов, население Российской Федерации в 2020 году уменьшится на 352 тысячи и эта тенденция будет продолжаться. То есть за пять лет мы недосчитаемся более миллиона человек [1].

Согласно прогнозу ООН к 2025 году, население России составит 142,6 млн человек, а к 2100 году - 124 млн человек. Правительство РФ подтверждает, что прирост населения начнется не ранее, чем через 8 лет [1]. И в настоящее время в России «огромная демографическая яма». Народ, который не хочет рожать и страдает детофобией обречен на вымирание, и российская нация может исчезнуть уже через столетие. [1, 2, 3].

Для естественного воспроизводства необходимо, чтобы на одну женщину в среднем приходилось 2,1 новорожденных, а в РФ эта цифра 1,7. То есть естественная убыль населения объясняется тем, что в течении последних нескольких лет смертность превышает рождаемость [1]. Для РФ проблема увеличения населения очень актуальна, особенно на Дальнем Востоке и в Сибири, учитывая близость густонаселенного Китая.

Несмотря на национальные программы по поддержке семей с детьми и повышению демографии, россияне не желают иметь детей и рождаемость в стране падает. Почти половина мужчин и женщин (46%) репродуктивного возраста детей не планируют. При этом женщины чаще отказываются от рождения ребенка, чем мужчины (51% против 46%) [4]. Это данные опроса наших сограждан из 53 регионов страны в возрасте от 18 до 45 лет. В чем причина и как исправить ее?

Нами, студентами-старшекурсниками и преподавателями медицинского университета, проведено исследование для выяснения объективных причин снижения рождаемости в нашей стране. Тем более, что и для нас вопрос

материнства в ближайшие годы очень актуален. Методология исследования была следующей: литературный обзор и анализ статистических данных; беседы; педагогические наблюдения; анкетирование (анонимное). Исследователи [5–9] отмечают рост заболеваний сердечно-сосудистой системы, опорно-двигательного аппарата среди репродуктивной части населения.

Респондентами нашего исследования были, в основном, женщины 18–45 лет, бездетные и имеющие детей, а также мужчины этого возраста в значительно меньшем количестве.

Анализ статистических данных нашего исследования показал, что основными причинами, которые влияют на рождение детей, являются: материальные проблемы – 25,6%; нет желания – 22,1%; отсутствие партнера – 14,2%; проблемы с жильем – 13,8%; состояние здоровья – 7,2%; нежелание менять образ жизни – 9,1%; потеря карьерных возможностей – 3,2%; не желает партнер – 4,8%. В статистику не попали возрастные респонденты и т.е., которые имеют детей, и только 12,3% желают родить ребенка. При наличии одного ребенка, опрошенные желали больше детей 42,4%, а категорическим отказом ответили 46,8%. Итоги нашего исследования идентичны практически по всем пунктам данных Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) [10]. Анализ собственных исследований и статистических данных, опубликованных НАФИ позволил нам сделать выводы рекомендательного характера для улучшения демографической ситуации в стране.

Граждане России репродуктивного возраста готовы запланировать рождение первого ребенка и последующих детей при нормальных жилищных условиях, надежном партнерстве мужчины и женщины, крепком здоровье. И, если бы они ежемесячно, дополнительно имели более 50 тысяч рублей – это средняя сумма, необходимая для нормального воспитания малыша [10]. К примеру, запросы суррогатных матерей за рождение ребенка колеблются

в пределах от 900 тысяч до 2,5 млн рублей. При этом оплата жилья и покупка вещей для беременных составляет 30–40 тысяч рублей плюс ежемесячное обеспечение 30–50 тысяч [11].

О материальной составляющей необходимо сказать следующее. Правительство РФ прилагает усилия для стимулирования роста рождаемости в стране: размер выплат семьям при появлении ребенка постоянно увеличивается; с этого года материнский капитал стали выплачивать и за первенцев (466 тыс.рублей), и за второго (661 тыс.рублей); повышаются пособия на малышей и компенсация за детские сады; увеличен период по уходу за ребенком. Также растет активность регионов в поддержке семей с детьми не только при рождении, но и при подготовке детей к детскому саду и школе. Министр труда и социальной защиты М. Топилин анонсировал выделение 90 млрд рублей в 2021 году на стимулирование рождаемости.

Однако даже такое материальное стимулирование не является панацеей. Реальная задача в стране достичь минимального коэффициента рождаемости 2,1 на семью (в настоящее время – 1,7), только в этом случае можно говорить о воспроизводстве населения. (о приросте пока не говорится). Через 5–7 лет этот необходимый коэффициент должен достигать 2,7–3, так как население России стареет и количество потенциальных родителей уменьшается. На повестке дня актуальным вопросом является рождение третьего ребенка, четвертого и так далее. По твердому убеждению, специалистов выплата на третьего ребенка должна быть не менее 1 млн рублей, а на последующих детей размер выплаты должен удваиваться [11]. На эти цели в ближайшие три года потребовалось бы около трех триллионов рублей. В Национальный проект «Демография», который предполагает увеличение рождаемости в значительно меньших пропорциях, аналогичные средства заложены и поэтому этот проект предсказуемо неэффективен [11]. Но материнский капитал, несмотря

на кажущиеся величины, основную проблему демографии не решает. Платить необходимо не женщинам, родившим детей, а обеспечить достойной зарплатой мужчин, обеспечивающих этих женщин. Необходимо увеличить зарплату мужчинам, хотя бы в два раза и, особенно, ее покупательскую способность. Экономисты утверждают, что пока мужчина не будет зарабатывать достаточно на семью (на жену и двух детей), никаких детей ожидать не следует. [10].

Для увеличения зарплаты мужчинам, необходимо, чтобы малый и средний бизнес в стране составлял не 20%, а как минимум 60% [4]. И необходимо помнить, что экономические успехи правительства измеряются количеством рожденных детей.

Меры поддержки семьи в нашей стране должны быть максимально направлены на то, чтобы женщина-мать успешно совмещала семейные обязанности с возможностью работать, иметь источник дохода и уверенность в завтрашнем дне, что является залогом многодетности в семье. В развитых странах, в том числе и в России, просматривается такой тренд: в семьях с высоким уровнем образования и материального достатка рождается больше детей, чем в семьях с низким. Реальное право женщины на совмещение семейных обязанностей с возможностью работать не должно зависеть от доброй воли работодателя, а должно быть закреплено законодательно, с максимально гибким графиком работы для тех профессий и специальностей, где это приемлемо [12].

Государство для поддержки работающих родителей должно обеспечивать детей детскими садами и яслями, а поддержка рождаемости – один из приоритетов государственной политики.

В последние десятилетия моральные, нравственные принципы и установки, считавшиеся ранее незыблемыми (незыблемыми), сейчас являются вполне приемлемыми для новых поколений, особенно «миллениалов» (рожденных с 1980 по 2000 год). Многие молодые россияне взяли за жизненную

позицию-идеологию «чайлдфри» (в переводе с англ. буквально – «свободны от детей»). В нашей стране значительно возросло количество бездетных женщин, не родивших за свою жизнь ни одного ребенка, сознательно или в силу сложившихся обстоятельств [13]. Прекрасный пол все упорнее защищает свои права, пресекает любые попытки дискриминации и домогательства, и поэтому отрицает стереотип о том, что рожать детей – главное предназначение.

У каждого человека понятие «счастье» заключается в особом наборе жизненных обстоятельств и привилегий, которые ценны конкретно для него. Одинакового «счастья» не бывает.

Для многих женщин счастье заключается в том, чтобы стать матерью, а идеальной представляется многодетная семья. Также есть и те, кто сознательно игнорирует материнство и чувствует себя при этом вполне счастливо. Необходимо только от этих поклонниц «чайлдфри» отделить тех женщин, которые в силу некоторых жизненных обстоятельств лишены возможности стать матерью, много лет безуспешно пытаются забеременеть или выносить ребенка, но все попытки тщетны. И только самые близкие знают, сколько было бессонных ночей и сколько слез пролито, сколько выпито лекарств и, сколько ЭКО сделано. И как они далеки от идеологии «чайлдфри».

Редко, кто из женщин рождает ребенка в 20 лет, так как студенчество и материнство вещи трудно совместимые. А по окончании вуза необходимо определиться с работой, решить жилищный вопрос, и, главное, найти любимого мужчину. И при решении этих проблем рождение ребенка гарантирует отсутствие карьерного роста, «выпадение из обоймы» на два-три года. Поэтому официальная статистика подтверждает, что в России женщины начинают рожать не раньше 27 лет [14].

Английские социологи установили закономерность между уровнем IQ и желанием женщин рожать детей: каждые дополнительные 15 баллов уменьшают это желание на 25% [15].

Каждая женщина-свободная личность и имеет право выбирать. Нельзя осуждать нерожавших, когда есть множество примеров, как рожавшие бросают своих детей на произвол судьбы.

Для некоторых женщин причиной нежелания иметь детей является отсутствие личного времени. Они не готовы отказаться от личных благ, развлечений, удовольствий и интересов ради материнства. И это их право, хотя и сомнительное.

В своем большинстве бездетные женщины-карьеристки, причем не в самом плохом смысле этого слова. Они стремятся самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, иметь твердую почву под ногами и достаточные материальные и жилищные возможности для того, чтобы родить и воспитывать детей, а не рассчитывать на обеспеченного мужа. Женщины для счастья материнства продумывают жизненные ситуации, выбирают определенное время и целеустремленно идут к этому выбору. Такие женщины рожают поздно, примерно после 30 лет, но это вполне обдуманый шаг.

Осознанные сверхважные решения женщины не рожать детей или временно отложить это событие обусловлено многими факторами, особенно семейным воспитанием. Девочки, выросшие в семье единственным ребенком, по статистике, чаще становятся бездетными, чем те, у которых в семье были сестра и братья. И которые с детства осознали то, что счастье – это, когда рядом есть близкие и родные люди, когда забота о каждом из них не только смысл жизни, но и удовольствие.

В последнее время для принятия решения о рождении ребенка к житейским проблемам осмыслению подвергаются и факторы негативных сообщений СМИ: террористические акты, вирусы и пандемия, лесные пожары и наводнения, когда затоплены целые поселки и города, засуха и голод, перенаселение планеты. Отказ от рождения ребенка люди считают одним из решения проблем.

Некоторых женщин тревожит предполагаемый период беременности,

особенно протекание родов и наличие таких негативных явлений, как тошнота, боли в спине, геморрой, проблемы с зубами и волосами, недержание мочи, гормональные сбои и эмоциональные перепады. Во время беременности женщины существенно набирают вес, на теле могут образоваться растяжки, при кесаревом сечении шрам остается на всю жизнь. К первоначальным своим формам рожавшим женщинам вернуться достаточно сложно и требуется время, и самое сложное – взять на себя такую огромную, а для многих даже непосильную ответственность. С появлением в жизни детей, возникают и не совсем приятные моменты: детские болезни, плач ребенка, бессонные ночи, отсутствие свободного времени и возможность заняться личными делами и собственной внешностью, саморазвитием и продолжением карьеры.

Лишь небольшой процент женщин готовы рожать ребенка в одиночку, без мужчины. Наличие постоянных и крепких отношений для большинства женщин является главным условием, чтобы впоследствии было с кем разделять родительские обязанности. В подобных ситуациях основная задача ложится на плечи мужчин. Именно они должны доказать своим любимым, что хотят и готовы к семейной жизни и рождению малыша, что вдвоем можно преодолеть любые проблемы. Демографическая константа такова, что чем больше детей, тем меньше вероятность ухода отца из семьи. И с рождением еще одного ребенка возникают новые объединяющие ситуации, новые взаимодействия и скрепы.

Анализ опроса и анонимного анкетирования мужчин представляет несомненный интерес в вопросе о неуплате 67% отцами алиментов своим детям. Факт, сам по себе, аморальный. Но... Женщинами инициируется до 85% разводов, то есть у «развода женское лицо» [16]. Причем женщины с детьми подписали такие заявления в 71% случаев, даже больше, чем бездетные дамы [10].

Женщинам, оставляющим после развода ребенка без родного отца, сле-

дует досконально изучить следующую статистику [16]. Подростки, выросшие без отца:

- В 5 раз чаще совершают самоубийство;
- В 35 раз чаще сбегают из дома;
- В 9 раз чаще бросают школу, не доучившись;
- В 10 раз чаще становятся наркоманами;
- В 9 раз более вероятно закончат свою жизнь в нищете;
- В 20 раз более вероятно закончат свои дни в тюрьме;
- С 99% вероятностью не создадут полную семью

После развода абсолютной монополией на ребенка обладает женщина, так как мнение ребенка о том, с кем из родителей ему жить в дальнейшем, учитывается только с 14-летнего возраста. У мужчин практически забирают все права и оставляют только обязанность платить алименты. У отца забирают право на воспитание собственного ребенка (невозможен процесс воспитания во время коротких встреч), право принятия решений по многим жизненным ситуациям (развивающие и спортивные секции, музыкальные школы, летний отдых и т.д.), право видеть, как ребенок растет и делает первые успехи. Да и законное время общения с ребенком нередко мамой ограничивается, откладывается по различным причинам или отменяется.

В этой унижительной ситуации у мужчины пропадает желание платить алименты женщине, которая сама инициировала развод, ушла к другому мужчине и не способствует общению ребенка с родным отцом, да и материальную выплату на ребенка почему-то называют материнским, а не семейным капиталом. К тому же мать не обязана отчитываться перед бывшем мужем о том, на что и в каком объеме она тратит получаемые от него деньги. И, если ввести в практику такую отчетность, и позволить отцу решать на какие нужды тратить хотя бы половину алиментов, то число мужчин-неплательщиков резко сократится [4].

Для мужчин также немаловажен тот факт, что при опросе и анонимном анкетировании 48% женщин сообщают о том, что прерывают беременность из-за сложных отношений с отцом ребенка, а еще в 14% случаев называют причиной аборта именно его решение. Хотя во множестве случаев женщина идет на эту операцию без согласия мужчины.

Нельзя умолчать еще об одной «мужской» проблеме. В США, при проведении генетических анализов у отцов детей, страдающих генетическими заболеваниями передающихся через отца, было обнаружено, что 30% малышей родились не от тех мужчин, которые считались «отцами», и они об этом не подозревали [10]. Такие цифры подтверждают и исследования английских ученых. В России треть мужчин также воспитывают не своих родных детей и не знают об этом [16]. Вкладывают в детей материальные и временные ресурсы, родительскую любовь и воспринимает, как наследников. Парадокс в том, что сами женщины порой заблуждаются по поводу отцовства ребенка. Особенно часто такое наблюдается у партнеров, не оформивших официальных отношений.

В последнее время в СМИ сообщаются некоторые пикантные ситуации при проведении процедуры ЭКО, особенно, если в супружеских парах большая разница в возрасте [17]. Иногда врач, не ставит мужчину в известность о том, что применяются донорские клетки молодого, здорового мужчины. Возрастной муж уверен, что все в порядке, по юридическим документам его проводят отцом. Эти документы хранятся 20 лет, никому не выдаются даже по запросу, их читает только заказчица. Есть случаи даже судебных прецедентов. В 2018 году «счастливый отец» отсудил у центра репродуктивной медицины, где он сдавал биоматериал, 500 тыс. рублей компенсации за то, что его экс-супруга, по договоренности с врачом, заменила его биоматериал на сперму любовника «из другой пробирки» и родила сына.

У подавляющего большинства мужчин не вызывает сомнения необходи-

мость введения обязательного теста на отцовство в роддоме, который также поможет выявить наследственные особенности ребенка и случаи, когда детей в роддоме подменяют. В настоящее время, при современных технологиях и доступности, отцовство можно установить еще во время беременности.

Для России крайне необходим «штаб по рождаемости» и роль церкви в нем приоритетна.

Если мы обратимся к религии, то необходимо вспомнить, что завещал творец женщине и мужчине: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Бытие 1:28).

Такова воля Создателя. Между мужчиной и женщиной есть взаимное притяжение. Мужчина оплодотворяет, а все в теле женщины создано для деторождения: анатомическое строение, необходимые гормональные перестройки организма, способность выкормить ребенка. Для верующего человека нет сомнений в том, что рождение и воспитание в браке детей – благословение Божие, дар и счастье человека на земле... Брак становится полноценной семьей только после рождения детей.

Отношение к «чайлдфри» у церкви безусловно однозначное. Отказ от рождения детей – грех, потому что Христианство – это про жертвенность, а если женщина не желает иметь детей ради комфортной жизни, то о жертвенности речи быть не может [13]. Из сознания современной женщины происходит очевидное вытеснение важнейших ценностей и понятий, о которых говорит Евангелие. Протоиерей Андрей Овчинников твердо выражает убеждение церкви: «Жизнь женщины должна быть связана с детьми» [13]. В обычных, нормальных семьях показателем счастья является количество детей.

В мусульманском обществе отношение к появлению детей также позитивное: «Аллаху принадлежит власть над небесами и землей. Он творит, что пожелает. Он одаряет кого пожелает, потомством женского пола, а кого пожелает-мужского. Или же Он оцетает

потомство мужского и женского полов, а того, кого пожелает, он делает бесплодным. Воистину, Он-Знающий, Всемогущий!» (сура Аш-Шура, 49–50).

Иногда в обществе, где наличие детей является для семьи обязательной принадлежностью, их отсутствие (по различным причинам) является поводом для осуждения, критики и насмешек. В этом проявляется не только бездушие и жестокость, но и проявление невежества людей в собственной религии. Даже в Коране четко прописано, что потомство – это дар от Всевышнего, именно от него зависит, смогут ли супруги иметь детей, или их не будет.

Российская православная церковь постоянно выступает против аборт, которых в стране ежегодно проводится 1,5 млн в год. Автоитетные общественные деятели неоднократно высказывались о выводе этой процедуры из системы ОМС и сделать ее исключительно платной. Ни в одной стране нет таких либеральных законов об аборте, как в России. В Минздраве РФ предложили делать аборт только в абортариях в ведении ФСИН. А уполномоченная по правам ребенка в России Анна Кузнецова выступила за запрет продажи abortируемых лекарственных препаратов [19].

Родители должны быть твердо уверены в том, что смогут содержать и воспитывать не одного ребенка, а троих-четверых. Бренд многодетной семьи должен стать модной в России, а для этого необходим закон о статусе многодетной семьи. Против семьи нередко выступает и ювенальная инстанция [20].

Активную государственную политику необходимо сосредоточить на увеличении продолжительности здоровой и качественной жизни. Надо стимулировать рост сельского населения, где меньше проблем с питанием и безопасностью, экологическим состоянием природы. А для этого необходимо решать вопросы с медицинским обслуживанием, образованием и культурой.

Уменьшение численности населения в России в какой-то мере нивели-

руется лишь привлечением мигрантов, и для нашей страны – это крайне необходимо. Но в этом вопросе необходимо глубокое осмысление и грамотная миграционная политика. Европейская модель, которая предполагала ассимиляцию иммигрантов в местную жизнь «при взаимном проникновении культур» (по терминологии ЮНЕСКО) с треском провалилась. Особенно трагично это проявилось в Австрии и во Франции. Мэр Ниццы, где произошел трагический случай с отрезанием головы в церкви, даже квалифицировал случившееся, как проявление «исламского фашизма». В России на сегодняшний день также не удается успешно интегрировать трудовых мигрантов в общество и привить им базовые ценности россиян. Наблюдается другая тенденция – маргинализация, образование социальных анклавов и рост социальной напряженности в регионах, где высокий процент миграционной прослойки. Это является причиной большинства конфликтов на социально-бытовой почве и в области трудовых отношений. До 70% мигрантов составляют мужчины трудоспособного возраста. И при браках с россиянками их потомство отождествляет себя с отцом. По сути, происходит замещение одного населения другим. И еще один немаловажный факт: около 20% возбужденных уголовных дел приходится на долю мигрантов (в среднем по России около 3,5%) [21].

Необходимо также на законодательном уровне поднять престиж педагогического труда, выраженного в денежном эквиваленте, для женщин, целиком посвящающих себя воспитанию собственных детей и внуков. Это не только эффективная профилактика негативных проявлений в семье и подростковой преступности, а также вклад в экономику страны. Так как нормальная семья способствует профориентации ребенка и является главной кузницей высококвалифицированных кадров. И только во вторую очередь – это школа, ВУЗ, армия. (К примеру, во Франции: бабушка, ухаживающая за внуками, получает пособие, которое превышает зарплату

горничной). Тогда сменяются общественные стереотипы, и многодетные родители обретут престиж, а не будут вызывать удивление, непонимание, и даже, порой осуждение. Но с этими установками необходимо работать со школьной скамьи СМИ должны заниматься не только информированием о «государственных ценностях», а пропагандой того, как надо жить, чтобы продолжать свой род.

В России есть уникальный факт рождения одной женщиной 69 детей, из которых 67 выжило. В XVIII веке крестьянка из Шуи Валентина Васильевна с 1725 по 1765 год в результате 27 беременностей родила 16 близнецов-двойняшек, 7 тройняшек и 4 четверняшки. Счастливая мама прожила 76 лет и попала в Книгу рекордов Гинесса [22]. Пример из современной жизни: Анна Кузнецова-уполномоченный по правам ребенка в РФ вместе с мужем священником воспитывают семь детей.

Есть ли в нашей стране резервы для того, чтобы нас стало значительно больше? Эти резервы в сокращении абортот и разводов, снижении смертности, репатриации наших соотечественников, сохранении традиционных семейных ценностей и тех заповедей, по которым жили наши предки.

Литература

1. Правительство резко ухудшило прогноз по убыли населения России. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/10/2020/5f8846b39a7947323dcb06c5> (дата обращения: 09.10.2020).
2. Перекрест В. Велика Россия, а рожать некому! [Электронный ресурс] URL: <https://svpressa.ru/society/article/53430/> (дата обращения: 08.10.2020).
3. Понаморенко Л.Н. Почему женщины не хотят детей? [Электронный ресурс] URL: <https://www.b17.ru/article/103996> (дата обращения: 21.10.2020).
4. Рождаемость и планирование семьи: мнения, установки, мотивация. Серия «Качественные исследования»

- ния в экономике и демографии». Выпуск 10: Монография / Под ред. И.Е. Калабихиной, И.А. Троицкой. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016. 188 с.
5. Доронцев А.В., Светличкина А.А. Оценка факторов риска развития дезадаптивных реакций на физическую нагрузку различной направленности у мужчин среднего возраста. // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № 1. С. 135–141.
 6. Светличкина А.А., Доронцев А.В. Дифференциально-диагностические критерии сердечно – сосудистой системы у занимающихся художественной гимнастикой // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 1 (143). С. 181–184.
 7. Светличкина А.А., Доронцев А.В. Морфофункциональные изменения сердечно сосудистой системы у спортсменов, занимающихся греблей на байдарках и каноэ // Научно – теоретический журнал Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2016. № 11 (141). С. 168–171. С.П.
 8. Karpov V. Yu., Zavalishina S. Yu., Dorontsev A.V., Skorosov K.K., Ivanov, D.A. Physiological basis of physical rehabilitation of athletes after ankle injuries // Indian Journal of Public Health Research and Development, 2019, Vol. 10, No. 10, pp. 2723–2728.
 9. Dorontsev A.V., Alenurov E.A., Sharagin V.I., Petina E.Sh. Rating benefits of vocational physical education service at medical university // Theory and Practice of Physical Culture. 2019. № 5. С. 9.
 10. Архангельский В.Н. Рождаемость в реальных поколениях российских женщин: тенденции и региональные различия // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 2. С. 59–69.
 11. Зайцева Е. В., Казанцева А.Е. Модели мотивации на рождение детей // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 97–101.
 12. Семевский Ф.Н. Поддержка рождаемости // Вестник российских университетов. Математика. 2015. № 6. С. 1625–1629.
 13. Султанова И.В. Субкультура childfree и ее влияние на общество // Сборник тезисов докладов I Всероссийской научно-практической конференции. Актуальные проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности личности. Севастопольский государственный университет. 2018. Издательство: IDEA. С. 158–164.
 14. Перекрест В. Велика Россия, а рожать некому! [Электронный ресурс] URL: <https://svpressa.ru/society/article/53430/> (дата обращения: 08.10.2020).
 15. Хожателева Ю. Половина молодых россиян не планируют заводить детей. [Электронный ресурс] URL: https://www.izh.kp.ru/daily/217189/4297010/?utm_campaign=internal&utm_medium=see_also&utm_source=quote_preview&utm_term=1 (дата обращения: 12.10.2020).
 16. Почему 80% разводов в России инициировано женщинами? [Электронный ресурс] URL: <https://moreanamorana.livejournal.com/762356.html> (дата обращения: 07.10.2020).
 17. Муравлянцева М.М., Царькова Е.А., Пахомов М.А., Морозов А.М. Оценка населением процедуры экстракорпорального оплодотворения // Forcipe. 2020. Т. 3. № 8. С. 63–64.
 18. Сколько мужей растят не своих детей? Ответ дает тест ДНК на отцовство [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20190220/1551093098.html>
 19. Квач Е.С., Артемьева Е.С., Трубина П.Э., Новокщенова И.Е. Искусственное прерывание беременности – социальная медицинская проблема // сборник статей II Международной научно-практической конференции. Современная наука и молодые учёные. В 2 ч. Ответственный редактор: Гуляев Герман Юрьевич. Пенза, 2020. С. 91–95

20. Галина Алексеевна Банных Феномен многодетности в России: социологический анализ изменений // Вопросы управления. 2019. № 1 (37). С. 22–36.
21. Демографические чтения (Вызовы и тенденции демографического развития России и ее регионов). Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 22 мая 2020 г.) / под ред. Г.Ф. Хилажевой, Р.Н. Комлевой. Уфа: Гилем Башк.энцикл., 2020. 272 с.
22. Крестьянка из России – единственная женщина в мире, родившая 69 детей: правда или вымысел. [Электронный ресурс] URL: <https://fb.ru/post/history/2019/4/28/90626> (дата обращения: 22.10.2020).

INCREASING THE COUNTRY'S POPULATION IS THE KEY TO THE FUTURE

Ryazantsev A.A., Orlova I.A., Orlova V.A.

Astrakhan State Medical University

Annotation. The population of Russia has been steadily declining in recent years. Scientific research suggests that it is necessary to introduce new, more effective measures for material incentives and support for the country's reproductive population, as well as to reconsider the real right of women to combine family responsibilities with the opportunity to work with the most flexible schedule. It is proposed to raise the prestige of pedagogical work at the legislative level for women who devote themselves entirely to raising their own children and grandchildren. Reserves for increasing the population of our country are the reduction of divorces and abortions, mortality reduction, repatriation of our compatriots, stimulating growth of the rural population, the preservation of family values and the commandments by which our ancestors lived.

Keywords: demographic pit; material and housing problems; stimulating the birth rate; «child-free»; divorce; abortion; alimony; migrant workers; large family; family values.

References

1. The government has sharply worsened the forecast for the decline of the Russian population. [Electronic resource] URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/10/2020/5f8846b39a7947323dcb06c5> (accessed: 09.10.2020).
2. Perekrest V. Russia is great, and there is no one to give birth to! [Electronic resource] URL: <https://svpressa.ru/society/article/53430/> (accessed: 08.10.2020).
3. Ponamorenko L.N. Why do women not want children? [Electronic resource] URL: <https://www.b17.ru/article/103996> (accessed: 21.10.2020).
4. Fertility and family planning: opinions, attitudes, motivation. A series of «high-Quality research in Economics and demography». Issue 10: The Monograph / Edited by I.E. Kalabikhina and I.A. Troitskaya, Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 2016, 188 p.
5. Dorontsev A.V., Svetlichkina A.A. Assessment of risk factors for the development of maladaptive reactions to physical activity of various directions in middle-aged men. // Person. Sports. Medicine. 2020. Vol. 20. No. 1. pp. 135–141.
6. Svetlichkina A. A., Dorontsev A.V. Differential diagnostic criteria of the cardiovascular system in those engaged in rhythmic gymnastics. 2017. No. 1 (143). pp. 181–184.
7. Svetlichkina A. A., Dorontsev A.V. Morphofunctional changes of the cardiovascular system in athletes engaged in rowing on kayaks and canoes // Scientific and theoretical Journal Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft. 2016. No. 11 (141). P. 168–171. S. P.
8. Karpov V. Yu. Zavalishina S. Yu., Dorontsev A.V., Skorosov K.K., Ivanov, D.A. Physiological basis of physical rehabilitation of athletes after ankle injuries // Indian Journal of Public Health Research and Development, 2019, Vol. 10, No. 10, pp. 2723–2728.
9. Dorontsev A.V., Alenurov E.A., Sharagin V.I., Petina E.Sh. Rating benefits of vocational physical education service at medical university // Theory and Practice of Physical Culture. 2019. No. 5. p. 9.
10. Arkhangelsk V.N. Birth rate in real generations of Russian women: trends and regional differences // Economy. Taxes. Right. 2019. No. 2. pp. 59–69.
11. Zaitseva E. V., Kazantseva A.E. Models of motivation for the birth of children // Bulletin of SUSU. Series: Social and humanitarian sciences. 2020. No. 3. pp. 97–101.
12. Semevsky F.N. Birth rate support // Bulletin of Russian Universities. Mathematics. 2015. № 6. С. 1625–1629.

13. Sultanova I.V. Subculture childfree and its influence on society // Collection of abstracts of reports of the I All-Russian scientific and practical conference. Actual problems of ensuring information and psychological security of the individual. Sevastopol State University. 2018. Publishing house: IDEA. pp. 158–164.
14. Perekrest V. Russia is great, and there is no one to give birth to! [Electronic resource] URL: <https://svpressa.ru/society/article/53430/> (accessed 08.10.2020).
15. Khozhateleva Yu. Half of young Russians do not plan to have children. [Electronic resource] URL: https://www.izh.kp.ru/daily/217189/4297010/?utm_campaign=internal&utm_medium=see_also&utm_source=quote_preview&utm_term=1 (date of request: 12.10.2020).
16. Why 80% of divorces in Russia are initiated by women? [Electronic resource] URL: <https://morena-morana.livejournal.com/762356.html>
17. Muravlyantseva M. M., Tsarkova E.A., Pakhomov M.A., Morozov A.M. Evaluation of the procedure of in vitro fertilization by the population // Forcipe. 2020. Vol. 3. no. S. S. 63–64.
18. How many husbands raise children other than their own? The answer is given by the DNA test for paternity [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20190220/1551093098.html>
19. Kvach E. S., Artemyeva E.S., Trubina P.E., Novokshchenova I.E. Artificial termination of pregnancy – a social medical problem // collection of articles of the II International scientific and practical conference. Modern science and young scientists. At 2 o'clock. Responsible editor: Herman Gulyaev, Yu. Penza, 2020. S. 91–95
20. Galina Alekseevna Bannykh The phenomenon of having many children in Russia: sociological analysis of changes // Management issues. 2019. No. 1 (37). pp. 22–36.
21. Demographic readings (Challenges and trends in the demographic development of Russia and its regions). Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, May 22, 2020) / edited by G.F. Khilazheva, R.N. Komleva. Ufa: Gilem Bask.encycl., 2020. 272 p.
22. A peasant woman from Russia is the only woman in the world who gave birth to 69 children: truth or fiction. [Electronic resource] URL: <https://fb.ru/post/history/2019/4/28/90626> (accessed 22.10.2020).

Коррупция как следствие приватизации государственной власти

Тимофеева Инна Юрьевна,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: mail@smol.ranepa.ru

Лаврова Елена Викторовна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: e.v.lavrova@list.ru

Комиссарова Елена Александровна,

кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: mail@smol.ranepa.ru

Федоскин Николай Николаевич

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

Ягнешко Михаил Владимирович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: yagneshkom@gmail.com

В статье анализируются данные о проникновении коррупции в органы государственного и муниципального управления. Коррупция приняла в России гипертрофированные размеры, несмотря на широкомасштабные меры, принимаемые правительством по борьбе с этим явлением. Как следствие снижается эффективность экономики, усиливается социальное неравенство, нарушаются права человека и гражданина, что

полностью противоречит основам Конституционного строя, провозглашенным в Российской Федерации. Итогом постоянно увеличивающейся коррупции становится и четко выраженная социальная дифференциация общества. Проводимые антикоррупционные мероприятия, реализуемые на уровне государственных и муниципальных организаций с использованием международного опыта, действующего законодательства Российской Федерации, различных программ противодействия коррупции показали определённый прогресс. Тем не менее, коррупция находится на угрожающе высоком уровне. По мнению авторов статьи, основной причиной является происходящая приватизация государственной власти, позволяющая должностным лицам на всех уровнях государственного и муниципального управления использовать функции, которыми наделило их государство, в своих корыстных интересах. Предлагается, в силу сложившихся в России традиций и менталитета населения, применение жестких административных и уголовно-правовых методов в целях противодействия коррупционным правонарушениям.

Авторы в результате проведённого исследования приходят к выводу, что силовые меры должны дополняться формированием в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям. Ключевую роль в воспитании гражданского общества могут сыграть средства массовой информации, повышение правовой культуры граждан, антикоррупционное просвещение.

Ключевые слова: коррупция, приватизация власти, хищения, противодействие коррупции, уголовно-правовые меры.

Коррупция сегодня является проблемой во многих странах мира. Как свидетельствуют данные международной неправительственной организации Transparency International, с этим общественно-опасным явлением в той или иной степени сталкиваются в любой стране. Но в России ситуация с коррупцией обстоит особенно остро. Коррупция проникла во все сферы нашего общества, здравоохранение, медицину, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, государственное управление, негосударственный сектор экономики и превратилась в обычную составляющую социально-экономической жизни. Коррупция иногда сравнивают с опухолью поразившую метастазами всю страну [13, с. 175].

Согласно индекса восприятия коррупции ежегодно рассчитанного Transparency International на основании опросов экспертов и предпринимателей, Российская Федерация по состоянию на 2019 год находилась на 137 месте в мире, между Папуа-Новой Гвинеей и Ливаном [8, с. 1]. К 2020 году улучшила свой рейтинг всего на пару позиций.

Проведенный Генеральной прокуратурой Российской Федерации в 2019 году социологический опрос показал, что наиболее коррумпированными в России граждане считают сектор государственной и муниципальной собственности (78% опрошенных), правоохранительную систему (77%), судебную систему (74%), сферу жилищно-коммунального хозяйства и оказания услуг (63%) [3, с. 1]. Большинство населения не видит положительных изменений в борьбе с коррупцией. При этом коррупция в России продолжает нарастать. Генеральной прокуратурой в 2019 году отмечен рост коррупционных правонарушений на 3,6% по отношению к уровню 2018 года, существенно выросло количество преступлений, связанных с дачей взяток (на 35,4%) и посредничества при даче взяток (на 46,4%) [4, с. 1]. Председатель Счетной палаты А.Л. Кудрин в интервью, данном агентству РИА Новости, в январе 2020 года заявил, что размеры коррупции в нашей стране до-

стигают нескольких триллионов рублей в год, при этом нет тенденции к её снижению. Правда, непосредственно из бюджета воруют по мнению Алексея Леонидовича не так уж много – примерно 2–3 миллиарда рублей в год [1, с. 5; 9, с. 1].

Коррупция приняла в России гипертрофированные размеры, несмотря на широкомасштабные меры, принимаемые правительством по борьбе с этим явлением. Борьба системно ведется на всех уровнях государственного и муниципального управления. Если проанализировать антикоррупционную политику, то получится довольно внушительная картина. Так, на уровне министерств и ведомств в целях противодействия коррупции осуществляются следующие мероприятия:

- определен порядок представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданами, претендующими на замещение должностей, и работниками, замещающими соответствующие должности;
- утверждены положения об осуществлении проверки в отношении лиц, замещающих должности или претендующих на замещение должностей, включенных в Перечень должностей, при назначении на которые граждане и при замещении которых работники обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей;
- изданы приказы об организации проведения служебных проверок;
- созданы комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов;
- разработаны комплексы мероприятий по реализации антикоррупционной политики;

- утверждены планы мероприятий по противодействию коррупции;
 - созданы отделы по профилактике коррупционных правонарушений;
 - разработаны Кодексы этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих;
 - утвержден порядок уведомления нанимателей о фактах обращения в целях склонения федерального государственного гражданского служащего к совершению коррупционных правонарушений;
 - утверждены перечни должностей, замещение которых связано с коррупционными рисками;
 - организована работа «телефона доверия» по вопросам противодействия коррупции;
 - и т.п.
- На уровне субъектов Федерации в целях противодействия коррупции:
- приняты региональные законы о противодействии коррупции;
 - созданы комиссии по координации работы по противодействию коррупции;
 - сформированы департаменты (отделы) региональной безопасности и противодействия коррупции;
 - разработаны программы по противодействию коррупции и подробные планы содержащие конкретные мероприятия по противодействию коррупции, источники финансирования, и объем выделяемых средств;
 - созданы Советы по противодействию коррупции;
 - сформированы и функционируют комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов, образуемых в государственных органах;
 - утвержден порядок проверки достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей муниципальной службы, муниципальными служащими, соблюдения муниципальными служащими требований к служебному поведению; проводится антикоррупционный мониторинг;
 - утвержден порядок проведения антикоррупционной экспертизы областных нормативных правовых актов и проектов областных нормативных правовых актов;
 - утверждены положения о «телефоне доверия» для получения информации о проявлениях коррупции в органах исполнительной власти в субъектах федерации и органах местного самоуправления муниципальных образований;
 - проводятся социологические исследования в целях изучения мнение населения об уровне коррупции в органах исполнительной власти регионов;
 - проводится общественное обсуждение (с привлечением экспертного сообщества) проектов планов противодействия коррупции;
 - отчеты о выполнении программ противодействия коррупции размещаются в Интернете на официальных сайтах региональных органов власти;
 - проводятся обучающие семинары с лицами, ответственными за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений в органах исполнительной власти регионов;
- Аналогичные антикоррупционные мероприятия проводятся в государственных и муниципальных учреждениях, организациях и предприятиях – школах, больницах, детских садах, учреждениях культуры, предприятиях коммунального хозяйства. Составляются планы антикоррупционных мероприятий, определяются ответственные за их исполнение, сроки предоставления отчетности, устанавливаются телефоны «горячей линии», по которым гражданам могут обратиться в случае вымогательства денежных средств или осуществления противоправных действий со стороны служащих, проводятся круглые столы, оформляются стенды, посвященные работе по противодействию коррупции.

Борьба с коррупцией в отдельных организациях может включать очень широкий спектр мероприятий. Например, в литературном институте имени А.М. Горького антикоррупционная программа включает:

- принятие Кодекса этики и служебного поведения;
- ежегодно в институте формируется План мероприятий по противодействию коррупции на календарный год;
- принятие целого комплекса локальных нормативных документов, например, Положение о порядке работы по предотвращению конфликта интересов работников при осуществлении ими профессиональной деятельности, Положение о порядке сообщения работниками о получении подарка, Порядок сообщения о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, к совершению коррупционных правонарушений или ставшей известной информации совершения коррупционных правонарушений;
- создание института Ответственного за профилактику коррупционных и иных правонарушений, его функции выполняет проректор по научной и творческой работе;
- в целях оперативного реагирования со стороны общественности на возможные коррупционные действия со стороны сотрудников Литературного института действует система обратной связи включающая прием электронных сообщений на адрес ректората;
- проводится изучение материалов, размещаемых в средства массовой информации и в электронном пространстве на предмет выявления сообщений о фактах коррупции в стенах института;
- к антикоррупционной работе привлекается студенческое сообщество, ректорат «сотрудничает со студенческим активом по вопросам устранения коррупционных ри-

сков и предотвращения коррупционных проявлений»;

- обучающиеся участвуют в проведении круглых столов, обсуждении проблем, связанных с коррупционными проявлениями.

Как видим создана мощная система противодействия коррупции в стенах учебного заведения которая, несмотря на это «имеет перспективы дальнейшего её укрепления» [16, с 2].

Перечень внутренних нормативных документов Липецкого государственного педагогического университета составляет 23 позиции! [10, с. 1].

Ведется активная борьба с коррупцией и в негосударственном секторе. В банках, страховых организациях, крупных промышленных компаниях разрабатывается политика противодействия коррупции, создается целая система, включающая принятие локальных нормативных актов, регулирующих порядок борьбы сданным злом, определяются ответственные за проведение различных мероприятий, системы оценки эффективности принимаемых мер, составляются соответствующие отчеты.

Антикоррупционная политика любого акционерного общества основана на действующем международном и федеральном антимонопольном законодательстве, рекомендациях Министерства труда и социальной защиты. Она включает цели, задачи, область применения, основные принципы, ответственных лиц за реализацию политики, мероприятия реализуемые в целях предупреждения и противодействия коррупции.

Антикоррупционная деятельность таким образом пронизывает все общество, но коррупция все равно процветает. Как же при таком организованном противодействии коррупция в нашей стране приобрела гипертрофированные масштабы?

Специалистами, учеными, государственными служащими, представителями законодательной власти выделен широкий спектр причин, вызывающих определяющих распространение и живучесть этого негативного явления.

Большинство исследователей считает, что первостепенной причиной коррупции является несовершенство российского законодательства, низкий уровень правовой культуры населения, низкая эффективность деятельности исполнительных органов власти, отсутствие демократического контроля за деятельностью органов государственного управления, склонность населения к взяточничеству, алчность чиновников, несовершенство государства, тяжелое наследие советского режима, резкая дифференциация населения по доходам в сочетании с недостаточными доходами значительной части населения. Сложность противодействия коррупции иногда объясняется естественными причинами например тем, что склонность к коррупции определена самой сущностью человека [12, с. 130] и поэтому является его естественной составляющей. Оправданием коррупции находят низкий уровень доходов служащих и специалистов, особенно на уровне муниципальных образований. А.А. Тимофеева, Е.В. Голодненко считают, что причина распространение коррупции заключается в отсутствии специализированного органа по противодействию коррупции наделенного особыми полномочиями [18, с. 174]. Но как свидетельствует российская практика принятие новых нормативных документов или создание разного рода комиссий или комитетов принципиально не влияют на размеры коррупции.

Несомненно, указанные причины оказывают влияние на распространение коррупции. Но на наш взгляд, главной причиной распространение коррупции является происходящая в РФ приватизация государственной власти. В 40-е годы 20 столетия, анализируя тоталитарный режим, Ф. Хайек выделил такое понятие как «приватизация власти» – это ситуация при которой личность полностью овладевает государственной властью рассматривая ее как средство реализации свои интересов. В настоящее время принято использовать такой термин как «приватизация государства». По мнению М.В. Мельни-

кова приватизация государства представляет собой «очаствивание публичной власти и публичных институтов» [11, с. 35]. Сулакшин С.С. характеризуя черты современного российского государства определяет его как приватизированное государство, в котором происходит приватизация властных мандатов или полномочий, «приватизация самого института государства» [17, с. 1].

Именно приватизация власти позволяет должностным лицам на всех уровнях государственного и муниципального управления использовать свои функции, которыми наделило их государство в своих корыстных интересах.

Государство при этом никуда не исчезает, оно сохраняет все присущие ему признаки, такие как территория, право на легитимное насилие, установление и сбор налогов, аккумулярование ресурсов для выполнения своих функций. Но реализуют функции государства представители аппарата, наделенные полномочиями в соответствии с законодательством РФ. Аппарат превращается в своеобразную корпорацию монополизирующую власть.

Приватизация власти позволяет использовать в своих интересах материально-вещественный и финансовый капитал государства. Масштабы хищений поражают воображение. В 2016 году были осуждены бывшая глава Внешпромбанка Лариса Маркус и её заместитель Екатерина Глушакова. Суд признал их виновными в хищении денежных средств на сумму 113,5 миллиарда рублей (примерно 23,2 тонны пятитысячных купюр). Бывшему председателю банка суд назначил наказание в виде лишения свободы по части 4 статьи 159 («Мошенничество») и части 4 статьи 160 Уголовного кодекса России («Присвоение или растрата») в виде 9 лет заключения с отбыванием в колонии общего режима, заместителя председателя приговорили к пребыванию в колонии сроком на 4 года. Маркус и Глушакова осознали свою вину и активно сотрудничали со следствием. При этом, суд отказался удовлетворить гражданский иск Внешпромбанка

о взыскании 113,5 млрд рублей с Маркус и Глушаковой [7, с. 2].

В апреле 2019 года был арестован начальник банковского отдела управления «К» ФСБ полковник Кирилл Черкалин и ряд других сотрудников данного подразделения. Черкалин руководил службой, контролирующей «чистоту» операций, осуществляемых банками на территории Российской Федерации. Ему подчинялись все региональные банковские подразделения ФСБ и соответственно все сотрудники аппарата прикомандированных сотрудников (прикомандированных к банкам). Обладая огромным объемом полномочий, предоставленных государством, Черкалин покрывал незаконные операции банков получая за это свою долю. При обыске в квартирах полковника нашли 12 миллиардов рублей (бывший сотрудник КГБ, бизнесмен Александр Лебедев назвал найденные миллиарды «карманными расходами» [15, с. 7]), стоимость имущества оценили ещё в 6,3 миллиарда. Однако, эти суммы лишь крохотная часть средств, проходившая через криминальную систему созданную при участии Черкалина. Как полагают эксперты ежедневный доход преступной организации мог составлять 400 миллионов рублей [14, с. 3].

Создал преступное сообщество, похитил и вывел за рубеж более 4 миллиардов рублей заместитель председателя Правительственной комиссии по координации деятельности «Открытого правительства» (в статусе федерального министра) Михаил Абызов (арестован в марте 2019 года).

Возглавляемая Абызовым организация была создана в 2012 году для координации сотрудничества государственных организаций с представителями гражданского общества и предпринимательских кругов, а также с общественными объединениями. Комиссия занималась организацией и оценкой результатов общественной экспертизы нормативно-правовых актов, рассматривала предложения, направленные на повышение уровня открытости работы госорганов, улучшение системы

общественных советов и осуществление гражданского контроля. Комиссия рассматривала предложения о применении системы «Открытое правительство» против коррупции, а также на благо конкуренции и улучшения условий для предпринимательства.

Бывший министр обвиняется в мошенничестве в сфере производства и передачи электроэнергии. По мнению следственных органов своими противозаконными действиями Абызов создал угрозу энергетической безопасности для нескольких регионов Российской Федерации, кроме того, чиновник обвиняется в легализации денежных средств и незаконном предпринимательстве. Помимо деятельности в сфере государственного управления Абызов имел отношение к руководству организацией «Группа Е-4» работавшей в сфере промышленно-энергетического строительства. И как, основатель и бывший председатель совета директоров «Группы Е4», он привлечен по искам в качестве главного ответчика к субсидиарной ответственности на сумму 33,63 миллиарда рублей.

Помимо рассмотренных, в 2019 году был возбужден целый ряд громких дел, связанных с коррупцией. Арестовывались депутаты, чиновники, муниципальные служащие, сотрудники правоохранительных органов, служащие налоговых органов, сотрудники частных организаций. Во многих случаях масштабы хищений и втяток составляют многомиллиардные суммы.

Как писал премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю: человеческая изобретательность практически бесконечна, когда дело касается конвертации власти в личную выгоду.

Проблема нашей страны в том, что борьба с коррупцией ведется в основном на бумаге. Реальному предупреждению и пресечению коррупции в России мешает недостаток политической воли высшего руководства страны, что создает возможности для использования должностными лицами предоставленных им полномочий в личных целях [18, с. 174]. Время от времени

уголовные дела в отношении высшего руководства возбуждаются, но борьба с коррупцией не носит системного характера. Ли Куан Ю советовал начать борьбу с коррупцией со своего ближнего круга первыми посадить своих друзей, поскольку все знают за что.

Если рассматривать мировой опыт противодействия коррупции, то мы увидим, что самыми «чистыми» являются скандинавские страны, где общество крайне негативно настроено к любым проявлениям коррупционных правонарушений. Например, в Дании, где уровень коррупции оценивается как самый низкий в мире также как и в России приняты этические кодексы, нормативные документы о коррупции, осуществляется контроль за прозрачностью финансовых операций со стороны неправительственных организаций. Различие с нашей страной в том, что успешное противодействие коррупции в Дании осуществляется в первую очередь благодаря высокому уровню самосознания и ответственности граждан. Государственные служащие, сотрудники частных фирм, рядовые граждане осознанно придерживаются политики абсолютной нетерпимости к любым коррупционным проявлениям.

Российское общество сегодня не готово пойти по датскому варианту в силу сложившихся в России традиций и менталитета населения.

Для нашей страны скорее подойдет сингапурский и китайский опыт борьбы с коррупцией основанный на использовании жестких административных и уголовно-правовых методов. Многие исследователи, критикуя китайский опыт ссылаются на то, что даже несмотря на применение смертной казни, в Китае уровень коррупции остается достаточно высоким. Но именно благодаря жестким мерам в стране удается удерживать уровень коррупции на приемлемом уровне. Если бы китайское правительство не применяло жестких мер, вряд ли бы Китай входил сегодня в число стран с самыми высокими темпами экономического роста и объемом иностранных инвестиций.

Усиление коррупции в России свидетельствует о том, что применяемые на сегодняшний день меры не обеспечивают необходимых результатов. Необходимо усиление наказаний за коррупционные правонарушения. Применение более суровых мер может выступить не только средством восстановления социальной справедливости но и позволит возместить обществу ущерб нанесенный отдельными лицами и организациями причастными к коррупции.

Справедливым будет поставить степень наказания в зависимости от занимаемой должности и общественного положения виновных в совершении коррупционных правонарушений, поскольку, чем выше должность коррупционера, тем большими правами он обладает и соответственно присваивает большее количество властно-распорядительских функций. Здесь должен действовать евангельский принцип «И от всякого, кому дано много, много и потребует, и кому много вверено, с того больше взыщут». Можно согласиться с Б.Г. Даниловой, которая считает, что усиление мер уголовно-правового характера «не противоречит и принципам равенства граждан перед законом, гуманизма и экономии мер уголовно-правового воздействия...» [5, с. 100].

Ужесточение наказания может выразиться в возвращении в уголовный кодекс меры наказания в виде лишения свободы и конфискации имущества отмененной Федеральным законом № 162-ФЗ от 08.12.2003 г. (пункт «ж» статьи 44 УК РФ). Материальные санкции, применяемые к лицам обвиненным в коррупционных правонарушениях сегодня явно не соответствуют полученной выгоде, отбыв в местах лишения свободы определенный судом срок бывший взяточник остается состоятельным человеком способным обеспечить безбедное существование своим близким.

Запрос общества на ужесточение наказания за коррупционные правонарушения выразил депутат Государственной думы Александр Шерин пред-

ложивший ввести смертную казнь для коррупционеров и террористов. По мнению депутата, нужно равняться на Китай, где высокие темпы развития экономики обеспечиваются благодаря жестким мерам по противодействию коррупции, «надо помнить, что в этой стране существует смертная казнь за коррупцию» [6, с. 1].

Использование силовых мер по борьбе с коррупцией безусловно должно дополняться контролем со стороны общественности. Участие граждан в борьбе с этим негативным явлением предполагает повышение уровня финансовой и экономической и правовой грамотности населения, формирования в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям. Большую роль в воспитании гражданского общества должны сыграть средства массовой информации, культуры, просвещение. Но общественный контроль будет эффективным только в том случае, когда общественное мнение будет являться сигналом, обязывающим органы государственной власти, муниципальному управлению и правоохранительные структуры к осуществлению конкретных антикоррупционных мероприятий.

Литература

1. Алексей Кудрин: ущерб от коррупции в России можно измерять триллионами // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20200114/1563387576.html>?
2. В России закрыли «Открытое правительство» // Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2018-06-25_vlasti_raspustili_komissiyu_po_otkrytomu_pravitelstvu
3. Генпрокуратура назвала лидеров по уровню коррупции – силовики, суды, исполнительная власть. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pasm.ru/archive/245653/>
4. Генпрокуратура заметила резкий рост коррупции в 2019 году // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/678230>

5. Данилова Б.Г. Ужесточение наказания как средство борьбы с коррупцией // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3 (16). – С. 98–101.
6. Депутат Госдумы предложил ввести смертную казнь за коррупцию и взятки // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://otr-online.ru/news/deputat-gosdumy-predlozhi-vvesti-smertnuyu-kazn-za-korruptsiyu-i-vzyatki-119557.html>
7. 9 лет за хищение 114 млрд вынесен приговор экс-главе Внешпромбанка Ларисе Маркус // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/kompanii/344179-9-let-za-hishchenie-114-mlrd-vynesen-prigovor-eks-glave-vneshprombanka-larise-markus>
8. Индекс восприятия коррупции – 2019. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html>
9. Кудрин назвал масштабы воровства из федерального бюджета // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20200114/1563384801.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews
10. ЛГПУ – противодействие коррупции // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lspu-lipetsk.ru/modules.php?name=anticorruptsiya>
11. Мельников М.В. Приватизация государства: понятие и феномен // Социологические науки. – 2015. – № 14. – С. 33–36.
12. Мельков С.А., Микрюков В.О., Лябах А.Ю., Саборова Е.В. Противодействие коррупции в России в 2018 году: мнение регионов // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korruptsii-v-rossii-v-2018-godu-mnenie-regionov/viewer>

13. Моисеев В.В. Международный опыт противодействия коррупции // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 3 – с. 175–179.
14. На что влиял полковник ФСБ Черкалин: 12 млрд – это крохи // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2019/05/20/081/>
15. «Приятный человек с налетом гламура» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/10/03/cherkalin/>
16. Противодействие коррупции // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litinstitut.ru/anti-corruption>
17. Сулакшин С.С. Приватизированное государство. Постановка задачи // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusrand.ru/forecast/privatizirovannoe-gosudarstvo-postanovka-zadachi>
18. Тимофеева А.А., Голодненко Е.В. Проблемы противодействия коррупции в России: история и современность // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. – 2018. – № 3. – С. 171–177.

CORRUPTION AS A CONSEQUENCE OF THE PRIVATIZATION OF STATE POWER

Timofeeva I. Yu., Lavrova E.V., Komissarova E.A., Fedoskin N.N., Yagneshko M.V.

Smolensk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes data on the penetration of corruption in state and municipal government bodies. Corruption has become hypertrophied in Russia, despite the large-scale measures taken by the government to combat this phenomenon. As a result, the efficiency of the economy decreases, social inequality increases, human and civil rights are violated, which completely contradicts the foundations of the constitutional system proclaimed in the Russian Federation. The result of ever-increasing corruption is a clearly defined social differentiation of society. The ongoing anti-corruption measures implemented at the level of state and municipal organizations using international experience, the current legis-

lation of the Russian Federation, and various anti-corruption programs have shown some progress. Nevertheless, corruption is at an alarmingly high level. According to the authors of the article, the main reason is the ongoing privatization of state power, which allows officials at all levels of state and municipal administration to use the functions that the state has given them for their own selfish interests.

It is proposed, due to the traditions and mentality of the population that have developed in Russia, the use of strict administrative and criminal legal methods in order to counteract corruption offenses.

As a result of the study, the authors come to the conclusion that force measures should be supplemented by the formation of intolerance to corruption in society. Mass media, raising the legal culture of citizens, and anti-corruption education can play a key role in educating civil society.

Keywords: corruption, privatization of power, embezzlement, anti-corruption, criminal law measures.

References

1. Alexey Kudrin: damage from corruption in Russia can be measured in trillions // [Electronic resource]. Mode of access: <https://ria.ru/20200114/1563387576.html?>
2. Russia has closed the “open government” [Electronic resource]. Mode of access: https://www.cnews.ru/news/top/2018-06-25_vlasti_raspustili_komissiyu_po_otkrytomu_pravitelstvu
3. The Prosecutor General's office named the leaders in terms of corruption – the security forces, the courts, the Executive branch. // [Electronic resource]. Mode of access: <https://pasm.ru/archive/245653/>
4. The Prosecutor General's office noticed a sharp increase in corruption in 2019 // [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.interfax.ru/russia/678230>
5. Danilova B.G. Toughening of punishment as a means of fighting corruption // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011. – № 3 (16). – P. 98–101.
6. The Deputy of the state Duma proposed to introduce the death penalty for corruption and bribes. Mode of access: <https://otr-online.ru/news/deputat-gosdumy-predlozhi-vvesti-smertnyuy-kazn-za-korruptsiyu-i-vzyatki-119557.html>
7. 9 years for embezzlement of 114 billion: the sentence of the ex-head of Vne-

- shprombank Larisa Markus was pronounced. Mode of access: <https://www.forbes.ru/kompanii/344179-9-let-zahishchenie-114-mlrd-vynesen-prigovor-eksglave-vneshprombanka-larise-markus>
8. The corruption perception index – 2019. // [Electronic resource]. Mode of access: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii-rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2019-28-ballovi-137-mesto.html>
 9. Kudrin called the scale of theft from the Federal budget / // [Electronic resource]. Mode of access: https://ria.ru/20200114/1563384801.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews
 10. LSPU-anti-corruption // [Electronic resource]. Mode of access: <http://lspu-lipetsk.ru/modules.php?name=anticorruptciya>
 11. Melnikov M.V. Privatization of the state: the concept and phenomenon of // Sociological science. – 2015. – No. 14. – Pp. 33–36.
 12. Melkov S. A., Mikryukov V.O., Iyabakh A. Yu., Saberova E.V. anti-corruption In Russia in 2018: opinion of the regions // [Electronic resource]. Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korrupsii-v-rossii-v-2018-godu-mnenie-regionov/viewer>
 13. Moiseev V. V. international experience of countering corruption // Central Russian Bulletin of social Sciences. – 2013. – No. 3-pp. 175–179.
 14. What influenced Colonel of the FSB Cherkalin: 12 billion is crumbs / // [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.fon-tanka.ru/2019/05/20/081/>
 15. “A Pleasant man with a touch of glamour” // [Electronic resource]. Mode of access: <https://lenta.ru/articles/2019/10/03/cherkalin/>
 16. Anti-corruption // [Electronic resource]. Access mode: <http://litinstitut.ru/anti-corruption>
 17. Sulakshin S.S. Privatized state. Statement of the problem // [Electronic resource]. Mode of access: <http://rusrand.ru/forecast/privatizirovannoe-gosudarstvo-postanovkazadachi>
 18. Timofeeva A. A., Golodnenko N.V. Problems of countering corruption in Russia: history and modernity // Territory of new opportunities. Bulletin of VSUES. – 2018. – No. 3. – Pp. 171–177.

Деконструкция образовательных практик преподавателей и студентов российских вузов в условиях вынужденного перехода на дистанционное образование

Грунт Елена Викторовна,

профессор, доктор философских наук, профессор кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

Беляева Екатерина Александровна,

доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социальной работы департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: Ekaterina.podergina@mail.ru

Лебедкина Екатерина Георгиевна,

магистрант кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: katerina.taleriko@gmail.com

В марте 2020 года при введении глобальных ограничительных мер для минимизации распространения COVID-19 произошел вынужденный переход на дистанционные формы обучения в российских и зарубежных вузах. Переход на дистанционное образование оказался не запланированным и вынужденной мерой для всех участников образовательного процесса: преподавателей, студентов, самих вузов, что повлекло за собой проблемы для российской высшей школы. Одной из таких проблем оказалась деконструкция образовательных практик преподавателей и студентов вузов. В связи с этим в марте-мае 2020 года авторами статьи проведено исследование в ряде университетов г. Москвы, Екатеринбургa и Челябинска. Методология исследования сочетала в себе качественные и количественные стратегии. При этом необходимо улучшить качество дистанционного образования, развивать у студентов и преподавателей навыки и умения использования образовательного контента, менять привычные образовательные практики.

Ключевые слова: высшее образование, цифровизация, дистанционное образование, онлайн-образование, деконструкция образовательных практик, пандемия.

Введение

До пандемии COVID-19 в образовательных учреждениях мира наблюдался ежегодный рост дистанционного обучения примерно на 15,4% [1]. Что касается России, то в 2018 году доля дистанционного образования в российской системе высшего образования была незначительна. По некоторым данным, она составляет около 1,1% (для сравнения, в США, Японии и некоторых европейских странах – 20–30%), но темпы роста российского рынка дистанционного образования в настоящее время опережают общую динамику мирового рынка [2]. В марте 2020 года при введении глобальных ограничительных мер для минимизации распространения COVID-19 произошел вынужденный переход на дистанционные формы обучения в российских и зарубежных вузах. Более чем 60% студентов и преподавателей по всему миру перешло на дистанционные формы обучения [3]. По данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), COVID-19 был зарегистрирован более, чем в 216 странах [4]. Многие страны приняли меры предосторожности, включая полную изоляцию школ и университетов, а также их переключение на полный формат онлайн-обучения во время распространения коронавируса, чтобы избежать ожидаемых волн в будущем [5]. Переход на дистанционное образование оказался не запланированным и вынужденной мерой для всех участников образовательного процесса: преподавателей, студентов, самих вузов.

В декабре 2020 года всем участникам образовательного взаимодействия в российской высшей школе стало очевидно, что этот переход привел к определенным вызовам и спровоцировал изменение всего образовательного про-

цесса, в том числе и образовательных практик преподавателей и студентов. Продолжительное обучение онлайн, переход на электронные курсы ведущих вузов России создали определенную сложную социально-психологическую проблему принятия тех педагогических ситуаций и новых образовательных технологий, которые складываются в онлайн образовательном пространстве.

Система высшего образования претерпевает изменения, в которых все более ощущается разрыв в образовании, получаемом студентами в различных вузах. Это связано с рядом причин: 1) наличием у вузов материально-технических и финансовых ресурсов, как для покупки образовательных платформ, так и создания собственных; 2) имеющимися кадрами, готовыми работать в условиях дистанционного образования; 3) наличием у профессорско-преподавательского состава, студентов опыта работы в формате дистанционного обучения в до эпидемиологический период; 4) наличием у вуза электронных образовательных ресурсов (ЭОР) и пр.

В этих условиях важной проблемой, связанной с изменениями, происходящими в высшем образовании при переходе на дистанционный формат, стала деконструкция образовательных практик студентов и профессорско-преподавательского состава вузов. Все это говорит об актуальности темы исследования.

Исследования развития дистанционных форм обучения, в частности в высшей школе, актуализировались в российском и международном научном дискурсе в последнее десятилетие. Эти проблемы активно разрабатывались Р. Гаррисоном [6], который еще в 20 веке задавался вопросом о том, имеет ли дистанционное образование теоретическую основу, чтобы принять его в 21-м веке, и будет ли развитие теории дистанционного образования идти в ногу с инновациями в технологии и практике. По мнению исследователя, дистанционное образование в начале 21 века не имело научной основы. Точ-

ку зрения Р. Гаррисона поддерживает Д. Киган, который, анализируя различные зарубежные концепции дистанционного образования прошлого, отмечает, что, несмотря на значительный прогресс в разработке теоретических концепций, дистанционное образование по-прежнему не имеет необходимой научной базы [7].

Российские исследователи Т.В. Никулина и Е.Б. Стариченко. [8] более оптимистично оценивают введение цифровых технологий в образование, нежели их западные коллеги. Они отмечают при этом, что цифровизация направлена на подготовку специалистов, востребованных на рынке труда, для более легкого и свободного владения ими мобильными и интернет-технологиями, а также их ориентацией на непрерывное обучение (повышение квалификации) с помощью электронного обучения.

М.Г. Балыхин [9] в своей статье анализирует возможности электронного обучения студентов и формирование профессиональных траекторий будущих специалистов, перспективные направления и проблемы развития электронного обучения, а также его роль в расширении международного рынка образовательных услуг.

Б. Дендев при подготовке доклада ЮНЕСКО дает комплексный анализ необходимых механизмов подготовки преподавателей высшей школы для внедрения дистанционных форм работы [10].

Дж. Вердун и Т. Кларк констатируют, что дистанционное образование дает педагогам в различных областях всесторонний ориентир для развития творческих, нетрадиционных подходов к обучению с использованием различных средств массовой информации в широком диапазоне условий [11].

Система цифрового взаимодействия педагога-тьютора и студентов, а также проблема цифровой грамотности преподавателей анализируется в работе Б. Холмберга [12].

Е.Н. Клочкова, Н.А. Садовникова [13], Н.В. Литвак [14] занимались ана-

лизом цифровых компетенций. Проблемам дистанционного образования посвящены исследования Д. Пьяри [15], С. Джармона [16], А.В. Смирновой [17] и др.

С конца марта 2020 г. различные международные и российские исследователи проводят опросы преподавателей, студентов и руководителей университетов для оценки степени изменений в целях оказания помощи университетам предсказать будущие стратегии при вынужденном переходе на дистанционное обучение. Такие международные организации, как NAFSA (Международная ассоциация университетов), ЮНЕСКО, Международный институт Образования, Европейская ассоциация международного образования [18], [19], [20], [21] и другие крупные аналитические центры проводят исследования по вопросам управления, интернационализации, приема студентов, качества обучения и других процессов во время пандемии. Российские исследователи Н.П. Нарбут, И.А. Алешковский, А.Т. Гаспаришвили, О.В. Крухмалева рассматривают проблемы массового перехода российских вузов на дистанционное образование в условиях пандемии. Авторы отмечают, что «переход на удаленный формат обучения выявил целый ряд проблем и противоречий в дистанционном формате программ высшего образования и заставил российскую систему образования искать ответы на вызовы цифрового общества» [22]; Е.В. Грунт, Е.А. Беляева анализируют вызовы и противоречия, которыми столкнулась российская высшая школа в условиях пандемии [23] и др.

Понятие «деконструкция» принято относить к философскому категориальному аппарату: деконструкция предложена и теоретически обоснована Ж. Дерридой [24]. В конце прошлого столетия это понятие стало востребованным со стороны гуманитариев – историков, политологов, теологов, лингвистов, искусствоведов, филологов [25], [26], [27]. В российской социологии деконструкция как понятие и метод пока слабо представлены в работах

исследователей. Зарубежные коллеги активно расширяют предметное поле социологического осмысления данного понятия [28], [29]. Так, в зоне внимания оказываются вопросы экономических/ трудовых отношений [30], потребительского поведения [31], образовательного процесса и его результатов [32], деконструкции горя [33] и др.

Несмотря на то что проблемы дистанционного образования и цифровизации высшего образования уже достаточно широко изучены, проблема деконструкции образовательных практик в высшем образовании в аспекте дистанционного обучения еще недостаточно проанализирована. Этому вопросу посвящено наше исследование.

Материалы и методы исследования

В марте–мае 2020 года авторами статьи проведено исследование в университетах Москвы, Екатеринбурга и Челябинска. Объект исследования – высшее образование в России в условиях вынужденного перехода на дистанционное образование. Предмет исследования – деконструкция образовательных практик в условиях вынужденного перехода российского высшего образования на дистанционную форму обучения в условиях пандемии. Одна из задач исследования – изучение отношения студентов и преподавателей российских вузов к изменению образовательных практик при переходе на дистанционное обучение. Методология исследования сочетает в себе качественные и количественные стратегии.

Процедура исследования

Качественное исследование: глубинные интервью.

Было проведено предварительное пилотное исследование с информантами. Проведено глубинное интервью (N = 20) с экспертами, средняя продолжительность составила 90 минут. Информантами выступили профессорско-преподавательский состав вузов Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга. Респондентам задавали вопросы, соответствующие задачам исследования с целью определения основных обра-

зовательных практик, которые они использовали в дистанционном обучении, и те, которые были востребованы при этой форме обучения.

Также был проведен фрейм-анализ кейсов (N = 42). Всего было проанализировано 42 кейса, относящихся к повседневной практике студентов в интерактивном образовательном взаимодействии. Студенты описали свои повседневные учебные практики при переходе к дистанционному обучению, а также свое отношение к ним. Количественное исследование: анкетный опрос.

В исследовании опрошено 500 студентов, которые были вынуждены перейти на дистанционное обучение из-за угрозы COVID-19. Цели анкетного опроса заключались в анализе образовательных практик студентов при переходе на дистанционное обучение и их отношении к дистанционному обучению. Анкета, использованная в исследовании, была сформулирована в результате глубинных интервью с информантами, описанными выше. Анкета состояла из 46 вопросов.

Результаты исследования и их обсуждении

В социологическом дискурсе деконструкция образовательных практик может быть определена как отказ участников образовательного процесса от стереотипных практик, их разрушение в рамках нового контекста социальной реальности, при вынужденном переходе на дистанционное образование. Опривыченные и клишированные социальные действия и взаимодействия, социальные связи и отношения, социальная деятельность и практики, выполняемые студентами и преподавателями при традиционной форме обучения, становятся не актуальными и не востребованными в условиях дистанционного образования. В новых условиях идет «пересборка» существующего порядка. В концепте Ж. Дерриды – это «опрокидывание» ценностного ряда, пересмотр и переосмысление общепринятых истин, неоднозначность их толкования и противоречивость.

Анализ изученной литературы позволил нам определить дистанционное образование как взаимодействие обучаемых и преподавателей в процессе обучения при помощи интерактивных технологий, при этом сохраняющее все присущие учебному процессу компоненты (учебный контент, средства обучения, цели, организационные формы, методы), предусматривающие интерактивность.

Полный переход высшего образования на дистанционную форму работы показал, что прежние образовательные практики студентов и преподавателей не в полной мере оправданы. Одной из наиболее актуальных образовательных практик, которая требует изменения, по мнению студентов, – коммуникация с преподавателями. Более половины респондентов высказали свое мнение относительно недостаточного уровня коммуникации преподавателей и студентов в условиях дистанционного образования по сравнению с обучением в офлайн. Анализ фреймов позволил зафиксировать невозможность осваивать дисциплины в полном объеме, несмотря на большое количество заданий, выдаваемых преподавателями, и чтение лекций в режиме онлайн. Неудачными образовательными практиками при переходе на дистанционное обучение, по мнению студентов, являются прохождение производственной практики (ввиду закрытия многих организаций и предприятий) и выполнение лабораторных работ и экспериментов в домашних условиях (отсутствие дома необходимого оборудования для выполнения заданий и пр.). Это актуализирует проблему поддержания постоянного контакта в действиях преподавателей и студентов, что особенно важно в преподавании технических дисциплин. Данные нашего исследования подтверждают результаты исследований, проведенных российскими [22], [34] и зарубежными исследователями [35], [36] и др.

В процессе оффлайн образования большая часть информации передается с помощью невербальной коммуни-

кации: жестов, мимики, эмоций. В ситуации онлайн общения это практически невозможно, помимо этого отсутствие «цензуры» (проверки качества) учебных материалов часто порождает проблему снижения качества подготовки студентов.

Также существует деконструкция традиционных форм взаимодействия, которая возникает при обучении онлайн. По данным нашего исследования, произошла «селекция» студентов в онлайн образовательном пространстве, оказались востребованными далеко не все компетенции, которые позволяли быть успешными при обучении в оффлайн. При рассмотрении наиболее востребованных «скилов» необходимо отметить, что далеко не только цифровые умения и навыки позволяют студентам и преподавателям быть успешными в онлайн. На это указало более половины респондентов. Традиционные образовательные практики офлайн-обучения – круглые столы, контрольные работы модифицируются, приобретают новые формы, порой совершенно непредсказуемые для всех участников онлайн взаимодействия. Теперь для студентов и преподавателей теряется навык выступления перед аудиторией. При этом происходит замена на выступление (чтение лекций, выступление на семинарах и пр.) на камеру, что делает образовательный процесс приближенным или к блогингу, или к «выразительному чтению заранее подготовленных материалов». Педагогическая технология – привычная образовательная практика круглых столов становится идентичной онлайн конференции, тестовая форма работы становится наиболее приоритетной, несмотря на то, что «педагоги-традиционалисты» в предыдущий период времени выступали с ее критикой. Часто возникают ситуации банального непонимания того, что именно имел ввиду преподаватель или студент, поскольку невербальная коммуникация отсутствует. На это указал каждый третий опрошенный студент. Все эти и другие сложности порождают необходимость комплексного междис-

циплинарного подхода к изучению тех образовательных процессов, образовательных практик, ситуаций, которые возникли в российской высшей школе, а также необходим прогноз психологических барьеров, которые будут возникать при переходе в оффлайн.

Исследование показало, что преподаватели испытывают психологические сложности при отсутствии непосредственного вербального контакта со студентами: «испытываю часто сложности с оценкой работы студентов во время проведения занятий (не всегда удается объективно оценить, кто списывал, а кто нет» (профессор, 61 год); «полное отсутствие привычных отношений со студентами (они становятся безликими, одинаковыми в онлайн взаимодействии» (доцент, 34 года); «Очень часто успешные и интересные лекторы в офлайн не всегда хорошо ориентированы при чтении лекций в онлайн, не воспринимаются студентами в онлайн пространстве» (профессор, 49 лет). Все это говорит о деконструкции привычных образовательных практик преподавателей.

Исследование показало, что традиционные образовательные практики студентов также претерпели изменения. Так, каждый третий опрошенный студент указал на то, что ему необходимо научиться эффективно контролировать время для выполнения домашних заданий, объем которых чрезмерно возрос в условиях дистанционного образования. Более 40,0% респондентов отметило отсутствие саморегуляции и самоконтроля как важную образовательную практику. На отсутствие возможности очного посещения занятий как ежедневную традиционную образовательную практику при дистанционном обучении указали 34,1% респондентов. Фрейм-анализ кейсов показал, что на качество дистанционного обучения часто влияют форс-мажорные обстоятельства – проблемы с интернет-связью, неполадки с оборудованием, возможности и ограничения работы на образовательных платформах.

Существенной проблемой дистанционного образования, возникающей

у 20% респондентов, является психологический дискомфорт. Этот дискомфорт порождается проблемой цифровой коммуникации. Образовательное общение онлайн существенно отличается от офлайн общения, оно заставляет давать ответы на вопросы преподавателя, не видя преподавателя и его эмоционального отклика. Это педагогическая ситуация, когда человек фактически выступает перед самим собой. Кроме того, возникают проблемы в отношениях между преподавателями и студентами в процессе онлайн обучения: технические неполадки, отсутствие эмоционального отклика на реплики и высказывания. Все это осложняет образовательный процесс и создает психологический дискомфорт у его акторов.

Исследование показало, что для решения проблем дистанционного образования необходимо поставить вопрос стандартизации работы в онлайн образовательном пространстве, принятии единых инструментов для оценки деятельности преподавателей и студентов. Наши информанты указали на то, что традиционная образовательная практика – оценка деятельности студентов претерпевает изменения: «Сегодня не знаешь, как оценивать знания студентов особенно при написании ими контрольной работы, когда они пишут ее дома, имея лекции преподавателя, учебники, Интернет... Все это говорит о том, что прежние способы оценки знаний студентов не работают» (профессор, 61 год); «Да, сложно оценивать работу студентов даже на семинаре, не видя человека. Порой даже не знаешь, кто отвечает...» (профессор, 49 лет).

Выбор вузами образовательных ресурсов для проведения занятий также является новой образовательной практикой для вуза. 61% студентов выделяют в используемых образовательных платформах ряд недостатков, в частности, неудобство навигации, сложности в работе с базами данных и графическим материалом.

Исследование зафиксировало, что внедрение дистанционных технологий

породило новые вызовы к участникам образовательного процесса, поставило вопрос о приобретении цифровых компетенций. Мы согласны с мнением, Н.Г. Малашенок в том, что не все участники образовательного процесса способны извлечь выгоду из использования дистанционных образовательных ресурсов, поскольку считают их не очень полезным дополнением к традиционным преподавательским практикам [37].

Переход на дистанционную форму обучения привел к всплеску развития интернет-технологий по реализации образовательного взаимодействия. Наше исследование подтвердило выводы московских социологов о том, что «Разнообразие ресурсов показывает, что система дистанционного обучения российских вузов накануне введения ограничительных мер находилась на начальной стадии формирования и не имела ни ресурсной базы, ни методических наработок, ни подготовленных кадров» [22, с. 614]. В образовательный процесс были вовлечены новые акторы: владельцы и разработчики образовательных платформ, менеджеры, «посредники, оказывающие услуги по адаптации как самих инструментов и технологий к образовательному процессу в вузе, так и преподавателей и студентов к новым технологиям» [34, с.91]. Все это привело к деконструкции традиционных образовательных практик, изменению как системы взаимоотношений между преподавателями и студентами, так и использование традиционных педагогических технологий.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. Тотальное дистанционное образование вряд ли будет применено в образовательной практике в будущем, тем не менее, отдельные цифровые технологии, показавшие свои достоинства в период пандемии, вероятнее всего, будут использоваться и развиваться в «пост-коронавирусный» период. Среди них – использование наиболее хорошо зарекомендовавших себя образовательных платформ, онлайн образовательных

площадок, электронных курсов, личных кабинетов.

Дистанционное обучение имеет ряд очевидных преимуществ, среди них можно выделить: возможность многократного доступа к имеющейся информации (45,6% опрошенных студентов), возможность контролировать реализацию образовательного процесса и самостоятельно планировать время (35,4% респондентов). Тем не менее, при рассмотрении тотального перехода на дистанционное обучение, существуют риски снижения качества образования и сокращения профессорско-преподавательского состава вузов. На это указали практически все наши информанты. Исследование зафиксировало изменение роли преподавателя высшей школы: он превращается в тьютора, куратора информационных потоков, что не требует от него глубокого освоения материала по дисциплинам, что, в свою очередь, является для него новой образовательной практикой.

Таким образом, по нашему мнению, пандемия COVID-19 спровоцировала резкое развитие дистанционных форм обучения и доказала его экономическую выгоду для вузов. Однако исследование выявило ряд противоречий дальнейшей реализации дистанционного образования в российской высшей школе: между сокращением вузами экономических затрат на его организацию и ухудшением качества получаемого студентами образования; между снижением аудиторной нагрузки у преподавателей и увеличением общей нагрузки, связанной с проверкой заданий и их выкладыванием в базы, разработкой электронных курсов, занятием научной деятельностью и пр.; между увеличением свободного времени у преподавателей гуманитарных, социальных дисциплин за счет частичной замены их курсов на электронные курсы и модули, читаемые другими преподавателями в других вузах России, и тенденцией к сокращению численности профессорско-преподавательского состава вузов; между свободой выбора студентами образовательного контента

и отсутствием у них навыков к данной деятельности и пр. [23, с. 55].

Среди студентов наблюдается социальная селекция, в которой выживают не традиционные отличники оффлайн образования, а те, кто быстро ориентируется, хорошо работает с цифровыми технологиями. Происходит трансформация социальных ролей преподавателей и студентов, когда традиционно понимаемые степени и должности становятся лишь записью в личном деле, а на практике молодые и технологически ориентированные преподаватели становятся наиболее успешными. Практически полностью пропадает фактор долгосрочной памяти, студенты и преподаватели становятся операционистами, ориентированными на выполнение краткосрочных задач, что ведет к деконструкции образовательных практик.

Далеко не все вузы России рассматривают дистанционные формы образования в качестве приоритетного направления модернизации образовательного процесса. Учитывая, что курс на цифровизацию в России теперь объявлен приоритетным, вузы вынуждены встраиваться в новую систему цифрового взаимодействия, интерактивных методов обучения. Вынужденный переход вузов на дистанционное образование показал как его преимущества, так и недостатки. Исследование показало, что необходимо улучшить его качество, развивать у студентов и преподавателей навыки и умения использования образовательного контента, менять привычные образовательные практики.

Литература

1. Toth-Stub S. Countries Face an Online Education Learning Curve: The Coronavirus Pandemic has Pushed Education Systems: Online, Testing Countries' Abilities to Provide Quality Learning for All. 2020. Available online: <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/2020-04-02/coronaviruspandemic-tests-countries-abilities-to-create-effective-online-education> (дата обращения: 1 мая 2020).

2. Анализ российского рынка дистанционного образования: итоги 2018 года, прогноз до 2021 года. Retrieved from URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/10886> (дата обращения: 7 февраля 2020).
3. COVID-19 Educational Disruption and Response. 2020. Available online: <https://en.unesco.org/covid19/education-response> (дата обращения: 9 июня 2020).
4. World Health Organization. WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard. December 2019. Available online: <https://covid19.who.int/> (дата обращения: 1 июля 2020).
5. Graham, C.R.; Woodfield, W.; Harrison, J.B. A framework for institutional adoption and implementation of blended learning in higher education. *Internet High. Educ.* 2013, Vol. 18, P. 4–14. [CrossRef]
6. Garrison R. Theoretical challenges for distance education in the 21st century: A shift from structural to transactional issues // *International Review of Research in Open and Distance Learning*, 2000, No.1, P. 3–15.
7. Keegan D. Reintegration of the teaching acts. In Keegan, D. (Ed.). *Theoretical principles of distance education*. L.; N. Y.: Routledge, 1993, P. 113–134.
8. Никулина Т. В., Старченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // *Педагогическое образование в России*. 2018, No 8, С. 107–113.
9. Бальхин М.Г. Электронное обучение и его роль в образовании без границ // *Вестник РУДН*, No 4, 2008. С. 65–71.
10. Дендев Б. Информационные и коммуникационные технологии в образовании": монография / Под.редакцией: Бадарча Дендева, М.: ИИТО ЮНЕСКО, 2013. С. 179.
11. Verduin, John R.; Clark, T.A. *Distance Education: The Foundations of Effective Practice*. Published by Jossey-Bass Inc Pub, San Francisco, California, U.S.A., 1991, P. 21–36
12. Holmberg B. Guided didactic conversation in distance education, in D. Sewart & B. Holmberg (eds.), *Distance Education: International Perspectives*. London: Croom Helm, 2003.
13. Ключкова Е.Н. Садовникова Н.А. // Трансформация образования в условиях цифровизации, *Open education*, 2010. V.23, No4, P. 13–22.
14. Литвак Н.В. Новая реформа отечественного высшего образования: «цифровизация» и профессура // *Наука. Культура. Общество*, 2018, No 2–3, С. 156–164.
15. Pyari D. "Theory and Distance Education: At a Glance. 2011 5th International Conference on Distance Learning and Education", IPCSIT Press, Singapore, 2011, vol.12, P. 56–78.
16. Jarmon C. *Fundamentals of Designing a Distance Learning Course: Strategies for Developing an Effective distance Learning Experience*. In: M, Boas, B. Ellioff, D. Foshee, D. Howgy, C. Jarman, &D. Olcoff (Eds.), *Teaching at a Distance: A Handbook for Instructors*, 1999. P. 1–14.
17. Смирнова В.А. Особенности формирования современных информационно-образовательных сред // *Ярославский педагогический вестник*, 2015. No. 6, С. 38–43.
18. UNESCO, International Commission on the Futures of Education, *Education in a post COVID-19 world: Nine ideas for action*, 2020, URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373717/PDF/373717eng.pdf.multi> (дата обращения: 7 февраля 2020).
19. UNESCO, *Education: From disruption to recovery*, 2020. URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse> (дата обращения: 7 февраля 2020).
20. Education International, *COVID-19 and Education: How Education Unions are Responding, Survey Report*", 2020. URL: https://issuu.com/educationinternational/docs/2020_covid19_survey_report_eng_final (дата обращения: 7 февраля 2020).

21. EUA 2020: Preliminary results of the EUA survey on “digitally enhanced learning at European higher education institutions”, presented at the BFUG Meeting 71, June 2020. URL: http://www.ehea.info/Upload/BFUG_HR_UA_71_8_2_Survey_results.pdf (дата обращения: 7 февраля 2020).
22. Нарбут Н.П., Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В. Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 611–621.
23. Грунт Е. В., Беляева Е.А., Лисситса С. Дистанционное образование в условиях пандемии: новые вызовы российскому высшему образованию // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 45–58. doi: 10.32744/pse.2020.5.3
24. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.
25. Munslow A. Deconstructing History, Routledge, 2006.
26. Стринюк С.А. Конструкция и деконструкция национальной идентичности в современном ирландском романе (Роберт Маклайам Уилсон «Улица Эрика», Шеймас Дин «Чтение в темноте») // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 1 (29). С. 126–135.
27. Фёдоров В.В. Эффект деконструкции существующего типа культуры и морально-этических норм общения в пространстве социальных сетей // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 4 (21). С. 80–85.
28. Smikun, E. Sociological Deconstruction and Reconstruction: Mediation of Opposites by Interpenetration // Mediations of Social Life in the 21st Century (Current Perspectives in Social Theory, Emerald Group Publishing Limited, 2014. Vol. 32. P. 135–157.
29. Fuchs S., Ward S. The Sociology and Paradoxes of Deconstruction: A Reply to Agger // American Sociological Review. 1994. Vol. 59, No. 4. P. 506–510.
30. Loizides G. Deconstructing Fordism: Legacies of the Ford Sociological Department. Dissertation at Western Michigan University: Sociology. 2004.
31. Vaughan P., Cook M., & Trawick P. A sociology of reuse: Deconstruction the milk bottle // Sociological Ruralis, 2007. Vol. 47.2, P. 120–137.
32. Berkeley B. Deconstructing Four Sociological Perspectives on Education: A Reinterpretation of Pupil Achievement // Open Access Library Journal, 2015. Vol. 2, P. 1–13.
33. Lund P.C. Deconstructing grief: a sociological analysis of Prolonged Grief Disorder. Soc Theory Health. 2020.
34. Минина В.Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2020, Т. 13, N. 1, С. 84–101.
35. M. Alawamleh, L.M. Al-Twait and G.R. Al-Saht, The effect of online learning on communication between instructors and students during Covid-19 pandemic, Asian Education and Development Studies (August 2020). doi: 10.1108/AEDS-06–2020–0131.
36. M. Knight, Pandemic Communication: A New Challenge for Higher Education. Business and Professional Communication Quarterly. Volume 83, Issue 2 (2020), 131–132.
37. Малошонов Н.Г. Взаимосвязь использования Интернета и мультимедийных технологий в образовательном процессе со студенческой вовлеченностью // Вопросы образования, 2016, № 4, С. 59–83.

DECONSTRUCTION OF RUSSIAN UNIVERSITY STAFF'S AND STUDENTS' EDUCATIONAL PRACTICES IN THE CONTEXT OF THE FORCED TRANSITION TO DISTANCE EDUCATION

Grunt E.V., Belyaeva E.A., Lebedkina E.G.
 Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

In March 2020, with the introduction of global restrictive measures to minimize the spread of COVID-19, there was a forced transition to distance learning in Russian and overseas universities. The transition to distance education turned out to be unplanned and a forced measure for all participants in the educational process: university staff, students, universities themselves, which entailed challenges to Russian higher education. One of these challenges was the deconstruction of the university staff's and students' educational practices. In this regard, in March-May 2020, the authors of the article conducted a study at a number of universities in Moscow, Yekaterinburg and Chelyabinsk. The research methodology combined qualitative and quantitative strategies. The results of the study has shown the advantages, disadvantages and contradictions of distance education, has revealed the issue of the university staff's and students' educational practices deconstruction during the forced transition to a distant education format in a pandemic. The study has found that Russian universities are forced to integrate into a new system of digital interaction, and interactive teaching methods due to the fact that the course towards digitalization in Russia has now been declared a priority. At the same time, it is necessary to improve the quality of distance education, develop the skills and abilities of using educational content among students and teachers, and change the usual educational practices.

Keywords: higher education, digitalization, distance education, offline education, deconstruction of educational practices, pandemic.

References

- Toth-Stub S. Countries Face an Online Education Learning Curve: The Coronavirus Pandemic has Pushed Education Systems: Online, Testing Countries' Abilities to Provide Quality Learning for All. 2020. Available online: <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/2020-04-02/coronaviruspandemic-tests-countries-abilities-to-create-effective-online-education> (accessed date: May 1, 2020).
- Analysis of the Russian distance education market: results of 2018, forecast until 2021. Retrieved from URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/10886> (accessed February 7, 2020).
- COVID-19 Educational Disruption and Response. 2020. Available online: <https://en.unesco.org/covid19/education-response> (accessed June 9, 2020).
- World Health Organization. WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard. December 2019. Available online: <https://covid19.who.int/> (accessed July 1, 2020).
- Graham, C. R.; Woodfield, W.; Harrison, J.B. A framework for institutional adoption and implementation of blended learning in higher education. *Internet High. Educ.* 2013, Vol. 18, P. 4–14. [CrossRef]
- Garrison R. Theoretical challenges for distance education in the 21st century: A shift from structural to transactional issues // *International Review of Research in Open and Distance Learning*, 2000, No.1, P. 3–15.
- Keegan D. Reintegration of the teaching acts. In Keegan, D. (Ed.). *Theoretical principles of distance education*. L.; N. Y.: Routledge, 1993, P. 113–134.
- Nikulina T. V., Starchenko E.B. Informatization and digitalization of education: concepts, technologies, management // *Pedagogical education in Russia*. 2018, No 8, pp. 107–113.
- Balykhin M.G. E-learning and its role in education without borders // *Bulletin of RUDN*, No 4, 2008. P. 65–71.
- Dendev B. Information and communication technologies in education «: monograph / Edited by: Badarch Dendeva, Moscow: UNESCO IITE, 2013. P. 179.
- Verduin, John R.; Clark, T.A. *Distance Education: The Foundations of Effective Practice*. Published by Jossey-Bass Inc Pub, San Francisco, California, U.S.A., 1991, P. 21–36
- Holmberg B. Guided didactic conversation in distance education, in D. Sewart & B. Holmberg (eds.), *Distance Education: International Perspectives*. London: Croom Helm, 2003.
- Klochkova E.N. Sadovnikova N.A. // Transformation of education in the context of digitalization, *Open education*, 2010. V.23, No4, P. 13–22.
- Litvak N.V. New reform of domestic higher education: digitalization and professorship // *Science. Culture. Society*, 2018, No. 2–3, pp. 156–164.
- Pyari D. "Theory and Distance Education: At a Glance. 2011 5th International Conference on Distance Learning and Education", IPC-SIT Press, Singapore, 2011, vol. 12, P. 56–78.
- Jarmon C. Fundamentals of Designing a Distance Learning Course: Strategies for Developing an Effective distance Learning Experience. In: M, Boas, B. Ellioff, D. Fos-

- hee, D. Howgy, C. Jarman, & D. Olcoff (Eds.), *Teaching at a Distance: A Handbook for Instructors*, 1999. P. 1–14.
17. Smirnova V.A. Features of the formation of modern information and educational environments // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2015. No. 6, pp. 38–43.
 18. UNESCO, International Commission on the Futures of Education, *Education in a post COVID-19 world: Nine ideas for action*, 2020, URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373717/PDF/373717eng.pdf.multi> (accessed February 7, 2020).
 19. UNESCO, *Education: From disruption to recovery*, 2020. URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse> (accessed 7 February 2020).
 20. Education International, *COVID-19 and Education: How Education Unions are Responding, Survey Report*, 2020. URL: https://issuu.com/educationinternational/docs/2020_covid19_survey_report_eng_final (accessed February 7, 2020).
 21. EUA 2020: Preliminary results of the EUA survey on “digitally enhanced learning at European higher education institutions”, presented at the BFUG Meeting 71, June 2020. URL: http://www.ehea.info/Upload/BFUG_HR_UA_71_8_2_Survey_results.pdf (date accessed: February 7, 2020).
 22. Narbut N.P., Aleshkovsky I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V. Forced distance learning as a stimulus for technological changes in higher education in Russia // *Vestnik RUDN. Series: Sociology*. 2020. Vol. 20. No. 3. P. 611–621.
 23. Grunt E. V., Belyaeva E.A., Lissitsa S. Distance education in a pandemic: new challenges to Russian higher education // *Prospects for Science and Education*. 2020. No. 5 (47). S. 45–58. doi: 10.32744 / pse. 2020. 5.3
 24. Derrida J. *About grammatology* / Per. with fr. and int. Art. N. Avtonomova. M.: Ad Marginem, 2000.
 25. Munslow A. *Deconstructing History*, Routledge, 2006.
 26. Strinyuk S.A. Construction and Deconstruction of National Identity in the Modern Irish Novel (Robert MacLiam Wilson «Eric's Street», Sheimas Dean «Reading in the Dark») // *Bulletin of Perm University*. 2015. Issue. 1 (29). S. 126–135.
 27. Fedorov V.V. Effect of deconstruction of the existing type of culture and moral and ethical norms of communication in the space of social networks // *Sign: the problem field of media education*. 2016. No. 4 (21). S. 80–85.
 28. Smikun, E. *Sociological Deconstruction and Reconstruction: Mediations of Opposites by Interpenetration // Mediations of Social Life in the 21st Century (Current Perspectives in Social Theory*, Emerald Group Publishing Limited, 2014. Vol. 32. P. 135–157.
 29. Fuchs S., Ward S. *The Sociology and Paradoxes of Deconstruction: A Reply to Agger // American Sociological Review*. 1994. Vol. 59, No. 4. P. 506–510.
 30. Loizides G. *Deconstructing Fordism: Legacies of the Ford Sociological Department*. Dissertation at Western Michigan University: Sociology. 2004.
 31. Vaughan P., Cook M., & Trawick P. A sociology of reuse: Deconstruction the milk bottle // *Sociological Ruralis*, 2007. Vol. 47.2, P. 120–137.
 32. Berkeley B. *Deconstructing Four Sociological Perspectives on Education: A Reinterpretation of Pupil Achievement // Open Access Library Journal*, 2015. Vol. 2, P. 1–13.
 33. Lund P.C. *Deconstructing grief: a sociological analysis of Prolonged Grief Disorder*. *Soc Theory Health*. 2020.
 34. Minina V.N. Digitalization of higher education and its social results // *Bulletin of St. Petersburg University*, 2020, Vol. 13, No. 1, pp. 84–101.
 35. M. Alawamleh, L.M. Al-Twait and G.R. Al-Saht, The effect of online learning on communication between instructors and students during Covid-19 pandemic, *Asian Education and Development Studies (August 2020)*. doi: 10.1108 / AEDS-06-2020-0131.
 36. M. Knight, *Pandemic Communication: A New Challenge for Higher Education*. *Business and Professional Communication Quarterly*. Volume 83, Issue 2 (2020), 131–132.
 37. Maloshonok N.G. The relationship between the use of the Internet and multimedia technologies in the educational process with student involvement // *Education Issues*, 2016, No. 4, pp. 59–83.

К некоторым аспектам иерархических систем

Матюшко Андрей Владимирович,

кандидат культурологии, доцент кафедры
«Лингвистика и межкультурная коммуникация»,
Комсомольский-на-Амуре государственный
университет
E-mail: matyushko79@mail.ru

В данной статье рассматриваются отдельные атрибуты иерархических систем в контексте философии природы и данных естественных наук. Обосновывается идея о том, что несмотря на гетерогенность данных, конституируемых различными научными дисциплинами, возможны сходные категории для их дистинкции и закономерности в описании. Прослеживается общность траекторий диссипативных структур в модусе градиентов, агрегации, дифференциации, элиминации и фигурации. В статье затрагивается тема граничных условий и контекста исследований, как эксплицитных, так и имплицитных условиях валидной и релевантной научной работы. Дается сравнение разных уровней мироздания с точек зрения отраслей знаний ими занимающихся. Особое внимание уделено генетической связи в иерархической структуре, которая демонстрирует историческую и субстанциональную преемственность, иногда и отчасти общность верхних и нижних этажей организации. В работе указывается на темпоральную лабильность композиции иерархии, контингентность ее эволюции, понимаемую как изменения, неуправляемые консервативными условиями. Обосновывается мысль о том, что методологический интеракционизм стал одним из приемов по смене или модификации исследовательской «оптики», для расширения «поля зрения» дисциплины или увеличения ее «разрешающей способности».

Ключевые слова: Иерархия, диссипативная система, аналогия, контингентность, энтропия.

Одной из задач философии природы является описание мира и нашего места в нем на основе данных естественных наук. Для построения общей картины мира по мере возможности необходимо привлекать как можно больше гетерогенных, в плане метауровня, дисциплин [1].

Рассматривая материю как в физическом, так и в биологическом смысле, для ее описания можно использовать метафоры движения и изменения, а также их деривативы, например, развития, усложнения, диссипации и т.д., но без телеологических коннотаций. Закономерности при использовании данных дефиниций могут выражаться в терминологических рамках термодинамики и иерархии.

Отличительной чертой закона в рамках естествознания является, в предельном случае, его всеобщность, независимость от уровня иерархии, масштаба и характера структуры. Второе начало термодинамики привлекают и для описания космологических проблем уровня всей Вселенной, и для дескрипции живой клетки. Действие этого начала является пролегоменом диссипативных структур и градиентов, агрегации и дифференциации, элиминации и фигурации. Нетривиальным здесь будет наличие общих траекторий развития при диссипации.

Фундаментальным является наличие потенциального поля возможностей, где присутствуют формальные и материальные причины, которые через ассамбляж конфигураций приводят к действию, изменяющему энтропию, зачастую увеличивая и трансформируя начальное конфигурационное пространство, вызвавшее это действие. Отличительной чертой в данном стохастическом детерминизме с обратной связью выступают динамические тенденции в модусе неопределенности.

В композиционно-иерархической перспективе необходим четкий учет граничных условий как по масштабу

(например граница снизу – квантовый уровень), так и по контексту.

Положение о контексте можно проиллюстрировать ставшими уже общим местом рассуждениями социологического толка о наблюдателе в рамках научного дискурса, который цель, способ и саму причину наблюдения (в широком смысле любого исследования) имплицитно соотносит с социальными нормами, стереотипами и идеалами, априорно динамичными и подвижными, для оправдания оценки и поддержки своей деятельности. Социальное (несмотря на некоторые сомнения в его онтологическом статусе) довлеет в научной культуре не только в субъект-субъектных отношениях и иерархических структурах, но и в процессе транспонирования социальных установок отдельных исследователей в процессе взаимодействия с объектом в рамках научного наблюдения. В результате наблюдения реальность на выходе не тождественна самой себе до акта наблюдения, а несет в себе результат взаимодействия с субъектом, социальным по своей природе. Таким образом, и картина мира, построенная на этих результатах, коррелирует в той или иной степени *de profundis* с социальными и культурными установками. Проблема наблюдателя в естествознании наиболее выпукло проявилась в квантовой механике, что породило на первоначальном этапе острую дискуссию по поводу копенгагенской интерпретации. В гносеологическом аспекте основные претензии (кроме девиза «изгнать наблюдателя из науки») были к отказу от принципа детерминизма, служившим пролегоменом научного мировоззрения. Интересно отметить, что Боровский формализм, в прикладном аспекте согласующийся с реальностью, именно в философском отношении продуцирует интенцию к его пересмотру или даже отказу от него. Нет сомнений в формулах, так как их результат согласуется с экспериментальными данными, есть неприятие смысла, который за ними стоит. Своеобразный диссонанс прагматики и семантики.

По поводу изменений в рамках иерархии на разных ее уровнях следует сказать о генетических связях (кстати и в прямом значении) всех ее этапов, демонстрирующих и историческую и субстанциональную преемственность, иногда и отчасти общность верхних и нижних этажей иерархической организации. Например, ряд: пресмыкающиеся, клювоголовые, клинозубые, гаттерии, туатара; или: натуральные числа, целые числа, рациональные числа, действительные числа, комплексные числа; или: химический элемент, металл, лантаноид, диспрозий; и т.д. Каждый новый подраздел иерархии (подтип, подкласс, подотряд, подвид и прочее) можно сравнить со все большей «разрешающей способностью оптики». Приведенная метафора дословно актуализировалась в истории естествознания. Именно развитие средств наблюдения, первоначально непосредственно воспринимаемых оптических, а затем и в других частях спектра и, даже, на других физических принципах (волны де Бройля), позволило увеличить угловое разрешение и расширить, и углубить иерархические ряды. Например, в биологии, по возрастанию степени различия, фундаментализировались новые уровни жизни: клетка, органелла, белок, молекула. В другом направлении репрезентируется связь онтогенеза с филогенезом: клетка (яйцо), бластула, гаструла и т.д.

Иерархия не обязательно линейна и упорядочена, все зависит от исследовательского «угла зрения» и она может быть представлена, при определенных условиях, и множеством Мандельброта, или другим фракталом и ризомической структурой. В любом случае она используется для отражения или субстанциональных, или логических связей.

Необходимо указать на темпоральную лабильность композиции иерархии. Упомянув изменчивость, следует сказать об эволюции (в широком, а не только биологическом смысле) как изменениях, неуправляемых консервативными условиями (атрибут «консервативный» используется в физическом

значении). При данном ракурсе анализа потенция изменения (развития) имплицитно имманентна системе, но не предопределена, а находится с ней в контингентных отношениях, если, конечно, не стоять на позициях телеологии. Когерентные диссипативные системы обязательно изменяются и развиваются и, даже если эти процессы приводят к элиминации, не важно биотической или абиотической, сам этот факт изменяет и структуру, и характер связей метасистемы, причем, как бы не математизировалась соответствующая дисциплина, однозначное предсказание, как по траектории, так и по последствиям практически, да и теоретически неосуществимо. В биологии, например, эволюционный принцип действует только назад: объяснить, но не предсказать. Та же картина наблюдается и в синергетике, и в квантовой механике. Принцип контингентности, как отказ от однозначной детерминации, является одной из основных линий демаркации классической и неклассической науки. Если раньше главным критерием истинности в естественных науках и, отчасти, в силу эпистемологической экспансии и в других дисциплинах, служил *exregimentum crucis*, проверяя гипотезы по генерируем им предсказаниям или прогнозам, то в настоящий момент критерии адекватности получаемого знания значительно трансформировались и расширились [2].

Применительно к рассматриваемым в данной статье иерархиям можно привести следующий пример. Рассмотрим триаду физическое, биологическое, социальное. Составляющие ее элементы находятся и в исторической и субстанциональной связи – жизнь на Земле появилась значительно позднее возникновения ее как физического планетарного объекта, а социальные связи возникли между биологическими особями. В данном примере каждый уровень иерархии включает в себе предыдущий, который служит для него основой и на которой возникает принципиально новый тип реальности, со своими ароморфозами и законами,

но на метауровне с общими аспектами диссипативных систем, которые в целом можно обозначить как возникновение, становление и изменение, функционирование и воспроизводство, диссипация и элиминация или превращение в качественно иное. Так как каждый уровень иерархии тем или иным образом входит и влияет на все остальные, то их результирующая функция является основой появления новых этажей иерархии. Например, физический и биологический уровни порождают биосферу, а после возникновения социального уровня – ноосферу.

Особо хочется отметить, что каждый этап иерархии порождает свои категории различения и описания, которые по аналогии и, естественно, соответствующим образом адаптируясь, используются на следующем уровне, репрезентируя таким образом принцип всеобщей связи и холизма сущего. Обозначим некоторые из них: физический уровень: время, пространство, энергия, энтропия; химический: диссипативные структуры, сродство, принцип Ле-Шателье; биологический: эволюция, генетическая связь, наследование, самореферентные системы и т.д.

Во всех представленных примерах закономерности могут продуктивно переноситься не только вверх, но и вниз по иерархической лестнице. Например, теория информации используется и для анализа культурных текстов, и для описания эволюции черных дыр. Взаимовыгодный методологический интеракционизм давно уже стал одним из приемов по смене или модификации исследовательской «оптики», для расширения «поля зрения» дисциплины или увеличения ее «разрешающей способности». К примеру, в науке уже очень давно базовые принципы, категории и методологическое ядро одной дисциплины органично инкорпорируются другой: математическая физика, физическая химия, биохимия, теория аутопойетических систем, акторно-сетевая теория, *digital humanities* и т.д. С высокой вероятностью можно сделать прогноз о потенциальной, возможно почти

неограниченной, способности продолжения этой прогрессии [3].

Однако, кроме стимулирующей роли кросс-иерархических взаимодействий необходимо отметить и многочисленные ограничивающие факторы. В первую очередь это преодоление определенных методологических трудностей необходимого для адекватного использования многочисленных релевантных дескрипторов одной науки в рамках другой. К примеру, дефиниция «энтропия», изначально используемая только в физике валидно, в строго математическом смысле и экспериментально проверяемая, функционирует также в других дисциплинах, включая гуманитарные. Некоторые понятия используются почти всегда в метафорическом значении, например, жизненный импульс, энергия текста и прочее. Отдельные же попытки кросс-научных компиляций, в частности квантовая теория сознания, по-видимому, в истории науки останется в качестве курьеза и демонстрации общего низкого КПД научного творчества, когда за одним успехом, по примеру Томаса Эдисона, стоит несколько тысяч неудач. Семиотическая свобода оборачивается спектром интерпретаций, непротиворечивых, последовательных и логичных по своей сути, но зачастую неверных. Можно привести пример из математической физики, строгой по принципам и правилам вывода и доказательства формульной основы и связанной с реальностью в ее материально-энергетической и пространственно-временной ипостаси. В процессе разработки любой темы могут продуцироваться многочисленные, по крайней мере потенциально, например, в рамках лагранжева и гамильтонова формализма, истинные выражения с математической точки зрения. Однако при их анализе в модусе физического смысла нередки случаи, когда формально верное логическое суждение либо вообще не имеет физического смысла, например, петля в ряде кривых в уравнении Ван-дер-Ваальса, либо смысл есть, но он не реализуется в нашей реальности. Похожая ситуация

и на следующем этаже иерархии. В силу хиральности, определенные химические соединения – энантиомеры, имеющие одинаковый химический состав и физические свойства, дихотомически делятся на несколько групп, но биологической активностью обладает только один, еще одна итерация по иерархическому древу. Природа не «выбирала» из поля возможностей наиболее адаптационный, так как они равнозначны, но стохастичность, имманентная любой диссипативной системе, фундировала реальность и дальнейшую траекторию ее развития, элиминировав все остальные наподобие коллапса волновой функции. Категория асимметрии, как возможное следствие бифуркационных процессов, реализуется на всех этапах и масштабах мироздания: барионная асимметрия во Вселенной, асимметрия четности при распаде некоторых каонов в пространстве элементарных частиц; многочисленный ряд спонтанного нарушения симметрии как в классической так и квантовой физике; даже наиболее абстрактная, можно даже сказать платоновская реальность чисел демонстрирует превалирование трансцендентных чисел, то есть тех, которые не могут быть корнями уравнений и которые симметричны по своей сути – левая часть равна правой.

Асимметрия, кроме того, неразрывна связана со спонтанными необратимыми процессами: диффузией, диссипацией и, соответственно, с изменением энтропии (в самом широком ее понимании). Таким образом, термодинамические принципы и законы, в той или иной форме, репрезентируются в разнообразных динамических системах, характеризуя энергетические процессы, необходимые для их поддержания и порождаемые в результате их функционирования. Можно сделать предположение о метахарактере термодинамических положений применительно ко всем иерархическим системам, использующим энтропийную дельту (физическая, химическая, биологическая и прочее). На каждом новом уровне, в исторической перспективе, снижа-

ется энергетический масштаб и градиенты энергии при одновременном усложнении негэнтропийных условий диссипативных процессов. К примеру, первые этапы рождения Вселенной (Большой взрыв, нуклеосинтез, рекомбинация) по масштабам энергии на много порядков больше совокупной мощности термоядерных звездных реакций, которая, в свою очередь несоизмеримо выше общей химической энергии, появившейся в результате предыдущих этапов. Биологический же уровень по сравнению с предыдущими использует исчезающий малый энергетический диапазон. Познающий же субъект, как часть социальной реальности, находится в энергетически низшем состоянии. На всем протяжении представленной линии развитие обусловлено антагонизмом дисперсии равновесия и актуализации Второго начала термодинамики, в рамках которого диссипация является собственным динамическим аттрактором. По причине общности причин и появляется возможность говорить об своеобразной конгруэнтности или, возможно, даже конвергентности (в переносном смысле) в рядах типа изменение-развитие-информация-эволюция и т.д. К сожалению, каждый из членов ряда находится в зависимости от несистемных или даже внесистемных воздействий и стохастических флуктуаций, что делает невозможным финальное, конечное описание и прогноз.

Литература

1. Salthe, S.N. Perspectives on Natural Philosophy. *Philosophies*. 2018; 3(3):23.
2. Schroeder, M.J. The Philosophy of Philosophies: Synthesis through Diversity. *Philosophies*. 2016, 1, 68.
3. Weinan, E. Principles of Multiscale Modeling; Cambridge University Press: Cambridge, UK, 2011.

TO SOME ASPECTS OF HIERARCHICAL SYSTEMS

Matyushko A.V.

Komsomolsk-on-Amur State University

This paper examines individual attributes of hierarchical systems in the context of philosophy of nature and natural science data. It justifies the idea that in spite of heterogeneity of data constituted by different scientific disciplines similar categories for their distinction and regularity in description are possible. It traces common trajectories of dissipative structures in the modus of gradients, aggregation, differentiation, elimination and figuration. The paper touches upon the issue of boundary conditions and context of research, both explicit and implicit conditions of valid and relevant scientific work. The author compares different levels of the universe in terms of the branches of knowledge dealing with them. Particular attention is paid to the genetic relationships in the hierarchical structure which demonstrate historical and substantive continuity, sometimes even partial commonalities between the upper and lower levels of organization. The work points to the temporal lability of the composition of the hierarchy and its contingent evolution, understood as changes unguided by conservative conditions. It substantiates the idea that methodological interactionism has become one of the techniques for changing or modifying the research «optics», to expand the «field of view» of the discipline or to increase its «resolution».

Keywords: Hierarchy, dissipative system, analogy, contingency, entropy.

References

1. Salthe S.N. Perspectives on Natural Philosophy. *Philosophies*. 2018; 3(3):23.
2. Schroeder, M.J. The Philosophy of Philosophies: Synthesis through Diversity. *Philosophies* 2016, 1, 68.
3. Weinan, E. Principles of Multiscale Modeling; Cambridge University Press: Cambridge, UK, 2011.

Эротика как доступ к непрерывности бытия в философии Жоржа Батая и Маркиза де Сада

Козлова Евгения Анатольевна,

аспирант, кафедра «Философия и мировые религии», Донской государственной технической университет
E-mail: kozlova13ea@mail.ru

В статье рассматриваются философские взгляды Жоржа Батая и Маркиза де Сада на проблемы жизни и смерти, человека, насилия и эротизма. Представлены философские идеи Ж. Батая и де Сада о природном происхождении человека, о роли запретов и ограничений в жизни людей. Освещена проблема неравенства, рассмотрена предложенная Ж. Батаем схема деления людей на категории «рабов» и «суверенов». Отмечено сходство взглядов де Сада и Ж. Батая на проблему связи насилия и эротизма. Рассмотрены виды эротика, согласно классификации, предложенной Ж. Батаем. В рамках анализа философских взглядов де Сада и Ж. Батая на проблему жизни и смерти отмечена независимость смерти от непрерывности бытия: способность смерти уничтожить дискретное существо, но не повлиять на непрерывность бытия. На основании взглядов философов эротика представлена как доступ к непрерывности бытия. Сделаны выводы о влиянии творчества де Сада на философские взгляды Ж. Батая.

Ключевые слова: Маркиз де Сад, Жорж Батай, суверенность, эротика, непрерывность бытия.

В формировании философских взглядов Ж. Батая немаловажную роль сыграло творчество Маркиза де Сада. Влияние идей де Сада заметно в работах Ж. Батая, посвященных проблеме человека («Суверенность», «Внутренний опыт», «Суверенный человек Сада»), сексуальности («Эротика», «История эротизма»), свободы («Литература и зло», «Сад и нормальный человек»).

Идеи, в которых просматривается сходство взглядов де Сада и Ж. Батая, можно сформулировать следующим образом: природное происхождение человека; подавление склонностей, заложенных в человека природой; неравенство людей; связь насилия и эротизма, жизни и смерти.

Человек рассматривается и де Садам, и Ж. Батаем как животное, которое отказывается смириться со своим природным началом.

Маркиз де Сад использовал идею о природном происхождении человека для обоснования своих взглядов на тему свободы человека в проявлении природных склонностей. Он оправдывал любые поступки человека сигналами, источником которых была природа. «Если природа дала мне плохие склонности, значит, считала таковые необходимыми для меня. Я – лишь инструмент в ее руках, она вертит мною, как хочет, и каждое из совершенных мною преступлений служит ей» [7, с. 22].

В результате процесса воспитания и самовоспитания человек становится членом общества, удобным для окружающих. Запреты и ограничения необходимы для сдерживания природных склонностей человека к агрессии.

Проблему запретов и ограничений человеческой свободы де Сад поднимает практически во всех своих произведениях. Его рассуждения о необходимости следовать инстинктам, заложенным в человека природой, сводятся к тому, что истинно свободный человек

должен отказаться от соблюдения норм морали, предписаний религии и не должен подчиняться законам. Именно в запретах, искусственно созданных людьми, де Сада видит главную преграду к всеобщему счастью.

Ж. Батай также отмечал значимость роли ограничений в жизни человека. Среди множества запретов, влияющих на жизнь человека, Ж. Батай выделял два наиболее значительных: запрет, связанный со смертью, и запрет сексуальности. Преодоление запрета Ж. Батай обозначил термином «трансгрессия». В момент трансгрессии, по мнению Ж. Батая, происходит высвобождение «ярости насилия». Он видел ценность садизма в преступлении границ разрешенного.

В статье Н.В. Бунтмана «Нарушение границ: возможное и невозможное», посвященной жизни и творчеству Ж. Батая, отмечено, что в первом издании сборника критических статей «Литература и зло» автор написал на форзаце следующие строки, отражающие содержание произведения: «Люди отличаются от животных тем, что соблюдают запреты, но запреты двусмысленны. Люди их соблюдают, но испытывают потребность их нарушить. Нарушение запретов не означает их незнание и требует мужества и решительности. Если у человека есть мужество, необходимое для нарушения границ, – можно считать, что он состоялся» [3, с. 5].

В работе «Литература и зло» Ж. Батай на основе анализа произведений восьми писателей (Маркиза де Сада, Уильяма Блейка, Эмили Бронтэ, Шарля Бодлера, Жюль Мишле, Марселя Пруста, Франца Кафки и Жана Жене) пытается доказать, что настоящий писатель не должен ограничивать себя в своем творчестве в угоду обществу, диктующему необходимость соблюдения множества законов и нравственных предписаний. Ж. Батай видит в творчестве указанных писателей стремление к свободе и смелость в проявлении чувств. Отмечая противоречивость высказываний Сада о зле (от оправдания до осуждения), Ж. Батай говорит о мар-

кизе как о человеке, «действительно любящем зло» и стремящемся во всех своих произведениях «сделать зло желанием» [3, с. 80].

В произведениях де Сада неоднократно упоминается, что люди от рождения имеют неравные права. Он считал неравенство естественным, так как оно установлено природой. Именно из неравенства, по мнению де Сада, рождается упорядоченность во всех мировых системах. «Мир не просуществовал бы и минуты, если бы люди были во всем одинаковы». [7, с. 308].

Материальное неравенство, считает де Сад, задумано природой. Одни люди по воле природы стремятся к получению наслаждения и к удовлетворению своих желаний, другая природа наделяет склонностью к меланхолии, чтобы они могли «извлекать мрачное наслаждение из слез отчаяния». Причем де Сад подчеркивает преднамеренность создания силами природы такого типа людей. «Есть творения, коих природа создает лишь для того, чтобы обрушивать на них несчастье за несчастьем» [9, с. 297].

Позиции, имеющей явное сходство с взглядами де Сада относительно вопроса материального неравенства людей, придерживался основатель философии индивидуалистического анархизма Макс Штирнер. В работе «Единственный и его собственность» он пишет: «Как будто богатые виновны в бедности нищих, и будто бы бедняки не виновны в богатстве имущих! Разве различие между богатыми и бедными не сводится к различию между способными и неспособными, к различию между умеющими и не умеющими взять?» [10, с. 170].

Рассуждения де Сада на тему материального неравенства людей сводятся к тому, что богатство является основанием для нарушения личных границ других людей. Богатый человек вправе использовать чувства и тела бедных людей для удовлетворения своих страстей. Де Сад не признает необходимости соблюдать границы дозволенного, когда речь идет о получении удоволь-

ствия. Он считает, что ради достижения желаемого результата, можно пожертвовать не только здоровьем, но и жизнью других людей. Ж. Батай в работе «Литература и зло» пишет о де Саде: «Ему подвластен лишь один способ вырваться из многочисленных рамок: разрушение себе подобного (в этом разрушении границы нам подобного существа отрицаются)» [3, с. 89].

В работе «Суверенность» Ж. Батай дает свое понимание о неравенстве людей. Философ условно делит людей на рабов и суверенов. Суверенность, в понимании Ж. Батая, есть феномен, противоположный рабству и подчинению. Различие между этими двумя категориями состоит, прежде всего, в отношении к труду и богатству. Раб трудится и производит богатства, а суверен потребляет богатства и не занят трудовой деятельностью. Существенное различие между рабом и сувереном Ж. Батай видит в характере потребления продуктов производства. Раб, находящийся в непрерывном процессе производства материальных благ, в то же время не имеет возможности использовать их в полной мере. Он вынужден ограничивать себя потреблением продуктов первой необходимости, без которых невозможно жить и трудиться. Суверен же, напротив, потребляет сверх своих потребностей, ему достается избыток производства. Суверен потребляет «по ту сторону пользы» [4, с. 313]. Наличие всего необходимого – непереносимое условие перехода к суверенной жизни. Переходя из категории рабов в категорию суверенов, человек ощущает, как перед ним открываются возможности, которые «не оправданы пользой» [4, с. 314].

Одним из ключевых моментов, отличающих раба от суверена, Ж. Батай считает различие в способе использования времени. Рабы используют настоящее время, ориентируясь на будущее, ведь в условиях постоянной нехватки жизненно важных ресурсов люди этой категории вынуждены вести непрерывный расчет и трудиться настолько интенсивно, насколько это необходимо,

чтобы обеспечить себе возможность жить и трудиться в будущем. Суверены не обеспокоены будущим в такой мере, так как обеспечены всем необходимым. Они имеют возможность использовать настоящее время, не заглядывая в будущее – жить настоящим.

Из различия в способе использования времени вытекает существенная разница в отношении к смерти, ведь страх смерти, по мнению Ж. Батая, связан с проецированием себя в будущем. Такого рода проецирование приводит человека к непрерывному ощущению тревоги. Раб, который вынужден постоянно думать о будущем, невольно впадает в «смертную тревогу». Суверен в значительной мере избегает такой тревоги, так как гораздо реже задумывается о будущем.

Ж. Батай отмечает склонность суверена к «игре необдуманных чувств», к числу которых он относит соперничество, престиж, мятеж и нетерпимость к запрету. Предметом запрета выступает в первую очередь смерть и убийство. Суверен стремится преодолеть все ограничения и получить от этого процесса наслаждение. «Границы придают страсти судорожный порыв, которого она не имеет в животном мире; этот чисто человеческий порыв... ведёт к изощренности в наслаждениях и в жестокости, которая стала возможной лишь как обратный результат цивилизации и запретов» [4, с. 331].

Суверенность рассматривается Ж. Батаем как «отказ принимать пределы» [4, с. 332]. В первую очередь речь идет об отрицании чувств, «которые внушает смерть». Убийство – способ, с помощью которого суверен утверждает свое право на нарушение границ дозволенного.

Подобные идеи мы видим у де Сада: «Каждому человеку дано право распорядиться жизнью себе подобного и пользоваться этим правом настолько, насколько позволяют ему это силы, дарованные природой» [8, с. 165].

Проблема связи насилия и эротизма рассматривается и в произведениях де Сада, и в работах Ж. Батая.

Эротика трактуется Ж. Батаем как «утверждение жизни в самой смерти». Он не отрицает роль эротика и как утверждения жизни, отводя должную роль репродуктивной функции эротика. В качестве подкрепления своей точки зрения Ж. Батай приводит цитаты Сада: «Нет ни одного либертинца, хоть сколько-нибудь искушенного в грехе, который не знал бы, как сильно убийство воздействует на чувственность», «нет лучшего способа освоиться со смертью, чем соединить её с какой-нибудь либертинской затеей» [4, с. 494].

Ж. Батай не отрицает, что в случае де Сада мы имеем дело с извращенной чувственностью. Но при этом он выражает сомнение относительно того, что причиной такого рода сексуальности обязательно будет болезнь. Он допускает, что «в парадоксе Сада проявляется некая истина» [4, с. 495]. Более того, Ж. Батай предполагает, что в этой истине может стать основой для представлений общества о жизни и смерти. Он утверждает, что бытие нельзя рассматривать без учета наличия у людей порывов страсти.

Как и Сад, Ж. Батай говорит о «непрерывности, которая служит образованию нового организма, основанного на смерти, исчезновении отдельных организмов» [4, с. 497].

Рассуждения Ж. Батая о трех формах эротика: телесной, сердечной и сакральной – базируются на понятиях о непрерывности и дискретности. Непрерывность проявляется в связи человека с бытием и нежелании эту связь прерывать, а дискретность рассматривается как «смертная индивидуальность» (люди живут вместе, а умирает каждый сам по себе). Человека страшит тот факт, что уничтожение его «дискретной индивидуальности» неизбежно. [4, с. 499].

Подобно Саду, Ж. Батай утверждает, что «область эротика есть область ярости, насильственных нарушений» (Эротика, стр.498) Разрушение границ дозволенного является, по мнению Ж. Батая, необходимым условием

доступа в область эротика. В работе «Из истории эротизма» он пишет: «Эротизм фактически включает в себя лишь область, отграниченную нарушением правил» [2, с. 96].

Любая эротическая практика нацелена на «разрушение структуры замкнутого существа». Эротика в телесной форме проявляется как процесс раздевания, обнажения. Объект в данном случае чувствует некое смятение из-за того, что в его дискретное существование вмешиваются извне. Как субъект, так и объект преодолевают чувство замкнутости и приобщаются таким образом к непрерывности.

Эротика разрушает «дискретный порядок отдельных личностей». Различие в суждениях Сада и Батая заключается в том, что Сад считает, что «дискретная жизнь обречена на исчезновение», в то время как Ж. Батай предлагает ввести в мир, основанный на дискретности, «всю непрерывность», на которую этот мир способен. [4, с. 500].

Если телесная эротика имеет материальное проявление в виде реальных действий (раздевание), то сердечная эротика – явление духовное. В такой форме эротика проявляется как стремление к душевной близости, как стремление быть вместе с объектом любви. Ж. Батай подчеркивает, что в проявлении сердечной эротика важную роль играют страдания. Сила нежных чувств к любимому человеку, можно сказать, пропорциональна силе страданий, который испытывает влюбленный. Значимость объекта любви определяется степенью страдания субъекта. Ж. Батай считает, что и здесь смерть играет существенную роль. В случае не взаимной любви, влюбленный зачастую готов убить объект своей страсти, это представляется ему предпочтительней, чем расставание, особенно в том случае, если любимый достанется кому-то другому. Деструктивный импульс может быть направлен человеком и на себя самого. «В человеке заложен какой-то непреодолимый эксцесс, толкающий его к разрушению... этот союз с гибелью имеет некое сакральное значение... желание

истреблять кажется нам сакральным» [5, с. 626].

Страсть неизбежно ведет к страданию, по мнению Ж. Батая, так как она является стремлением к невозможному: «непрерывности двух дискретных существ» [4, с. 502].

Ж. Батай рассматривает смерть как выход к сакральному и связывает ее со сферой эротики. В работе «Внутренний опыт» Ж. Батай пишет: «В смерти соединяются, неистовствуют отвращение и пылкая обольстительность» [1, с. 155]. «Жизнь, посвящая себя смерти, подобна страсти любовников» [1, с. 136]. «Половое слияние – компромисс, полумера между жизнью и смертью» [6, с. 615].

Смерть способна уничтожить дискретное существо, но она никак не влияет на непрерывность бытия, ведь оно существует вне людей. «Непрерывность бытия независима от смерти, и даже наоборот, именно в смерти она и проявляется» [4, с. 503]. Ж. Батай считает, что на основе данного утверждения строится идея религиозных жертвоприношений, которые философ сравнивает с эротическими действиями. В результате торжественного обряда жертвоприношения у всех участников таинства возникает ощущение причастности к сакральному непрерывному. Жертва обряда в этот момент прекращает существовать как дискретное существо и переходит в сферу непрерывности. В работе «Внутренний опыт» Ж. Батай пишет: «Лишь умирая...я вижу разрыв, который составляет мою природу, и через который я выходил за пределы того, что существует» [1, с. 134]. Внутренним опытом Ж. Батай называет собственный мистический опыт, который включает в себя пребывание в состояниях экстаза, восхищения и мыслительного волнения. Достигнуть подобных состояний возможно путем драматизации собственного существования. Опыт представляется Ж. Батаю «путешествием на край возможности человека».

Рассуждения Ж. Батая и де Сада о проблеме жизни и смерти имеют

много общего. Сходство заключается в том, что смерть рассматривается как источник жизни: чтобы возникли новые живые существа необходимо гниение мертвых существ, которые освободят субстанцию, необходимую для новой жизни. «Жизнь – это всегда продукт разложения жизни» [4, с. 527]. «Смерть одних соотносится с рождением других, в конечном счете, являясь его условием и предвестием» [2, с. 62].

Творчество де Сада оказало заметное влияние на Ж. Батая. Философские взгляды Ж. Батая на проблемы жизни и смерти, человека, насилия и эротизма во многом опираются на идеи де Сада. Оба философа высказали мысль о непрерывности бытия, ощущение которого возникает как результат эротического действия.

Литература

1. Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. – 336 с.
2. Батай Ж. История эротизма. – М.: Логос, 2007. – 200 с.
3. Батай Ж. Литература и зло. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 166 с.
4. Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с.
5. Батай Ж. Сад и нормальный человек / Ж. Батай // Батай Ж. «Проклятая часть»: сакральная социология / пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с.
6. Батай Ж. Суверенный человек Сада / Батай Ж. «Проклятая часть»: сакральная социология / пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с.
7. Маркиз де Сад. 120 дней Содома, или Школа разврата. – М.: Издательство «Э», 2018. – 480 с.
8. Маркиз де Сад. Жюстина, или Несчастья добродетели. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 288 с.
9. Маркиз де Сад. Эрнестина и другие новеллы. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. – 412 с.
10. Штирнер М. Единственный и его собственность. – М.: Рипол-Классик, 2007. – 460 с.

**EROTICISM AS AN ACCESS TO
THE CONTINUITY OF BEING IN
PHILOSOPHY GEORGES BATAY AND
THE MARQUIS DE SADE**

Kozlova E.A.

Don State Technical University

The article examines the philosophical views of Georges Batay and the Marquis de Sade on the problems of life and death, man, violence and eroticism. The philosophical ideas of G. Batay and de Sade on the natural origin of man, the role of prohibitions and restrictions in people's lives. The problem of inequality is highlighted, and the scheme of dividing people into the categories of "slaves" and "sovereigns" proposed by G. Batay is considered. The similarity of the views of de Sade and G. Batay on the problem of the connection between violence and eroticism. The types of eroticism, according to the classification proposed by G. Batay, are considered. In the framework of the analysis of the philosophical views of de Sade and G. Batay on the problem of life and death noted the independence of death from the continuity of being: the ability of death to destroy a discrete being, but not to affect the continuity of being. Based on the views of philosophers, eroticism is presented as an access to the continuity of being. Conclusions are drawn about the influence of de Sade's work on the philosophical views of G. Batay.

Keywords: Marquis de Sade, Georges Batay, sovereignty, eroticism, continuity of being.

References

1. Batay G. Internal experience. – St. Petersburg: Axiom, Mithril, 1997. – 336 p.
2. Batay G. History of eroticism. – Moscow: Logos, 2007. – 200 p.
3. Batay G. Literatura and zlo. – Moscow: MSU Publishing House, 1994. – 166 p.
4. Batay G. The Cursed Part: sacred sociology. – Moscow: Ladomir, 2006. – 742 p.
5. Batay G. The Garden and the Normal Person / J. Bataille // Bataille J. "The cursed part": sacred sociology / translated from the French by S.N. Zenkin. – Moscow: Ladomir, 2006. – 742 p.
6. Batay G. The Sovereign Man of the Garden / Bataille J. "The cursed part": sacred sociology / translated from the French by S.N. Zenkin. – Moscow: Ladomir, 2006. – 742 p.
7. Marquis de Sade. 120 days of Sodom, or the School of debauchery. – Moscow: Publishing House "E", 2018. – 480 p.
8. The Marquis de Sade. Justine, Or the Misfortunes of Virtue. – St. Petersburg: Azbukaklastika, 2004. – 288 p.
9. Marquis de Sade. Ernestine and other novels. – Moscow: AST: Astrel: Polygraphizdat, 2011. – 412 p.
10. Stirner, M. The only one and his property. – Moscow: Ripoll-Classic, 2007. – 460 p.

Технология формирования источниковой базы исследования образования как социального феномена

Вихман Виктория Викторовна,

кандидат педагогических наук, кандидат технических наук, доцент кафедры философии факультета гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет
E-mail: vvv@smc.nstu.ru

Данная статья нацелена на решения проблемы поиска/создания теоретико-методологических оснований формирования источниковой базы исследования социального феномена образования, представленного в его теоретических интерпретациях. Проблемная ситуация осложняется тем, что теоретические представления образования, являя собой наличный теоретический контекст исследуемого социального феномена, носят полидисциплинарный, разнородный и подчас непроясненный характер. Причина полидисциплинарности наличного теоретического контекста образования связана с тем, что образование – объект разнообразного корпуса научных дисциплин (например, педагогика, психология образования, философия образования и т.д.). В свою очередь, разнородность кроется в субъективных аспектах присущих исследователям познающих образование (например, наличие профессионального тезауруса), непроясненность – в отсутствии какого-либо формализованного представления о том, что можно отнести к теоретической интерпретации, а что не может претендовать на таковую. В результате мы сталкиваемся с противоречием между: наличием потребности осуществления теоретической рефлексии образования, представленного в его полидисциплинарных теоретизациях и отсутствием теоретико-методологического инструментария отбора последних среди всего представленного их многообразия. Предполагается, что разработка авторской технологии отбора теоретических полидисциплинарных источников для последующего теоретического познания образования позволит ввести в научный оборот специальный теоретико-методологический инструментарий формирования источниковой базы любого изучаемого социального феномена, представленного в его теоретических интерпретациях.

Ключевые слова: образование, теоретическая интерпретация, источниковая база, полидисциплинарность, социальный феномен, конструирование.

Введение. Первичный анализ наличного теоретического контекста (все многообразии научных трудов) социального феномена образования показал, что результаты теоретической рефлексии последнего характеризуются явным методологическим разнообразием [1, 2]. Очевидно, что исследователи, работающие в различных предметных областях педагогики, психологии образования, социологии образования, философии образования, экономики образования, культурологии образования, истории образования, антропологии образования, формируют теоретический контекст образования, основанный на принятых и/или устоявшихся в конкретной дисциплине теоретических конструктах, фактически следуя за сложившимся в данной области исследовательским нормам и традициям.

Постановка задачи. Наличный теоретический контекст изучаемого социального феномена представлен не только во всем своем теоретическом многообразии, но и в состоянии явной неупорядоченности и разноформатности его теоретических интерпретаций. Это затрудняет применение корпус данных теоретизаций как есть в качестве источниковой базы исследования, т.е. в том состоянии в котором он находится. Для преодоления данного состояния, необходимо разработать такой исследовательский подход способный: с одной стороны, выступить специализированным инструментарием формирования источниковой базы исследования любого социального феномена, представленного в его несистематизированных и полидисциплинарных результатах рефлексий мыслителей, а с другой – предоставить в дальнейшем возможность выявления в последних конструктивных особенностей, свойственных

всем дисциплинарным интерпретациям изучаемого социального феномена.

Методика и методология исследования. Анализируя изучаемый социальный феномен, исследователь конструирует его теоретическое представление, опираясь на дисциплинарные предпочтения, в рамках которой они продуцируют. Получаемые в итоге теоретизации изучаемого социального феномена, суть своеобразные теоретические «дисциплинарные прообразы» образования, которые подчиняются общим закономерностям и способам конструирования любых теоретических умозаключений [4]. Под *способом конструирования* понимается – *мысленная деятельность направленная на формирование теоретического знания об изучаемом социальном феномене, выступающего как опосредованное отражение реального объекта.* Аналитически допускаем три способа конструирования вышеназванных «дисциплинарных прообразов»: во-первых, авторы теоретического контента отдают себе полный отчет в характере и природе применяемого способа теоретического конструирования нового знания на основе сложившихся практик, рефлексий и парадигм; во-вторых, авторы действуют имплицитно по теоретическому наитию (инсайду); и, наконец, в-третьих, имеет место быть смешанный, эксплицитно-имплицитный вариант способа конструирования.

Протокол отбора и анализа теоретического контекста

1. Входные данные

Демонстрация эвристического потенциала предлагаемого авторского подхода осуществляется на примере социального феномена образования. Для осмысления последнего определимся с входными данными для его постижения, с их объемом и способом их сбора и анализа. С этой целью определим *источники данных об объекте изучения, т.е. генеральную совокупность и выборочную совокупность.* В зависимости от объема генеральной совокупности¹ принимается решение либо о ее

полном, либо частичном (выборочном) охвате. К выборочной совокупности в научном познании обращаются в том случае, если генеральная совокупность сложно поддается аналитике целиком по ряду причин: значительное или бесконечно большое число входящих в нее объектов, их территориальной распределённости, дороговизне проведения данной процедуры и огромных временных затрат. Считается что, выборочная совокупность выстраивается такими образом, чтобы по ней можно было судить о всей генеральной совокупности в целом. Немало важным фактом считается и то, что выборка должна иметь репрезентативный характер, т.е. корректно отражать генеральную совокупность.

В научных социально-гуманитарных исследованиях в зависимости от того «количественное» оно или «качественное»² условно существуют два подхода к определению выборки. Случайная (вероятностная) выборка применяется преимущественно для количественных исследований, а неслучайная (невероятностная) выборка для качественных изысканий. Опираясь на два аспекта, во-первых, при случайной выборке необходимо наличие списка объектов генеральной совокупности, а это в нашем случае не представляется возможным в силу их массовости, а во-вторых, в нашем исследовании количественные параметры объекта не играют значимой роли, так как на первом плане находится «углублённое качественное описание» феномена образования, то будем формировать неслучайную выборку [5]. Сразу оговоримся, что и у случайной, и у неслучайной выборки есть свои недостатки. В частности, у неслучайной выборки к которой мы апеллируем, отбор элементов осуществляется на по принципам рандомизации, а субъективно исследователем по определенному им критерию и «оценка точности

критерной задачи и относительно которой делаются выводы об феномене образования

² Под количественным или качественным понимается какие свойства объектов изучаются в исследовании.

¹ Генеральная совокупность – совокупность всех объектов, которые изучаются в рамках кон-

и валидности таких результатов (и выводов в исследовании) остаётся делом субъективных суждений, опыта и теоретических предпочтений» [5, С. 81]. Однако по всем остальным параметрам именно неслучайная выборка отвечает задачам нашего исследования, носящему исключительно качественный характер.

Способом формирования неслучайной выборки принимается метод целевой выборки, наиболее адекватно отвечающий задаче поставленной нами в части познания феномена образования. Во-первых, основная цель данного метода «получить информационно богатые случаи для последующего их глубокого и многостороннего изучения» согласуется с нашей исследовательской потребностью, а во-вторых, сам отбор элементов в неслучайной выборке производится по субъективным критериям, типичным признакам, равного представительства в группе и т.п., что позволяет нам самим задать необходимые для решения нашей «качественной» задачи параметры включения в выборку [5, С. 82].

Отбор теоретических представлений (научных трудов) об образовании, сформированных в научном пространстве, предлагается производить с опорой на ведущие образовательные ориентированные отечественные журналы первой четверти 21 века (за период 2015–2020 гг.). Процедура отбора предполагает, во-первых, не только накопление широкой источниковой базы для специальных аналитических выводов и обобщений, но и фактически являет собой самостоятельный методологический инструментарий выявления, анализа и интерпретации дисциплинарных предметно-ориентированных теоретических суждений феномена образования встречающихся в научном пространстве, как основы для создания авторской концепции конструирования некой теоретической картины исследуемого феномена. Все теоретизации исследуемого социального феномена образования, в соответствии с нашей исследовательской идеологией, мо-

гут быть представлены в научном пространстве не только в явном виде – эксплицитно (т.е. зафиксированные через ключевые слова, понятия и категории в научных трудах, паспортах научных специальностей), но и в неявном – имплицитном виде (т.е. обнаружены опосредованно с употреблением иных терминов). В рамках настоящей работы основной акцент в анализе теоретического контекста феномена образования делается исключительно на двух выше указанных видах теоретических представлений, оставляя за рамками анализа все сложно идентифицируемые теоретизации изучаемого феномена.

Поиск явных и неявных теоретических представлений феномена образования осуществляется для явных теоретизаций с опорой на четко отслеживаемые «образовательные отпечатки»³, а для неявных – интерпретация проводится с помощью анализа зафиксированных в них понятий и категорий. Иными словами, в случае столкновения с явной формой представления теоретизаций феномена образования, мы их фиксируем, анализируем и включаем в авторскую концептуальную интерпретацию. При встрече с неявными теоретизациями, мы подвергаем их более глубокому рассмотрению, на основе контент-анализа с целью выявления в тексте научной работы необходимые и достаточные признаки отнесения их к нашему объекту познания.

2. *Определение генеральной / выборочной совокупности теоретического контекста*

Генеральная совокупность. В качестве генеральной совокупности выдвигается множество всех реальных и потенциальных научных трудов, презентующих теоретические интерпретации феномена образования, зафиксированных в научных источниках. В качестве подобных источников имеются в виду – весь корпус открытых и доступных для теоретического анализа научной поли-

³ Ключевые слова, понятия, зафиксированные в них и паспорта научных специальностей, подтверждающих продуцирование в данной научной области

дисциплинарной периодики, посвященной образовательной проблематике. Обращение к массиву научных источников, в данном случае генеральной совокупности объектов наблюдения/изучения, привело нас к выводу о ее бесконечно огромном междисциплинарном объеме. Это накладывает ограничение на ее полный охват и побуждает нас к осуществлению выборки научных источников для дальнейшего анализа.

С этой целью разбиваем генеральную совокупность (все научные труды по образовательной тематике) на группы (дисциплинарные научные области). Основное требование к дисциплинарной области – она должна быть «образовательно-ориентированная», т.е. изучать феномен образования. Процесс разбиения генеральной совокупности привел к формированию восьми групп научных дисциплин: педагогика, психология образования, социология образования, философия образования, культурология образования, экономика образования, история образования, антропология образования. Основным критерием отбора данных дисциплин послужила их явное отношение к образовательной проблематике, сквозь призму их предметных областей. Далее необходимо определиться с научной периодикой, которая составит базис выборки.

Выборочная совокупность. Отбор в выборку ведущих научных журналов предлагается проводить по нескольким критериям. Первый критерий – лидирующие позиции в рейтинге Science Index (20-ка лучших по цитируемости), при этом источник индексируется ВАК, в Web of Science / Scopus. Вторым значимым критерием отбора – научная специальность. В этом контексте представляется убедительным рассматривать и ориентироваться на следующие направления отраслей наук и/или группы специальностей научных работников, по которым журнал публикует работы: для педагогики «Общая педагогика, история педагогики и образования» и «Теория и методика профессионального образования», для психо-

логии образования «Педагогическая психология», философии образования «Социальная философия», для социологии образования «Социальная структура, социальные институты и процессы», для экономики образования «Экономика и управление народным хозяйством» – стык двух специальностей «Теория и история культуры» и «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности», для истории педагогики и антропологии образования «Общая педагогика, история педагогики и образования»». Это дает нам потенциальную и аргументированную возможность отследить теоретические интерпретации феномена образования, зарождающиеся как в рамках так и на стыке разных образовательно-ориентированных наук.

Особый интерес представляют научные журналы занимающие лидирующие позиции в поддисциплинарных тематиках в контексте изучения феномена образования. Предполагая, что с одной стороны, все входящие в 20-ку лидеров научные источники продемонстрируют характерную для дисциплинарных наук их тенденцию познания феномена, а с другой – перед нами не стоит задача количественных исследований и изучений различных массовых корреляций, то ограничимся тремя ресурсами-источниками. В результате глубокого и всестороннего рассмотрения различных открытых периодических научных журналов по образовательной тематике получаем источники для нашей генеральной совокупности.

Хотелось бы отметить следующий немало важный момент. При отборе научных журналов в тематики «на стыке» наук, например, социология образования, философия образования и т.д., основной акцент делался на объекте, который находился в фокусе воззрений исследователей публикующихся в данном журнале – образовании, т.е. образовательная проблематика должна выступать ключевой для разворачивания полемики в исследуемом научном журнале. Основные трудности

отбора научной периодики в нижеизложенных тематиках (социология образования, философия образования и т.п.) заключалась в том, что специально-ориентированных журналов либо нет либо фиксируются единичные случаи. Например, по философии образования зафиксирован лишь один источник с одноименным названием «Философия образования». Остальные ведущие журналы по философским наукам либо не касаются вообще образовательной проблематики, либо освещают ее внутри направления, связанного с научной специальностью / отраслью науки. Например, философы в основном имплицитно изучают различные аспекты феномена образования в рамках социальной философии. Подобная ситуация наблюдается и с остальными тематическими направлениями. В этой связи, индексированность научного источника в WOS/Scopus отходит на второй план, а ключевым аргументом обращения к журналу и включение его в генеральную совокупность является наличие/отсутствие в нем научных трудов по образовательным темам.

Объём выборочной совокупности (выборки). Теоретический анализ литературы показал, что количество научных трудов в области образовательной тематики превосходит миллион позиций, т.е. бесконечно большое, что весьма затрудняет ее анализ полностью. Исходя из этого принято решение формировать выборочную совокупность, состоящую из отдельных теоретизаций феномена образования, которые полностью характеризуют генеральную совокупность. Мы определились с источниками и их количеством из которых отбираем научные труды (в нашем случае восемь групп по три источника в каждой). Теперь необходимо зафиксировать количество научных рефлексий исследователей относительно их воззрений на феномен образования, который будет отобран из данных источников.

Обратим внимание на существенный аспект. С одной стороны, наше исследование проводится исключительно относительно качественных характери-

стик объекта (феномена образования) и это не требует от нас четкого количественного выражения объема выборки – «для определения объема выборки в качественных исследованиях не существует особых критериев или норм. Объем выборки должен устанавливаться на основе потребности в информации» [6]. Однако, с другой стороны весьма затруднительно осуществлять исследование без относительного понимания «а сколько достаточно объектов проанализировать, чтобы составить мнение о генеральной совокупности?». Предлагается в качестве возможного компромисса и внесения элемента ясности в данном вопросе, опереться на методику определения объема выборки социального философа В.И. Паниотто, которая гласит, что при допустимой ошибке 5% и доверительной вероятности 0,954 (принятой в социально-гуманитарных исследованиях), а также бесконечно великом объеме генеральной совокупности (что имеет место быть в нашем случае) достаточно сформировать выборку, включающую 400 элементов наблюдения [7]. Принимаем данную цифру объема выборки (количество научных трудов взятых для анализа) за основу и двигаемся далее.

Квоты на количество элементов анализа (научных трудов, входящих в выборку для каждой дисциплинарной научной области). Исходя из логики, что все восемь выделенных ранее групп должны быть представлены в равных долях в выборке, то определим квоту в 50 элементов анализа (научных трудов) от каждой дисциплинарной области (400 научных трудов в выборке делим на 8 групп).

Результаты. Для решения задачи анализа всего многообразия теоретических интерпретаций феномена образования, т.е. при наличии бесконечно огромного объема генеральной совокупности, мы получаем выборочную совокупность из 400 элементов наблюдения, из не менее чем 24 научных источников (ведущие научные периодические журналы). Отметим, что мы не акцентируемся на количестве научных

трудов из каждого источника (журнала) в пределах одной группы, главное, чтобы их общее количество совпало с квотой (50 источников от одной группы). Определенные нами источники (научные труды) теоретизаций феномена образования формируют полидисциплинарное научное пространство, анализ которого в дальнейшем предоставит необходимый аналитический материал для выделения особенностей дисциплинарного конструирования исследователей.

Выводы. В социально-гуманитарном познании возникают проблемные ситуации, связанные со спецификой исследуемого социального феномена. В частности, это проявляется при изучении социального феномена на уровне теоретизаций и идеализаций, а также когда он является объектом научных притязаний полидисциплинарных исследований (например, образование). Полидисциплинарная фокусировка на объекте постижения влечет за собой как правило зарождение массива не столько неупорядоченных, сколько разноплановых и разноформатных теоретизаций одного и того же социального феномена. Это в свою очередь затрудняет исследования социального феномена в таком состоянии. Решение видится в создании такой авторской технологии, которая с учетом вышеобозначенной специфики теоретических представлений социального феномена образования способна не только на их изыскание и упорядоченность, но и на дальнейшее выявление особенностей конструирования любых его теоретизаций, присущие «образовательно-ориентированным» дисциплинарным наукам.

Литература

1. Вихман В.В. Феномен образования в интеллектуальных сетях // Социология. 2020. № 4. С. 256–262.
2. Вихман В.В. Трансдисциплинарное конструирование теоретических образов феномена образования // Философия образования. 2020.

Т. 20, № 2. С. 48–63. DOI: 10.15372/PHE20200204

3. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. Касавин И.Т., М: «Канон +» РООИ «Реабилитация». 2009. 1248 с.
4. Вихман В.В. Локальная архитектура пространства конструирования теоретических прообразов феномена образования: дисциплинарный аспект // Философия образования. 2020. Т. 20. № 4. С. 5–16.
5. Агабекян Р.Л. Математические методы в социологии. Анализ данных и логика вывода в эмпирическом исследовании: Учебное пособие для вузов / Р.Л. Агабекян, М.М. Кириченко, С.В. Усатигов. Ростов н/Д: Феникс, 2005. С. 82.
6. Тараканова В.В., Наумкин Б.И. Формирование выборочной совокупности/ Эксперимент и инновации в школе. 2009. С. 46–49.
7. Паниотто В.И., Максименко В.С. Количественные методы в социологических исследованиях. Киев. Наукова думка. 1982. С. 81.

TECHNOLOGY OF FORMATION OF SOURCE BASE OF RESEARCH OF EDUCATION AS SOCIAL PHENOMENON

Vikhman V.V.

Novosibirsk State Technical University

This article is aimed at solving the problem of finding / creating theoretical and methodological foundations for the formation of a source base for the study of the social phenomenon of education, presented in its theoretical interpretations. The problematic situation is complicated by the fact that the theoretical concepts of education, being the actual theoretical context of the studied social phenomenon, are of a polydisciplinary, heterogeneous and sometimes unclear nature. The reason for the polydisciplinarity of the current theoretical context of education is related to the fact that education is an object of a diverse body of scientific disciplines (for example, pedagogy, educational psychology, philosophy of education, etc.). In turn, the heterogeneity lies in the subjective aspects inherent in researchers who know education (for example, a professional thesaurus), lack of clarity – in the

absence of any formalized idea of what can be attributed to theoretical interpretation and what cannot claim to be. As a result, we are faced with a contradiction between: the presence of the need for the implementation of the theoretical reflection of education, represented in its polydisciplinary theorizations, and the absence of theoretical and methodological tools for selecting the latter among all the diversity presented. It is assumed that the development of the author's technology for the selection of theoretical polydisciplinary sources for the subsequent theoretical knowledge of education will make it possible to introduce into scientific circulation a special theoretical and methodological toolkit for forming the source base of any studied social phenomenon, presented in its theoretical interpretations.

Keywords: education, theoretical interpretation, source base, polydisciplinary, social phenomenon, construction.

References

1. Vikhman V.V. The phenomenon of education in intelligent networks // *Sociology*. 2020. No. 4. pp. 256–262.
2. Vikhman V.V. Education as a transdisciplinary object of scientific theorization: the search for solutions. *Fundamental Aspects of Mental Health*, 2018, no. 3, pp. 75–77.
3. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science* Ch. ed. Kasavin I.T., M: "Canon+" RPOI "Rehabilitation". 2009. 1248 p.
4. Vikhman V.V. Local energetics of the space of constructing theoretical forms of education: disciplinary aspect // *Philosophy of education*. 2020. Vol. 20, No. 4. S. 5–16.
5. Aghabekyan R.L. *Mathematical methods in sociology. Data analysis and logic of inference in empirical research: Textbook for universities* / R.L. Agabekyan, M.M. Kirichenko, S.V. Usatikov, Rostov n / a: Phoenix, 2005, p. 82.
6. Tarakanova V.V., Naumkin B.I. *Sample formation Experiment and innovation at school*. 2009. pp. 46–49.
7. Paniotto V.I., Maksimenko V.S. *Quantitative methods in sociological research*. Kiev. Naukova Dumka. 1982. p. 81.

Концепции «пространства» и «места» в урбанистической философии

Суховская Дарья Николаевна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник, кафедра исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

Ермакова Лариса Ивановна,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, кафедра исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: Miano@pglu.ru

В статье проведен анализ пространств поселений с позиции, согласно которой главным назначением того или иного места в городском теле является описание взаимосвязи между миром и человеком. Каждое место, где побывал человек, оставляет на память о себе определенный комплекс чувств, ощущений в сознании горожанина. Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что пространства города в условиях глобализационных трансформаций, выступают наиболее значимыми площадками реализации потенциала личности. В условиях урбанизированного социума пространство поселения посредством собственного творческого потенциала выступает в роли системы приращения творческих способностей личности, местом ее самореализации, реализации творческого потенциала и формирования ценностных ориентаций.

В статье приведены результаты философской концептуализации связи феномена «пространства» и «места» в городской среде. Авторами рассмотрены вопросы ранней теоретической проблематизации категории «пространство» в работах античных авторов на примере таких концептов, как место, топос, хора. Отдельное внимание в статье уделено рассмотрению концепции «не-места» М. Оже, проанализированы причины возникновения не-мест в городской среде и критерии их выделения. В статье также дана характеристика творческого потенциала городского пространства через такие категории как «социальное пространство города» и «третьи места» сквозь призму гуманистической географии и феноменологии.

Ключевые слова: пространство, место, топос, хора, городское пространство, городская среда, философия города.

Философская концептуализация связи феномена «пространства» и «места» в городской среде

Научная гипотеза исследования предполагает изучение состояния диалектической взаимозависимости между личностью-творцом, присущими ей ценностными ориентациями и пространством поселения [1, с. 34].

Говоря о концепте «пространство» и «место» в гуманитарном знании, необходимо отметить, что рассматриваемые категории чаще всего связаны с фундаментальными измерениями человеческого мира и характеризуют их при помощи специфических нестрогих параметров, таких как «низ», «верх», «окраина» или «центр», «глубина», «поверхность», «близость», «дальность», и др. Подобные параметры фиксируются на уровне обыденного сознания и служат для описания координат и векторов динамики и статики человеческого бытия, описывают пространство онтологии человека.

В рамках нашего исследования нам близко понимание категории «пространство» Н.Е. Ястребовой, утверждающей, что именно «понятие пространства меняет свои контуры в зависимости от той модели мира, которая характерна для общества в целом и находится на перекрестке природных факторов и культурных составляющих. Это понятие помогает интерпретировать формы, в которых человек ментально конструирует мир вокруг себя» [2, с. 219].

Интересным в контексте приведенной цитаты является пример, существующего во французском языке термина «lieu», описывающего часть какого-либо пространства, которая может быть охарактеризована человеком, например, через события, которые имели место в этой части пространства [3]. Таким образом, место представляет собой «ссылку» на реальность, которая

способна принимать духовную или физическую форму.

Уже упомянутый термин «lieu» обладает двумя значениями: в первом он употребляется как «часть пространства, занимаемая каким-либо телом», а во втором понятие «lieu» обозначает «пространство, рассматриваемое само по себе, не в связи с телами, способными находиться в нем» [3]. Следует отметить, что два значения термина «lieu» обладают сходством, так как существует несколько способов охарактеризовать пространство, которое занято телом.

Место, топос, хора

Наиболее ранней теоретической проблематизацией категории «пространство» занимались античные авторы.

Платон и Аристотель говорили о существовании топоса – места с точно определенными географическими характеристиками. Топос является одной из ключевых характеристик и компонент физики Аристотеля: «место не есть ни материя, ни форма, ни протяжение, но то, в чем помещается тело (но не геометрическая фигура), то, что ближайшим образом объемлет это тело. При этом место не меньше и не больше находящегося в нем тела, однако самому телу не присуще и потому есть нечто «внешнее», отличное от тела, определяемое как первая неподвижная граница объемлющего тела» [4, с. 132].

Анализируя работы Аристотеля, мы приходим к выводу, что место является пространственным, трехмерным, мы способны обозначить верх и низ в замкнутом космосе. Помимо прочего, месту присуща некая сила, обуславливающая движение относительно этого места.

Центральным понятием второй концепции определения «места» в античной философии является «хора» – место, которое определено относительно, без точных координат. Аристотель и Платон создали несколько трудов, в которых рассуждали об особенностях понятия «хора» (5, 48–53, 52a, b, d; 53a).

На наш взгляд, понятие «хора» является исторически ограничен-

ным с позиции попытки формализации структуры бытия общества. Помимо этого, понятие «хора» содержит указание о вовлеченности высказываний о социальном пространстве в общественно-пространственный контекст. При рассмотрении «хоры» как пространства необходимо, с нашей точки зрения, учитывать диалектический контекст. Хора является пределом возможностей той или иной концепции

в объяснении категории «социальное пространство», при этом этот «предел» нельзя рассматривать как онтологическое свойство самого пространства (вещь в себе), ни как продукт несовершенства или недостаточности рефлексивного потенциала человека, ни как результат или следствие включенности теоретической рефлексии в процессы преобразования социального бытия. Таким образом, ни одна из теорий не способна дать единой формализации социального бытия, так как само ее существование изменяет бытие, т.е. создание той или иной теории уже является частью общественной практики, способной трансформировать социальные отношения.

Описание и изучение пространства не может не являться частью диалектики социальных отношений и социального пространства, так как в этих взаимоотношениях оно играет важную (революционную или реакцию) роль.

Таким образом, точная величина места определяется с применением картографических терминов, которые могут быть измерены как сами по себе, так и через связь с иными объектами (например, дерево находится на самой высокой точке холма, в подножии которого располагается деревня). Но даже если место определяется точными картографическими терминами, оно не теряет память и дух, с которыми ассоциируется место у человека, посещавшего его или знающего о его существовании.

Таким образом, существует и «хоретический» размер места, являющийся относительным.

Характеристика творческого потенциала пространства

Для рассмотрения творческого потенциала городского пространства необходимо обратиться к нескольким категориям, связанным с формированием творческой городской среды.

Пространство – фундаментальная категория человеческого мышления, отображающая множественный характер существования мира и его неоднородную структуру [6, с. 29]. Существующее множество данных, предметов и объектов, формирует сложный пространственный образ окружающего мира, являющийся необходимым условием ориентации любой человеческой деятельности.

Социальное пространство – один из видов пространства (наряду с физическим и другими); многомерное пространство социальных процессов, социальных отношений, социальных практик, социальных позиций и социальных полей, функционально взаимосвязанных между собой. Философы и социологи под социальным пространством понимают логически мыслимый конструкт, особую среду, в которой осуществляются социальные отношения [7, с. 187].

Третьи места – пространства города, отличные от традиционных площадок реализации потенциала личности (рабочие места и т.д.) [8, с. 178]. Среди особенностей современных горожан, с одной стороны – потребность в широком поле общения, как правило, не ограничиваемом семьей, с другой – обусловленная образом жизни и концентрацией внимания в рабочем процессе, необходимость в регулярной смене атмосферы.

В связи с этим, наличие и разнообразие третьих мест в городской среде – необходимое условие комфорта его жителей. В пределе, все пространство креативного поселения, за исключением зон, информационная ценность которых заключается именно в особенности и неизменности режима коммуникации (например, сакральных объек-

тов), рассматривается как креативное [9, с. 39].

Э. Сурио говорит о существовании художественных объектов в среде города, способных индивидуализировать пространство, выделить его среди прочих и тем самым образовать место. Таким образом, Э. Сурио считает, что «место» в городском теле – это пространство, имеющее в себе объект с чертами уникальности, выделяющий его среди прочих [10, с. 295]. Размер места, который получен в результате измерений, не тождественен ощущаемому размеру места.

Автор художественных произведений из Франции Ж. Перек проводил изучение предметов и мест в городском пространстве, используя для этого знаки времени. Ж. Перек состоял во французском объединении авторов УЛИПО (*Ouvroir de littérature potentielle*) – движении, характерной особенностью которого было рассмотрение людей как функции вещей [11, с. 423]. Члены движения считали, что люди обладают зависимостью от предметов и мест. Одним из самых известных произведений Ж. Перека является издание «Места» – около 300 текстов с описанием 12 мест, находящихся в столице Франции [12]. Каждое из мест имело несколько описаний, составляемых через определенные промежутки времени. Между первым и последним текстом об одном и том же месте проходило 12 лет. Через работу «Места» Ж. Перек пытался обнаружить утраченные образы, которые возникали у различных людей при посещении ими описываемых мест.

Известной является также и книга «Словарь эстетики», написанная Э. Сурио. Рассматривая вопрос о том, какая взаимосвязь существует между реально существующим местом и тем местом, которое есть только в воображении, Э. Сурио ссылается на В. Вордсворта, говорившего о том, что некоторые реальные места могут быть наполнены чувственными переживаниями, из-за чего создается их воображаемый образ, более ценный, чем само реальное место [13, с. 35].

Таким образом, восприятие места не может рассматриваться исключительно как формирование зрительного образа места у человека. Восприятие места представляет собой сложный процесс. Каждый человек имеет свое, индивидуальное восприятие места, которое зависит не только и не сколько от особенностей места, а от субъективных личностных особенностей этого человека, его ассоциаций с этим местом. Как считают приверженцы гуманистической географии, место представляет собой не совокупность географических координат определенной точки, а систему связей между человеком и местом.

Фундаментом для гуманистической географии стала феноменология. Представители гуманистической географии обозначают в качестве собственной главной цели исследование человеческого осознания и понимания того, в каком пространстве он находится. Такое понятие, как «величина (размер) места», в рамках гуманистической географии определяется как «значение, смысл, которыми люди характеризуют пространство» [14, с. 102].

В гуманистической географии постулируется, что без существования прочных подсознательных связей между пространством и человеком пространство не может считаться «местом». Так, немецкий философ М. Хайдеггер в одном из своих трудов [15, с. 306] рассмотрел понятие «мост». Исследователь отметил, что «мост» – это не только оружие, но также и объект, к которому люди проявляют определенное отношение, каким-либо образом воспринимают его. А это, отмечает М. Хайдеггер, доказывает, что «мост» может рассматриваться как «место» с позиций гуманистической географии.

Немецкий философ говорит о наличии нескольких видов восприятия мест. Первым из них становится мимолетное восприятие. Оно осуществляется на значительном удалении от места и представляет собой некоторое подобие фотографии. При мимолетном восприятии мост, скорее всего, отразится

в памяти человека как место с красивым видом, запоминающимся пейзажем.

Следующий вид восприятия – регулярное восприятие. Оно возникает тогда, когда человек регулярно присутствует в одном и том же месте, выполняет в нем какие-либо действия. В качестве примерно можно привести рыбака, ежедневно посещающего место под мостом для рыбной ловли. В восприятии такого рыбака мост – повседневный объект, к которому нельзя «привязать» какое-либо конкретное событие. Воспоминание о мосте у рыбака вызовет определенные эмоции, которые он ежедневно испытывает, встречая восход солнца при утренней заре или относя богатый улов домой. Мост также может восприниматься как место, где случайно произошла встреча, сыгравшая большую роль в жизни одного человека или нескольких людей. В этом случае мосту отводится важное место в воспоминаниях людей, поскольку он всегда будет ассоциироваться с важным жизненным событием. Подытоживая сказанное выше, отметим, что идентичность места образует системой моментов, каждый из которых имеет значимость для отдельного человека или группы людей.

В XX веке М. Оже ввел в оборот такой термин, как «не-место». Антрополог из Франции считал его понятием, противоположным по значению термину «антропологическое место». Как отмечал М. Оже, «не-место» – это пространство, которое без его вовлечения в постиндустриальную экономику не обладает каким-либо смыслом, назначением [16]. Если пространство не считается идентифицирующим или связующим, а также не отмечено каким-либо образом в истории, то оно, по мнению М. Оже, является «не-местом», «место», как считает философ, должно объединять настоящее и прошлое.

Еще одной отличительной характеристикой «не-мест», согласно позиции М. Оже, является то, что они не могут быть пространствами для «встреч». А это значит, что большие простран-

ства, где возможен только «транзит» людей (это, например, развязки для транспорта, переходы под улицами), не могут быть «местами», а являются «не-местами» [16].

Свидетельства о прошлом, как отмечает М. Оже, могут существовать в «не-местах» исключительно как «цитаты». Указатели, которые находятся возле магистралей для движения машин, хоть и обозначают важные с исторической точки зрения объекты, но не являются интересующими людей объектами, поскольку никто их не рассматривает.

Причины возникновения не-мест в городской среде (по М. Оже)

М. Оже считает, что главная причина появления «не-мест» – возникновение «сверхсовременности». «Сверхсовременность» способствует образованию «не-мест» за счет сразу нескольких явлений [17, р. 78].

Во-первых, сегодня происходит такое количество событий, которые не могут быть надлежащим образом и своевременно осмыслены человеком.

Во-вторых, сегодня имеет место т.н. «пространственное изобилие»: в отличие от прошлых веков, когда люди были значительно ограничены в пространстве и сталкивались с существенными сложностями, пытаясь перемещаться по планете, сегодня практически любая точка мира является доступной для посещения.

В-третьих, происходит «индивидуализация ссылок»: каждый человек сталкивается со своим информационным потоком, отличным от тех, что имеют другие люди. Из-за этого у каждого конкретного человека складывается свое, уникальное видение окружающей действительности, отличающееся от взглядов, позиций других людей.

Таким образом, исследователь выделяет место тремя неотъемлемыми признаками: во-первых, оно должно являться связующим, во-вторых, быть идентифицирующим, а также иметь связь с каким-либо событием, нашедшим отражение в истории.

Критерии выделения «места» в городской среде

Рассмотрим все неотъемлемые черты места. То, что место должно быть идентифицирующим, означает следующее: пространство становится местом лишь тогда, когда каким-либо образом характеризует человека. Например, Москва является местом, поскольку факт того, что человек родился и проживает в столице России, вне всякого сомнения, является идентифицирующей чертой для этого человека.

Вторая важная характеристика любого места, согласно позиции М. Оже – то, что оно должно являться связующим. Пространство становится местом лишь в том случае, если оно формирует связь между несколькими элементами окружающего мира.

Например, университет может рассматриваться как место, потому что он связывает студентов и преподавателей, создает пространство, где они обмениваются друг с другом мыслями, взглядами, позициями (иначе говоря, вступают в связь, в которую они могут быть вовлечены только в университете, и ни в каком другом месте).

Наконец, последняя характеристика, которой должно обладать любое место – историчность. Знание того, какой историей обладает пространство, чтобы рассматривать его как место, обязательно. Но пространство, не имеющее никакой истории, не может рассматриваться как место.

М. Оже добавляет по этому поводу: «Историческим, в конце концов, место непременно становится, начиная с момента, когда соединяются две предыдущие характеристики места: место становится идентифицирующим и связующим (диалоговым); историчность места определяется через минимальную стабильность этой связи. Оно является историчным когда те, кто здесь живут, могут здесь встретить знакомые детали... Обитатель антропологического места не создает историю, он живет в истории» [17, р. 90].

Таким образом, история места – это то, что обеспечивает его стабильность.

Благодаря наличию истории возникают ориентиры, необходимые для узнавания человеком мест.

В заключении можно отметить, что места, о которых говорит М. Оже, должны а priori быть гармоничными, в отличие от не-мест [18, с. 334].

Это означает, что гармония пейзажа, которую можно почувствовать в определенных местах, возникает вследствие историчности этих мест, которая определяет наличие идентифицирующих и связующих характеристик места.

Литература

1. Суховская Д.Н. Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Краснодарский университет Министерства внутренних дел РФ. Краснодар, 2016.
2. Ястребова Н.Е. Национальные особенности понятий «пространство» и «время» [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 218–221. URL: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/ (дата обращения: 16.11.2020).
3. Noll S., Sharon & Biehl J. The Routledge Handbook of Philosophy of the City. 2019. [Электронный ресурс] URL.: https://www.researchgate.net/publication/332656151_The_Routledge_Handbook_of_Philosophy_of_the_City (дата обращения: 21.11.2020).
4. Асмус В.Ф. Античная философия: 3-е изд. М.: Высш. шк., 1999. 400 с.
5. Платон. Тимей // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древне-греч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – С. 421–500.
6. Романенко Ю.М. Категории «пространство» и «время» в преподавании философии // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2013. № 4 (5). Т 2. С. 28–31.
7. Шалганова Д.В. Социальное пространство: между социологией и философией // Философские дескрипты. Сборник научных статей под редакцией А.Н. Мельникова. Барнаул, 2014. С. 186–192.
8. Мисонжников Б.Я. Понятие «третьего места» как элемента системы коммунаритаристских ценностей // Управленческое консультирование. 2011. № 2 (42). С. 177–182.
9. Суховская Д.Н. Креативное пространство мегаполиса как новая форма социальности // Управление мегаполисом. 2013. № 6 (36). С. 37–40.
10. Souriau E. Time in plastic arts // The Journal of aesthetics and art criticism. Vol. VII. June 1949. N4. P. 294–307.
11. Seaman B. OULIPO VS Recombinant Poetics. *Leonardo*. 2001. 30 (5): 423–430.
12. Бонч-Осмоловская Т. Порядок, хаосмос, пустота (математические формы и естественно-научные парадигмы «романа» Жоржа Перека «Жизнь способ употребления») // Новое литературное обозрение, 2010, № 106. [Электронный ресурс] URL.: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/poryadok-haosmos-pustota.html> (дата обращения: 22.11.2020).
13. Гайжутис А.Л. Э. Сурьо о предмете эстетики и художественного творчества // ВФ. 1983. № 11. С. 34–45.
14. Urbanc M., Printsmann A., Palang H., Skowronek E., Woloszyn W., Gyuró E.K. Comprehension of rapidly transforming landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th century // Acta geographica Slovenica. 2004. Vol. 44. No. 2. P. 101–131.
15. Хайдеггер М. Мой путь в феноменологию / Перевод В. Анашвили при участии В.И. Молчанова // Логос. 1995. № 6. С. 303–309.

16. Interview with Marc Auge in Barcelona Metropolis Magazine, Autumn, 2009. [Электронный ресурс] URL.: <https://web.archive.org/web/20110829032124/http://www.barcelonametropolis.cat/en/page.asp?id=21&ui=278> (дата обращения: 26.11.2020).
17. Marc Augé, *Non-Places: An Introduction to Anthropology of Supermodernity*, Le Seuil, 1992, Verso, 122 p.
18. Ermakova L.I., Sukhovskaya D.N. Creative industries and areas as tools of global crisis management. В книге: *Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global Crisis Management*. Сер. «Contributions to Economics» Волгоград, 2017. С. 335–340.

THE CONCEPTS OF “SPACE” AND “PLACE” IN URBAN PHILOSOPHY

Sukhovskaya D.N., Ermakova L.I.
Pyatigorsk State University

The article analyzes the spaces of settlements from the position that the main purpose of a place in the urban body is to describe the relationship between the world and man. Every place that a person has visited leaves a certain set of feelings and sensations in the mind of a city dweller. Hypothesis of the study is the assumption that the space of the city in a globalizing world, are the most significant sites of the attainment of human potential. In the conditions of urban society space settlement through creativity acts as the system increments the creative abilities of the individual, the place of its realization, the realization of creative potential and the formation of value orientations.

The article presents the results of the philosophical conceptualization of the connection between the phenomenon of “space” and “place” in the urban environment. The authors consider the issues of early theoretical problematization of the category “space” in the works of ancient authors on the example of such concepts as place, topos, chora. Special attention is paid to the concept of “non-places” by M. Auger, the reasons for the emergence of non-places in the urban environment and the criteria for their allocation are analyzed. The article also describes the creative potential of urban space through such categories as “social space of the city” and “third places” through the prism of humanistic geography and phenomenology.

Key words: space, place, topos, chora, urban space, urban environment, city philosophy.

References

1. Sukhovskaya D.N. Creative space of Russian urban settlements and its influence on the formation of value orientations of the individual. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Krasnodar, 2016.
2. Yastrebova N.E. National features of the concepts of “space” and “time” [Electronic resource] // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. Tambov: Gramota, 2011. No. 8 (14): in 4 ch. Ch. I. C. 218–221. URL: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/ (accessed: 16.11.2020).
3. Noll S., Sharon & Biehl J. *The Routledge Handbook of Philosophy of the City*. 2019. [Electronic resource] URL.: https://www.researchgate.net/publication/332656151_The_Routledge_Handbook_of_Philosophy_of_the_City (accessed: 21.11.2020).
4. Asmus V.F. *Ancient Philosophy: 3rd ed.* Moscow: Higher School of Economics, 1999. 400 p.
5. Plato. *Timaeus* // *Collected works in 4 vols., vol. 3 / Trans. from Ancient Greek; General ed. by A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi; Author of the introductory articles and articles in the notes by A.F. Losev; Note by A.A. Takho-Godi.* – Moscow: Mysl, 1994. – pp. 421–500.
6. Romanenko Yu.M. Categories “space” and “time” in teaching philosophy // *Scientific research and Development. Socio-humanitarian research and technology*. 2013. No. 4 (5). T 2. pp. 28–31.
7. Shalganova D.V. Social space: between sociology and philosophy. Collection of scientific articles edited by A.N. Melnikov. Barnaul, 2014. p. 186–192.
8. Misonzhnikov B. Ya. The concept of “third place” as an element of the system of communitarian values // *Managerial consulting*. 2011. No. 2 (42). pp. 177–182.
9. Sukhovskaya D.N. Creative space of megapolis as a new form of sociality. 2013. No. 6 (36). pp. 37–40.
10. Souriau E. Time in the plastic arts in *Journal of aesthetics and art criticism*. Volume VII. June, 1949 n 4. pp. 294–307.

11. B. Moryak OULIPO v. recombinant poetics. Leonardo. 2001. 30 (5): 423–430.
12. Bonch-Osmolovskaya So the Order chaotic space, void (mathematical shape and natural-scientific paradigm of “novels” Georges Pumping “Life, method of use”) // Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, № 106. [Electronic resource] URL.: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/poryadok-haosmos-pustota.html> (date accessed: 22.11.2020).
13. Gaizutis A. L.E. Curio on the subject of aesthetics and art // VF. 1983. No. 11. P. 34–45.
14. Urbank M., Prinzmann A., Palang H., Skovronek E., Voloshin V., Gyuro E.K. Comprehension of rapidly transforming landscapes of Central and Eastern Europe in the XX century / / Acta geographica Slovenica. 2004. Volume 44. No. 2. pp. 101–131.
15. Heidegger M. My way to phenomenology / Translated by V. Anashvili with the participation of V.I. Molchanov // Logos. 1995. No. 6. pp. 303–309.
16. Interview with Mark Oge in Barcelona Metropolis Magazine, autumn 2009. [Electronic resource] URL.: <https://web.archive.org/web/20110829032124/http://www.barcelonametropolis.cat/en/page.asp?id=21&ui=278> (accessed: 26.11.2020).
17. Marc Augé, Non-Places: An Introduction to Anthropology of Supermodernity, Le Seuil, 1992, Verso, 122 p.
18. Ermakova L. I., Sukhovskaya D.N. Creative industries and spheres as tools of global anti-crisis management. In the book: Overcoming the uncertainty of the institutional environment as a tool of global anti-crisis management. Ser. «Contribution to the economy» Volgograd, 2017. pp. 335–340.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Gorbunova I. Yu., Kravchenko T.P., Shcherbina A.A. Nanoethics and modern society 4

Kravchenko A.I. From Homo Neanderthalensis to Homo Existentialis..... 11

Ermakova E.V. COVID-19: Belgian strain 22

Mukha V.N., Litovka V.A. Russian national identity: discourse of the elites and the mass... 32

Orlova V.V., Perin A.S., Alexandrova Ju.K., Petrov E. Yu., Goyko V.L. Features of the study of the process of forming communities of social networks in the vkontakte network..... 38

Filyasova Yu.A. Perfectionism as a personal type of social behavior 46

Shelopaeva A.M. Comparative analysis of the broadcasting of traditional radio broadcasting and modern online platforms 56

EMPIRICAL STUDIES

Sushko V.A. The feeling quality of life and the value structure of the Russian population 61

Aradashev R.G. Features of the perception of the image of municipal employees 75

Ivanov R.V. Regional youth policy: expert analysis..... 93

Zhuravleva I.A. Features of the development of additional education for children and adults in Russia 103

Tkacheva N.A., Mehrishvili L.L. Social well-being of families in the spatial dimension of the region..... 115

Pruzhinin A.N. Influence of the corporate university on the development of the human capital of companies..... 128

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Balakhnina A.G. State forms of sociological support for the development of agriculture..... 141

Berezovskaya I.P., Kedich S.I. Self-management factors in the behavior of modern youth 148

Malyshev M.A. Formation of social management systems in modern Russia 155

Ravochkin N.N. Everyday life transforming in the COVID-19 realities..... 162

EMPIRICAL SOCIOLOGY

Ryazantsev A.A., Orlova I.A., Orlova V.A. Increasing the country's population is the key to the future..... 171

Timofeeva I. Yu., Lavrova E.V., Komissarova E.A., Fedoskin N.N., Yagneshko M.V. Corruption as a consequence of the privatization of state power..... 181

SOCIOLOGY OF CULTURE

Grunt E.V., Belyaeva E.A., Lebedkina E.G. Deconstruction of Russian university staff's and students' educational practices in the context of the forced transition to distance education 191

Matyushko A.V. To some aspects of hierarchical systems 202

THEORY AND HISTORY OF CULTURE. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Kozlova E.A. Eroticism as an Access to the Continuity of Being in Philosophy Georges Batay and the Marquis de Sade 207

SOCIAL PHILOSOPHY

Vikhman V.V. Technology of formation of source base of research of education as social phenomenon..... 213

Sukhovskaya D.N., Ermakova L.I. The concepts of "Space" and "Place" in urban philosophy 220

